



УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

доктор филологических наук, доцент *Е. В. Шелестюк*

Ответственный секретарь

кандидат филологических наук, доцент *А. А. Селютин*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. И. Бархатов, доктор экономических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Н. Н. Болдырев**, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **А. В. Бузгалин**, доктор экономических наук, профессор (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия); **Е. И. Голованова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Р. М. Качалов**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **А. Б. Невелев**, доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Р. М. Нижегородцев**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **С. А. Питина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор университета Париж-Дофин (Франция); **Н. Л. Худякова**, доктор философских наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **А. Н. Чумаков**, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН (Россия); **П. Элиопулос**, PhD, Университет Пелопонесский, Триполи, Греция, главный редактор научного журнала PAPYRI & DELTI (Греция)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Е. В. Шелестюк, доктор филологических наук, доцент, председатель редакционной коллегии (Челябинск); **Т. В. Борисенко**, кандидат филологических наук, заместитель председателя редакционной коллегии (Челябинск); **Г. К. Валеев**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **Т. А. Воронцова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **И. В. Глухова**, кандидат педагогических наук, доцент (Челябинск); **Е. И. Голованова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. Ю. Двинина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **М. В. Загидуллина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Л. А. Месеняшина**, доктор педагогических наук, профессор (Челябинск); **А. А. Миронова**, доктор филологических наук, доцент (Челябинск); **Л. А. Нефёдова**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **Н. С. Олизько**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **С. А. Питина**, доктор филологических наук, профессор (Челябинск); **О. Ю. Редькина**, кандидат филологических наук (Челябинск); **Ал. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск); **А. А. Селютин**, кандидат филологических наук, доцент (Челябинск)

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов, утвержденный
ВАК Минобрнауки РФ, по отраслям:

экономические науки, филологические науки, философские науки.

Издание включено в базы данных: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129, каб. 350

Адрес редакции научного
направления
«Филологические науки»:
Россия, 454084, Челябинск,
пр. Победы, 162в
Тел.: (351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

С требованиями к оформлению
статей можно ознакомиться на сайте
www.csu.ru

(раздел Наука/Вестник ЧелГУ)

Редакция журнала может
не разделять точку зрения
авторов публикаций

Ответственность за содержание
статей и качество перевода
аннотаций несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-66312
Индекс 33077
в каталоге «Пресса России»

Корректура *О. Е. Шшимаренковой*
Верстка *О. Е. Шшимаренковой*

Подписано в печать 10.09.21.
Выход в свет 17.09.21.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 22,0.
Уч.-изд. л. 17,9.
Тираж 500 экз. Заказ 405.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576



ISSN 1994-2796

ACADEMIC
PERIODICAL

Founded in 1991
№ 7 (453) 2021

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

E.V. Shelestyuk, Doctor of Philology, Associate Professor

Executive secretary

A.A. Selyutin, Candidate of Philology, Associate Professor

EDITORIAL BOARD

V.I. Barhatov, Doctor of Economics, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **N.N. Boldyrev**, Doctor of Philology, Professor (Tambovsky State University named after G.R. Derzhavin, Russia); **A.V. Buzgalin**, Doctor of Economics, Professor (Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Russia); **E.I. Golovanova**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **R.M. Katchalov**, Doctor of Economics, Professor (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); **A.B. Nevelev**, Doctor of Philosophy, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **R.M. Nizhegorodtsev**, Doctor of Philosophy, Professor (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); **S.A. Pitina**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **J. Richard**, PhD, Professor at the Paris-Dauphine University (France); **N.L. Khudyakova**, Doctor of Philosophy, Professor (Chelyabinsk State University, Russia); **A.N. Chumakov**, Doctor of Philosophy, Professor, Leading Researcher at the Institute of Philosophy of RAS, Russia); **P. Eliopoulos**, PhD, University of Peloponnese, Editor-in-chief of the Scientific Journal "PAPYRI & DELTI" (Greece)

EDITORIAL BOARD OF SCIENTIFIC DIRECTION

E.V. Shelestyuk, Doctor of Philology, Associate Professor, Chairman of Editorial Board (Chelyabinsk); **T.A. Borisenko**, Candidate of Philology, Deputy Chairman of Editorial Board (Chelyabinsk); **G.K. Valeev**, Candidate of Philology, Associate Professor (Chelyabinsk); **T.A. Vorontsova**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk); **I.V. Glukhova**, Candidate of Pedagogy, Associate Professor (Chelyabinsk); **E.I. Golovanova**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk); **S.Yu. Dvinina**, Candidate of Philology (Chelyabinsk); **L.A. Mesenyashina**, Doctor of Pedagogy, Professor (Chelyabinsk); **A.A. Mironova**, Doctor of Philology, Associate Professor (Chelyabinsk); **L.A. Nefedova**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk); **N.S. Olizko**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk); **S.A. Pitina**, Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk); **O. Yu. Redkina**, Candidate of Philology (Chelyabinsk); **A.I.A. Selyutin**, Candidate of Philology, Associate Professor (Chelyabinsk); **A.A. Selyutin**, Candidate of Philology, Associate Professor (Chelyabinsk)

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: Ulrich's Periodical Directory; EBSCO's research collections.

The journal is published
12 times per year

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office's address:
of. 350, 129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

"Philology Sciences"
editorial office's address:
162v Pobedy pr.,
Chelyabinsk, 454084, Russia
Tel.: +7(351) 799-70-26
e-mail: russlang@csu.ru

All the requirements
are available on the web-site
www.csu.ru

The Editorial Board may not share
the views of the authors

Authors are responsible
for the article content and quality
of annotations' translation

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies
and Communications
Certificate ПИ № ФЦ77-66312

Index 33077
in catalogue "Russian Press"

Proofreader *O.E. Shishmarenkova*
Imposition by *O.E. Shishmarenkova*

Passed for printing 10.09.21.
Date of publication 17.09.21.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 22.0.
Ac.-publ. sh. 17.9.
Circulation 500 copies.
Order 405. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Богачева Е. А.</i> Лингвопрагматический аспект анализа судебного субдискурса (на материале английского языка)	7
<i>Борисенко Т. В.</i> Актуализация концепта СЕМЬЯ/FAMILY в заголовочных комплексах новостных интернет-газет.	15
<i>Будейко В. Э.</i> О некоторых аспектах исследования графики церковнославянских и русских слов.	22
<i>Бузинова Л. М., Паиковская Н. Д.</i> «Коронные» неологизмы: влияние пандемии COVID-19 на немецкий язык.	33
<i>Валиева М. Р.</i> Форма, семантика и функция глагола в башкирском фольклоре	38
<i>Двинина С. Ю.</i> Роль поликодовых текстов при формировании цифрового имиджа вуза.	47
<i>Дин Ц.</i> Избыточное употребление прописной буквы: корпоративная и ведомственная практика.	52
<i>Дулесов Е. П., Зайнуллина С. Р.</i> Реметафоризация как инструмент дискредитации позиции пропонента (на материале речей российских депутатов начала XX в.)	61
<i>Ермолаева Ю. А.</i> Характеристика человека в русских говорах Башкортостана (на материале имен прилагательных)	69
<i>Замышляева Ю. С.</i> Проблема номинации женщин по профессиональной принадлежности в заголовках современных СМИ.	77
<i>Карпухина Т. П., Луговской А. В.</i> Концепт ISLAND как ценностная константа британской лингвокультуры	83
<i>Ковальчук Л. П., Олизько Н. С.</i> Особенности восприятия СМИ молодыми людьми Челябинской области	93
<i>Майерс-Скоттон К.</i> Рамочная модель матричного языка и переключение кодов в речи билингвов	100
<i>Миронова А. А.</i> Фасцинация & суггестивность: способы воздействия в русских рекламных текстах XIX — начала XX в.	110
<i>Николаиди М. А.</i> Особенности передачи греческого синтаксиса на русский язык в аспекте межкультурной адаптации басенных текстов Эзопа.	118
<i>Поповская В. И.</i> Особенности функционирования гиперссылок в юридическом тексте	125
<i>Селютин Ал. А.</i> Игровой сленг и трансмедийность.	131
<i>Табаква З. П., Моор В. Т.</i> Репрезентация концепта МАСКА в драме М. Ю. Лермонтова «Маскарад»	138

Урванцев Г. В. Образ Челябинска в метатегах, сопровождающих снимки на фотостокке ЕуеЕт.	145
Хохловская О. Г., Грибкова К. Е. Функционально-структурные особенности креолизированных (поликодовых) текстов как средство экземплификации экстремистского содержания	151
Шамахмудова А. Ф. Лингвистическая стратегия вежливости как регулятор вербальных взаимодействий.	159
Шелестюк Е. В., Киль И. П. Имплицитное содержание текста и проблема его перевода (на материале трилогии «Вселенная Элдерлингов» Р. Хобб).	168
Шестакова О. В. Семантика ономатопов дыхания в немецком и русском языках.	180

CONTENTS

<i>Bogacheva E. A.</i> The Linguo-Pragmatic Aspect of Judicial Subdiscourse Analysis (on the example of the English language)	7
<i>Borisenko T. V.</i> Concept Actualization in Headings.	15
<i>Boudeyko V. E.</i> On Some Research Aspects of the Church Slavonic and Russian Scripts.	22
<i>Buzinova L. M., Pashkovskaia N. D.</i> Corona Neologisms: the German Language under the COVID-19 Pandemic Influence	33
<i>Valieva M. R.</i> Form, Semantics and Function of the Verb in the Bashkir Folklore	38
<i>Dvinina S. Yu.</i> Creolized Texts in the University Digital Image	47
<i>Ding Q.</i> Overused Capital Letters: Corporate and Departmental Practices	52
<i>Dulesov E. P., Zaynullina S. R.</i> Remetaphorization as an Instrument to Discredit a Proponent's Position (Based on the State Duma Members' Speeches of the Beginning of the 20th Century)	61
<i>Ermolaeva Yu. A.</i> Human Characteristics Adjectives in the Russian Dialects of Bashkortostan.	69
<i>Zamyshliaeva Yu. S.</i> The Problem of Nomination of Women by Occupation in the Headlines of Modern Media	77
<i>Karpukhina T. P., Lugovsko A. V.</i> The Concept of Island as a Value Constant in British Lingoculture	83
<i>Kovalchuk L. P., Olizko N. S.</i> Peculiarities of the Perception of Mass Media by Young People in Chelyabinsk Region	93
<i>Myers-Scotton C.</i> The Matrix Language Frame Model and Code-Switching in Bilingual Speech.	100
<i>Mironova A. A.</i> Fascination & Suggestivity: Ways of Influence in Russian Advertising Texts of the 19th — Early 20th cc.	110
<i>Nikolaidi M. A.</i> Features of the Transfer of Greek Syntax into Russian in the Intercultural Adaptation of Aesop's Fable Texts	118
<i>Popovskaya V. I.</i> Features of Legal Text Hyperlinks Functioning	125
<i>Selyutin Al. A.</i> Game Slang and Transmedia Process.	131
<i>Tabakova Z. P., Moore V. T.</i> Representation of the Mask Concept in the Drama "Masquerade" by M. Yu. Lermontov	138
<i>Urvantsev G. V.</i> The Image of Chelyabinsk in the Metatags Accompanying the Shots on the EyeEm Photostock	145

<i>Khokhlovskaya O. G., Gribkova K. E.</i> Functional-Structural Features of Creolized (Polycode) Texts as a Means of Exemplification of Extremist Content	151
<i>Shamahmudova A. F.</i> Linguistic Politeness Strategy as a Regulator of Verbal Interaction	159
<i>Svelestyuk E. V., Kiel I. P.</i> The Implicit Content of the Text and the Problem of Its Interpretation (Case Study of Robin Hobb’s Trilogy “Realm of the Elderlings”)	168
<i>Shestakova O. V.</i> Semantics of Respiratory Onomatopes in German and Russian Languages.	180

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА СУДЕБНОГО СУБДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Е. А. Богачева

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия

Статья посвящена определению лингвопрагматической специфики судебного субдискурса, выявлению способов реализации его коммуникативных тактик и стратегий, а также выделению набора функциональных лексических, семантических и синтаксических шаблонов, репрезентирующих судебный субдискурс в языке и современных коммуникациях. Исследование показало, что судебный субдискурс имеет свою специфику в зависимости от сферы реализации, института права и состава участников.

Ключевые слова: *юридический дискурс, судебный субдискурс, институциональное общение, лингвистика, язык и право.*

Введение

Актуальность данного исследования заключается в том, что демократические преобразования влияют на трансформацию системных знаний о праве общества, возрастает необходимость понимания правового языка социумом для государственного регулирования общественных отношений, что требует детального изучения специфических элементов юридического дискурса как формы вербального искусства. Данное исследование способствует более глубокому пониманию языковых взаимодействий в юридической сфере на примере общения участников судебного заседания. Изучение своеобразия коммуникативного взаимодействия людей в рамках судебного субдискурса является требованием современного общества. Дискурсивные данные проанализированы и подкреплены примерами.

Для достижения указанной цели исследования поставлены следующие **задачи**: во-первых, установить баланс юридического и лингвистического параметров в структуре судебного субдискурса; во-вторых, изучить лингвопрагматическую и коммуникативную специфику судебного субдискурса; в-третьих, выявить речевые особенности взаимодействия участников юридического судебного субдискурса. **Методы исследования**: основополагающим является описательный метод исследования, включающий приемы наблюдения, интерпретации, сопоставления и обобщения.

Теоретической базой исследования послужили работы отечественных и зарубежных ученых в об-

ласти теории коммуникации, когнитивной лингвистики, теории текста и дискурса, теории юридического дискурса (Н. Д. Арутюнова, Дж. Брауна, Н. Д. Бурвиковой, Т. А. Ван Дейка, Дж. Граймса, В. Дресслера, Дж. Дюбуа, Р. Р. Исхакова, Н. М. Кожина, В. Г. Костомарова, О. А. Крапивкина, М. Л. Макарова, Л. А. Непомилова, П. Серию, М. Стаббса, В. Е. Чернявской, Д. Шифрина и др.). Теоретическая значимость исследования заключается в разработке методологии лингвопрагматического анализа юридического дискурса. С этой целью авторы акцентируют внимание на эпистемологических последствиях дискурсивности права. Их анализ также показывает возможности и пределы права как социального и лингвистического феномена, который определяется его дискурсивностью. На основе теоретических знаний о природе когниции и ее механизмов осуществляется значимое представление действительности в юридическом дискурсе.

Практическая значимость исследования заключается в том, что результаты исследования могут послужить основой дальнейших разработок по изучению судебного субдискурса, в возможности применения основных положений исследования в лекционных теоретических курсах: по теории текста и дискурса, когнитивной лингвистике, теории коммуникации, теории межкультурной коммуникации, стилистике и интерпретации текста. Результаты и материалы научного исследования могут быть использованы при разработке учебных пособий по теории языка.

Баланс юридического и лингвистического параметров в структуре судебного субдискурса

Сегодня существует множество научных работ, посвященных изучению проблематики юридического дискурса. В связи с развитием юриспруденции закладываются новые теоретические основы, в научном аспекте происходит переосмысление понимания самого права в различных направлениях. Современные реалии влияют на трансформацию системы знаний о праве, направленную на регулирование общественных отношений с учетом потребностей общества.

Для юридического дискурса характерны следующие особенности: тематическая связность, ситуативная обусловленность, динамичность, социальная ориентация, неоднородная структурированность, недискретность [12. С. 20]. При анализе юридического дискурса необходимо учитывать следующие особенности: специфика терминообразования и терминопотребления, параметры определения понятий; особенности речевой ситуации, различия речевых форм, свойственных какой-либо социальной роли участника как субъекта; характерные особенности дискурса, его структурное построение, анализ его формирования в историческом аспекте.

В процессе исследования научных трудов мы выявили, что не существует общего термина «дискурс», который можно было бы рассматривать в различных аспектах. Данное понятие в основном используется специалистами в различных научных областях, тем самым обладает некой многозначностью понимания с различными смысловыми значениями.

Термин «дискурс» в переводе с французского означает «речь» согласно лингвистическому энциклопедическому словарю. Причем данное понятие изучается с различных позиций: как связь текста с достоверностью документационных сведений и языковой идентичностью, как связь с социокультурными, психологическими и другими факторами. Так, по мнению Н. Д. Арутюновой «содержание текста соотносится с реальной исторической перспективной действительностью и повествует о причинно-следственных событиях. Значимую роль оказывают участники как субъекты взаимодействия, от которых зависит, какую они исполняют социальную роль и какую занимают субъектную позицию» [1. С. 136]. Автор утверждает, что дискурс следует понимать как речь, отражающую окружающую действительность жизни [Там же. С. 137].

В научных исследованиях вышеназванного автора дискурс есть реализация разнообразных форм человеческой жизни с помощью языка (интервью, инструктаж, экзаменационный диалог и др.).

Аргументированной представляется точка зрения О. А. Крапивкиной и Л. А. Непомилова, согласно которой юридический дискурс понимается как «совокупность высказываний по вопросам правовой действительности, детерминированных контекстуально (контекстом ситуации и контекстом культуры)» [9]. Юридическая наука ориентирована на актуальные теоретические знания о праве, понимание сущности правовой системы, изучение правовых направлений, подходов. Отметим развитие коммуникативно-информационной теории права (А. В. Поляков), появление юридико-антропологического подхода к праву (О. А. Пучков), формирование своеобразного мировоззрения и интерпретации права, то есть право как диалог (И. Л. Честнов). Реформирование информационной системы знаний способствует умению людей сопоставлять реальные события. Умение оценивать свои права и права других способствует формированию отношения к окружающему. Данные обновления оказывают влияние, собственно, и на науку. Появляются иные правовые категории, требующие новых, порой нетрадиционных механизмов познания права. Соответственно, обновляется парадигма представлений о юридической лингвистике, благодаря чему становится возможным междисциплинарное изучение юридического дискурса.

Таким образом, юридический дискурс рассматривается как объект междисциплинарных исследований. Комплексный подход оказывает значимую роль при осуществлении анализа в использовании методов исследования для достижения необходимых результатов.

Изучением феномена юридического дискурса занимаются психологи, философы, социологи, лингвисты, специалисты по теории коммуникации и, конечно, правоведы. Данный вид дискурса рассматривается в совокупности основ права, фактов истории, психологической абстракции, социальной статистики, профессиональной этики, политологии и др. Следует отметить, что социолингвистика ориентирована на фактическое использование языка с учетом его социальной природы. Помимо диалектных и социолектных вариаций в использовании языка или изучении взаимозависимости языковых форм и социальных категорий, таких как ситуация, институт, возраст, пол, статус, роль или принадлежность к социальной группе, социо-

лингвистика занимается исследованием функционирования языка в дискурсе, особенно в работах У. Лабова [15; 16]. Все чаще признается, что языковые системы и использование языка не являются автономными, а неразрывно связаны с функциями взаимодействия и социальными контекстами вербальной коммуникации: таким образом, языковые и дискурсные формы маркируют их соответствующие социальные параметры, или *указывают* на них [17], и рассматриваются как проявления социального действия определенного рода.

Согласно исследованиям И. В. Таньчевой, в социолингвистике дискурс понимается как «выстраивание процесса взаимодействия между субъектами, то есть его участниками, соответственно, каждый из субъектов является представителем определенной социальной группы, а также обладателем определенного языка, носителем менталитета и субъекта культуры поведения в той или иной ситуации» [11. С. 735].

Опираясь на исследования В. З. Демьянкова, при изучении юридического дискурса следует обращать внимание на статус ролевой позиции каждого индивидуального участника, так как каждый субъект представляет интересы определенной социальной группы и выступает участником институционального общения. Наряду с этим необходимо отметить, что в юридическом дискурсе каждый субъект выполняет конкретную социальную роль, подразумевающую выполнение определенных функций [5]. Соответственно, регулирование отношений в дискурсе между субъектами законодательно закреплено в нормативной базе. Основными типами текстов письменной формы юридического дискурса являются специальные и неспециальные тексты закона [13]. Устная форма юридического дискурса включает ряд субдискурсов, из которых наиболее значим судебный. В нем могут быть задействованы как профессиональные, так и непрофессиональные его участники (представители определенного института правосудия). Каждый гражданин обладает естественными правами, соответственно, правоспособен обрести определенный статус в роли как свидетеля, истца, эксперта, так и присяжного. Для того чтобы быть профессиональным участником дискурса, необходимо освоить специальные институциональные знания, овладеть способностями оперирования правовой информацией и лингвистическими символами. Основным признаком институционального дискурса, по мнению В. И. Карасика, является тот факт, что юридическая ситуация наделена ограничениями по времени юридического диалога, в процессе которого могут

быть представлены как доказательства, так и заблуждения [8]. Определение границ различных видов институционального общения осуществляется условно. Ведь в связи с расширением цифровых технологий видоизменяется и само общение между людьми. Благодаря развитию телевидения и информационной среды коммуникации сглаживаются границы между обыденным и институциональным общением. Институциональным дискурсом могут изменяться границы в связи с личностным восприятием субъекта абстрагированных форм юридической деятельности. Юридический дискурс может преобразовываться в формы институционального общения: политический дискурс, управленческий дискурс и пр.

Таким образом, можно констатировать, что институциональность представляет собой такой признак, интенсивность которого зависит от типологии дискурса. В данном исследовании судебный субдискурс реализуется в коммуникативных общностях институционального типа (нотариальные и адвокатские конторы, суд, прокуратура, полиция).

Лингвопрагматическая и коммуникативная специфика юридического дискурса и судебного субдискурса

В исследованиях Е. А. Богачевой рассматривается структурное содержание категорий юридического дискурса, а именно как юридический дискурс освещает и разрешает юридические вопросы в конкретной области права, как коммуникативная направленность регулирует общественные отношения, как факты превалируют над ценностями в когнитивной определенной деятельности, при возникновении противоречий между индивидом и социумом [2. С. 49].

В плане определения структурных, семантических, коммуникативных особенностей юридического дискурса, по мнению В. З. Демьянкова, значимое влияние оказывают междисциплинарные связи языкознания с антропологией, культурологией, историей религии, политологией и др. [5. С. 89]. Сам по себе юридический дискурс отражается в межинституциональной и межкультурной среде, на основе ценностных институциональных установок политики, религии и экономики. Данный дискурс сосуществует с иными институтами. Имеющиеся разграничения между легитимными и нелегитимными инструментами осуществляют социальный контроль и способствуют построению институциональных отношений [7].

Анализ юридического дискурса показывает, что терминология определений до сих пор разнится. Язык юридического дискурса отличается определенными кодами, символами в связи с соответствием институциональной среде, а речевые жанры судебного разбирательства, согласно Л. А. Введенской, Л. Г. Павловой, представляют собой напутственное пожелание присяжным, озвучивание обвинительной и защитительной речей, возникновение судебных прений, вынесение приговора. Специфичность юридического языка заключается в его репрезентативности, стандартизированной форме высказываний — к примеру, цитирование норм законодательства как клише. Творческая реализация языка характеризуется сочетанием стандартных и эмоционально-экспрессивных средств выражения [3].

С позиции Т. В. Губаевой, язык права может быть представлен в совокупности определенных типов словоупотребления: язык закона, отраженный в нормативном акте, в котором подробно прописаны правовые установления; язык юридической практики, использования права в судопроизводстве, в функционировании основных ветвей власти: законодательной, исполнительной, судебной; язык юридической науки в изучении теории права при комментировании и аргументировании правовых норм и построении правовых теорий; язык правовой пропаганды направленный на массовое правовое воспитание социума [4].

Следует отметить, что в рамках судебного субдискурса изучаются правовые установки коммуникации в процессе информационного и деятельностного взаимодействия субъектов права. Носителями коммуникативного процесса выступают субъекты коммуникации: получатель и адресат. Их детализация определяется характером микросреды общения [10. С. 17—18]. В качестве субъектов рассматриваются лица — участники судебного процесса: судья, адвокат, прокурор, подсудимый, свидетель, присяжные. Целевые установки участников судебного заседания определяют всю аргументированную и эмоциональную структуру судебной речи. Для того чтобы реализовать свои намерения, каждый участник прибегает к своим, наиболее эффективным для данной коммуникативной ситуации стратегиям и тактикам речевого поведения:

— *манипулятивная* — представляет собой манипулирование сознанием адресата посредством коммуникации. Данная тактика наиболее часто используется в судебном дискурсе. Адвокат, к примеру, заинтересован в получении от стороны обвинения нужных показаний свидетеля и выражает

свои мысли особым образом, добиваясь желаемого результата (в опросе подсудимого, допросе свидетелей, прениях сторон);

— *агитационная* — элементами указанной стратегии пользуются в своих показаниях адвокат подсудимого и потерпевший, привлекая внимание собравшихся к излагаемым фактам и убеждая в своей правоте;

— *дискредитирующая* — стратегия чаще всего используется свидетелями, которые, добиваясь собственных целей, могут прибегнуть к даче заведомо ложных показаний;

— *стратегия самопрезентации* осуществляется, как правило, судьей при представлении себя и участников судебного заседания, материалов дела;

— *интерпретирующая* — данную стратегию реализуют практически все участники судебного процесса, кроме судьи и прокурора, интерпретируя выступления в зале суда, а также материалы дела;

— *аргументационная* — указанную стратегию используют государственный обвинитель и адвокат, аргументируя в выступлениях свою точку зрения;

— *стратегия самозащиты* — реализуется подсудимым для доказательства невиновности.

Особенности взаимодействия участников судебного субдискурса

Рассмотрим перечисленные лингвопрагматические стратегии на примере судебного субдискурса, где роли участников ограничены во взаимодействии в ходе судебного разбирательства, так как эти ограничения помогают выявить и понять меняющиеся структуры власти в ходе выступления в зале суда. Судья нередко прерывает действия адвоката, когда считает, что представлено достаточно информации для принятия решения, используя тактику *прерывания*, например:

Judge — Lawyer (While L is talking about the case instead of responding a simple yes or no to a question about paperwork): *Thank you. That's more than I wanted to know.* **Судья — адвокат** (адвокат говорит по делу вместо того, чтобы просто отвечать «да» или «нет» на вопросы о документах): *Спасибо. Это больше, чем я хотел знать.*

Lawyer — Judge: *Your honor, let me clarify a few points. It's very pricey, which by today's standards seems to mean that...* **Ж — Л** — (interrupting) *Don't tell me what I already read. Thank you, I have enough information that I can make a decision.* **Адвокат — судья:** *Ваша честь, позвольте мне прояснить несколько моментов. Это очень дорого, что по сегодняшним меркам, кажется, означает, что...*

Судья — адвокат (перебивая): *He говорите мне то, что я уже читал. Спасибо, у меня достаточно информации, чтобы принять решение.*

Lawyer — Judge: *Apologize, your honor. Адвокат — судья: Прошу прощения, ваша честь* [14].

Такое взаимодействие адвоката и судьи является неотъемлемой частью судебного процесса. Судья в таких ситуациях не позволяет адвокату выходить за рамки своей роли и говорить на темы, не имеющие отношения к поставленной задаче. Таким образом, прерывание речи адвоката следует рассматривать не только как выражение власти, но и как указание на то, что адвокат пытается превысить свои полномочия.

Еще одной важной коммуникативной тактикой, позволяющей реализовать *агитационную стратегию*, является тактика возражений. Возражения — это апелляции к правилам и ограничениям, присутствующим судебному дискурсу в силу специфики природы его вербального исполнения. Адвокаты могут высказывать опасения по поводу того, что часть выступления не была проведена должным образом или что кто-то превысил значимость своей роли. Обычно они выражают это с помощью речевого шаблона «*Возражаю, ваша честь*». Далее происходит указание на то, что, по их мнению, было нарушено:

Lawyer — Judge: *Objection. It does not say that she was beaten. It says that she was grabbed. Адвокат — судья: Возражаю. В нем не говорится, что она была избита. Там написано, что ее схватили.*

Judge — Lawyer: *Sustained. That is misrepresenting the evidence. Судья — адвокат: Поддерживаю. Это искажение фактов.*

Lawyer — Judge: *Objection. She's bringing up something that is not in the petition. Адвокат — судья: Возражаю. Она поднимает вопрос, которого нет в петиции).*

Judge — Lawyer: *Sustained! That is not in the petition. Судья — адвокат: Поддерживаю! Этого нет в петиции.* (Жирный курсив указывает на акцент) [Ibid.].

Принимая решение по возражениям, судья выполняет свои обязанности по поддержанию порядка и целостности работы зала суда.

Дискредитирующая стратегия применяется при взаимодействии адвоката и свидетеля только во время допроса свидетелей. Каждого свидетеля допрашивают по одному адвокату с каждой стороны. Ограничения для этих ролей, пожалуй, самые строгие из всех взаимодействий в судебном

дискурсе. Адвокат должен общаться со свидетелем только с помощью вопросов. Свидетель должен четко отвечать на эти вопросы. Такое общение адвоката и свидетеля во время допроса чаще всего понимается как взаимодействие в зале суда. Уклонение от прямого ответа является обычным явлением в выступлениях свидетелей. Такая тактика наиболее распространена, когда свидетеля просят вспомнить события и людей, имеющих отношение к судебному делу. Свидетели могут уклоняться от ответов во время допроса:

Lawyer — Witness: *That would be incorrect, right? Адвокат — свидетель: Это было бы неправильно, правда?*

Witness — Lawyer: *I think so, yes. Свидетель — адвокат: Думаю, да.*

Lawyer — Witness: *Can we say you left at 11:30? Адвокат — свидетель: Можно сказать, что вы ушли в 11:30?*

Witness — Lawyer: *I guess, I can't be sure. Свидетель — адвокат: Я не могу быть уверенным.*

Lawyer — Witness: *Who was that person? Адвокат — свидетель: Кто был тот человек?*

Witness — Lawyer: *I'm not sure, I don't know. Свидетель — адвокат: Я не уверен, я не знаю.*

Lawyer — Witness: *Mrs. (Plaintiff) ever tell you that she was non-compliant in taking her (medicine name)? Адвокат — свидетель: Миссис... (истец) когда-нибудь говорила вам, что она не согласилась принимать ее? (должность врача).*

Witness — Lawyer: *Well, I don't recall that. Not in my recollection. I think it's in the medical records. Свидетель — адвокат: Ну, я этого не припомню. Думаю, это есть в журнале.*

Lawyer — Witness: *What's the basis of your opinion on this? Адвокат — свидетель: Почему вы так думаете?*

Witness — Lawyer: *Experience. Свидетель — адвокат: Опыт* [Ibid.].

Такое взаимодействие противоречит одному из основных принципов переговоров в зале суда: адвокаты обладают большей властью, чем свидетели. Это говорит о том, что уклонение от прямого ответа происходит не столько из-за разницы в компетентности, сколько из-за содержания, о котором просят рассказать свидетеля, оказывая непосредственное давление.

Заключение

Обобщая сказанное, можно сделать *выводы*, что многие из вышеперечисленных особенностей потенциальных взаимодействий участников

судебного субдискурса не подвергались серьезным лингвистическим исследованиям. Вместе с тем данные особенности включают такие уникальные лексико-семантические и структурно-синтаксические шаблоны, как «Возражаю, ваша честь!», «Поддерживаю!», «Протестую» и др., и используются участниками судебного процесса, а их употребление фиксируется судебным протоколом.

Анализ судебного субдискурса показал, что его коммуникативная направленность определяет уровень влияния социума на личность человека и регулирует правовое поле общественных отношений. Судебный субдискурс обладает специфичностью, а язык права реализует аргументативную функцию. Важную роль в данном случае играет обращение к ценностному выбору определенных действий

участниками судебного субдискурса.

Таким образом, можно говорить о том, что юридический дискурс в целом и судебный субдискурс в частности представляют собой совокупность высказываний по вопросам правовой действительности. Юридический дискурс как институциональный вид дискурса стремится посредством изучения текста и речи решать вопросы о соотношении и взаимодействии индивидуального и социального. В результате изучения различных источников мы выделили следующие стратегии взаимодействия участников судебного процесса: манипуляционная, агитационная, дискредитирующая, стратегия самопрезентации, интерпретирующая, аргументационная и стратегия самозащиты.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Совет. энцикл., 1990. С. 136—137.
2. Богачева Е. А. Юридический дискурс: особенности и основные характеристики // Язык — Коммуникация — Образование: методология исследования и практика преподавания: сб. науч. тр. по материалам II Всерос. науч.-практ. конф., Саратов, 17 марта 2020 г. / под ред. Е. Ю. Балашовой. Саратов: Коваль Ю. В., 2020. С. 48—54.
3. Введенская Л. А., Павлова Л. Г. Риторика для юристов: учеб. пособие. Ростов н/Д.: Феникс, 2002. 576 с.
4. Губаева Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. 2-е изд., пересмотр. М.: Норма: Инфра-М. 2010. 176 с.
5. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // IV Международная научная конференция «Язык, культура, общество». Москва, 27—30 сент. 2007 г.: Пленарные доклады. М.: Моск. ин-т иностр. яз.: Рос. акад. лингвист. наук: Ин-т языкознания РАН; Науч. журн. «Вопр. филологии», 2007. С. 86—95.
6. Исакова Р. Р. Когнитивный аспект реализации субъективно-межличностной модальности в английском судебном дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 27 (165). С. 39—43.
7. Карасик В. И. Ритуальный дискурс // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. С. 157—170.
8. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
9. Крапивкина О. А., Непомиллов Л. А. Юридический дискурс: понятие, функции, свойства // Гуманитарные научные исследования. 2014. № 9. URL: <http://human.snauka.ru/2014/09/7855> (дата обращения 30.10.2020).
10. Нагога О. В. Особенности внешних факторов и языковых средств, образующих жанр «закон» в современном немецком языке / под ред. О. С. Родионовой. Саратов: Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2018. 148 с.
11. Таньчева И. В. Этнокультурная идентичность субъекта // Этнокультурное образование в современном мире: сб. науч. ст. по материалам Всерос. оч.-заоч. науч.-метод. конф. (Саратов, 18—20 апр. 2017 г.) / науч. ред. Е. А. Александрова. М.: Перо, 2017. С. 733—737.
12. Храмова Н. Г. Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения: монография. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2012. 180 с.
13. Шарафутдинова О. И., Поповская В. И. Текст закона: специальный vs неспециальный // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 12 (446). Филологические науки. Вып. 122. С. 172—177.

14. Bauman R. *Verbal Art as Performance*. Long Grove, Illinois. Waveland Press, 1977. 150 p.
15. Labov W. *Language in the Inner City*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1972. 412 p.
16. Labov W. *Sociolinguistic Patterns*. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1972. 344 p.
17. *Social Markers in Speech* / ed. by K. R. Scherer, H. Giles. London: Cambridge Univ. Press, 1979. 412 p.

Сведения об авторе

Богачева Екатерина Александровна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Саратовской государственной юридической академии, Саратов, Россия. kapitolina19@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 7 (453). *Philology Sciences. Iss. 125. Pp. 7–14.*

THE LINGUO-PRAGMATIC ASPECT OF JUDICIAL SUBDISCOURSE ANALYSIS (ON THE EXAMPLE OF THE ENGLISH LANGUAGE)

E. A. Bogacheva

Saratov State Legal Academy, Saratov, Russia. kapitolina19@yandex.ru

The article is devoted to defining the linguo-pragmatic specifics of the judicial subdiscourse, identifying ways to implement its communicative tactics and strategies, as well as identifying a set of functional lexical, semantic and syntactic patterns that represent the judicial subdiscourse in language and modern communications. The scientific novelty of the research lies in an integrated approach to the study of the speech features of the interaction of participants in a legal judicial sub-discourse, which consists in a linguo-pragmatic and discourse analysis of the materials of court cases. The author uses the works of contemporary representatives of Russian and foreign legal and philosophical thought. The study showed that legal discourse in general and judicial subdiscourse in particular have their own specific characteristics depending on the sphere of implementation, the institution of law, as well as the composition of the participants. Thus, the linguistic-pragmatic functions of the judicial sub-discourse are determined by the conditions of the course of legal communication. A set of communicative tactics implements such linguo-pragmatic strategies of interaction between participants in the trial as manipulative, agitational, discrediting a witness, self-introducing, interpretive, argumentative and self-defense strategies.

Keywords: *legal discourse, judicial subdiscourse, institutional communication, linguistics, language and law.*

References

1. Arutyunova N. D. (1990) Diskurs [Diskurs]. *Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya. Pp. 136—137 [in Russ.].
2. Bogacheva E. A., Balashova E. (ed.) (2020) *Yuridicheskij diskurs: osobennosti i osnovnye harakteristiki* [Legal discourse: features and basic characteristics]. *Yazyk — Kommunikaciya — Obrazovanie: metodologiya issledovaniya i praktika prepodavaniya* [Language — Communication — Education: research methodology and teaching practice]. Saratov. Pp. 48—54 [in Russ.].
3. Vvedenskaya L. A., Pavlova L. G. (2002) *Ritorika dlya yuristov* [Rhetoric for lawyers]. Rostov. 576 p. [in Russ.].
4. Gubaeva T. V. (2010) *Yazyk i pravo. Iskusstvo vladeniya slovom v professional'noj yuridicheskoy deyatel'nosti* [Language and law. The art of word control in professional legal practice]. Moscow, Norma. 176 p. [in Russ.].
5. Dem'yankov V. Z. (2007) *IV Mezhdunarodnaia nauchnaia konferenciia "Iazyk, kul'tura, obshchestvo"* [IV International Scientific Conference "Language, Culture, Society"]. Moscow. Pp. 86—95 [in Russ.].
6. Iskhakova R. R. (2009) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 27 (165), pp. 39—43 [in Russ.].

7. Karasik V. I. (2002) Ritual'nyj diskurs [Ritual discourse]. Zhanry rechi [Genres of speech]. Saratov, College Publ. Pp. 157—170 [in Russ.].
8. Karasik V. I. (2004) Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs [Linguistic circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, Gnozis. 390 p. [in Russ.].
9. Krapivkina O. A., Nepomilov L. A. (2014) *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*, no. 9. Available at: <http://human.snauka.ru/2014/09/7855>, accessed 30.10.2020 [in Russ.].
10. Nagoga O. V., Rodionova O. S. (ed.) (2018) Osobennosti vneshnih faktorov i yazykovyh sredstv, obrazuyushchih zhanr “zakon” v sovremennom nemeckom yazyke [Features of external factors and linguistic means that form the genre “law” in the modern German language]. Saratov, Saratov State Law Academy Publ. 148 p. [in Russ.].
11. Tan'cheva I. V. (2017) Etnokul'turnaya identichnost' sub'ekta [Ethnocultural identity of the subject]. Etnokul'turnoe obrazovanie v sovremennom mire [Ethnocultural education in the modern world]. Saratov, Pero Publ. Pp. 733—737 [in Russ.].
12. Hramcova N. G. (2012) Diskurs-pravovoj analiz: ot teorii k praktike primeneniya [Discourse legal analysis: from theory to practice of application]. Kurgan, Kurgan State Univ. Publ. 180 p. [in Russ.].
13. Sharafutdinova O. I., Popovskaya V. I. (2020) Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 12 (446). *Filologicheskiye nauki*, iss. 122, pp. 172—177.
14. Bauman R. (1977) Verbal Art as Performance. Long Grove, Illinois. Waveland Press. 150 p.
15. Labov W. (1972) Language in the Inner City. Philadelphia, Univ. of Pennsylvania Press. 412 p.
16. Labov W. (1972) Sociolinguistic Patterns. Philadelphia, Univ. of Pennsylvania Press. 344 p.
17. Scherer Klaus R., Giles Howard (eds.). (1979) Social Markers in Speech. London, Cambridge Univ. Press. 412 p.

АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА СЕМЬЯ/FAMILY В ЗАГОЛОВОЧНЫХ КОМПЛЕКСАХ НОВОСТНЫХ ИНТЕРНЕТ-ГАЗЕТ

Т. В. Борисенко

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассмотрены заголовочные комплексы популярных интернет-изданий. В качестве материала исследования использованы данные с сайтов «Российская газета», «Лента.ру», «Нью-Йорк Таймс» и «Уолл-стрит джорнэл». В результате анализа выявлены некоторые признаки концепта СЕМЬЯ/FAMILY в русской и американской лингвокультурах, определен центральный признак, указаны различия в актуализации рассматриваемого концепта. Также отмечены особенности реализации концепта в заголовочных комплексах новостных интернет-СМИ.

Ключевые слова: *концепт, категориальный концепт, лингвокультура, семья, заголовок, заголовочный комплекс, новостная статья.*

Введение

В настоящее время исследователи отмечают тот факт, что семья постепенно теряет свой статус высшей ценности в обществе [1; 4; 5]. В связи с этим возникает острая необходимость укрепления института семьи, восстановления ее статуса [8. С. 115]. Таким образом, актуальность исследования обусловлена современной обстановкой в сфере семейной жизни. Цель статьи — определение и сравнение ведущих признаков концепта СЕМЬЯ/FAMILY в русской и американской культуре, актуализированных в новостных заголовочных комплексах интернет-СМИ. Материалом исследования послужили популярные интернет-издания РФ и США. В работе использованы методы концептуального анализа и анализа дискурса, структурный метод.

Особенности и функции заголовков статей СМИ

Каждая статья обладает определенным набором элементов. Некоторые из них связаны с текстом статьи, но не являются ее частью. Это компоненты заголовочного комплекса. В заголовочный комплекс входят заголовки, подзаголовки, вставки, врезки, анонсы [6. С. 158—159]. Сюда же относятся внутренние заголовки, эпиграфы, вставки и др. [11. С. 238]. Указанные элементы необходимы для передачи основного положения текста, сжатого содержания статьи. Э. А. Лазарева отмечает, что заголовочный ансамбль (комплекс) и его отдельные элементы играют информативно-ориентирующую роль, они позволяют реципиенту получить представление о содержании материалов. На ос-

нове полученной информации читатель принимает решение о необходимости дальнейшей работы с текстом [6. С. 158—159].

Исследователи отмечают, что заголовок несет в себе смысловую нагрузку, обозначает тему материала [6; 11]. Кроме того, заголовки обладают рекламно-экспрессивной, графически-выделительной, эмоционально-оценочной функциями. Названия текста могут вызвать в сознании читателя ряд ассоциаций, связанных с фоновыми знаниями, активизировать «оценочный фон». Заголовок также играет немаловажную роль в процессе восприятия текста. Читающий держит его в поле зрения, что позволяет контролировать понимание материала, интерпретировать его в определенном ключе. После прочтения текста реципиент запоминает заголовок, что позволяет сохранить информацию статьи в сжатом виде [6. С. 160]. Таким образом, проявляется компрессионная функция заголовка как элемента заголовочного комплекса. Такая функция становится актуальной в современном мире из-за обилия информации, которую получают реципиенты [11. С. 240]. Кроме того, заголовки как часть заголовочного ансамбля играют воздействующую роль на читателя. Они представляют собой лаконичную, содержательную единицу, способную заинтересовать реципиента, стать причиной конфликта, создать интригу [Там же с. 241].

В заголовках новостей важными функциями становятся информативная и рекламная. И. В. Высоцкая и П. Н. Кочетков отмечают, что многие реципиенты не дочитывают текст новостного сообщения, поэтому в новостях в первую очередь представляются самые важные данные, а потом

описываются детали событий. Кроме того, читатели интернет-источников нередко получают информацию о событиях только через заголовки, не переходя по ссылке к тексту самой статьи, что повышает роль новостного заголовка интернет-статьи. Исследователи в связи с этим называют интернет-заголовки новостей «новой медийной формой». Еще одной особенностью новостных заголовков в сети Интернет является необходимость использования в них ключевых слов, которые позволяют находить статью через поисковые системы. В то же время заголовок должен оставаться уникальным [3. С. 89—92].

Т. А. Воронцова отмечает, что в заголовке не всегда четко отражены события, описанные в текстах. Это связано со стремлением адресанта заинтересовать читателя, привлечь его внимание «сильнодействующими» языковыми и речевыми средствами. Выделяют преднамеренные и непреднамеренные деформации. К первым относятся такие приемы, как редукция значительных событий, вынесение на первый план второстепенного фактора, выбор синонима, максимально воздействующего на читателя. Непреднамеренные деформации искажают факты событий, описанных в статье, за счет нарушения языковых и речевых норм. Такие изменения смысла особенно актуальны в интернет-пространстве в связи с «оторванностью» заголовка от текста статьи. Деформации заголовков могут привести к потере доверия к источнику информации, снижению авторитета издания [2].

Актуализация концепта в интернет-заголовках новостных СМИ

В нашей работе мы придерживаемся следующего объяснения сущности концепта: концепт — это «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека, оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [12. С. 90].

В содержание концепта входят отдельные концептуальные признаки объективного и субъективного мира. Они отражаются в сознании и отличаются между собой по степени абстракции [7. С. 60]. В целом концепт обладает сложной структурой. З. Д. Попова и И. А. Стернин указывают, что слои концепта перемещаются и изменяются, так как

концепт функционирует и реализуется в разных ситуациях по-разному [10. С. 17]. М. В. Никитин указывает на то, что содержание и структура концепта обусловлены строением окружающего мира, структурой и содержанием деятельности человека в этом мире [9. С. 53].

Мы считаем возможным частично реконструировать содержание концепта через исследование новостных заголовочных комплексов СМИ. Как отмечалось выше, заголовки содержат важную информацию, представленную в статье, что, соответственно, позволит исследователю обнаружить основные признаки рассматриваемого концепта. Кроме того, каждая функция заголовков и заголовочного комплекса позволяет раскрыть дополнительные смыслы, заключенные в концепте. Так, эмоционально-оценочная функция указывает на отношение к концепту, рекламная функция позволяет определить, какие признаки «навязываются» или «внедряются» в сознание реципиента в настоящий момент. Таким же эффектом обладают преднамеренные деформации заголовков. Они подталкивают читателя к необходимой интерпретации текста статьи.

СЕМЬЯ в русских новостных интернет-изданиях

Политика, проводимая государством в направлении развития/изменения семейных ценностей и семьи, в определенной мере отражена в новостных заголовочных комплексах СМИ. Анализ заголовков в таком случае позволяет выявить официально «одобренные», «пропагандируемые» признаки рассматриваемого концепта, которые должны войти в сознание граждан.

Было рассмотрено официальное издание Правительства РФ — «Российская газета» (электронный адрес: <https://rg.ru>). На сайте публикуются государственные документы, освещаются события, приводятся интервью и комментарии официальных лиц. Сайт «Российской газеты» представляет материалы следующих изданий, имеющих печатную версию: «Российская газета», «Российская газета: Неделя», журнал «Родина», региональные тематические приложения, тематические приложения, «Союз. Беларусь / Россия».

Отбор заголовочных комплексов производился путем ввода в поисковой строке лексической единицы *семья*, актуализирующей концепт СЕМЬЯ. Рассматривался период с 01.01.2021 до 01.05.2021. Поисковая система предложила 4651 статью по данному запросу. Такое большое количество статей,

посвященных семье, указывает на внимание государства и власти к институту семьи в стране. При анализе не отмечено ни одной преднамеренной или непреднамеренной деформации заголовков, что говорит о тщательном контроле со стороны редакции над содержанием опубликованных материалов.

В первую очередь обращает на себя внимание обилие заголовков с лексическими единицами, выражающими значения *помощь* и *поддержка* («Где можно получить адресную и продовольственную помощь», «Кого и зачем государство поддерживает продуктами», «Скорая помощь для мамы», «В Ульяновской области дополнительно поддерживают семьи», «Какие меры поддержки полагаются семьям с детьми в 2021 году» и др.). Также обнаружены заголовки, объявляющие о материальной помощи семьям. Это заголовки, в состав которых входят следующие лексемы и их производные: *субсидии, льготы, пособия, пенсии, выплаты, капитал, страховка, бонус* и др. («Минтруд: до нового года выплаты получили 96 % семей с детьми до 7 лет», «Пенсии, пособия и другие выплаты»). Следует отметить также, что встречается несколько статей, осуждающих местные власти за ненадлежащую поддержку семей и обман («Воздушный надел», «Музыка не кормит»). Таким образом, видно, что такой признак, как «нуждающийся в поддержке/помощи», является одним из ключевых признаков рассматриваемого концепта, освещенных в официальных СМИ.

Признакам «материнство» и «забота о ребенке» также уделено большое внимание. В первую очередь они проявляются в заголовках к статьям о материальной поддержке семьи («Многодетные семьи Тюменской области смогут покупать новое жилье», «Деньги для мамы», «Ясли с бонусом»). Помощь в данном случае оказывается именно семьям с детьми, что подчеркивает приоритетность государственной политики в области защиты детства и материнства.

В структуру категориального концепта СЕМЬЯ входит подкатегориальный концепт ДОМ. В заголовках рассматриваемого интернет-издания прослеживается идея необходимости наличия жилья у каждой семьи. В связи с этим признак «свой дом» проявляется в заголовках с лексическими единицами *ипотека, дом, квартира, жилище, жилье, метр, новоселье, этажность* и др. («Метр господдержки», «Субсидии на новоселье», «Дом с видом на поле», «Льготникам хотят выдавать квартиры в новостройках вместо сертификатов»). Сюда же относятся статьи об оказании помощи сельским жителям

(«Оставить, нельзя отбирать!», «Не только на козу»). Здесь в состав концепта ДОМ добавляется признак «своя земля».

Если говорить о содержании заголовков, примечательно то, что не все из них напрямую обозначают тему или проблему, указанную в самой статье. В таком случае необходимо обращать внимание на элементы заголовочного комплекса, в частности на внутренние заголовки. Так, например, заголовок «Мама с большой буквы» требует пояснения: «Зачем семья новосибирских тройняшек с ДЦП ведет свой блог». Такие двусмысленные заголовки используются для привлечения внимания читателя к статье, побуждают его пройти по ссылке для получения более подробной информации.

Очевидно, что возможности сайта влиять на сознание читателей и восприятие ими событий обусловлено большой аудиторией и немалым количеством просмотров. Одним из самых популярных российских новостных интернет-изданий на сегодняшний день является сайт «Лента.ру» (<https://lenta.ru/>). Здесь публикуется информация о происходящем в России и во всем мире. Для анализа были отобраны заголовочные комплексы, предложенные поисковой системой сайта при вводе лексемы *семья*. Поиск был ограничен набором статей, входящих в рубрику *Россия*, и временным промежутком с 01.01.2021 до 01.05.2021. По запросу найдено всего 41 совпадение. В приведенных примерах оставлены орфография и пунктуация издания.

Заголовки журнала в основном представляют собой цитаты участников интервью. Они не всегда выражают главную мысль статьи, а представляют противоположное мнение. Таким образом, в «Лента.ру» важную роль играют подзаголовки и лиды, которые расшифровывают основной смысл.

В издании «Лента.ру» отражен признак «нуждающийся в поддержке/помощи» («Как шведский стол спасет здоровье школьника», «ЖКХ для людей»). Статьи содержат информацию о том, какую помощь предлагают осуществить разные политические партии. Кроме того, обнаружено больше статей, подчеркивающих, что существующее правительство не помогает в сложных ситуациях, а человек должен надеяться на поддержку близких либо неравнодушных людей (волонтеров, например). В основном это статьи о проблемах со здоровьем. В заголовках присутствуют местоимения *сам, себя, я* («Меня никто не спасал, главный спаситель себя — это я», «Я спросила врача: мне завещание писать надо?», «Мне казалось, что на всем свете я одна такая»). Таким образом, в рассматриваемом

издании признак «нуждающийся в поддержке/помощи» раскрывается с другой точки зрения.

Признак «забота о ребенке» выражен слабо. Он актуализируется в заголовочных комплексах статей о тяжелом заболевании детей, либо о детях-сиротах («Я помню, как мы расходимся с Димой, и он плачет», «Старая модель разрушилась»).

В «Лента.ру» отмечены признаки концепта СЕМЬЯ, не проявившиеся в «Российской газете». В частности, признак «здоровье», который также отражен в заголовках о тяжелых заболеваниях и о борьбе с вирусами, в том числе с коронавирусом («Противовирусные действия», «Надо найти источник вируса, иначе все повторится»).

Признак «насилие», по нашему мнению, тесно связан с признаком «нуждающийся в поддержке/помощи» и является его подпризнаком, так как проявляется в порицающих насилие статьях, где авторы подчеркивают необходимость помощи жертвам насилия. Такие заголовки содержат негативно окрашенные слова, лексические единицы со значениями «смерть», «нанесение вреда» («Увидел, что племянница курит, и убил», «Сказал, что найдет их и зарежет», «Все слышали, как ее убивают»).

Итак, анализ интернет-изданий показал, что центральным признаком концепта СЕМЬЯ, реализованным в современных СМИ, является признак «нуждающийся в поддержке/помощи». Многие другие обнаруженные признаки в той или иной мере связаны с центральным. Также отмечено различие подходов редакций рассматриваемых сайтов к актуализации выделенных признаков.

FAMILY в американских новостных интернет-изданиях

Особенностью СМИ в США является то, что в стране нет изданий, принадлежащих правительству. Все средства массовой информации принадлежат различным частным компаниям, которые и определяют политику журнала. Среди популярных изданий, имеющих свою интернет-платформу, — газеты «Нью-Йорк Таймс» (The New York Times с адресом: <https://www.nytimes.com>) и «Уолл-стрит джорнэл» (The Wall Street Journal с адресом: <https://www.wsj.com>). Заголовки на их сайтах играют немаловажную роль, так как доступ пользователей к полным статьям ограничен. Для получения полного доступа необходимо зарегистрироваться и оплатить подписку. Вероятно, это одна из причин, по которой в заголовках и подзаголовках четко отражена содержащаяся в статье информация.

Рассмотрим газету «Нью-Йорк Таймс». Мы отобрали заголовки путем ввода в поисковой строке в разделе US (США) лексической единицы *family*, актуализирующей концепт FAMILY в английском языке. Рассматривался период с 01.01.2021 до 01.05.2021. Поисковая система предложила 1287 статей по данному запросу. Материалы освещают политические и иные события, затрагивающие отдельные семьи или вопросы, так или иначе связанные с семейной жизнью граждан США и иностранцев.

В издании ярко отражен признак «нуждающийся в поддержке/помощи». Он актуализируется в статьях разной тематики, что позволяет отнести его к ядерному признаку концепта FAMILY. Заголовки, актуализирующие данный признак, содержат лексические единицы, указывающие на финансовую, материальную и моральную помощь со стороны государства и различных организаций: *stimulus package/bill, aid, care, save, give* и др. (New Stimulus Package Brings Big Benefits to the Middle Class; Biden Is Giving Childcare “Prime-Time Attention”. Can He Actually Transform It?). Во многих статьях этой группы реализуется также признак «забота о ребенке» (Child Care in Crisis. Can Biden Save It?; Democrats to Unveil up to \$3,600 Child Tax Credit as Part of Stimulus Bill). Признак «забота о ребенке» обнаружен в статьях издания, актуализирующих и другие признаки концепта FAMILY. Он реализуется через такие лексические единицы и их морфологические варианты, как *child, kid, teen*. Кроме того, признак «нуждающийся в поддержке/помощи» проявляется в статьях с признаками «родительство», «материнство», «женщина-мать» (Why Mothers Are Skeptical about All the Promises of Pandemic Aid; Utah Will Require Fathers to Help with Pregnancy Bills).

Внимание правительства к здоровью своих граждан отражено в признаке «здоровье», который актуализирован в заголовках о коронавирусе и абортах (Supreme Court Revives Abortion-Pill Restriction; A Family’s Search for Answers: Did their Brother Die of Covid?).

С признаками «забота о ребенке» и «нуждающийся поддержке/помощи» также тесно связан признак «детское образование». В настоящее время в связи с пандемией острым вопросом остается проблема получения образования. В связи с этим статьи о сложностях современного образования, финансирования учебных заведений, поддержке семей, в которых есть школьники, актуализируют также концепт FAMILY (Biden wants to direct billions

in education funding to community colleges; Missing in School Reopening Plans: Black Families' Trust).

Признак «насилие» выражен в американском издании более ярко, чем в российских СМИ. На сайте поднимаются проблемы, связанные с насилием внутри семьи и со страданиями/борьбой членов семьи в ситуациях, когда над их родственником было совершено насилие. В заголовках таких статей преобладают лексические единицы с отрицательной коннотацией: *violence, arrest, kill* (Louisiana Woman Arrested in Case of Teen Found Dead in a Field; Vice President Harris Expresses Sympathy for Families of Victims).

Следует особо выделить признак «единство», актуализированный в издании. Он проявляется в заголовках разной тематики, подчеркивая значимость объединения и поддержки членами семьи друг друга (Joy, Love, Grief: How It Looks When Families Reunite; Family of North Carolina Man Killed by Deputies Is Shown 20-Second Video).

Для анализа материалов из газеты «Уолл-стрит джорнэл» проведен аналогичный отбор заголовков за период с 01.01.21 по 01.05.2021. Поисковая система сайта не позволяет проводить отбор по темам статьи, поэтому с данного сайта рассмотрены все материалы, предложенные программой на запрос *family* (2506 статей). Часть статей были исключены из анализа, так как не актуализировали непосредственно рассматриваемый концепт, а лишь содержали лексему *family* в тексте.

В результате исследования выделены признаки концепта СЕМЬЯ, актуализированные и в газете «Нью-Йорк Таймс»:

1. «Нуждающийся в поддержке/помощи» — признак реализован в меньшем количестве заголовков, чем в предыдущем американском издании. Вербализован в том числе через лексические единицы *done, allow, give, asylum* и др. Признак актуализирован в нескольких смыслах: поддержка со стороны государства (What Biden Has Done on Taxes, Border, Policing and More), поддержка внутри семьи (When to Give Inheritance Money to Your Kids). Все заголовки отражают вопросы финансовой помощи.

2. «Забота о ребенке», «родительство», «материнство» — объединены общей направленностью. Все признаки актуализируются в заголовках, объявляющих о помощи семьям, указывающих на основные актуальные проблемы, с которыми столкнулись семьи, описывающих порядок действий в определенных ситуациях, рекомендующих товары для данной группы населения. Вербализованы признаки посредством лексических единиц с со-

ответствующими значениями: *mother, mom, pop, child* и т. п. (What to Do if Your Child Is Sick With Covid-19; Lockdowns Starve Mom and Pop).

3. Признак «детское образование» актуализируется через заголовки с лексическими единицами, обозначающими детские учебные заведения (*school, college*), наименования учащихся (*students*) и образовательного процесса (*education*). Например: New York City School Buildings Still Missing 582,000 Students; How Biden's Tax Plan Affects Student Debt.

4. «Здоровье» реализуется в заголовках о пандемии, решении психологических проблем, лечении различных заболеваний (Is Drug Good for Some Alzheimer's Patients?; As Vaccines Flood the U.S., Covid-19 Soars Where Shoots Are Scarce).

5. «Единство» вербализуется в материалах с лексемой *together* и в статьях о британской королевской семье («Together Together»: Parental Instincts; Prince Philip's Funeral Brings Royal Family Together). Признак также актуализируется вкупе с признаком «связь поколений» (A Dad Fights to Bring Back School Sports. His Son Moves On; The Granddaughter Revitalizing Her 94-Year-Old Grandmother's French Design Glory) и с признаком «совместное времяпровождение» (The Family-Friendly Workout to Fight Cabin Fever).

6. Признак «насилие» актуализируется так же, как и в газете «Нью-Йорк Таймс». Примерами могут быть заголовки: Violence Spurs Many Asian-Americans to Activism for First Time; Two Deputies Killed in North Carolina Standoff: Suspect and Two Family Members Also Dead. У данного признака можно выделить подпризнак «интимные отношения»: Sex-Abuse Accusations Roil French Establishment.

В газете «Уолл-стрит джорнэл» также выделены признаки концепта FAMILY, не актуализированные в анализируемом материале газеты «Нью-Йорк Таймс». К ним относятся признаки, раскрывающие разные стороны семейной жизни. Например, «свой дом», «своя земля», «наличие домашних питомцев», «ведение хозяйства». Признаки «свой дом», «своя земля» реализуются в несколько ином свете, чем аналогичный признак в русской культуре. В данном случае он актуализирован в статьях о проблемах, связанных с приобретением/арендой жилья, ростом цен на недвижимость, советами об улучшении жилищных условий (Why Black Homeownership Lags Badly in Minneapolis; These High-Tech Garden Tools Will Do Your Yard Work for You).

Особенно стоит отметить признак, который встретился только в «Уолл-стрит джорнэл», —

«потребительство». Семью рассматривают как субъект потребления. Ей активно предлагаются различные виды товаров и услуг (What to Watch: 10 Shows and Movies to Stream This Weekend; Travel and Tourism Brands Boost Marketing and Tailor Messages). Вероятно, данный признак проявился в газете в связи с тем, что поисковая система данного сайта не позволила исключить рекламные статьи. Предполагаем, что данный признак можно обнаружить и в других русских и американских изданиях.

Выводы

Итак, анализ русских и американских новостных заголовков позволил выявить следующие особенности содержания концепта СЕМЬЯ/FAMILY. В обеих культурах обнаружены аналогичные признаки, реализующие рассматриваемые концепты. Так, в центре внимания стоит признак «нужда-

ющийся в поддержке/помощи». Кроме того, к общим признакам следует отнести «здоровье», «свой дом», «родительство», «забота о ребенке», «материнство», «насилие». При этом наблюдается разное наполнение выделенных признаков в разных культурах. В американских газетах также выделены признаки «единство», «домашние питомцы», «потребительство», «интимные отношения».

В результате исследования определены некоторые особенности реализации признаков концептов в заголовочных комплексах. Один и тот же признак может быть освещен с разных позиций (например, с положительной или негативной оценкой). Заголовок и заголовочный комплекс нередко актуализирует несколько разных признаков концепта. Кроме того, некоторые признаки содержат в себе подпризнаки, которые обладают дополнительным к основному признаку, но более узким содержанием.

Список литературы

1. Булгакова С. А. Кризис семьи и традиционных устоев в современном обществе // *Инновационная наука*. 2016. № 5-1 (17). С. 215—217.
2. Воронцова Т. А. Новостной заголовок как репрезентант события // *Политическая лингвистика*. 2017. № 6 (66). С. 21—25.
3. Высоцкая И. В., Кочетков П. Н. Заголовок интернет-новости как когнитивная модель ситуации // *Вестник НГУ. Сер.: История, филология*. 2018. Т. 17, № 6: Журналистика. С. 89—96.
4. Гурджиян М. В. Кризис семьи в современной России и пути его преодоления // *Общество: филология, история, культура*. 2017. № 1. С. 59—62.
5. Карпова А. В. Кризис формирования семейных ценностей как отражение современного состояния семейно-брачных отношений // *Государственное и муниципальное образование. Ученые записки СКАГС*. 2013. № 3. С. 206—213.
6. Лазарева Э. А. Заголовочный комплекс текста — средство организации и оптимизации восприятия // *Известия Уральского государственного университета*. 2006. № 40. С. 158—166.
7. Маслова В. А. *Когнитивная лингвистика: учеб. пособие*. Минск: ТетраСистемс, 2008. 272 с.
8. Мжельская Е. В. Современные подходы к сущности понятия «семейные ценности» // *Самарский научный вестник*. 2013. № 4 (5). С. 113—116.
9. Никитин М. В. Развернутые тезисы о концептах // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2004. № 1. С. 53—64.
10. *Язык и национальное сознание: Вопросы теории и методологии: коллектив. моногр.* / З. Д. Попова, И. А. Стернин [и др.]. Воронеж, 2002. 314 с.
11. Прохорова К. В. Заголовочный комплекс в медиатексте: особенности функционирования // *Вестник СПбГУ. Сер. 9*. 2012. Вып. 1. С. 238—246.
12. Кубрякова Е. С. *Краткий словарь когнитивных терминов*. М.: МГУ, 1997. 245 с.

Сведения об авторе

Борисенко Татьяна Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. tatiana-tv11@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 7 (453). *Philology Sciences. Iss. 125. Pp. 15—21.*

CONCEPT ACTUALIZATION IN HEADINGS

T. V. Borisenko

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. tatiana-tv11@yandex.ru

This article deals with the means of concept actualization in the Internet news headings. The study is based on the material from popular American and Russian Internet newspapers. Headings reflect important modern features of concepts, namely categorical concept FAMILY. The research showed that Russian and American linguoculture contain similar features of the studied concept. In the center of attention of both cultures is family as an “object of support and care”. Moreover, the author found out some peculiarities of the concept actualization. In Mass Media its features can be represented differently in different cultures. For example, “owning a dwelling” feature is actualized through the idea of supporting and helping families to acquire a place to live in Russian newspapers, while American newspapers show the feature from the position of a consumer. Another point that is worth mentioning is that one heading can actualize several features of a concept. The author also notices that some features have subfeatures that contain additional narrower meaning.

Keywords: *concept, categorical concept, linguoculture, family, heading, newspaper article.*

References

1. Bulgakova S. A. (2016) *Innovacionnaja nauka*, no. 5-1 (17), pp. 215—217 [in Russ.].
2. Voroncova T. A. (2017) *Politicheskaja lingvistika*, no. 6 (66), pp. 21—25 [in Russ.].
3. Vysockaja I. V., Kochetkov P. N. (2018) *Vestnik NGU. Serija: Istorija, filologija*, vol. 17, no. 6, pp. 89—96 [in Russ.].
4. Gurdzhijan M. V. (2017) *Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura*, no. 1, pp. 59—62 [in Russ.].
5. Karpova A. V. (2013) *Gosudarstvennoe i municipal'noe obrazovanie. Uchenye zapiski SKAGS*, no. 3, pp. 206—213 [in Russ.].
6. Lazareva E. A. (2006) *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 40, pp. 158—166 [in Russ.].
7. Maslova V. A. *Kognitivnaja lingvistika [Cognitive linguistics]*. Minsk, TetraSistems. 272 p. [in Russ.].
8. Mzhel'skaja E. V. (2013) *Samarskij nauchnyj vestnik*, no. 4 (5), pp. 113—116 [in Russ.].
9. Nikitin M. V. (2004) *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, no 1, pp. 53—64 [in Russ.].
10. Popova Z. D., Sternin I. A. [et al.]. (2002) *Jazyk i nacional'noe soznanie: Voprosy teorii i metodologii [Language and national consciousness: theoretical and methodological questions]*. Voronezh. 314 p. [in Russ.].
11. Prohorova K. V. (2012) *Vestnik SPbGU. Ser. 9, iss. 1*, pp. 238—246 [in Russ.].
12. Kubrjakova E. S. (1997) *Kratkij slovar' kognitivnyh terminov [Short dictionary of cognitive terms]*. Moscow. 245 p. [in Russ.].

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАФИКИ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИХ И РУССКИХ СЛОВ

В. Э. Будейко

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Тема статьи связана с актуальностью культурологического вопроса об исследовании церковнославянской и русской графики в древних и новых текстах. При исторической близости этих языков и их контекстов отмечены различия в церковнославянской и русской языковых культурах, связанные с некоторыми феноменами графики. В статью включено новое толкование термина фр. *l'arbitraire du signe* как установление языкового предания, или формообразность установления, или формообразность предания. Также сформулировано предложение объединения традиционного аналитического языкового подхода (диалектический материализм или неопозитивизм в языкознании) с теорией системного анализа и синтеза номинализма, концептуализма и реализма.

Ключевые слова: *алфавит, графика, арбитражность знака, рукописная традиция, русский язык, формообразность предания, церковнославянский язык.*

Вводные замечания

Наше исследование предполагает методологическое допущение, а именно: продолжением церковнославянского письменного наследия является русское письмо, которое в ходе собственного, обособленного становления включало некоторые элементы церковнославянские, связанные генетически с письмом среднегреческим. При этом церковнославянский язык и его письменность продолжают своё функционирование в качестве богослужебного языка и письма Русской православной церкви.

Предлагаемая статья посвящена графической форме языкового и словесного знака, который используется в церковнославянском и русском языках. В церковнославянском письме в отличие от русского наличествует достаточно сложная и гармоничная система надстрочных знаков и смысловоразличительных буквенных и диакритических противопоставлений (*антѣстихов*) на основе исторической кириллицы; такая сложность вызвана желанием устранить, избежать омографию и внести в чтение ясное грамматическое и герменевтическое понимание читаемого текста [5. С. 218—219]. Однако в современном русском письме присутствует более 4000 омографов, затрудняющих понимание и истолкование текстов XIX—XXI вв., поскольку не всегда контекст может помочь пониманию напечатанного или написанного [15], что требует дополнительных письменных знаков для устранения данной проблемы.

Форма и содержание словесного знака

Общеизвестно, что у слова есть форма и содержание. Формой слова выступает в устной речи его звуковой, материально явленный аспект; та внешняя сторона, без чего слово не может быть услышано. На письме формой слова оказывается буквенная, письменно-знаковая сторона текста. Заметим, что почти все письменные формы вышеупомянутых языков (буквы, знаки препинания, логограммы, идеограммы, фразеогаммы) являются знаками с точки зрения теории языка, и семиотики в особенности.

Любая форма должна иметь несколько свойств, для того чтобы существовать в языке в качестве части, аспекта, стороны знака. Во-первых, знак должен иметь внешнюю форму или внешняя форма должна быть у знака (материальная форма, воспринимаемая органами чувств, желательна и необходимо, чтобы эта форма воспринималась почти всеми здоровыми людьми, носителями какого-либо языка). Во-вторых, у внешней формы должно быть значение, то есть отношение формы знака к содержанию понятия, или та семантическая среда, становящаяся источником выявления понятийного значения, на которое указывает явно или мысленно человек, представляющий эту форму в каком-либо явном виде. В-третьих, между формой и значением должна быть установлена постоянная, воспроизводимая участниками общения связь, которая есть часть мыслительной языковой и речевой деятельности. В-четвёртых, необходимо наличие не менее двух знаков для этого семиотического феномена, который стали называть не так давно языковой

системой, и т. п. Но и этого недостаточно для того, чтобы эта система существовала долго и плодотворно, то есть развивалась бы в сложное коммуникативное образование. Однако мы вынуждены оставить вне нашего рассмотрения проблему развития языка как самую дискуссионную и осложнённую рядом условий и признаков ещё в XIX в. [13. С. 74—84].

Это пятое свойство возможно назвать арбитранностью (*фр.* l'arbitraire du signe) знака, памятуя о Ф. де Соссюре (1857—1913), который был не совсем правильно понят современниками, поскольку его российские (и ещё ранее советские) переводчики и толкователи называли это свойство «произвольностью языкового знака». Однако в записях Ф. де Соссюра не содержится прямых указаний на так называемую *произвольность знака*. Как доказала Е. П. Иванова в своём критическом исследовании, согласно французским словарям конца XIX — начала XX в. слово *arbitraire* имеет несколько значений: а) категориальный, б) d'institution, установленный, основанный, назначенный, с) навязанный, d) обязательный, то есть непреложный в отношениях, сложившихся между означаемым и означающим, установленный для всех носителей языка в данном состоянии [12]. В XX в. это слово приобрело новые значения: е) произвольный, f) самоуправный, незаконный [8]. Вероятно, в нашем примере имеют место признаки приобретённой энантиосемии во французском языке XX в.

Арбитранность как установленность, непреложность, обязательность знака тоже есть необходимое свойство, для того чтобы знак был принят индивидуально и социалью и потом использовался носителями языка, в противном случае если у знака не будет этого свойства, то знак недолго просуществует в языке, а тем более в религиозном, богослужбном языке народа, который любит своего Бога и готов исполнять Его благую волю. При этом следует напомнить и понять прежде всего, что религиозный язык требует особой взыскательности, доводящей пользователей, то есть говорящих, читающих и пишущих на этом языке, до горней мысли об идеальности, абсолютном сакральном идеале в развитии этой богослужбной языковой системы, где идея развития выражена в служении Богу, Который есть Абсолют, то есть Абсолютный Дух, Вечный (Бессмертный, Бесконечный, Безначальный), Неизменный, Беспредельный, Всеблагий (Всемиловитый), Всеведущий, Премудрый (Всеумудрый), Всемогущий (Всесильный), Вездесущий, Всеправедный (Святый,

Всесовершенный), Вседовольный, Всеблаженный. Из чего явно и осознанно или подсознательно следует тот идеальный образ языка, в котором воплощены самые лучшие проявления языкового творчества и личной гениальности каждого участника этой веры, религии, церкви. Как выразил эту глубокую идею и мысль святитель Лука Войно-Ясенецкий: «Велико и глубоко важно соотношение между духом и формой. В материальных формах ярко отражается дух, присущий материи. И больше того, дух творит формы» [7. С. 72]. Если предполагать, что под духом разумеются духовная причина или причины, порождающие языковую среду, духовное языковое творчество или соборную деятельность всеми творимую, то языковые формы являются выражением этой деятельности и творчества. Разумеется, деятельность и творчество праведных, добрых, совершенных будет являть идеальное устремление к совершенству, а грешных — разрушительное попятное.

Формообразность предания

Для тех, кому русский язык является близким и родным языком, термин «арбитранность знака/формы» мало что говорит, поскольку её внутренняя, этимологическая очевидность и видимость весьма условна и темна. Назовём это свойство установлением языкового предания, или формообразностью установления, или формообразностью предания, ибо внешняя форма очевидна и слышима и, таким образом, постоянно находится под наблюдением органов чувств, она ими воспринимается в первую очередь. Так в своём роде будучи хозяевами своего дома-сознания, мы встречаем слово или же письменный знак по его оформленности, по «своеобразной одежке», а провожается такой знак по уму (по понимаемому содержанию, значению). Но в начале непременно встречается нами внешняя форма (*ср.* эстетическая функция языка), рождая в сознании какое-либо художественное, эстетическое впечатление и образ формы.

Повторимся: знак, слово не существует без формы, слово всегда отягощено какой-либо материальной формой (звуковой, зримой или кинестетической, последняя свойственна языку слепоглухонемых). Форма также необходимо имеет какое-либо содержание (объём формы может быть исчислен, измерен информационно, дискретно в битах, байтах и т. п.), иначе слово утрачивает совокупность свойств знака (см. выше), а потому утрачивает общепринятый логический смысл и значение. Именно поэтому слово есть звук или совокупность звуков,

имеющих значение и использующихся в речи как самостоятельное целое, встроенное в языковую систему, однако устная речь материально является во время общения и лишь в пределах досягаемости здорового слуха при громкости, доступной человеческому голосу. В настоящее время устная речь может быть записана на аналоговых и цифровых носителях и неоднократно может быть воспроизведена.

Графическая форма и её содержание

Предметом нашего рассмотрения является графическая форма, графический образ слова, поскольку звуковая форма — это отдельное сложное явление, требующее самого пристального исследования и изъяснения. Отметим только, что звуковая форма слова имеет свой смысл, соотносимый с некоторым психолингвистическим набором оцениваемых сознанием характеристик, которые отражают сложное восприятие того или иного звука или сочетания звуков [10]. Иными словами, установление языкового предания действует на подсознательном уровне на использующих тот или иной звуковой язык. Особенно это можно проверить и обнаружить в поэтике, в художественном языковом творчестве, которое особенно тонко и изящно может выражать значение и смысл через звуковую форму [11].

Графическая форма письменной речи также может быть исчислена каким-либо объёмом информации. И светская поэзия, и религия используют издавна средства графики для смыслового, психологического и эстетического выражения тех или иных смыслов, а также воздействия на сознание человека (см. экспрессивная и суггестивная функции письма). Следует отметить, что традиционные культуры и религии также весьма неохотно идут на изменение графики своего письма, вероятно, в силу упоминаемого нами выше установления языкового предания, или формообразности исторического установления, или формообразности предания, поскольку материя является самым важным ручательством постоянства языка, так как языковая деятельность обеспечивается сосуществованием антиномии: движения (в силу закономерной реально аналоговой формы словесного знака) и покоя языка (в силу условно, номинально принятой дискретной формы знака).

Современная лингвистическая наука, как правило и к сожалению, ибо это вошло в обыкновение ещё сравнительно-исторического языковедения XIX — XX вв., рассматривает изменение формы как исторический процесс, своего рода эволюцион-

ный, хотя это методологически не доказано, потому что графическая форма в некоторых языках может упрощаться в угоду ленивости пользователей, даже деградировать, смешиваться с разнородными письменными системами, которые пагубно влияют на её самобытность и перспективу становления, а также на закономерное направление развития, сводя её культурный рост к гибели, упадку и переходу на иное письмо победителей, реформаторов и т. п. Не следует забывать и тот факт, что десятки современных языков умирают ежегодно, однако именно письмо с его графикой, очевидной материальной, письменной формой помогает в какой-то мере деволюционирующему языку не умереть. В последнем случае мы имеем в современной истории пред собой достаточно выразительный пример борьбы некоего культурного центра с его окраинами, когда сильный центр поглощает окраины, насильственно подавляя их самобытные проявления, как правило, связанные с выработкой собственной (национальной, диалектной, профанной) внешней и внутренней формы слова и знака. В методологии теории письма такие проявления борьбы сильного центра и слабых окраин связывают с этноцентризмом, а в истории Европы это ясно проявляется и логически связывается с европоцентризмом. Согласно современным международным юридическим документам и фактам, это явление может перерастать в этноцид, то есть в уничтожение культуры какого-либо народа [16. С. 75].

«Мимика — это зрительный язык. Но письмо также зрительный язык, как и вообще всякая система сигналов» [6. С. 21]. Этим высказыванием Ж. Вандриес не случайно ставил рядом эти две системы (мимика и письмо), поскольку они исторически связаны некоторыми логическими и психологическими отношениями. Видимая форма мимики естественным образом связана с выражением чувств, ощущений, мыслей, которые человеквольно или невольно выражает на лице и в жестах. Эта естественность, конечно, может быть сдержана или развита культурой. В истории и теории письма принято допускать, что идеографическое письмо предшествует фонетическому письму. Но в фонетическом письме есть буквы (остаточные знаки), которые в некотором смысле выражают мимику говорящего человека: «о» указывает на форму рта, артикуляцию при произнесении звука [о], «и/и» указывает на особенность высоко поднятого языка своей спинкой к нёбу при произнесении звука [и]. То же возможно указать относительно знаков «л/л/λ», обозначающих звук, производство кото-

рого связано с высоко поднятым и напряжённым кончиком языка, и т. п. В других письменностях также можно найти примеры следов отображения в графике мимики, артикуляции, поскольку сочетание естественного и искусственно-культурного всегда сопровождало процесс становления письменной системы и её отдельных знаковых форм. Замечательно, что в изобразительном искусстве графика своей формой выражает порой весьма глубокое содержание, и графика современной письменности не является исключением, потому что она способна выразить немало смыслов и значений своей формой. Например, начиная с подчёркиваний, линий выделения текста как знаков дейктических (указательных) и эмоциональных, заканчивая обозначением языковых категорий, а также этических и деловых установлений и правил (см., ср. разные формы и образы документов в официально-деловом функциональном стиле).

В большинстве современных европейских языков, насколько нам это известно, больше звуков, чем письменных знаков для их обозначения. И каждая языковая фонетическая страта отражает особенности исторического становления речи и её структуры. Неразумно предполагать, что и письменность того или иного языка, используемая не одно столетие, не отражает национальных особенностей графики, эстетических предпочтений и наработок, идеалов и таинственных идей, на которых могут существовать и функционировать, например, алфавит, графика и даже правописание. Современное письмо Европы есть явление в некоем отношении консервативное, охраняющее национальные и даже государственные особенности и их архетипы, если встречается неслучайное и частое использование одних и тех же знаковых форм в разных положениях в европейских письменностях: E / Э / Ш / т, V / < / > / Λ, И / N / Z. Эта очевидная и упорная повторяемость одних и тех же форм при разных поворотах, возможно, свидетельствует об охранительности форм письма, направленной на сбережение знакового единства, богатства и его исторических возможностей (ср. идея культурной национальной матрицы). В истории греческого алфавита отмечено завидное постоянство количества и формы письменных знаков на протяжении 2500 лет и по настоящее время. В истории латинского алфавита мы видим неизменность и прибавление знаков за последние две тысячи лет с 23 до 25 (включая большое число письменных знаков, осложнённых диакритикой, а также диграфов, триграфов и т. п.), хотя, например, буквы С, К, Q в фонетическом отношении пере-

дают один и тот же звук [k] в разных чередованиях и комбинациях. Некоторая творческая свобода в рождении новых графических форм для латинских букв имела место в Средние века (например, каролингский минускул IX в., беневентанское письмо XI в., готическое письмо с XII в. и т. д.).

Имея в виду общепринятые формы букв латинского и кириллического письма, в начале XX в. И. А. Бодуэн де Куртенэ (1845—1929), сравнивая польский, русский и древнецерковнославянский языки, отмечал существенные отличия в общих тенденциях становления графики польского и русского языков. Он отмечал, что польское письмо отличается от прочих славянских письменных систем своей сложной графикой и диакритикой. И. А. Бодуэн де Куртенэ, используя своеобразную орфографию (здесь мы стараемся точно воспроизвести его орфографию) для того времени, писал: «Различіе простѣйших *писанно-зрительных элементов* и их сочетаній в русском и в польском языковом мышленіи объясняется их разным происхожденіем и исторіей. Различія между польским и русским алфавитом, как с оптической, графической стороны, так и со стороны асоціацій графем с соотвѣтствующими им фонемами, объясняются отчасти различіем времени заимствованія: дц.-го алфавита из греческаго средних вѣков: латинскаго алфавита из греческаго древних времен. К русскому произносительно-слуховому языку дц. кирилловскій алфавит был приноровлен не через изобрѣтеніе новых графем, а только путем своеобразных асоціацій с сочетаніями графем, перешедших в русскій алфавит из дц.-го. Между тѣм приноровленіе греческаго алфавита к дц.-му произн.-сл.-му языку сопровождалось изобрѣтеніем цѣлаго ряда новых графем, совершенно чуждых алфавиту греческому» [3. С. 4]. Отметим и поясним эту любопытную мысль польского лингвиста, что в древнецерковнославянское письмо были внесены дополнительные графемы, которых не было в среднегреческом письме IX—XI вв., тогда как в западноевропейское письмо не было внесено новых графем, а только — латинские знаки с присовокуплением отличительных значков, то есть диакритических значков под или над неизменяемой латинской буквой. Именно поэтому И. А. Бодуэн де Куртенэ пишет:

«Приноровленіе *латинскаго алфавита* к потребностям западноевропейских произносительно-слуховых языков основывалось на сохраненіи его графем без изобрѣтенія новых, но только со слѣдующими видоизмѣненіями:

1) с распаденіем одной латинской графемы на двѣ ($Ii | Jj$; $Uu | Vv$);

2) с удвоеніем одной и той же графемы ($aa, oo, \dots, ss, zz, \dots$), что даже могло создавать новыя цѣльныя графемы (W из VV);

3) с сочетаніем двух или даже трех различных латинских графем при своеобразной асоціаціи такого сочетанія с произн.-сл.-ыми представленіями (sz, sch, \dots);

4) с прибавленіем к недѣлимым латинским графемам отличительных, диакритических значков, в видѣ точек, чѣрточек, хвостиков и даже отдѣльных графем (в исполненіи букв), низведенных на степень простых отличительных значков ($\acute{s} \dots, \acute{o} \dots, \acute{z} \dots, \acute{s} \acute{z} \dots, \acute{c} \dots, \acute{q} \acute{e} \dots, \acute{z}, \acute{h} \dots$)» [3. С. 4—5]. В представленном цитировании здесь мы полностью сохраняем особенности правописания источника. Как видим, по беспристрастному свидетельству польского учёного: за последние две тысячи лет никакое графическое творчество в латинской алфавитизации Европы не допускалось. Несколько иное явление по характеру заимствований мы наблюдаем в русской истории письма (с X в. до 1918 г.):

«В составѣ *русскаго алфавита* или русской азбуки имѣем:

1) Графемы, восходящія, через посредствующее историческое звено кирилловскаго алфавита, к греческим:

а) без всяких сокращеній или же прибавок: *А а, Е е, О о, И и, V v, I i; П п, Т т, К к, Д д, Г г, Ф ф, Ѳ ѳ, С с, Х х, В в, З з, Л л, Р р, М м, Н н*» [Там же. С. 5]. Это замечание не совсем точно и справедливо передаёт характер национального заимствования и перемен, поскольку некоторые элементы этих букв были радикально, то есть даже по характеру начертаний элементов и их совокупности изменены в начале XVIII в. после ряда государственных реформ Петра I, взявшего курс на сближение графики русского гражданского письма (так называемой, имперской гражданницы) с графикой западноевропейского письма, с первоначальной пореформенной близостью к старинной антикве, и с употребленіем латинских форм S и i и т. п. Далее в середине XVIII в. были изъяты из имперской гражданницы «сѣло», «ѣи», «ѣи», напоминавшие греческія формы, а к концу XVIII в. была введена факультативно «ё» вместо диграфа іо. Тогда же появляются особые шрифты (начерки, прописи) переходного типа, весьма подобнаго европейским графическим моделям (шрифты типографій Петербургской академіи наук и Московскаго императорскаго универ-

ситета). Конец XVIII — первая половина XIX в. ознаменовались появленіем шрифтов, графики классическаго типа (особенныя графемы западноевропейских шрифтов Бодони, Дидо, типографіи Селивановскаго, Ревильона). «Начиная с XIX века графика русских шрифтов изменяется параллельно с латинскими, вбирая в себя всё новое, что зарождалось в обеих письменных системах» [18. С. 37]. Новое западноевропейское не значит лучшее, однако налицо явный симбиоз двух графических направлений, когда русское письмо подстраивается под западноевропейское (консервативное по сути письмо итальянскаго, французскаго, латинскаго), сохраняя особенности передачи русских звуковых значеній.

Далее И. А. Бодуэн де Куртенэ продолжает об истории измененія русской графики:

«б) с сокращеніем: *У у* (из *ou*); *в* со сложеніем двух или, точнѣе, трех графем в одну и с пропуском при этом третьей графемы: *Ю ю* (кирилл. Ю из *юу*).

2) Графемы, восходящія к дцсл. кирилловскаму алфавиту, но в нем не заимствованныя прямо из греческаго, а только тѣм или другим способом вновь созданныя, изобрѣтенныя:

а) уже в кирилл. алфавитѣ с самаго начала простыя, не слитныя: *Б б, Ж ж, Ш ш, Ч ч, Ц ц, Ъ ъ, Я я, Ы ы, Ь ь*; б) происшедшія путем сложения двух графем: *Ы ы* (из *ы*), *Щ щ* (из *шт*).

3) Графема, придуманная не так давно самими русскими: *Э э*. В русском письмѣ очень мало отличительных, диакритических значков. К ним принадлежат: 1) *҃* над *И* и в *Й й*. 2) *Ъ ъ* («знак твердый»), *Ь ь* («знак мягкий») [3. С. 5—6].

Заключая своё перечисленіе метаморфоз истории русских алфавитных знаков, польскій учёный приходит к такому весьма общему выводу, отчасти не основанному на предыдущем исследованіи: «*При переходѣ дц.-их кирилловских графем в русское языковое мышленіе совершенно измѣнилась психологія алфавита, родились новыя асоціаціи писанно-зрительных представленій с представленіями произносительно-слуховыми, чуждыя древне-церковно-славянскаму языковому мышленію*» [Там же. С. 6]. Иными словами, что-то из графики всё-таки воздействует на языковое мышленіе, на психологию пользователей.

Касательно польскаго алфавита и его исторіи польскій учёный выразился так: «Всѣ графемы *польскаго алфавита*, с оптической, графическаго стороны, через посредствующее звено нѣмецкаго и чешскаго алфавита восходят к графемам алфавита латинскаго» [Там же]. Заметим, что современнй польскій алфавит содержит 32 буквы, от латинско-

го письма с XII в., а современный чешский алфавит содержит 40 букв, а первые латинские памятники чешского языка относятся к концу XIII в., вероятно, более ранними, IX—X вв., чешскими письменными памятниками были тексты, написанные глаголицей или кириллицей. Итак, добавим, что формообразность установления или формообразность предания в польском или чешском письме соблюдается на протяжении последних 700—800 лет более консервативно, нежели в истории русского письма.

Почему это произошло именно так в истории этих славянских письменностей?

Следует констатировать в связи с этим, что в латинском письме и его алфавитных дериватах отсутствует творчество новых графем, но прибавляются к неизменным графемам дополнительные диакритические знаки (значки). Притом что готическая тенденция сохраняется как легитимно-маргинальная, эстетически факультативная линия письменного творчества. В русском же письме присутствует творчество, создание новых графем, не похожих на греческие знаки, которые должны быть основой знакотворчества. Однако некоторое множество диакритических знаков, заимствованных из среднегреческого письма, остаётся, сохраняется только в церковнославянском письме на протяжении одиннадцати столетий (система титлований, знаки ударения, антистихи, пунктуационные знаки). Это объясняется, по всей вероятности, именно наличием определяемой нами консервативностью, то есть формообразностью предания. В латинской культурной матрице, связанной с религиозным консерватизмом, это сохраняется дольше, нежели в славянской культурной матрице. Надо полагать, что здесь заложена некая глубокая историческая причина или мотивы со своей особой историей и мифом консервативности, коренящейся в католицизме и, быть может, ещё ранее в западноримских (античных) архетипах и культурах письма.

В кириллическом алфавите за последнюю тысячу лет мы можем проследить убавление знаков с 44 (50) до 32 (букву «ё» многие пытаются вывести из употребления и по настоящее время). По существу, это есть медленный, ползущий этноцид русской (славянской) письменной культуры, процесс, использующий манипулятивные приёмы замены письменной культуры на культуру доминирующего западноевропейского центра (латинской матрицы). Примеры манипулятивных основных приёмов, используемых в теории письма, выработаны за последние 300 лет, и они очевидны: письмо — это условный код (то есть если условный

код, то код можно и поменять, этот тезис не доказан, а используется обыкновенно как метафора); дублетные буквы (если дублеты, то есть лишние буквы, — то этими дублетами можно и пренебречь, и убрать и т. п.); сочетание разных принципов орфографии как объективных узаконений (тогда как в основе орфографических принципов лежат те или иные идеи, которые рождаются в лоне той или иной философии, методологии или идеологии; вспомним идеи Петра I и его прозападные реформы культуры). Приведённые приёмы имеют критику с разных сторон, но медленно или революционно реформирующие институты стараются её не замечать, а сторонников критики уничтожают или устраняют разными способами. Такая тенденция имеет объяснение в истории культуры и цивилизации Старого Света, где метафизика фонетического письма (например, латинского буквенного) по сути своей была — по таинственным, но важным причинам, непонятым с точки зрения простого исторического релятивизма, — самым первым и самым мощным этноцентризмом, который стёр и заменил большое число национальных письменностей и их форм (огамическое письмо, футарк, письмо черт и рез и т. п.) в I тыс. н. э. и который ныне навязывает себя всему миру (в виде мировой латиницы) и, таким образом, управляет в рамках единого мирового порядка [9. С. 115].

Графика письма есть немаловажная часть книжного искусства, поэтому изменения или даже реформы графики затрагивают искусство, принадлежащее всему народу, который обладает, использует, творит письменность и письмо. Эстетическая сторона письма является немаловажной частью духовной культуры, духовной жизни общества. Меняя эстетическую сторону письма, власть имущие или учёные в какой-то мере влияют и на духовную жизнь общества. Примером может служить реформа гражданского письма Петра I в начале XVIII столетия с насильственным ограничением употребления церковнославянского письма, приведшая к широчайшим изменениям в духовной жизни русского культурного общества, включая, конечно же, литературную жизнь, а потом и весьма болезненная и тоже насильственная реформа 1918 г., начатая большевиками и приведшая к ещё более глубоким переменам в духовной русской культуре (с последующим господствующим атеизмом, вульгарным мировоззрением, братоубийственной войной, репрессиями и т. д.). Конечно, реформа письма не всегда может быть главной, основной причиной перемен духовной жизни, но немаловажную

партию в этом гигантском мировом концерте она исполняет. Это объяснимо в каком-то смысле общим утверждением, что внешние явления могут быть связаны с духовным уровнем бытия, то есть метафизически, хотя это весьма трудно объясняется на рациональном уровне логики письма, поэтому в объяснении сложных причин должна быть использована и включена методология вероятностной логики, способная объяснить метафизику письма как феномен общественного сознания.

Не менее любопытным остаётся вопрос, почему происходит перемена вида, образа письма с учётом его истории и культурных перемен. Это, пожалуй, самое слабо уловимое, но важное для культуры и очевидное явление на фоне исторических перемен, на фоне упадка философии, богословия, на фоне забвения истории письма и грамматологии остаётся для науки малоизученным феноменом.

Остановимся на графическом (писанно-зримом, рукописном) аспекте письма, выводимом из некоторых неслучайных словарных материалов.

В *др-цсл.* языке понимаемое понятие «вида, начертания, образа письма» встречается в словах: тварь, образъ, трость:

др-цсл. тварь, -и / *ср.* образъ; *рус.* форма, видъ; *чш.* tvar, podoba; *цгрч.* (др-грч.) ποιήσις, εἶδος; *лат.* ὄβρις, ορέρις, η' дѣло, произведение, сочинение, книга, искусство, трудъ, дѣйствие, образецъ: · видѣние колесное · и твари ихъ ꙗко видѣние тарсиско- *цгрч.* καὶ τὸ εἶδος τῶν τροχῶν ὡς εἶδος θαρσις / αὐτῶν [Ез. 1: 16. Pseudoemiarion Grigorovitchianum. XII—XIII вв. ССЯ 2006: 4: 434]; а потомъ не совсемъ правильно понятая идея слова рождаетъ такой неточный переводъ: · н̄ видѣнїе колѣез̄ н̄ сотворѣнїе ихъ, ꙗкѡ видѣнїе д̄арсіа, ... [Ез. 1: 16. Библия 1900: 1033], а потомъ и отходъ отъ перво-образа церковногреческаго текста: *Translatio minus apta*: (С.: Видъ колесъ и устройство ихъ — какъ видъ топаза...).

Мы видим такую прослеживаемую цепочку перевода этого понимаемого понятия из *др-цсл.* в *цсл.* и потом — в *рус.* язык: тварь — образъ — видъ — форма — сотвореніе Божіе — устройство. Творчество нового образа и вида, со-творение нового образа и вида чего-либо связано с устройением чего-либо (как идея порядка), и язык отражает взаимосвязь этих феноменов на разных стратах бытия.

ѡбразъ, -а / образъ, -а — *сущ. м. р. 1.* (*др-цсл.* образъ, -а / *ср.* подобьствїе, начрътанїе, скїма, подобїе, обличїе, *рус.* видъ, образъ; *чш.* podoba, vzhled, vzežení, zjev; *нѣм.* Gestalt; *цгрч.* (др-грч.) σχῆμα, χαρακτήρ, τύπος, μορφή, εἶδος, ὁμοίωσις;

лат. imāgo, figūra, effigies, aspectus, species: иже сын сннанїе славы и образъ тѣльствїа его · *цгрч.* χαρακτήρ [Евр. 1: 3. Apostolus Christinopolitanus. XII в. ССЯ 2006: 2: 484] · Иже сїӣ еїанїе славы и ѡбразъ в̄постасїи єгѡ... [Евр. 1: 3. НЗ 2006: 298] (С.: Сей, будучи сїанїе славы и образъ в̄постасїи Его...) · написавъ єпнстолю, нмѡщїю образъ сь · *цгрч.* τὸν τύπον [Дѣян. 23: 25. Apostolus Christinopolitanus. XII в. ССЯ 2006: 2: 484] · Напис̄а же (н̄) поєл̄анїе н̄м̄щїеє ѡбразъ єїӣ: [Дѣян. 23: 25. НЗ 2006: 185], и снова неправильно понятая идея слова рождаетъ такой переводъ: *Translatio minus apta*: (С.: Написалъ и письмо слѣдующаго содержания.) · ἰδρω̄сть н̄хъ по ѡбразѡу зм̄нїюу · ἰδ̄ко ἄσπнд̄ы глау-хы затыкаѡщїи ѡшн̄ свои · *цгрч.* κατὰ τὴν ὁμοίωσιν [Пс. 57: 5. Psalterium Pogodinianum 279a. XII в. ССЯ 2006: 2: 485], и вновь неправильно понятая идея слова рождаетъ такой переводъ: *Translatio minus apta*: · ἰ̄дрѡсть н̄хъ по подобїю зм̄нїӣ, ἰ̄кѡ ἄсп̄нда глаухы н̄ затыкаѡщїагѡ ѡшн̄ свои, ... [Пс. 57: 5. Библия 1900: 717] *Translatio minus apta*: (С.: Ядъ у нихъ, какъ ядъ змѣи, какъ глухаго аспиды, который затыкаетъ уши свои...); 2. (*др-цсл.* образъ, -а / *ср.* лице, подобьствїе, *рус.* видъ, форма; *чш.* druh, forma; *цгрч.* (др-грч.) εἶδος; *лат.* species, genus: · испытати волю достоитъ в̄бразъ покаянїа · *цгрч.* τὸ εἶδος [Nomocanon s. Methodii 31b 9. XIII в. ССЯ 2006: 2: 485]), здесь так важно было бы в переводе отметить единство, вид и достойный образ духовного и внешнего покаянїа, ведущего к исправлению, ибо дух кающагося творит соответствующую покаянїю форму покаянїа и образ новой праведной, святой жизни; б) (*др-цсл.* образъ, -а / *ср.* подобьствїе, скїма; *рус.* заметим *hic nota*: только внѣшнїй видъ, форма; *чш.* pouhá vnější forma; *цгрч.* (др-грч.) σχῆμα; *лат.* ipsa tantum forma: · неразньствн̄ъ понос̄ (такъ в̄м̄сто: понѣс̄) в̄бразъ · да в̄злазть в̄з цр̄квь · *цгрч.* ἀδιαφόρωσ ἦνεγκαν καὶ τὸ σχῆμα τοῦ εἰσιέναι [Nomocanon s. Methodii 31b 22sq. XIII в. ССЯ 2006: 2: 485]); 3. (*др-цсл.* перен. образъ, -а / *ср.* знамениє, *рус.* символъ, знакъ; *чш.* symbol, znamení; *цгрч.* (др-грч.) σύμβολον, πρόσχημα, τύπος; *лат.* symbōlum, ī n; symbōlus, ī n; signum: дѣва и др̄ѣво и сьмръть · быша намъ образн̄ побѣждєнн̄ы · *цгрч.* τὰ σύμβολα; *цлат.* symbola [Codex Suprasliensis 489, 12. XI в. ССЯ 2006: 2: 485]). Таким образом, очевидно, что творению и образу его (творению) придаётся синтетический смысл единства формы и содержания, где форма закономерно отражает или выражает внутреннее, или метафизическое содержание, не только связанное с человеческим пониманием и не только им одним обусловленное.

Об образах букв, то есть о видах, о графике письменных знаков, толкует ещё и автор Букваря 1701 г. Оёдоръ Поликарповъ: «Тѣкоже хрѣннѣ чнтѣтелю ѡпѣснѡ ко еѣждо літерѣ нѣи писменѣ прѣлічнѡе ѡбѡйтѡ нѣ въ грѣчєскѣхъ рєчєніѣхъ, ѣкожѡ въ послѣдѡющѣхъ ѡбразѣхъ зрѣннѣ. Кмѣстѡ дѣ не глаголѣн ф, нѣжѣ т, ѣкѡ Фѣѡдѡрѡ, ѣ не Фѣѡдѡрѡ, нн Тѣѡдѡрѡ, нн Хдѣѡдѡрѡ. Прѡчнѣннѡ ко рѣзѡмѡ по прѡнзвѣдѣнію рєчєніѣм, знѣе чрєзъ дѣ: Фѣѡдѡрѡ, бѣѡдѡрѡ, чрєзъ ф: Фѣѡдѡрѡ, ѡмѣѡдѡрѡ» [2. С. 88].

Итак, о в р а з з ѡ: 1-е значение: образъ — начертаніе — подобіе (как связанное с человеческими представлениями, так и с инобытийной (Божественной метафизикой); 2-е значение: образъ — видъ — форма — эйдосъ (здѣсь, какъ именно внѣшній видъ *чегѡ-л.*) — внѣшній видъ; 3-е значение: символъ — знакъ — знаменіе (как предвестие грядущего, знак пророчества).

Замечательно, что толкователи Св. Писания указывают на образ, связанный с грамматологической метафизикой стиха, использующего слово «трѡіцѣ», во 2-м его значении *др-цсл. метон. перен.*: трѣсть, -и / *ср.* трѣсть, трѣсть, трѣсть; *рус.* (тростниковое) перо; *чш.* (třtinové) pero; *цгрч.* (*др-грч.*) κάλαμος ὁ; *лат.* calāmus (scribae): · Ο τρῖνῃς σῆ ἑ ἐ μοῦ ἑ слово блага · Γ λ ἄ ζ ѡ дѣла моѡ цѣрєвн · І ѡ з ѡ ѡ мѡнѣ трѣсть кнѣжннѣка скорѡпнѣца · *цгрч.* ἡ γλῶσσα μου κάλαμος γραμματέως ὀζυγράφου. [Пс. 44: 2. Psalterium Pogodinianum 218a. XII в. ССЯ 2006: 4: 503] · Ѣрѣгнѣ ѣрдѣце моѡе слѡво бѣлго, глаголѡ ѣзѡ дѣлѡ моѡ цѣрєвн: ѡзѡѡкъ моѡнѣ трѡіцѣ кнѣжннѣка ікорѡпнѣца [Пс. 44: 2. Библия 1900: 710]. (Великие толкователи прошлого так изъясняют сие место: излилось изъ ѣрдѣца моего слѡво бѣлго; я говорю: пѣснь мою я посвящаю цѣрѣнѣ. ѡзѡѡкъ прѡрокъ называетъ трѡіцѣтѣю, дабы показать, что не онъ пишетъ, но владѣющая имъ рука кнѣжннѣка — ікорѡпнѣца, то есть дѣлѡ цѣрѣнѣ, Который пишетъ на ѣрдѣцѣхъ по мѣрѣ чистоты ихъ [Василій Великій, Іоаннъ Златоустъ, Іеронимъ, Іоаннъ Кронштадтскій. 1. С. 109; 4]).

В этих примерах чрез вышеприведённые выдержки из «Материалов для словаря церковнославянского языка» [4] можно увидеть и понять, что образ письменного знака связан с различными сферами бытия, сознание преобразует эту сложность в символы, знамения и т. п. Образ творится человеком в духовном сотворчестве, ибо человек, будучи божественным созданием по образу и подобию Всевышнего, двойственно (в силу изначальной духовной повреждённости, *ut post factum*) сотворяет нечто с письмом, прила-

гая интеллектуальные и духовные усилия в своём культурном труде. Его энергии связаны с разными духовными энергиями, где он живёт, существует и сотворяет образы, формы и сами тексты.

Заключение

Графическая форма письменного знака есть опосредованное проявление или же скрытая тенденция эстетического совершенствования или стремление к идеализации формы, если она (форма) существует в религиозном языке и письме. Формообразность предания консервативно и творчески (то есть диалектически) воздействует на письменное становление, которое в западноевропейских письменностях проявляет большее постоянство и сохранность, нежели в восточноевропейском (русском) письме. Нежелание учитывать смыслы графического аспекта письма злокачественно сказывается на переводе и понимании древнего текста, включающего метафизические смыслы и концепты, не поддающиеся интерпретации формальной логикой. Согласно идеям Ю. В. Рождественского (1926—1999), который определял важность и высокую ценность рукописной традиции, отмечая, что чем древнее и гармоничнее она, тем легче её развитие из этого древнего и глубинного культурного ядра. Более того, понимание (как важнейшая герменевтическая задача) обусловлено древним преданием в самом общем смысле. «Содержание новых сочинений предопределено существованием старых и лишь частично отдаёт дань развитию принципиально новой по характеру мысли. Воспроизведение сочинений содержит в себе своеобразный, парадоксальный, на первый взгляд, закон: чем энергичнее идёт репродукция сочинений и чем свободнее рекомбинация переписываемых фрагментов и целых рукописей, чем в более причудливые сочетания они вступают в комбинациях, создавая новые смыслы, тем больше необходимость в истолковании, комментировании и приспособлении новых компилятивно образованных текстов и к старым сочинениям, и к новой реальности исторической жизни» [14. С. 81—82].

Изучение письма и письменности надлежит быть системным с использованием не только различных методов, но и различных методологических подходов (например, в творческом синтезе номинализма, концептуализма и христианского реализма), глубоко понимая под этим изучение связей и отношений не только внутри языковой системы, но и вне её определённых наукой границ.

Условные сокращения на русском языке

Аѡн. П. 2001 — Афонская псалтирь, переизданная в 2001 г.	Пс. — книга «Псалтирь»
Деян. / Дѣян. — книга «Дѣянія святыхъ апостоль»	рус. — русский язык
др-грч. — древнегреческий язык	С. — Синодальный перевод Библии на русский язык
др-цсл. — древнецерковнославянский язык	XIX в.
Евр. — книга «Послание к Евреям святаго апостола Павла»	см. — смотрите
Иез. — книга «Пророка Іезекііля»	ср. — сравните
лат. — латинский язык	ССЯ — Словарь старославянского языка
м.р. — мужской род	сущ. — имя существительное
нем. / нѣм. — немецкий язык	цгрч. — церковногреческий язык
НЗ — книга «Новый завѣтъ»	цлат. — церковнолатинский язык
перен. — переносное значение, выраженное словом	цсл. — церковнославянский язык
	чш. — чешский язык

Условные сокращения на иностранных языках

m — мужской род	s — святой
n — средний род	

Список литературы

1. Аѡнская Псалтирь, сирѣчь Давида пророка и царя пѣснь, съ изъясненіемъ святыхъ отцевъ и учителей церкви. Изданіе третіе, испр., доп. Аѡнь: Изд. Русскаго на Аѡнѣ Свято-Пантелеимонова монастыря, 2001. 399 л.
2. Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования: монография. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. 431 с.
3. Бодуэн-де-Куртенэ И. А. Польскій языкъ сравнительно с русским и древне-церковно-славянским. СПб.: Тип. В. О. Киришбаума, А. Смолинскаго, 1912. 119 с.
4. Будейко В. Э. Материалы для словаря церковнославянского языка: монография. Челябинск: Энциклопедия, 2018—2020. Т. 1—3.
5. Будейко В. Э. Смысл и значение антистиха как системная идея отечественного правописания // Шестнадцатый Славянский научный сбор «Урал. Православие. Культура». Кирилло-мефодиевская традиция в культуре России: материалы всерос. науч.-практ. конф. 15—17.05.2018 / сост. О. В. Терехова. Челябинск: ЧГИК, 2018. С. 218—222.
6. Вандриес Ж. Язык: Лингвистическое введение в историю / пер. с фр. П. С. Кузнецова под ред. и с предисл. Р. О. Шор. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. 410 с.
7. Войно-Ясенецкий, архиепископ Лука. Дух, душа, тело. Брюссель: Жизнь с Богом, 1988. 183 с.
8. Ганшина К. А. Французско-русский словарь: 51000 слов. 10-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1987. 972 с.
9. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с франц., вступ. ст. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 511 с.
10. Журавлёв А. П. Звук и смысл. М.: Просвещение, 1991. 159 с.
11. Журавлёв А. П. Компьютерный звукоцвет: альбом. Калининград: Янтар. сказ, 2004. 108 с.
12. Иванова Е. П. В каком смысле лингвистический знак произволен? (К трактовке словоупотребления Ф. де Соссюра 'arbitraire du signe') // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2000. Вып. 2 (9). С. 30—43.
13. Леонтьев К. Н. Храм и Церковь. М.: АСТ, 2003. 636 с.
14. Рождественский Ю. В. Введение в общую филологию. М.: Высш. шк., 1979. 224 с.
15. Словарь омографов русского языка / сост.: А. В. Венцов, Е. В. Грудева, В. Б. Касевич, Е. И. Корешкова, Е. А. Сведенцова, Е. В. Ягунова; под ред. А. В. Венцова, В. Б. Касевича. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2004. 160 с.
16. Словарь по правам человека / сост. А. Дж. Джонгман, А. П. Шмид. М., 1997.

17. Словарь старославянского языка. Репринт изд. 1966—1997 гг. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. Т. I—IV.

18. Смирнов С. И. Шрифт и шрифтовой плакат. Изд. 3-е. М.: Плакат, 1980. 144 с.

Сведения об авторе

Будейко Валерий Эдуардович — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. Boudeyko@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 7 (453). *Philology Sciences. Iss. 125. Pp. 22—32.*

ON SOME RESEARCH ASPECTS OF THE CHURCH SLAVONIC AND RUSSIAN SCRIPTS

V. E. Boudeyko

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. boudeyko@yandex.ru

The subject of the article is related to the topicality of the linguistic-cultural issues within the research of the Church Slavonic and Russian scripts (graphics and graphemics) in ancient and modern texts. These languages and their contexts are historically close, but there are some distinctions in the Church Slavonic and Russian cultural phenomena, caused, among other things, by some aspects of their scripts (graphics). The article includes the new interpretation (reading) of the term “l'arbitraire du signe” as the preception of form appearance, the determination (establishment) of the linguistic form (sign) appearance. Another idea of this article is the proposal to consolidate the forces of the traditional analytical linguistic approach (i. e. dialectical materialism or logical positivism/neopositivism in linguistics) with the theory of systematic analysis and synthesis of nominalism, conceptualism and realism.

Keywords: *alphabet, script (graphics), arbitrariness of sign, hand-written tradition, the Russian language, the formal (sign) appearance tradition, the Church Slavonic language.*

References

- (2001) Afonskaiya Psal'tyr', siriech Davida proroka i tsar'a piesn, s iziasneniyem sviatyh otsev i ouchitelei tserkvi [Psalter of Aphon. Edition 3rd, corrected and supplemented]. Moscow, Edition of Russian on Afon Svi-yato-Panteleimonov monastery. 399 sheets [in Russ., in Church Slavonic language].
- Birzhakova E. E., Voynova L. A., Koutina L. L. (1972) Ocherki po istoricheskoi lexicologii russkago yazyka XVIII v. Yazykovyie kontakty i zayimstvovaniya [Feature articles on historical lexicology of Russian language XVIII c. The linguistic contacts and adoptions]. Leningrad, Nauka, 431 p. [in Russ.].
- Boduen-de-Kourtene I. A. (1912) Polski yazyk sravnitelno s russkim i drevne-tserkovno-slavyanskym [Pol-ish language compared with the Russian and Old Church Slavonic language]. St. Petersburg. 119 p. [in Russ.].
- Boudeyko V. E. (2018—2020) Materialy dla slovar'a tserkovnoslavianskago yazyka [Materials for dictionary of Church Slavonic language]. Chelyabinsk, Entsiklopedia. Vol. 1—3 [in Russ.].
- Boudeyko V. E. (2018) Smysl i znachenie antistyha kak systemnaya ideya otechestvennago pravopisaniya [Sense and meaning as systematical idea of domestic orthography]. Terehova O. V. (compiler) XVI Slavyanskiy nauchnyi sobor “Ural. Pravoslaviye. Kul'tura”. Kirillo-Mefodievskaya traditsiya v kulture Rossii [The Sixteenth Slavic Scientific Council “Ural. Orthodoxy. Culture”. Cyril and Methodius tradition in the culture of Russia]. Chelyabinsk, ChGIK. Pp. 218—222 [in Russ.].
- Vandryes Zh. (1937) Yazyk: Lingvisticheskoye vviedeniye v istoriyu [Language: A Linguistic Introduction to History]. Moscow. 410 p. [in Russ.].
- (1988) Voyno-Yasenetskiy, arhiyepiskop Luka. Duh, dusha, telo [Spirit, soul, body]. Brussel, Zhizn' s Bogom Publ. 183 p. [in Russ.].
- Ganshina K. A. (1987) Frantsuzsko-russkiy slovar': 51000 slov [French-Russian dictionary]. Moscow, Russian language Publ. 972 p. [in Russ.].

9. Derrida Zh. (2000) O grammatologii [About grammar]. Moscow, Ad Marginem. 511 p. [in Russ.].
10. Zhuravlyov A. P. (1991) Zvuk i smysl [Sound and sense]. Moscow, Education Publ. 159 p. [in Russ.].
11. Zhuravlyov A. P. (2004) Kompyuternyi zvukotsvet [Computer's sound-colour]. Kaliningrad, Amber tale Publ. 108 p. [in Russ.].
12. Ivanova E. P. (2000) *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2, iss. 2 (9)*, pp. 30—43 [in Russ.].
13. Leont'ev K. N. (2003) Hram i Tserkov' [Temple and Church]. Moscow, AST Publ. 636 p. [in Russ.].
14. Rozhdestvenskiy Yu. V. (1979) Vvedeniye v obshchuyu filologiyu [Introduction in general philology]. Moscow, Higher school Publ. 224 p. [in Russ.].
15. Ventsov A. V., Grudeva E. V., Kasevich V. B., Koreshkova E. I., Svedentsova E. A., Yagunova E. V. (compilers); Ventsova A. V., Kasevicha V. B. (eds.) (2004) Slovar' omografov russkago yazka [Dictionary of homographs in Russian language]. St. Petersburg, Philological faculty of Saint-Petersburg Univ. 160 p. [in Russ.].
16. Johngman A. J., Schmid A. P. (compilers) (1997) Slovar' po pravam cheloveka [Dictionary of the human rights]. Moscow [in Russ.].
17. (2006) Slovar' staroslav'anskago yazyka [Dictionary of Old Slavonic language]. Reprint. izdaniye 1966—1997 gg. St. Petersburg, Publishing house of Saint-Petersburg Univ. Vol. I—IV [in Latin, in Russ.].
18. Smirnov S. I. (1980) Shrift i shriftovoi plakat [Print and poster of print]. Moscow, Plakat Publ. 144 p. [in Russ.].

«КОРОННЫЕ» НЕОЛОГИЗМЫ: ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК

Л. М. Бузинова, Н. Д. Пашковская

Московский международный университет, Москва, Россия

Рассматриваются новые лексические единицы как индикаторы изменения лексического состава современного немецкого языка под воздействием новой коронавирусной инфекции. Основной целью статьи является описание семантических особенностей новообразований и выявление их функционального потенциала. Лексикографический анализ выступает базовым методическим принципом исследования. Данный подход позволяет не только учитывать языковые факты, но и рассматривать их в корреляции с этнокультурными и тематическими факторами.

Ключевые слова: *неологизм, немецкий язык, коронавирус, деривация, заимствование.*

Любые изменения, происходящие в обществе, мгновенно находят в нем свое отражение — появляются новые слова и выражения, которые заполняют лакуны или вытесняют уже устаревшие слова. Новыми номинациями люди пытаются выразить мысли, чувства, эмоции, которые характерны для конкретного периода времени. Необходимость словарного оформления новых явлений, идей в области политики, культуры, актуальных событий в общественной жизни является основным мотивом появления неологизмов в языке. Современная лингвистика отличается полисемантической терминологией для обозначения новообразований в словарном составе языка: «инновации, лексические инновации, лексические новшества, новообразования, неологизмы, неониминации, новые номинации, новые слова, окказиональные слова, окказионализмы, также потенциальные слова» [1. С. 3—5].

В данной статье мы останавливаемся на понятии «неологизм» (*néologisme*), вошедшем в научный оборот еще в XIX в. Опираясь на этимологическое значение данного термина, любое новое слово, появляющееся в словарном составе языка, можно считать неологизмом.

В немецком языке понятие «неологизм» достаточно широко рассматривается в работах таких исследователей, как Х. Ельзен, М. Кинне, Л. Лемнитцер, И. Барц, В. Д. Девкин, А. И. Домашнев, Е. В. Розен, В. Фляйшер, Г. Харласс, А. Хеберт, Д. Хербергер, Б. Шедер, А. Шенфельд, Д. Штеффенс, Х. Эманн.

Новые лексемы характеризуют актуальные события и явления объективной реальности через новое содержание, форму и значение. Благодаря возник-

новению данных обозначений расширяются лексико-семантические группы слов. В немецком языке различают следующие типы словообразования: заимствования, новообразования или абсолютные неологизмы.

Аксиологический аспект лексических инноваций и их идентификация в немецком языке осуществляются на основе следующих критериев: «большое количество регистраций; разнообразие источников, в которых зарегистрировано слово; независимость номинации (возможность реализации слова, значения, фразеологизма без речевых поддержек), наличие словообразовательных дериватов разного рода, возможных употреблений (метонимических, образных, разложений внутренней формы, грамматических), которые свидетельствуют об освоённости инновации языковым сознанием» [9. С. 86].

Основная функция неологизмов — номинация новых предметов, фактов и явлений. Появление новых лексических единиц обусловлено как лакунарностью словарного состава языка, так и потребностью общества в лексических новшествах.

В марте 2020 г. Всемирная организация здравоохранения объявила о пандемии коронавируса (COVID-19). Сложившаяся ситуация оказывает влияние не только на общество, экономику, политическую ситуацию, но и на развитие языка в целом, так как язык «не существует изолированно в обществе и не может жить своей собственной жизнью... тесно связан со всеми сферами жизнедеятельности: экономикой, политикой, искусством, образованием, военной сферой и т. д., отражая менталитет, культуру страны, которую представляет» [7. С. 145].

Актуальность темы исследования обусловлена резким влиянием пандемии коронавируса на лексический состав в различных языках. Как мировое явление вирус оказывает влияние на особенности общения всех народов и национальностей. В языках появляются неологизмы, связанные с этим явлением. Благодаря средствам массовой информации они приобретают широкую известность и распространяются с молниеносной скоростью. Незамедлительно начинается процесс формирования лексико-семантической группы слов, связанных с темой COVID-19, появляются лингвистические работы, посвященные этой проблематике [3—6; 8; 10]. Опираясь на появившиеся исследования и достижения, очертим круг проблемных вопросов, затрагиваемых в статье: способы номинации, способы словообразования неологизмов, особенности функционирования в различных видах дискурса.

С начала пандемии коронавируса немецкие ученые-лингвисты выявили много терминов, связанных с этим социальным явлением. Уникальность коронавируса в том, что он оказывает влияние на язык средств массовой информации, политики, бизнеса, расширяет лексический запас разговорного языка. Институт немецкого языка в Мангейме собирает и документирует неологизмы, связанные с коронавирусной пандемией (*Neologismen — Neuer Wortschatz rund um die Coronapandemie*), в режиме онлайн, они и стали материалом настоящего исследования. Иллюстрации использования неологизмов были извлечены из аутентичных текстов немецкоязычных СМИ.

Рассмотрим словообразовательные модели неологизмов. Процесс возникновения новых слов в современном немецком происходит следующими путями:

- заимствования (в большей степени речь идет об англицизмах);
- аббревиация;
- аффиксация;
- словосложение (композиция);
- семантический способ (в результате переосмысления имеющегося смысла слова; языковая игра).

Заимствованная лексика, в большей степени из английского языка, отражает факт всемирного влияния пандемии на языковой состав. Англицизмы входят в немецкий язык так же, как и до пандемии, приобретая все необходимые характеристики (существительные: написание с большой буквы, артикль). Например, *der Shutdown / der Lockdown* — субстантивированные английские глаголы — ста-

ли широко употребляются именно с наступлением пандемии, войдя в лексикон (пока неизвестно, на какой срок) из специальной лексики. Много англицизмов с одинаковым корнем/компонентом (в первую очередь, конечно, *Corona, Covid*).

В процессе аббревиации, а именно путем сокращения, усечения основы, появляются в немецком языке такие лексемы, как *AHA (Abstand-Hygiene-Alltagsmaske)*, *Munaschu (Mund-Nase-Schutz)* и *Munamaske (Mund-Nase-Maske)*.

С помощью аффиксов появляются такие новые слова, как *coronisieren, Coronials, Covidiot, Covidiotin*.

Самым распространенным способом лексических новообразований является словосложение с базовым компонентом *Corona: Corona-Angst, Corona-Wahnsinn, Corona-Impfstoff, Corona-Station, Corona-Debatte, Corona-Politik, Corona-Rubriken, Corona-Bonds, Corona-Hilfen, Corona-Update, Corona-Ticker, Corona-Maßnahmen, Corona-Risikogruppe, Corona-Fälle, Corona-Patienten* и др.

Обращает на себя внимание тот факт, что ряд слов частично или полностью модифицируют свое значение, переходят из одной сферы употребления в другую. Мы наблюдаем разного рода семантические трансформации, например: *das Homeschooling* — значительно расширило свое значение в условиях пандемии; *das Social Distancing* — один из англицизмов, который несколько изменил значение (так как на самом деле имеется в виду пространственная, а не социальная дистанция). Важность соблюдения дистанции привела к появлению такого новообразования, как *die Distanzschlange*. Термин *systemrelevant* сменил сферу употребления, пришел в сферу услуг из области экономики и финансов.

Неологизмы, появляющиеся в немецком языке в результате всемирной эпидемии коронавируса, можно разделить на пять тематических групп. Тематический корпус коронавирусной лексики представляет собой обширный пласт языкового и дискурсного материала, структурированного в зависимости от стратегий и тактик, которые приходится учитывать в процессе коммуникации. Собранный эмпирический материал позволяет выделить пять релевантных тематических групп высказываний, включающих «коронавирусные неологизмы», представленные в «обыденном дискурсе социума» [2. С. 26].

В первую группу входят слова, которые можно охарактеризовать как «универсалии», принятые во всех языках:

— *das Sars-CoV-2* — официальное название нового вируса на немецком языке, которое дала Всемирная организация здравоохранения, но в средствах массовой информации и в разговорном немецком используют слово *Coronavirus* (коронавирус);

— *die (Corona-)Pandemie* — необычно сильная эпидемия, охватывающая население значительной части страны или стран;

— (*das*) *COVID-19* (аббревиатура от англ. *CO*rona*V*irus *D*isease 2019) — воспаление легких, в результате заражения коронавирусом;

— *die Quarantäne* — карантин, изоляция.

Вторую группу составляет политическая лексика:

— *das Koronakomitee* — комитет по вопросам пандемии коронавируса;

— *die Ausgangssperre* — запрет на выход. Это слово появилось в немецком языке, но такого запрета среди карантинных мер в Германии не было;

— *die Kontaktsperre* — запрет на контакт;

— *die Abstandsregel* — правило на ограничение контактов на близком расстоянии;

— *systemrelevant* — значимый для системы, отрасли, сферы деятельности или предприятия, которые должны продолжать работать во время кризиса, несмотря на всеобщие ограничения, для поддержания основных социальных функций. К ним относятся полиция, пожарные, магазины, парикмахерские и т. д.

К третьей группе неологизмов относятся слова из сферы здравоохранения:

— *die Basisreproduktionszahl* — базовое репродуктивное число — значение, сокращенное название которого R_0 , показывает сколько людей заражено этой инфекцией, при условии, что никакие прививки и существующий иммунитет не замедляют этот процесс;

— *die Nettoerproduktionszahl* — чистое репродуктивное число — показывает, сколько людей может заразить один инфицированный, после того как (определенная) часть населения будет иметь иммунитет;

— *die Triage / das triage-System* — сортировка, система сортировки — в случае большой загруженности или перегрузки медицинского учреждения, имеющего ограниченные медицинские ресурсы, все концентрируются на пациентах с наибольшими шансами на выживание;

— *das Abstrichzentrum* — специализированное учреждение на взятие мазка для диагностики коронавирусной инфекции;

— *der Immunitätsausweis* — паспорт иммунитета, в котором будут содержаться данные, переболел человек этой инфекцией или нет.

Большой синонимичный ряд понятий и обозначений связан с известным для всех слово «маска». В период пандемии это слово приобрело новое значение: *der Behelfs-Mund-Nasen-Schutz (MNS)*, также *Mundbedeckung*, *Mund- und Nasen-Maske*, *Behelfsmaske*, *Gesichtsmaske*.

Четвертую группу неологизмов составляет лексика разговорного немецкого языка. Например, те, кто считает, что используются чрезвычайные меры по предотвращению распространения коронавируса, говорят о *Corona-Hysterie* (коронаистерии).

После длительной самоизоляции ученые и медики прогнозируют рост деторождения, который будет обозначен понятием *das Corona-Baby* — поколение, рожденное после самоизоляции.

— *die Corona-Party* — вечеринка, проведенная в режиме изоляции с помощью средств видеосвязи;

— *Lebensmittel bunkern, hamstern* — делать запасы, мешочничать;

— *der Hamsterkauf, die Hamsterkäufe: (Toilettenpapier, Mehl, Hefe, Milch, Nudeln, Reis)* — ажиотажная скупка продуктов, закупка на черный день;

— *der Gabenzaun* — забор, на который подвешивают пакеты с продуктами (пожертвования) для нуждающихся;

— *die Spuckschutzscheibe, der Spuckschutz* — защита (щит) для работников от кашля и чихания посетителей;

— *die Distanzschlange* — очередь с соблюдением дистанции от 1,5 метра.

Неологизмы встречаются и в сфере образования, которые можно отнести к пятой группе. К имеющимся уже словам, связанным с дистанционной формой обучения: *die Video-Konferenz* (видеоконференция), *die Video-Schalte* (видеовключение), *der Fernunterricht* (дистанционное обучение, заочное обучение), *die Lernplattform* (обучающая платформа) — добавились:

— *die Corona-Ferien* — каникулы у детей из-за пандемии коронавируса;

— *Corona-Abitur* — сдача выпускных экзаменов во время пандемии коронавируса;

— *die Telko* (*Telefonkonferenz*) видеоконференция;

— *zoomen, streamen* — вести прямую трансляцию.

Таким образом, за относительно короткое время пандемия коронавируса способствовала

рождению новых слов, словосочетаний, которые обогатили лексико-семантический состав немецкого языка и изменили языковую картину мира. Представленные нами неологизмы отражают исторический этап социальных потрясений в период пандемии COVID-19. В рамках статьи мы представили далеко не весь тематический корпус, а лишь доминантные лексемы, которые отличаются частотностью использования в современном немец-

ком языке. Перспективы дальнейшего изучения неологизмов видятся в расширении эпистемологических горизонтов данного исследования. В настоящее время трудно сказать, какие из этих слов после нормализации ситуации останутся в употреблении в силу их ситуативного характера. В любом случае эпидемиологический словарь увеличится за счет новых номинаций, так как немецкий язык обладает большими возможностями словообразования.

Список литературы

1. Ажигова Т. М. Активизация аббревиации как способ образования новых слов // *Lingua-universum*. 2006. № 4.
2. Бузинова Л. М. Языковая личность преподавателя высшей школы (на материале русской и немецкой лингвокультуры): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2020. 40 с.
3. Голованова Е. И., Маджаева Е. Н. О словаре эпохи пандемии коронавируса // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2020. № 7 (441). Филологические науки. Вып. 121. С. 48—55.
4. Замальдинов В. Е. «Вирусные» инновации в медийном пространстве // *Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков: сб. материалов III Междунар. науч.-метод. конф., посвящ. 75-летию Победы в Великой Отеч. войне 1941—1945 гг. и 100-лет. юбилею Донец. нац. техн. ун-та*. 2020. С. 100—106.
5. Катермина В. В., Липириды С. Х. Особенности отображения пандемии коронавируса в лексике медицинского дискурса (на основе английских неологизмов) // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. 2020. № 4. С. 170—175.
6. Купина Н. А. Пандемия коронавируса: метафорическое освоение новой реальности // *Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. междунар. науч. семинара*. 2020. С. 34—35.
7. Пашковская Н. Д. О роли иностранного языка в процессе формирования личности студента // *Педагогические науки*. 2009. № 6. С. 144—146.
8. Петренко Д. А., Лихачев Э. В., Чернышева М. В. Средства языковой выразительности в образе COVID-19 (на материале немецкого политического дискурса СМИ) // *Научный диалог*. 2020. № 7. С. 194—209.
9. Розен Е. В. На пороге 21 века. Новые слова и словосочетания в немецком языке. М.: Менеджер, 2000. 192 с.
10. Серебрякова С. В., Милостивая А. И. Лингвистическое портретирование пандемии COVID-19 в прессе России и Германии // *Гуманитарные и юридические исследования*. 2020. № 2. С. 202—209.

Сведения об авторах

Бузинова Людмила Михайловна — доктор филологических наук, доцент, зав. кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Московского международного университета, Москва, Россия. rluda@mail.ru

Пашковская Наталья Дмитриевна — кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков и речевой коммуникации Московского международного университета, Москва, Россия. natulp@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 7 (453). Philology Sciences. Iss. 125. Pp. 33—37.

CORONA NEOLOGISMS: THE GERMAN LANGUAGE UNDER THE COVID-19 PANDEMIC INFLUENCE

L. M. Buzinova

Moscow International University, Moscow, Russia. rluda@mail.ru

N. D. Pashkovskaia

Moscow International University, Moscow, Russia. natulp@mail.ru

Nowadays the German language like many other languages is experiencing a true “neological boom”. New or rediscovered things and phenomena which rapidly emerge in modern society need naming. As a result, neologisms hold a firm place in the German lexis. The article is devoted to neologisms as a means of displaying the changes in modern German influenced by a new “Coronavirus” contagion. During the COVID-19 pandemic humanity is facing the new reality of self-isolation, quarantine, waiver of the usual freedoms. However, in these difficult times people’s creativity has found its niche. And one of the bright examples of this creativity is the coinage of neologisms. The main purpose of the article is to describe the semantic features of new word formations, identifying neologisms structure and their functional potential in various types of discourse. Special attention is paid to the general characteristic of the processes leading to neologization of lexis. The vocabulary is enriched through lexical borrowing, word-formation and change of word meaning. The manner of word building is key in the process of enriching the modern German language at the present stage. This article offers a thematic overview of neologisms, which at this stage presents a wide layer of language and discourse material. The lexicographic analysis is the basic methodological principle of present research. This approach allows us to take into account the linguistic features as well as the neologisms correlation with ethnocultural and thematic factors. This kind of view will be of interest to all specialists researching the fields of intercultural communication, translation, lexicology and stylistics. It should be noted that the theoretical and practical issues of neology remain controversial and topical.

Keywords: *neologism, German, coronavirus, derivation, borrowing.*

References

1. Azhigova T. M. (2006) *Lingua-universarium*, no. 4 [in Russ.].
2. Buzinova L. M. (2020) *Yazykovaya lichnost' prepodavatelya vysshey shkoly (na materiale russkoy i nemetskoy lingvokul'tur)* [The linguistic personality of a higher school teacher (based on the material of Russian and German linguocultures). Abstract of thesis]. Belgorod. 40 p. [in Russ.].
3. Golovanova Ye. I., Madzhayeva S. I. (2020) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 7 (441), pp. 48—55 [in Russ.].
4. Zamal'dinov V. Ye. (2020) “Virusnye” innovatsii v medii'nom prostranstve [“Viral” innovations in the media space]. *Lingvisticheskiye issledovaniya i ikh ispol'zovaniye v praktike prepodavaniya russkogo i inostrannykh yazykov* [Linguistic research and its use in the practice of teaching Russian and foreign languages]. Pp. 100—106 [in Russ.].
5. Katermina V. V., Lipiridi S. Kh. (2020) *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 4, pp. 170—175 [in Russ.].
6. Kupina N. A. (2020) *Pandemiya koronavirusa: metaforicheskoye osvoyeniye novoy real'nosti* [Coronavirus pandemic: metaphorical development of a new reality]. *Aksiologicheskiye aspekty sovremennykh filologicheskikh issledovaniy* [Axiological aspects of modern philological research]. Pp. 34—35 [in Russ.].
7. Pashkovskaia N. D. (2009) *Pedagogicheskiye nauki*, no. 6, pp. 144—146 [in Russ.].
8. Petrenko D. A., Likhachov E. V., Chernyshova M. V. (2020) *Nauchnyy dialog*, no. 7, pp. 194—209 [in Russ.].
9. Rozen Ye. V. (2000) *Na poroge 21 veka. Novyye slova i slovosochetaniya v nemetskom yazyke* [On the threshold of the 21st century. New words and phrases in the German language]. Moscow, Menedzher. 192 p. [in Russ.].
10. Serebryakova S. V., Milostivaya A. I. (2020) *Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya*, no. 2, pp. 202—209 [in Russ.].

ФОРМА, СЕМАНТИКА И ФУНКЦИЯ ГЛАГОЛА В БАШКИРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

М. Р. Валиева

*Ордена «Знак Почета» Институт истории, языка и литературы
Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия*

Описаны семантика, грамматические формы, функционирование глагола в произведениях устной словесности башкир. Содержание и цель высказывания определяют форму частей речи, которые могут выполнять различные функции в тексте. Рассмотренные фольклорные тексты устного народного творчества убедительно демонстрируют, что глагольная система башкирского языка органично связана с древнейшими эпохами развития письменности тюркских народов.

Ключевые слова: башкирский язык, фольклор, глагол, форма, функция, семантика, древнетюркские параллели.

Введение

В башкирском языкознании глагол (*кылым*) как часть речи, выражающая действие или состояние, исследован в трудах Н. К. Дмитриева, Дж. Г. Киекбаева, А. А. Юлдашева, М. А. Ахметова, М. В. Зайнуллина, А. М. Азнабаева, В. Ш. Псянчина, К. Г. Ишбаева, М. Г. Усмановой, Г. Р. Абдуллиной, З. И. Саляховой и др. Ими подробно описаны словообразование, значение и грамматические категории глагола. В данной статье мы обратили внимание на функционально-семантическую специфику и форму бытования глаголов в составе башкирского народного творчества.

Глагол башкирского языка, как во всех языках мира, имеет личные (*затлы*) и безличные (*затһыз*) формы. Первые отличаются наличием категории лица, и к ним относятся формы изъявительного (*хәбәр*), повелительного (*бойрок*), условного (*шарт*), желательного (*теләк*) и сослагательного (*шартлы теләк*) наклонений. Семантика личных глаголов и его речевая реализация требуют конкретно-языковой организации, закрепленной за определенными морфологическими, синтаксическими, словообразовательными или лексическими (аналитическими) средствами, то есть за аффиксальными показателями данной части речи. Глагол может передавать разные морфологические категории в контексте.

Безличные формы глагола

К безличным формам относятся инфинитив (*уртак(лык) кылым*), причастие (*сифат кылым*), деепричастие (*хәл кылым*), имя действие (*исем кылым*). Безличные формы глагола называют действие или состояние, но не выра-

жают время, лицо, число и не образуют формы наклонений.

Инфинитив (*уртак(лык) кылым*) является неличной формой глагола и, сочетаясь со спрягаемым глаголом, выражает цель действия и намерение субъекта на будущее, например: *Ярлы бай булырға тырышыр, ауырыу һау булырға тырышыр* (эйтем). 'Бедный старается быть богатым, больной старается быть здоровым' (поговорка).

В фольклорных текстах и диалектах башкирского языка встречаются несколько вариантов: *Шунан былар икәүләп бүзәнәне тотмак булалар* (экиәт). 'Затем эти двое решили поймать перепела' (сказка). В данном предложении вместо литературной формы *тоторға* использован инфинитив *тотмак*, который присущ юрматинскому подговору среднего говора южного диалекта башкирского языка. В трудах К. Г. Ишбаева отмечено, что инфинитив на *-мак/-мәк* свойствен огузской и карлукской группе тюркских языков, а форма на *-ырга* относится к кыпчакской группе [10. С. 6]. Кроме формы на *-мак/-мәк* в говорах наблюдаются инфинитивные формы на *-макка/-мәккә*, *-маға/-мәгә*: *Күрмәккә бар, үрнәккә юк* (эйтем). 'На вид есть, для дела нет' (поговорка). Данная форма широко используется в айском, среднем, инзерском, ик-сакмарском говорах южного диалекта, а также характерна для языка башкир, проживающих в Пермской, Самарской, Саратовской и Оренбургской областях [10]. В восточном диалекте и среднеуральском говоре башкирского языка наблюдаются формы инфинитива на *-а* и *-р*: *Төлкө менән бүзәнә икәүһе бергә йөрөп булган* (экиәт).

‘Лиса и перепел решили ходить вместе вдвоем’ (сказка).

В диалектологических трудах С. Ф. Миржановой и Н. Х. Максютовой указано, что синтаксические конструкции с инфинитивом на **-а**, **-р** регулярно употребляются в кубалаякском, среднем, иксакмарском, бурзянском говорах [3. С. 106, 173]. Кроме этого, в устном народном творчестве встречается форма инфинитива на **-максы/-мәксә**: *Акъял батыр йәнә һыуға бармаксы булған* (экиәт). ‘Акъял батыр хотел опять сходить за водой’ (сказка). Следует отметить, что общая семантика данной неличной формы глагола заключается в выражении цели, намерения или запрета с отрицательной формой **-маҫ/-мәҫ**; **-маҫка/-мәҫкә**. *Эйе, һы’ы тимәҫкә, ак, караны әйтмәҫкә* (кәрәк). (Уйын шарты). Досл.: ‘Нельзя произносить «да», «ага», нельзя говорить «белый», «черный»’ (условие игры).

Причастие (*сифат кылым*) обозначает признак предмета по действию, объединяет в себе признаки прилагательного и глагола. Оно имеет прошедшее, настоящее и будущее время, употребляется в функции определения, предшествуя имени существительному. Показателем причастия прошедшего времени выступают аффиксы **-ған**, **-гән**, **-қан**, **-кән**, представляющие прошедшее неопределенное время и указывающие на признак и свойства субъекта или объекта по действию, например: *Туйған ерзән тыуған ер якшы* (эйтем). Досл.: ‘Родная земля лучше, чем прибыльная (богатая) земля’; экв.: ‘Родина краше солнца, дороже золота’ (поговорка). *Оло қазанда кайнаған аш тәмле була* (эйтем). ‘Суп, сваренный в большом казане, получается вкусным’ (поговорка). *Тырышқан ташка казак какқан* (мәкәл). ‘Старательный забил гвоздь в камень’ (пословица). Данная форма причастия в речи выражает результат действия, совершенного субъектом, или состояние объекта.

Показателем причастия настоящего времени выступают аффиксы **-усы/-үсе**, **-ыусы/-еүсе**, **-оусы/-өүсе**: *Сермәргән диңгеззән һыу алып тороусы катындарзы күрзе, ти* (экиәт). ‘Сермарган увидел женщин, набирающих воду из моря, говорят’ (сказка). Показателем причастия будущего времени выступают аффиксы: **-р**, **-ыр/-ер**, **-ор/-өр**: *Килер көндәрең якты булһын!* (теләк). ‘Пусть будут светлыми твои предстоящие дни!’ (пожелание); **-аһы/-әһе**, **-йһы/-йһе**, **-йһо/-йһө**: *Киләһе йылдарың да уңышка бай булһын!* (теләк). ‘Пусть будут урожайными и предстоящие годы!’ (пожелание); **-асак/-әсәк**, **-ясак/-йәсәк**: *Был — һинең буласак катының Маянһылыузан тыуасак Барлыбай ба-*

тыр! — *тин аңлата Мәскәй* (Кузыйкүрпәс). ‘Это — твой сын, рождающийся в будущем от твоей жены Маянхылыу, — объяснила ведьма’ (Кузыйкүрпяс).

Имя действия (*исем кылым*) называет процесс или происходящее действие. Оно одновременно обладает признаками и глагола, и имени существительного. В живой и письменной речи употребляется в функции существительного и принимает все его грамматические показатели (число, падеж, показатели категории принадлежности), кроме категории сказуемости. Например: *Ил һаклау* — *зурлык*, *ил баҫыу* — *хурлык* (эйтем). ‘Защита страны — большое дело, вторжение — позор’ (поговорка); *Янғынды сығарыу* — *анһат*, *һүндереу* — *кыйын* (эйтем). ‘Устроить пожар — легко, тушить — тяжело’ (поговорка).

Имя действия образуется с помощью афф. **-(ы)у/-е(ү)**, **-у/-ү** с фонетическими вариантами согласно закону гармонии гласных башкирского языка: алломорфы **-у**, **-ү** присоединяются к глагольным основам, оканчивающимся на гласные, аффикс **-ыу/-еү** — к основам, оканчивающимся на согласные. Имена действия могут выступать в позиции первого и второго компонентов изафетной конструкции [8. С. 321].

Имя действия (ИД) может сочетаться с отдельными послелогом:

— ИД + послелог *менән* ‘с’: *Буранбай за һөргөн китеү менән / Баҫылырмы икән илдең ирзәре?* (халык йыры). ‘Утихомятся ли мужья края тем, что Буранбай будет сослан?’ (народная песня).

— ИД + послелог *өсөн* ‘за’: *Каһарман-батырға һуңғы хушлашыу һүзен әйтеү өсөн ил халкы йыйылған* (Риүәйәт). ‘Собрался весь народ, чтобы сказать Кагарман-батыру последнее слово прощания’ (легенда).

— ИД + послелог *буйынса* ‘по’: *Акмырза, кыззың әйтеүе буйынса, дейеү кайта торған юлдағы таш күпер аҫтына инеп ултырған* (экиәт). ‘Акмурза по совету девушки спрятался под каменным мостом, через который должен был возвращаться див’ (сказка).

Следует отметить, что имя действия на **-ыу** относится к кыпчакской группе тюркских языков. Кроме данной формы в фольклорных образцах можно наблюдать имя действия на **-мак**, которое характерно огузским и карлукским языкам: *Алмактың һалмағы бар* (эйтем). ‘Долг платежом красен’ или ‘Услуга за услугу’ (поговорка). Имя действия на **-ыу/-еү** может иметь такие категории глагола, как залог, переходность/непереходность, аспект возможности/невозможности и отрицание.

Деепричастие (*хэл кылым*) обозначает дополнительное действие по отношению к основному действию и стоит перед основным глаголом, объединяет в себе признаки глагола и наречия. В башкирском языке деепричастия имеют четыре основные формы:

1) деепричастие на **-п, -ып/-еп, -оп/-өп** реализуется в составе сложных глаголов, например: *Ашап туймаганды, ялап туймашың* (эйтем). Экв.: 'Ложкой не наелся, языком не налижешься' (поговорка).

2) деепричастие на **-а/-ә, -й** реализуется в составе сложных глаголов, например: *Ошта эшләй-эшләй оштара* (эйтем). 'Много работая, мастер становится искусным' (поговорка).

3) деепричастие на **-гас/-гәс, -кас/-кәс** часто выступает в роли сказуемого в придаточных предложениях времени, например: *Эш бәткәс, уйнарга ярай* (эйтем). 'Сделай дело, гуляй смело' (поговорка).

4) деепричастие на **-гансы/-гәнсе, -кансы/-кәнсе** часто выступает в роли сказуемого в придаточных предложениях времени, например: *Мин, таң атқансы ук сығам* (экиәт). 'Выйду еще до рассвета' (сказка).

Отрицательная форма деепричастия образуется с помощью аффиксов **-майса/-мәйсә, -майынса/-мәйенсә**, например: *Эзләмәйсә энә лә табылмай* (эйтем). 'Без поиска даже иголка не находится' (поговорка).

Личная форма глагола (*затлы кылым*) — это спрягаемая форма глагола, то есть изменяющаяся по лицам, числам, временам и наклонениям, выполняющая в предложении функцию сказуемого. Личные глаголы в башкирском языке могут употребляться с любым из трех лиц личных местоимений: первым (*мин* — я, *без* — мы), вторым (*һин* — ты, *һез* — вы) и третьим (*ул* — он, она, оно, *улар* — они), имеют число — единственное (*берлек*), множественное (*күплек*). Значения личных форм глагола могут выражать реальную или ирреальную действительность. Личные формы глагола, принимая различные формы наклонений, могут выражать отношение действия к действительности. В башкирском языке обычно выделяют семь наклонений.

В фольклорных текстах самым распространенным является изъявительное наклонение, или индикатив. Основное значение индикатива заключается в изложении процесса действий и хода событий в контексте. Также глагол в башкирской речи важен тем, что он связывает все части речи в законченное, полноценное предложение, наполняя его

движением, активностью, придает эмоциональную окраску происходящим событиям и дает возможность понять природу взаимоотношений между объектами бытия. Глагол в индикативе имеет единственное и множественное число, изменяется по лицам и может представлять нижеперечисленные формы времени:

1) прошедшее определенное время (*билдәле* (*шаһитлы*) *үткән заман*) образуется путем присоединения к корню или основе глагола формообразующих аффиксов **-ды/-де/-до/-дө, -ты/-те/-то/-тө, -зы/-зе/-зо/-зө, -ны/-не/-но/-нө**, например: *Боғазаккай күлгә кармак һалдым, Кармагыма сабак капманы* (халык йыры). 'В озеро Бугадаккай закинул удочку, Не попала на удочку плотва' (народная песня);

2) прошедшее неопределенное время (*билдәһез* (*шаһитһыз*) *үткән заман*) образуется путем присоединения к корню или основе глагола формообразующих аффиксов **-кан/-кән, -ган/-гән**, например: *Ике таз бер тарак өсөн талашкан* (эйтем). 'Двое шелудивых из-за одной расчески поругались' (поговорка);

3) прошедшее незаконченное время (*тамамланмаган үткән заман*) образуется путем присоединения к корню или основе глагола формообразующих аффиксов **-а/-ә, -й** + вспомогательный глагол **ине**, например: *Был кылыс менән сукмарзы атайым: «Салауат яуынан калган изге корал», — тип кат-кат кичәтә ине* (легенда). 'Отец об этой сабле и палице многократно говорил: «Священное оружие, оставшееся от Салавата»' (легенда);

4) предпрошедшее определенное время (*билдәле* (*шаһитлы*) *элек үткән заман*) образуется путем присоединения к корню или основе глагола формообразующих аффиксов **-кайны/-кәйне, -ғайны/-ғәйне**: *Юл буйында бер иске тирмән ташы күргәйнек, уны алманык* (экиәт). 'По дороге видели какой-то старый мельничный жернов, однако не взяли его' (сказка);

5) предпрошедшее неопределенное время (*билдәһез* (*шаһитһыз*) *элек үткән заман*) образуется путем присоединения к корню или основе глагола формообразующих аффиксов **-кан/-кән, -ган/-гән** + вспомогательный глагол **булған**: *Карлуғас ыскынып осоп киткән, ә йылан уның койроғоң урта тирәһен генә өзөп алып киткән булған* (экиәт). 'Ласточка, срываясь, улетела, а змея, оказывается, повредила середину ее хвоста' (сказка);

6) прошедшее неопределенное повторяющееся время (*билдәһез* (*шаһитһыз*) *кабатлаулы үткән заман*) образуется путем присоединения к корню или основе глагола формообразующих аффиксов

-кан/-кән, -ган/-гән + вспомогательный глагол *була*: *Көн дә төлкө лә һунарға сығып киткән була* (экият). 'Каждый день лиса ходила на охоту' (сказка).

7) давнопрошедшее неопределенное время (*билдәһез (шаһитһыз) борон үткән заман*) образуется путем присоединения к корню или основе глагола формообразующих аффиксов **-ыр/-ер, -ган/-гән, -кан/-кән** + вспомогательный глагол в прошедшем неопределенном времени на **-ған/-гән, -кан/-кән**, например: *Борон-борон заманда алпамышалар теләһә ниндәй эре агасты тамыры менән кутарып йолкоп ташлай торған булған* (легенда). 'Давным давно алпамыши (великаны) любое крупное дерево, бывало, вырывали и выбрасывали с корнем' (легенда);

8) давнопрошедшее определенное время (*билдәле (шаһитлы) борон үткән заман формалары*) образуется путем присоединения к корню или основе глагола формообразующих аффиксов **-а/-ә, -й, -ыр/-ер** + вспомогательный глагол в прошедшем времени. Например: *бара торғайны, барыр ине, бара торған булды, барыр булды* 'бывало ходил', *килә торған булды; килә торғайны; килер ине; килер булды* 'бывало, приходил'. *Кузыйкүрпәс йәшкә бәләкәй булһа ла көрәштә үзенән оло балаларзы үз алдына сығармай торған ине* («Кузыйкүрпәс» эпосы). 'Кузыйкүрпяс, несмотря на то что он мал, обычно не уступал старшим в борьбе' (эпос «Кузыйкүрпяс»);

9) настоящее время (*хәзерге заман*) образуется путем присоединения к корню или основе глагола формообразующих аффиксов **-а, -ә, -й**: *Йоко ялкаузы ярата* (эйтем) 'Сон любит ленивого' (поговорка); *Вак балык көтөүе менән йөрөй* (эйтем) 'Мелкая рыба стаей плавает' (поговорка). Также имеются сложные аналитические формы, выражающие момент протекания действия вспомогательными глаголами *ята, ултыра, бара*, например: *Бына алда Терехуы сылтырап ағып ята*. 'Вот впереди Живая вода течет, журча' (эпос «Урал батыр»); *Заятүләктең тезген тартыуын бар тип тә белмәй, ат китеп ултыра, ти*. 'Лошадь все идет, даже не замечая, что Заятуляк натянул поводья' (эпос «Заятуляк»);

10) будущее определенное время (*билдәле киләсәк заман*) образуется путем присоединения к корню или основе глагола формообразующих аффиксов **-асак/-әсәк**: *Батша илгә шундай языу тарата*: «*Кем дә кем миңә килеп ярзам итә, шул кеше минән хөрмәт күрәсәк, миңең иң яқын дуһым буласак*» (экият). 'Падишах по стране объявляет: «Кто мне поможет, тот удостоится моего уважения, станет моим лучшим другом»' (сказка);

11) будущее неопределенное время (*билдәһез киләсәк заман*) образуется путем присоединения к корню или основе глагола формообразующих аффиксов **-ар/-әр, -ыр/-ер**: *Иртә торған ир уңыр* (экият). Экв.: 'Кто рано встает, тот будет успешным' (сказка).

Темпоральность событий в вышеперечисленных одиннадцати формах выражает лишь изъявительное наклонение, и каждая форма представляет определенную функцию, отражает течение действия во времени: закончившимся, повторяющимся, разовым, длительным и т. п. Некоторые залоговые и модальные формы глаголов невозможно точно переводить на другие языки, в том числе трудно поддаются переводу многие вспомогательные глаголы башкирского языка.

Следующее широко распространенное наклонение в фольклорных текстах — это форма императива, то есть повелительное наклонение (*бойрок һөйкәләше*) выражает волеизъявление, приказ, просьбу, совет одного субъекта по отношению к другому (2-му, 3-му лицам). Обычно подлежащее не фиксируется, лишь по личной форме глагола и по содержанию текста можно предполагать субъект действия. Часто действие относится к будущему времени: *Бар, ағайыңды сакыр! Кайтһын!* 'Иди, позови брата! Пусть возвращается!'

Наблюдения над фольклорными текстами показывают, что императивная форма глагола особенно характерна пословицам и выражает настоятельный совет, поучение: *Этеңде бауза тот, телеңде бәйзә тот* (мәкәл). 'Собаку держи на привязи, язык — на замке' (пословица); *Дустан дошманды айыра бел* (мәкәл). 'Умей отличать врага от друга' (пословица). Помимо этого, повелительное наклонение, выраженное аффиксами *-ғыла /-гелә, -кыла /-келә*, может обозначать многократность происходящего действия: *Юл төшкәндә, кайткыла!* 'Возвращайся при удобном случае!'. Также в башкирских диалектах наблюдается необычная форма императива на *-ң*, которая относится к второму лицу: *Эшләң!* 'Работайте!'; *Ашаң!* 'Кушайте!'; *Тороң!* 'Вставайте!' и т. п. Данная форма зафиксирована в текстах енисейских памятников VI в.: *Кра буднм ктгнң!* 'Мой простой народ, будь тверд!'. По мнению И. А. Батманова, при обращении к нескольким лицам она выражает вежливое наставление. В таком значении широко употребляется в узбекском языке: *келиң!* 'заходите', *бориң* 'идите' [2. С. 87].

Различные формы общетюркского императива, в том числе башкирского, можно встретить

в составе проклятий, направленных с целью магического злословного воздействия на человека, или заклинаний. Например: *Шайтан алгыр!* ‘Черт поberi!’ Досл.: ‘Чтоб шайтан забрал!’; *Күзең сыжкыр!* ‘Чтоб тебе выбили глаз!’; *Корон калһын!* ‘Пропади пропадом!’; *Тәүбә, тәүбә, ауызымдан ел алһын!* ‘Каюсь, каюсь, пусть сказанное мною ветер унесет!’ и т. п. [5. С. 68].

Таким образом, повелительное наклонение, направленное к другим (2-м, 3-м) лицам, выражается глагольным корнем или основой: *кит* ‘уходи’, *тап* ‘найди’, *ашат* ‘накорми’. Помимо этого аффиксы *-гыла* / *-гелә*, *-кыла* / *-келә* образуют форму императива, обозначающего многократность происходящего действия: *килгелә* ‘время от времени приходи’, *ашаткыла* ‘время от времени корми’. Повелительное наклонение выражается глагольным корнем или основой с аффиксом *һын/һен*: *кайтһын* ‘пусть уходит’, *барһын* ‘пусть сходит’, *йөрөһөн* ‘пусть ходит’ и т. п.

Условное наклонение (*шарт һөйкәлеше*) выражает одно действие как условное, другое как его следствие. Например: *Инәң үлһә — йылгаң короно, атаң үлһә — таянган тауың аузы* (эйтем). ‘Если мать умерла, то твоя река высохла, если отец умер, то твоя опорная гора повалилась’ (поговорка). *Үгез үлһә — ит, арба ватылһа — утын* (эйтем). ‘Вол сдохнет — мясо будет, телега развалится — дрова будут’ (поговорка).

А. А. Юлдашев подобное действие определяет как условно-следственную связь между двумя действиями. Условность действия передают аффиксы *-һа/-һә*, а следствие показывают глаголы, образующиеся с помощью аффиксов *-м* для 1-го лица ед. числа, *-к/-к* для 1-го лица мн. числа, *-ң* для 2-го лица ед. числа, *-гыз* / *-гез* для 2-го лица мн. числа, нулевая форма для 3-го лица ед. числа, *—лар/ләр* для 3-го лица мн. числа [8. С. 272—284], например: *Кемдең арбаһына ултырһаң, шуның йырын йырларһың* (мәкәл). ‘С кем поведешься, от того и наберешься’ (пословица).

Наклонение кондиционалиса употребляется в афоризмах, пословицах, поговорках, формулах, теоремах, содержащих обобщающее условное суждение.

Сослагательное наклонение (*шартлы теләк һөйкәлеше*) выражает нереализованную возможность, вероятность совершения действия в прошлом или в будущем при каких-то обстоятельствах и условиях. По этой причине первая часть указывает условие или обстоятельство, а вторая часть — нереализованную возможность совершения дей-

ствия, например: *Осон барып күрер инем, эгәр булһам күбәләк* (халык йыры). ‘Полетел бы, увидел бы, если был бы бабочкой’ (народная песня) и т. п.

Иногда вторая часть может выражаться изъявительным наклонением вместо условного, где разъясняется причина и обстоятельство совершения действия: *Тәзрә шақыр ине — кул күтәрелмәй, китеп барыр ине — аяк тартмай* (Х. Филәжев). ‘Постучал бы в окно — рука не поднимается, ушел бы — нога не слушается’ (Х. Гиляжев).

В башкирском языке сослагательное наклонение выражается спрягаемыми аналитическими формами и образуется путем присоединения к корню или основе глагола формообразующих аффиксов *-р*, *-а/-ә* + вспомогательный глагол *ине*, *-асак/-әсәк*, *-ясак/-йәсәк* + вспомогательный глагол *ине*, *-ган/-гән* + вспомогательные глаголы *булыр ине*, *-кан/-кән* + вспомогательные глаголы *булыр ине*, например: *Китан алган булһа, вакыт тизерәк үткән булыр ине* (З. Хисмәтуллин). ‘Если бы он взял книгу, то время прошло бы быстрее’ (З. Хисмәтуллин).

Желательное наклонение, то есть форма опатива (*теләк һөйкәлеше*), выражает желание совершить действие. В башкирском языке оно обычно образуется аналитической формой глагола на *-ғы/-ге*, *-го/-гө* + *килә*, *-һы/-һе*, *-һо/-һө* *килә*: *Бер көн Һыуһылыу Заятуләккә: — Минең сәхрәгә сығып йөрөп кайтаһым килә* («Заятуляк» эпосы). ‘В один день Хухылыу Заятуляку: ‘Мне хочется выйти на простор’ (эпос «Заятуляк»).

Данная форма спрягается по лицам и изменяется по числам. Кроме аналитической формы имеется простая форма выражения желания совершить действие, которая образуется путем присоединения к корню или основе глагола формообразующих аффиксов *-айым/-әйем* (после согласных), *-йым/-йем*, *-йом/-йөм* (после гласных) в единственном числе; *-айык/-әйек* (после согласных), *-йык/-йек*, *-йок/-йөк* (после гласных). Простая форма опатива носит побудительный характер, и данную форму дополняют частицы *әле*, *әйзә* ‘давай’ со значением призыва, приглашения и побуждения к совершению (часто совместного) действия: *Әйзә һөйләшәйек әле* ‘Давай поговорим’; *Әйзәгез, барайык!* ‘Давайте сходим!’ и т. п.

Намерительное наклонение, то есть инъюктив (*ниәт-максат һөйкәлеше*), выражает намерение совершить действие или планируемое реальное предположение на ближайшее будущее. Оно образуется путем присоединения к кор-

нию или основе глагола формообразующих аффиксов **-максымын/-мәксемен** для 1-го лица ед. числа, **-максыһың/-мәксеһең** для 2-го лица ед. числа, **-максы/-мәксе** для 3-го лица ед. числа, **-максыбыз/-мәксебез** для 1-го лица мн. числа, **-максыһығыҙ/-мәксеһегеҙ** для 2-го лица мн. числа, **-максылар/-мәкселәр** для 3-го лица мн. числа, например: *Улар еңмәкселәр* 'Они намерены победить нас'.

Кроме простой формы имеются аналитические формы, выражающие намерение субъекта: **-максы/-мәксе + ине**, **-максы/-мәксе + бул-**, **-максы/-мәксе + ит-**: *Үрелеп тотмаксы итәм шул таһманы* 'Я пытаюсь дотянуться и схватить ту ленту' и т. п.

Наклонение вероятности (*ихтималлык һөйкәлеше*) передает значение сомнения, гипотетичности, уверенности/неуверенности, достоверности/недостоверности будущего действия. И при этом говорящий выражает некое положение дела и ситуации относительно действительности. Обычно наклонение вероятности образуется сочетанием имени действия с аффиксами принадлежности и модального слова *мәмкин* 'может быть' и *бар* 'есть': *Шул кешеләрҙең һөйәктәре һибелеп ятканын әле лә табырға мәмкин* (экиәт). 'И сейчас можно найти разбросанные кости тех людей' (сказка).

Данная форма наклонения выражает значение допустимости, вероятности: *Йәнбирҙе карт Шулгәнде тукмаузан туктаған да: «Үлемдең күзгә күренмәй килеүе лә бар шул* («Урал батыр» эпосы). 'Старик Янбирде перестал бить Шулгена и: «Ведь Смерть может прийти, не показываясь в глаза» (эпос «Урал батыр»). А. Х. Юлдашев, М. В. Зайнуллин называют наклонение вероятности башкирского языка гипотетической конструкцией или конструкцией, выражающей предположительную модальность [8; 11].

В образовании наклонения вероятности для передачи значения невозможности, недопустимости и неуверенности будущего действия или интуитивно-гипотетического представления о происходящем употребляется отрицательная форма основного глагола: *Ундай батырҙы ер йөзөндә табыу мәмкин түгел* («Кузыйкүрпәс» эпосы). 'Такого батыра невозможно найти в этом мире' (эпос «Кузыйкүрпәс»). В случае употребления модального слова *мәмкин* 'можно' отрицательная форма данного наклонения образуется с помощью отрицания *түгел* 'нет'.

Древние истоки башкирского глагола

По словам известного тюрколога и исследователя языка енисейских памятников древнетюркской письменности И. А. Батманова, как и теперь, полторы тысячи лет назад глагол был одной из основных частей речи и служил для характеристики различных сторон жизни и выражения многогранных представлений древних тюрков [2. С. 84].

М. А. Ахметов провел исследование башкирских глаголов в сравнительно-историческом аспекте. По его мнению, 90—95% глагольных форм орхон-енисейских памятников сохранилось в современном башкирском языке [1. С. 19].

По исследованиям И. В. Кормушина, глаголы современных тюркских языков восходят к глаголам древнетюркских письменных памятников, а последние — к глаголам алтайского праязыка. Он подробно изучил временную систему глаголов в тюркских языках и реконструировал общетюркскую систему, где показатели *ты/ды/зы* выражают прошедшее категорическое, прошедшее определенное время. Данный аффикс и его фонетические варианты представлены во всех тюркских языках, начиная с самых древних письменных памятников тюрков [12. С. 3—16].

Мы в тексте древнетюркской «Гадательной книги» (Ырк Битиг), относящейся к IX в., например, нашли следующие глагольные формы с аффиксами прошедшего времени *tī / dī / dī (ty / dy / dy)*: *kün toγdy... j(a)ruq bolty* 'наступило утро... стало светло' [4. С. 53]. На стеле в честь Кюль-тегина с текстом VIII в. записано: *Kyl tigin kon жылqa jiti jägirmikä учды* [13. С. 33] 'Кюль-тегин улетел (то есть умер) в год овцы, в двадцать седьмой день' [Там же. С. 43].

Многочисленные глаголы прошедшего неопределенного времени на *-dī, -tī* и другие фонетические варианты содержатся в знаменитой книге Махмуда Кашгари «Диван лугат ат-турк». Этот письменный памятник XI в. представляет собой обширный историко-культурный, этнографический и лингвистический материал энциклопедического характера. Приведем из этого словаря в качестве примера следующие предложения: *Urayut uyul toγurdi* 'Женщина родила сына' или *Ol ayar un elgäste* 'Он просеивал с ним муку' [9. С. 614—616].

В древних письменных памятниках и современных тюркских языках глагольная форма на *-p* выражает настоящее неотносительное, будущее неотносительное и настоящее ориентированное на будущее время. В башкирском языке

глагольные формы на *-р* выражают будущее сомнительное и настоящее актуальное время. В древних памятниках данная форма выражала актуальное действие в настоящем времени. В словаре М. Кашгари, например, приведены поэтические строки Средних веков, которые исследователи часто демонстрируют в качестве образца волжско-булгарского языка: *Әтил сувы ака турур, Кайа түби кака турур...* ‘Текут воды Этиля-реки, Об скалу ударяются’ [14. С. 86].

Глагольная форма на *-р*, означающая неопределенное будущее время, представлена в одном из письменных памятников кыпчакских (куманских) языков Codex Cumanicus, составленном в XIV в. итальянскими, немецкими миссионерами и торговцами. Исследователи считают, что эта рукопись, найденная в Венеции, отражает не письменную, а разговорную речь куманов и торговый диалог того периода. Приведем примеры из труда А. Н. Гаркавца, который подробно изучал и анализировал морфологию текста Codex Cumanicus: *tüßerler* — баш. диал. *tөшөрләр, түшерлер* ‘будут падать’, *qišlar* ‘заимует’, *yaular* ‘проводит лето’ и т. п. [7. С. 6—87]. Также в дан-

ную рукопись включены загадки той эпохи. В них представлены глаголы с аффиксами на *-р*, которые широко бытуют и в современных тюркских языках: *Kökçä ulaxım kögende semirir. Ol, xavun.* ‘Мой серенький козленок жиреет на привязи. Это дыня’; *Avzum a sam, öpkäm körünir. Ol: eşik a sa, ot körüngän-dir* ‘Если открою рот, мои легкие будут видны. Это: когда откроют дверь, будет виден огонь’ и т. п. [7].

В современных кыпчакских и огузских языках будущее определенное время и обязательно совершаемый процесс выражает глагол с аффиксом **-асак**, который широко представлен в древнетюркских письменных памятниках.

Таким образом, глаголы башкирского языка восходят к глагольным формам древнетюркского языка, которые зафиксированы в текстах орохоно-енисейских стел, болгарских эпитафий, письменного памятника Codex Cumanicus, словаре М. Кашгари и др. В целом глагольная система башкирского языка имеет сильно развитую аффиксальную базу, которая отличает ее от других тюркских языков, несмотря на общие исторические корни и формы.

Список литературы

1. Ахметов М. А. Глаголы в языке орохоно-енисейских памятников (в сравнительном плане с современным башкирским языком). Саратов, 1978. 131 с.
2. Батманов И. А. Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. Фрунзе, 1959. 216 с.
3. Башкирская диалектология. Говоры юго-востока Башкирии. Уфа, 1963. 208 с.
4. Бюллетень. Приложение 4. Ырк Битиг. Древнетюркская гадательная книга. М.: ИВ РАН, 2004. 326 с.
5. Валиева М. Р., Нафиков Ш. В. Проявление гнева в языке (на примере башкирских проклятий) // Вестник ОшГУ. 2017. № 5. С. 66—70.
6. Валиева М. Р. CODEX CUMANICUS һәм башкорт теле // Культура, литература и гуманитарные науки народов Евразии. Уфа, 2018. С. 58—61.
7. Гаркавец А. Н. Кыпчакские языки: куманский и армяно-кыпчакский. Алма-Ата, 1987. 225 с.
8. Грамматика современного башкирского литературного языка / отв. ред. А. А. Юлдашева. М.: Наука, 1981. 495 с.
9. Древнетюркский словарь / под ред. В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Л.: Наука, 1969. 676 с.
10. Ишбаев К. Г. Инфинитивные формы глагола в башкирском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1975. 28 с.
11. Ишбулатов Н. Х., Зэйнуллин М. В. Хэзерге башкорт эзэби теле. Фонетика. Морфология. Өфө, 1986. 155 б.
12. Кормушин И. В. Система времен глагола в алтайских языках / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1984. 84 с.
13. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М., 1951. 451 с.
14. Мухаметшин Д. Г., Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники города Булгара. Казань, 1987. 128 с.

Сведения об авторе

Валиева Мадина Раилевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела языкознания орден «Знак Почета» Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН, Уфа, Россия. valieva_1979@list.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 7 (453). *Philology Sciences. Iss. 125. Pp. 38—46.*

FORM, SEMANTICS AND FUNCTION OF THE VERB IN THE BASHKIR FOLKLORE

M. R. Valieva

*Order of the Badge of Honor Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center,
Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia. valieva_1979@list.ru*

This article describes the forms, functions and semantics of verbs in the oral language of the Bashkir people. The author believes that the purpose of the utterance and the meaning determine the form of the verb, which can act in various functions in the text. According to the presented examples from ancient sources, one can be sure that the verb system of the Bashkir language is associated with the most ancient eras of the Turks. So, 47 proverbs from the written monument Codex Cumanicus, compiled in the XIV century by Italian, German missionaries and merchants, contain verb forms that have been preserved without any significant changes in modern Turkic languages. Also, the verbs carved on the Orkhon-Yenisei steles and various fiscal records of the ancient Turks are still actively used in the speech of the Bashkirs. In terms of semantics, Orkhon-Yenesian and Bashkir verbs in most cases coincide, although there are slight discrepancies as a result of expanding or narrowing of the meaning of the verbs. In folklore texts, there are the simplest and further indecomposable root verbs of this language, expressing various movements, conditions of weather and nature, hunting, fishing, animal husbandry, woodworking, gathering, handicrafts, cognitive processes, emotional and physiological states of a person, human sounds, auxiliary or service verbs that do not have their own lexical meaning.

Keywords: *the Bashkir language, folklore, verb, form, function, semantics.*

References

1. Akhmetov M. A. (1978) *Glagoly v iazyke orkhono-ensesiskikh pamiatnikov v sravnitel'nom plane s sovremennym bashkirskim iazykom* [Verbs in the language of the Orkhon-Yenesian monuments (in comparison with the modern Bashkir language)]. Saratov [in Russ.].
2. Batmanov I. A. (1959) *Iazyk eniseiskikh pamiatnikov drevnetiurkskoi pismennosti* [The language of the Yenisei monuments of the ancient Turkic writing]. Frunze [in Russ.].
3. (1963) *Bashkirskaja dialektologija Govory yugo-vostoka Bashkirii* [Bashkir dialectology. The dialects of the southeast of Bashkiria]. Ufa [in Russ.].
4. (2004) *Biulleten. Prilozhenie 4. Yrk Bitig Drevnetiurkskaia gadatelnaia kniga* [Bulletin. Appendix 4. Yrk Bitig. Ancient Turkic fortune-telling book]. Moscow [in Russ.].
5. Valieva M. R., Nafikov Sh. V. (2017) *Vestnik OshGU*, no. 5, pp. 66—70 [in Russ.].
6. Valieva M. R. (2018) *Codex Cumanicus häm bashqort tele* [Codex Cumanicus and the Bashkir language]. *Kul'tura literatura i gumanitarnye nauki narodov Evrazii* [Culture, literature and humanities of the peoples of Eurasia]. Ufa. Pp. 58—61 [in Bashkir].
7. Garkavets A. N. (1987) *Kypchakskie iazyki kumanskii i armiano-kypchakskii* [Kypchak languages: Kuman and Armenian-Kypchak]. Alma-Ata [in Russ.].
8. Uldashev A. A. (ed.) (1981) *Grammatika sovremennogo bashkirskogo literaturnogo iazyka* [Grammar of the modern Bashkir literary language]. Moscow, Nauka [in Russ.].
9. Nadelyaeva V. M., Nasilova D. M., Tenisheva E. R., Shcherbak A. M. (eds.) (1969) *Drevnetiurkskii slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. Leningrad [in Russ.].

10. Ishbaev K. G. (1975) Infinitivnye formy glagola v bashkirskom iazyke [Infinitive forms of the verb in the Bashkir language. Abstract of thesis]. Ufa. 28 p. [in Russ.].
11. Ishbulatov N. Kh., Zyynullin M. V. (1986) Khäðerge bashqort äðäbi telele. Fonetika. Morfologiya [Morphology of the modern literary Bashkir language. Phonetics. Morphology]. Ufa [in Bashkir].
12. Kormushin I. V., Tenishev E. R. (ed.) (1984) Sistema vremen glagola v altaiskikh iazykakh [The system of verb tenses in the Altai languages]. Moscow [in Russ.].
13. Malov S. E. (1951) Pamiatniki drevnetiurkskoi pismennosti Teksty i issledovaniia [Monuments of ancient Turkic writing. Texts and research]. Moscow [in Russ.].
14. Mukhametshin D. G., Khakimzyanov F. S. (1987) Epigraficheskie pamiatniki goroda Bulgar [Epigraphic monuments of the Bulgar town]. Kazan [in Russ.].

РОЛЬ ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТОВ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ЦИФРОВОГО ИМИДЖА ВУЗА

С. Ю. Двинина

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Представлены предпосылки изучения цифрового имиджа. Выделены критерии цифрового имиджа вуза — интерактивность и динамизм. Определены особенности поликодового текста в электронном дискурсе. Рассматриваются понятия «креолизованный текст» и «поликодовый текст». «Мультимедийный текст» считается нереализованным, если реципиент не активирует его. Вводится понятие «неразвернутого поликодового текста». Приводятся тенденции развития социальных сетей Instagram и «ВКонтакте». В работе рассматривается поликодовый текст постов в социальной сети Instagram двух конкурирующих вузов Челябинска — Южно-Уральского государственного университета и Челябинского государственного университета. Период рассмотрения — апрель 2021 г. Анализ проводится на основе скриншотов мобильной версии. Выделена пространственная составляющая как ограничитель поликодового текста в электронной среде. Проводится статистический анализ показателей публикаций. Рассматривается когнитивная обработка поликодового текста постов.

Ключевые слова: цифровой имидж, вуз, университет, поликодовый текст, социальная сеть, Instagram, «ВКонтакте», пространство.

Особенностям функционирования поликодовых текстов посвящено много трудов, но в основном работы связаны с рекламными текстами и комиксами. Мы полагаем, что необходимо расширить область исследования. В эпоху доминирования интернет-коммуникации акцент сместился с печатной формы представления информации на электронную, для которой характерны интерактивность и динамизм, что определяет актуальность исследования. Кроме того, в настоящее время понятийный аппарат находится еще на стадии становления, в основном из-за полидисциплинарного характера изучаемой темы. При этом используются термины «креолизованный текст» и «лингвовизуальный текст». Мы считаем, «поликодовый текст» — более удачное образование, отражающее природу создания. Также мы отдельно выделяем мультимедийные тексты [9], где помимо визуального и вербального важную роль играют и другие коды, в том числе аудиальный. Однако до момента реализации в полной мере мультимедийной составляющей такого текста можно говорить только о его поликодности. Таким образом, именно поликодовые тексты выполняют основную функцию при формировании цифрового имиджа.

Новизна работы заключается в исследовании цифрового имиджа как малоизученного феномена современности, в том числе в социальных сетях [2]. Не только молодежь узнает новости и тренды в со-

циальных сетях, но и старшее поколение, например родители, которые во многом способствуют профессиональной ориентации своих детей, помогают определить их будущий образовательный трек. Появиться в новостной ленте социальной сети — значит заявить о себе, показать, что вуз есть на рынке образовательных услуг. Если пост получает одобрение — «лайки», то, по сути, запускается вирусная реклама, вовлекающая реципиентов абсолютно разных статусов. В результате охват аудитории возрастает, а статус университета закрепляется в сознании людей.

Мы выдвигаем гипотезу, что цифровой имидж отличается от медийного благодаря специфике своего существования, когда интерактивность обеспечивает непрерывные изменения в имидже вне зависимости от имиджмейкеров, которые теряют полный контроль над управлением имиджем. Реципиенты становятся полноправными участниками имиджевого дискурса и приобретают статус модераторов, даже если сами не подозревают об этом: ставят «лайки», делают репосты, комментируют и просто просматривают (что тоже отражается на показателях). Цифровой имидж вуза и вовсе рассматривается впервые, что продолжает изыскания лингвопрагматики, лингвоимиджелогии, интернет-лингвистики и когнитивной лингвистики.

Цифровой имидж вуза как объект исследования представляет собой комплексное образование,

и площадки его создания различны: официальный сайт вуза, социальные сети, новостные порталы. Другими словами, все источники информации, где есть возможность взаимодействия как между адресантом и адресатом, так и между адресатами. Такой объем необходимо ограничить. В связи с этим нужно ввести методологическую рамку, которая позволит определить критически важные моменты.

В данной статье предметом исследования являются особенности поликодовых текстов как части цифрового имиджа вуза в социальной сети Instagram, что продолжает наше исследование [4]. Это дает возможность провести сравнительно-сопоставительный анализ публикаций вузов в наиболее популярной социальной сети в России [1]. Мы выбрали мобильную версию приложения как более востребованную, поскольку она позволяет просматривать контент в любом месте и в любых условиях. В работе рассматриваются два конкурирующих университета в Челябинске — Южно-Уральский государственный университет (ЮУрГУ) и Челябинский государственный университет (ЧелГУ). Период рассмотрения — апрель 2021 г. Данные верны на 30 апреля 2021 г. и определены скриншотами.

Важно отметить, что в исследовании в качестве поликодового текста рассматриваются не только сами изображения публикаций. Интерактивность и динамизм убеждают нас в том, что подход к поликодовому тексту нужно изменить, и мы принимаем весь пост за поликодовый текст. Решение обусловлено тем, что при просмотре на электронном носителе все, что показывает экран устройства, воспринимается как единое целое. Сюда входят, помимо изображения, текст публикации (в том числе смайлики и эмоджи), миниатюры аватаров, символы («лайки», репосты, комментарии, просмотры). При когнитивности в сфере интуитивного «предпознания» [5] мозг фиксирует все в качестве «естественного скриншота», и мы полагаем, что восприятие такого «естественного скриншота» можно приравнять к полноценному поликодовому тексту.

В нашей работе мы считаем обоснованным обратиться к сетевому формату рассредоточенной ментальной репрезентации, который «позволяет выделить в процессе понимания поликодового текста три этапа его когнитивной обработки: первичная структурная обработка, лексическая обработка, семантическая обработка» [10. С. 7]. Кроме того, учитывается, что каждая коммуникация имеет свои ограничители, например, в устной речи

коммуникантов ограничивает время. В электронной коммуникации таким ограничителем выступает пространство, в нашем случае — пространство поста. Однако вербальные и невербальные компоненты поликодового текста при взаимодействии расширяют пространство. Именно поликодовость позволяет преодолеть ограниченность пространства поста и выйти за его пределы при условии единой прагматической ориентации и семантической общности компонентов разных кодов. Эта особенность предопределяет фокус исследования на пространственной составляющей, которая была подробно рассмотрена ранее [3].

В связи с пространственным ограничителем необходимо учитывать размер (длину) поста: если он не полностью помещается на экран мобильного устройства и для его прочтения, например, нужно прокрутить ленту, то поликодовый статический текст частично меняет свои свойства, не позволяя одновременно прочитать все сообщение. В результате нарушается традиционное понимание поликодового текста, когда восприятие информации, зашифрованной разными кодами, происходит хоть и дискретно, но параллельно и вовсе не обособлено. Проблема «длинного» поста приводит нас к заключению, что это также поликодовый текст, но неразвернутый. Таким образом, мы вводим понятие «неразвернутого поликодового текста», который, помимо вышеуказанного, реализуется при разворачивании текста публикации, использовании слайдера и прочтении комментариев, где коммуниканты реализуют разные стратегии в деформированной структуре виртуальной коммуникации [6].

Важной особенностью общения в социальных сетях является то, что в них формально доминирующий способ коммуникации — письменный, но концептуально — устный, и если характеристикой первого выступает орфографическая игра, то второго — спонтанная реакция [8]. Таким образом, мы имеем дело с взаимодействием не только разных кодов, но и разных способов коммуникации, что должно привести к специальной классификации поликодовых текстов в социальных сетях. Так, вслед за Н. В. Цветковой мы рассматриваем идентифицирующие, включающие, модифицирующие, ассоциативные, образовизуализирующие поликодовые тексты в зависимости от характера связи между вербальным и невербальным компонентами [11] и учитываем вероятность того, что классификация поликодового текста может расширяться с развитием возможностей социальных сетей и выполняемых ими функций.

Принципиальным отличием поликодовых текстов от вербальных является то, что на первом этапе при построения базовой репрезентации учитывается содержание визуальной составляющей. Именно изображение определяет структуру семантической сети, и когда начинается семантическая обработка вербального текста, концепты, которые совпадают с уже активированными, стабилизируются, а те, которые не согласуются с ними, — обычно ингибируются [10. С. 16]. Другими словами, вначале реципиенты обращают внимание на изображение и лишь потом — на текст. В реальности же картинки для постов довольно часто выбираются необдуманно, сопутствующие показатели («лайки», репосты, комментарии, просмотры) подвержены изменениям, в большей степени продумывается текст. Вышеуказанное влечет за собой понимание содержания поста, которое не было запланировано. Среди недочетов публикаций в социальных сетях встречается еще один — эклектичность изображений, что ведет к бессистемной активации различных концептов и мешает полноценному пониманию задуманного «месседжа».

На странице социальной сети Instagram Южно-Уральского государственного университета опубликованы 24 записи за апрель 2021 г. При пролистывании ленты ни один пост не читается полностью без разворачивания (нажатия кнопки «еще»). Значит, функция поликодового текста не реализуется полностью, а концепты активируются главным образом посредством семантической обработки изображения. Отметим, что четыре поста не являются фотографиями, а представляют собой коллажи с вербальным компонентом. Кроме того, на четырех фотографиях в виде фона также участвует текст. В результате, помимо общей поликодowości экрана, 8 из 24 постов в рамках изображения включают вербальный и невербальный компоненты.

Среди других невербальных компонентов выделяются: возможность просмотреть несколько изображений в одном посте (точки в слайдере), возможности «лайка» (сердечко), комментария (облако), репоста (самолет), закладки (собственно знак закладки), количество подписчиков, кому понравился пост (число), первые строки подписи (иногда с хэштегами и эмоджи) и дата. Все вышеперечисленное непосредственно влияет на восприятие реципиентом в рамках поликодового сообщения.

В результате исследования мы выявили, что 11 постов Instagram-страницы Южно-Уральского государственного университета реализуют возмож-

ности слайдера. Данный показатель составляет почти половину всех публикаций. Девятнадцать постов используют различные эмоджи сразу после названия сообщества, что отделяет вербальный текст и облегчает его понимание. Также в двух постах используются хэштеги, которые расширяют пространство. Подписи трех постов представляют собой текст без символов (до разворачивания). Комментарии (и, соответственно, возможность их развернуть) есть только у восьми постов. Таким образом, все же основная семантическая нагрузка лежит на изображениях, на которых представлены люди, за исключением трех публикаций. Везде используется неразвернутый поликодовый текст, что ограничивает полное понимание содержимого. Свернутое пространство получает расширение в двух постах за счет хэштегов, в восьми постах — посредством комментирования, в 11 постах — за счет слайдера. Эклектичность отмечена только в одном посте.

Instagram-страница Челябинского государственного университета значительно менее активна: всего четыре записи за апрель 2021 г. Это является очень низким показателем и не может считаться важной составляющей в цифровом имидже вуза. Анализ поликодовых текстов постов показывает, что три из четырех постов используют возможности слайдера и тем самым расширяют пространство публикаций. Три поста в качестве изображения имеют фотографии, один пост — коллаж с вербальной составляющей на основе фотографии. Эмоджи и возможность развернуть комментарии найдены в двух постах. Изображения всех постов в виде фона включают иконический знак ЧелГУ — ракушку, что является отличным ходом и опровергает предположение о случайности подобранных изображений.

При значительном расхождении количества публикаций в Instagram-профилях двух вузов в апреле (в 6 раз) удивительным является тот факт, что все четыре публикации ЧелГУ имеют более 200 «лайков», в то время как на Instagram-странице ЮУрГУ — только два поста из 24. Учитывая, что профиль ЧелГУ в Instagram насчитывает 4260 подписчиков, а ЮУрГУ — 5768 «фолловеров», мы считаем, что такой результат обусловлен именно непостоянной активностью ЧелГУ в Instagram и желанием подписчиков оценить редкие публикации. Однако в долгосрочной перспективе при учете основной цели — заинтересовать больше людей — данный показатель не является значимым, если частота публикаций не увеличится.

Рассматривая составляющие поликодового текста, мы, безусловно, помним о различиях социальных сетей. Так, Instagram направлен на публикацию изображений. Другие социальные сети имеют свои приоритеты. Например, «ВКонтакте» нацелен в большей степени на общение. Однако по мере функционирования данных социальных сетей происходят изменения тенденций. Так, развитие Instagram определяют увеличение доли вербального текста, эстетизация коммуникации, определение целевой аудитории, применение инфографики [7]. Для «ВКонтакте» появление «умной ленты» в 2016 г. стало значимым изменением.

В результате устойчивое развитие социальных сетей позволяет сравнить их поликодовые тексты как важную часть цифрового имиджа и определяет перспективу нашего исследования. В дальнейшем следует обратить внимание на взаимосвязь видов поликодового текста и популярности постов, рассмотреть, как реализуются коммуникативные стратегии университетов в поликодовом тексте, изучить влияние временного показателя на цифровой имидж вуза в социальных сетях, выяснить сходства и различия реализации цифрового имиджа российских и иностранных вузов на примере других социальных сетей.

Список литературы

1. Аудитория социальных сетей в 2021 году. URL: https://marketinguniversity.ru/socialnye_seti-2021 (дата обращения 25.04.2021).
2. Гуреева А. Н. Социальные сети как медиакоммуникационный ресурс управления имиджем российского вуза // Медиаскоп. 2015. Вып. 1. URL: <http://www.mediascope.ru/1674#6> (дата обращения 05.03.2021).
3. Двинина С. Ю. Пространственная составляющая в университетском дискурсе (на примере слайдеров сайтов отечественных и зарубежных вузов) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Лингвистика. 2018. Т. 15, № 4. С. 5—8.
4. Двинина С. Ю. Особенности аккаунтов вузов в сети Instagram в период самоизоляции 2020 // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 12 (446). Филологические науки. Вып. 122. С. 40—45.
5. Демьянков В. З. Когниция и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. 2005. № 3. С. 5—10.
6. Карпоян С. М. Функции комментария на различных коммуникативных платформах социальных сетей // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11-2. С. 242—245.
7. Кащеев О. В., Головкин В. Я. Креолизованный текст в Instagram как симбиоз визуального искусства и текста // Всероссийская научно-практическая конференция «ДИСК-2018»: сб. материалов. 2018. С. 273—276.
8. Мичурин Д. С. Прецедентный поликодовый текст в вербально-изобразительной коммуникации интернет-сообществ (на материале русскоязычных имидж-форумов): автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.19. Тверь, 2014. 19 с.
9. Симбирцева Н. А. Мультимедийный текст и альтернативные коммуникативные практики // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25, № 1 (183). С. 88—98.
10. Сонин А. Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Москва, 2006. 42 с.
11. Цветкова Н. В. Принцип иконичности и его реализация в поликодовом рекламном дискурсе: на материале английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Барнаул, 2012. 21 с.

Сведения об авторе

Двинина Светлана Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. iana-dvinska@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 7 (453). *Philology Sciences. Iss. 125. Pp. 47—51.*

CREOLIZED TEXTS IN THE UNIVERSITY DIGITAL IMAGE

S. Yu. Dvinina

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. lana-dvinska@mail.ru

The article discusses the digital image of two universities in the city of Chelyabinsk, Russia, during the period of one month, April, 2021. The study considers the social network Instagram as a part of university digital image. The work dwells on the creolized texts in the Instagram accounts and their specific interactive role in the university digital image. The concept of digital image is studied. The author analyzes the posts of the given Instagram accounts to define the digital image of universities and outline their peculiarities. The author suggests using the notion of unexpanded creolized text as an opposition to a static creolized text. Multimedia texts are mentioned as unrealized creolized texts. The article shows the tendencies of Instagram and VKontakte development and proposes to continue researching posts and commentaries to assess the effectiveness of university digital image to manifest the university agenda and to attract the key audience.

Keywords: *digital image, university, creolized text, social network, Instagram, VKontakte, space.*

References

1. Auditoriya socialnyh setej v 2021 godu [Audience of Social Networks in 2021]. Available at: https://marketinguniversity.ru/socialnye_seti-2021, accessed 25.04.2021 [in Russ.].
2. Gureeva A. N. (2015) *Mediaskop*, no. 1. Available at: <http://www.mediascope.ru/1674#6>, accessed 05.03.2021 [in Russ.].
3. Dvinina S. Yu. (2018) *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, iss. 15, no. 4, pp. 5—8 [in Russ.].
4. Dvinina S. Yu. (2020) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 12 (446), pp. 40—45 [in Russ.].
5. Demyankov V. Z. (2005) *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, no. 3, pp. 5—10 [in Russ.].
6. Karpoyan S. M. (2015) *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, no. 11-2, pp. 242—245 [in Russ.].
7. Kashcheev O. V., Golovko V. Ya. (2018) Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya "DISK-2018". Pp. 273—276 [in Russ.].
8. Michurin D. S. (2014) Precedentnyj polikodovyy tekst v verbal'no-izobrazitel'noj kommunikacii internet-soobshchestv (na materiale russkoyazychnyh imidzh-forumov) [Precedent Creolized Text in Verbal and Graphic Communication of Internet Communities (on the materials of Russian Image-Forum. Abstract of thesis]. Tver. 19 p. [in Russ.].
9. Simbirceva N. A. (2019) *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kultury*, iss. 25, no. 1 (183), pp. 88—98 [in Russ.].
10. Sonin A. G. (2006) Modelirovanie mekhanizmov ponimaniya polikodovykh tekstov [Modelling of Mechanisms of Creolized Text Understanding. Abstract of thesis]. Moscow. 42 p. [in Russ.].
11. Tsvetkova N. V. (2012) Princip ikonichnosti i ego realizaciya v polikodovom reklamnom diskurse: na materiale anglijskogo yazyka [Principles of Iconicity and Its Realization in Creolized Advertising Discourse: on the Material of the English Language. Abstract of thesis]. Barnaul. 21 p. [in Russ.].

ИЗЫТОЧНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОПИСНОЙ БУКВЫ: КОРПОРАТИВНАЯ И ВЕДОМСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

Ц. Дин

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Статья посвящена нарушению орфографических норм употребления прописной буквы в практике российских компаний, министерств и ведомств, органов власти различного уровня. Отступления от орфографических правил русского языка в рассматриваемых сферах неуклонно нарастают — ведомственное и корпоративное «нормотворчество» становится нормой в локальных областях узуса.

Ключевые слова: *употребление прописной буквы, орфографические правила, корпоративная и ведомственная норма.*

В последнее время все чаще можно услышать высказывания в защиту отступлений от действующих орфографических норм русского языка. Апологетика такого рода основана, как правило, на утверждениях о необходимости «развития» языка, его живом организме, меняющемся вместе с реалиями жизни общества. Однако эта динамика не всегда лежит в русле прогресса: изменения могут идти не только по восходящей, но и по нисходящей линии, то есть представлять собой не прогресс, а регресс, упадок и деградацию. К таким опасным последствиям может привести нарастающая активность в письменном русском языке «нормотворчества», принятого в практике компаний, а также различных ведомств, организаций, учреждений. Это явление требует пристального рассмотрения и анализа.

Развитие бюрократического стиля (так называемого «канцелярита») в русском языке и распространение его за пределы сферы деятельности самой бюрократии (то есть за рамки официально-деловой сферы) — явление не новое. Это явление исследовал К. И. Чуковский еще в 1960-х гг. (в книге «Живой как жизнь»; впервые издана в 1962 г.). Корней Чуковский, известный больше как детский писатель, был также литературоведом. Он признавал неизбежность развития языка: «Русский язык, как и всякий здоровый и сильный организм, весь в движении, в динамике непрерывного роста... Нет ни на миг остановки, и не может быть остановки» [14].

Вместе с тем автор книги «Живой как жизнь» предостерегал от засилья бюрократического языка, «канцелярита»; по его словам, это «тяжеловесный, единообразный язык официально-деловой документации, который прополз в нашу жизнь

и с удобством в ней обосновался». Именно это явление, ставшее привычной нормой, мы наблюдаем в последние десятилетия.

Эти наблюдения актуальны и в настоящее время. По нашему убеждению, злоупотребление использованием прописной буквы в нарушение норм и правил — одно из проявлений «канцелярита», который сегодня взят на вооружение не только в официально-деловой, но и в корпоративной сфере. Это одна из болевых точек современной практики русского языка, разъедаемого негативным влиянием распространяющегося «канцелярита», который не признаёт общих норм и правил русского языка, — он порождает собственные, искаженные нормы, распространяющиеся все шире. Широкая публика даже не замечает, что пользуется канцеляритом в своей повседневной жизни.

Можно утверждать, что и прописная буква все чаще употребляется на практике, причем безосновательно: «Мы сталкиваемся с тенденцией, знакомой нам по предшествующим периодам русского языка, — вопреки правилам возникает гиперкорректное употребление прописных букв, их использование растёт, в связи с чем вырабатываются экстралингвистические принципы их узуального употребления» [7. С. 421].

Практика письма в XXI в. доказывает неустойчивость способа употребления прописных букв в ряде зон узуса; мы остановимся на примерах из письменных текстов корпоративных и ведомственных документов, контента официальных сайтов компаний и организаций в Интернете.

Уместно напомнить внятный орфографический принцип, предложенный в конце XIX в. российским филологом академиком Яковом Карловичем Гротом [5. С. 154]. Оценивая чрезмерность в упо-

реблении прописной буквы (даже в то время!) он констатировал: «Слишком пестрить письмо большими буквами, конечно, не годится, но, с другой стороны, и слишком тщательно избегать их нет основания: большие буквы во многих случаях доставляют ту практическую пользу, что при беглом чтении или при просмотре прочитанного дают глазу точки опоры, облегчают ему отыскание нужного» [2. С. 359].

С тех пор правила русского языка претерпели немало изменений. Однако принцип, предложенный Гротом, думается, должен оставаться ключевым и актуальным до наших дней: необходим баланс между потребностями пишущих, обусловленными здравым смыслом, и соблюдением неких нормативных основ. Тексты не должны «слишком пестрить письмо большими буквами».

Однако правило Грота, основанное на здравом смысле, повсеместно не соблюдается. Сегодня баланс, рекомендованный русским академиком, явно искажен; равновесие нарушено в сторону произвольного написания вопреки правилам. Нарушаются не только «рецепты», прописанные Гротом. Попираются и «Правила русской орфографии и пунктуации» 1956 г., которые никто не отменял, и последний академический свод — «Правила русской орфографии и пунктуации» под редакцией В. В. Лопатина, первое издание которых вышло в 2006 г.

Свод правил под редакцией Лопатина содержит целую главу, посвященную правилам употребления прописных и строчных букв (гл. 5). В нее включены параграфы «Названия органов власти, учреждений, организаций, обществ, партий» (§§ 189—193), «Названия должностей, званий, титулов» (§ 196), «Названия товарных знаков, марок изделий и сортов» (§§ 198—200), «Прописные буквы в особом стилистическом употреблении» (§§ 201—203) [10. С. 182—189]. Именно эти правила, на наш взгляд, нарушаются в корпоративной и ведомственной практике наиболее часто. Есть основания полагать, что массовые нарушения этих норм связаны с тем, что сами нормы не предлагают пишущим достаточной основы для выбора прописных и строчных букв [8. С. 11].

Примеры, которые мы будем рассматривать, относятся к нарушению преимущественно этих разделов «Правил русской орфографии и пунктуации». В частности, чрезвычайно широко распространено избыточное употребление прописной в названии компаний, которыми они сами себя именуют на собственных официальных сайтах [13. С. 173].

Все более агрессивное и распространенное нарушение этого правила можно наблюдать в узусе. Подобные нарушения характерны и для малоизвестных компаний, и для официальных структур, органов власти крупных муниципальных образований. Рассмотрим подобные случаи.

Например, на сайте группы компаний «Владимирский Котельный Завод» (<https://www.automaticles.ru/>), в разделе «О заводе» написано: «Группа компаний Владимирский Котельный Завод, Котельный Завод «Автоматик-Лес», Ковровский Котельный Завод, Арсенал-Энерго является ведущим производителем и поставщиком современного, технологичного котельного оборудования на биотопливе». Оставим в стороне нарушение иных орфографических правил в этой цитате, обратим внимание лишь на написание с прописной буквы слов «Котельный» и «Завод», написанных с прописной буквы, хотя и являющихся формой имен нарицательных.

В данном случае нарушается § 189 раздела «Названия органов власти, учреждений, организаций, обществ, партий», в соответствии с которым в составных названиях организаций (из нескольких слов) с прописной буквы должно быть написано только первое слово и входящие в состав названия имена собственные. Имен собственных внутри этих названий нет, поэтому правило явно нарушено.

Еще один типичный пример излишнего употребления заглавной буквы в названии организаций — в наименовании объединения промышленников и предпринимателей столицы. На официальном сайте Московской Конфедерации промышленников и предпринимателей (работодателей) собственное название эта уважаемая организация указывает таким образом: «Полное наименование Конфедерации на русском языке — Региональное объединение работодателей города федерального значения Москвы “Московская Конфедерация промышленников и предпринимателей (работодателей)”» (<http://www.mkppr.ru/o-konfederacii>).

В этом контексте слово «конфедерация» — имя нарицательное, синоним слов «ассоциация», «союз», «объединение». С прописной буквы здесь должно быть написано только первое слово — «Московская». В этом примере мы сталкиваемся с нарушением того же параграфа № 189 свода правил Лопатина, как и в предыдущем случае.

На официальном сайте не менее уважаемой обувной компании «Ортомода» читаем название отдела, в котором каждое слово написано с прописной буквы: «Отдел Государственных Контрактов»

(изготовление ортопедической обуви и поставка)» (<http://www.orthomoda.ru>). Как видим, здесь совершенно неоправданно употребляется прописная буква в начале обоих существительных, являющихся именами нарицательными (отдел, контракты). Нет оснований писать с прописной и прилагательное (государственные). Видимо, компания придает настолько серьезное значение поставкам своей продукции на основе государственных контрактов, что пытается придать соответствующему отделу неимоверно высокий статус.

Очевидно, в данном примере имеет место случай, когда гипертрофированное представление о роли конкретного структурного подразделения (хотя данный отдел действительно выполняет важные функции в бизнесе предприятия) находит отражение в его наименовании.

Как представляется, в данном примере мы имеем дело с частным случаем подхода, который в последнее принято называть теорией «свободного письма» — как думается, так и пишется. Этот подход приобретает особенно широкое влияние с развитием сетевых коммуникаций. На своих интернет-ресурсах блогеры пишут как хотят, именуясь при этом «лидерами мнений». Не отстают от них в «самовыражении» и компании: имея собственные сайты, дают волю импровизации, даже не помышляя о соблюдении каких-то норм и правил. Основной движущий мотив при этом — рекламирование своей продукции и повышение собственного статуса.

Очевидно, на повышение статуса начальников разного уровня направлено и наименование их должностей. Однако на этот счет, как и относительно названий организаций, предусмотрена четкая регламентация. В соответствии с правилами от 1956 г. с прописной буквы следовало писать только названия высоких должностей и почетных званий: Председатель Президиума Верховного Совета, Герой Советского Союза (§ 95, примечание 7).

В своде правил под редакцией Лопатина подобные высокие титулы тоже предлагается писать с прописной. Однако в отношении всех прочих должностей установлено написание со строчной буквы. В частности, в § 196 уточняется, что со строчной пишутся не только «руководитель департамента, заведующий отделом, управляющий делами», но и «директор, генеральный директор». Даже такие титулы как «президент, канцлер, председатель, министр, премьер-министр, заместитель министра, мэр, император, королева, хан, шейх, генеральный секретарь» нельзя писать с пропис-

ной буквы [10. С. 185]. К сожалению, эти правила напрочь забыты и попираются в современной практике.

Только в официальных текстах названия высших государственных должностей и титулов должны быть написаны с прописной буквы: «Президент Российской Федерации, Ее Величество Королева Англии, Премьер-министр Индии». Однако в неофициальных текстах даже эти, столь высокие титулы, следует писать со строчной буквы, например: отставка президента, прием у королевы, заявление премьер-министра.

Эти правила в корпоративной и ведомственной практике тотально нарушаются. Чрезвычайно распространено избыточное употребление прописной буквы в названиях различных структурных подразделений (отделов, управлений, департаментов, комитетов и т. п.) и в названиях должностей руководителей подобных структурных единиц. Очевидно, такие структурные подразделения слишком уважают себя и посредством прописной буквы указывают на это обществу. В подобных случаях прописная буква выступает уже не только как лингвистический «сигнал», некий языковой реперный знак: она используется в качестве социального индикатора: транслирует обществу информацию о мнимом высоком статусе упоминаемого чиновного подразделения.

Отчасти этому способствует формулировка § 203 в своде правил под редакцией Лопатина: «С прописной буквы могут писаться некоторые нарицательные существительные в контекстах, где им приписывается особый высокий смысл: Родина, Отечество, Отчизна, Свобода, Добро, Честь, Человек, Учитель, Мастер и т. п.» [Там же. С. 189]. Приписывать особый высокий смысл любым проявлениям власти и ее носителей — довольно понятная человеческая слабость. Строго говоря, даже написание «Котельный Завод» может быть оправдано ссылкой на «особый высокий смысл», что, впрочем, будет явным нарушением здравого смысла и свидетельством о несовершенной формулировке нормы.

Подобные нарушения правил можно отнести к числу самых типичных. Они стали привычными в восприятии большинства граждан, не обремененных знанием норм орфографии. В сущности, имеются исключения в большинстве русских правил орфографии [11. С. 326]. Вместе с тем в среде людей, обладающих высоким уровнем грамотности и культуры, такое «нормотворчество» вызывает раздражение, о чем свидетельствуют комментарии

в Интернете. В их числе встречаются довольно острые и нелицеприятные.

Так, в одной из публикаций портала «Территория грамотности» (статья «Когда не нужны заглавные буквы» от 22.07.2015, <http://ktvd.ru/lishnie-bolshie-bukvy/>) разъясняется: «Написания вроде «Генеральный директор», «Основатель и бессменный Президент», «Заместитель Председателя Совета Директоров» — не уважение к кому бы ни было, а ошибка». Один из пользователей выразил солидарность с этой публикацией, сформулировав бескомпромиссный нравственный критерий: «А еще можно сказать, что выбор буквы для названия должности является также и инструментом диагностики — это верный маркер предрасположенности к рабству». Спорить с таким выводом сложно. Вывод автора публикации носит уже не лингвистический, а сугубо социальный характер. И в целом данный пример ярко демонстрирует: правила русского языка — это не пустая условность, не прихоть «высоколобых» лингвистов, углубленных в свою узкопрофессиональную сферу деятельности; соблюдение этих правил — отражение самой жизни, зеркало общественных отношений, социальной иерархии.

На официальных сайтах практически всех органов власти (и федеральных, и региональных, и муниципальных) можно встретить названия департаментов и управлений, написанных с прописной буквы. Возникает вопрос: на каком основании, по каким нормам и правилам?

Например, на сайте Министерства промышленности и торговли РФ в перечне функций одного из департаментов указано: «Основными задачами Департамента являются...» (https://minpromtorg.gov.ru/ministry/organization/dep/#!1&click_tab_vp_ind=2).

На официальном сайте правительства Московской области можно встретить такое написание названий структурных подразделений: «Главный специалист, заместитель начальника отдела в Управлении архитектуры и градостроительства администрации г. Краснознаменск Московской области»; «Главный специалист, консультант в Главном управлении архитектуры и градостроительства Московской области»; «Председатель Комитета по архитектуре и градостроительству Московской области» (<https://mosoblarh.mosreg.ru/ov/struktura-organa-vlasti/predsdatel-komiteta-po-arkhitecture-i-gradostroitelstvu-moskovskoi-oblasti>).

В новостном сообщении на официальном сайте Владимирской области (<https://avo.ru/>) встречаем

такой текст: «29 сентября Губернатор Владимир Сипягин примет участие в Марафоне открытий центров образования цифрового и гуманитарного профилей «Точка роста» Минпросвещения России». Как видим, в данном сообщении нарушение правил употребления прописной буквы присутствует и в названии должностного лица (губернатор), и в названии мероприятия. Слово «марафон», написанное здесь с прописной буквы, в данном контексте является именем нарицательным, а не собственным, поскольку название марафона — «Точка роста».

Ошибочное написание названия мероприятия (слов «конкурс», «фестиваль», «форум», «конференция» и т. п.) вне его официального названия встречается довольно часто. При этом можно наблюдать сбивчивое, колеблющееся употребление прописной буквы в названии мероприятия даже внутри одного короткого сообщения.

Например, в новостной публикации о конкурсе профессионального мастерства «Лучший по профессии» на сайте Минтруда РФ (<https://mintrud.gov.ru/events/1306>) существительное «конкурс» написано во втором абзаце с приписной буквы («Организаторами федерального этапа Конкурса являются...»), а в четвертом — уже со строчной («Теоретическая часть конкурса проводится в виде тестирования...»).

Авторы новостной заметки словно сомневаются, как же все-таки правильно писать — с прописной буквы или со строчной. И это впечатление не случайное: к сожалению, многие пишущие, даже обладающие приличным образовательным уровнем, действительно не знают правил употребления прописной буквы и используют ее «по вдохновению».

С заглавной буквы именуют свои структурные подразделения (в частности, департаменты) даже уважаемые ведомства гуманитарного профиля, которые, казалось бы, должны служить эталоном в данной сфере. Стоит ли тогда строго судить организации с техническим уклоном — различные НИИ, конструкторские бюро и т. п.

Например, на сайте одного из конструкторских бюро в сфере легкой промышленности предлагаются услуги школы конструирования одежды. В объявлении, приглашающем в школу, сообщается: «В Программу Курса входит вся теоретическая и практическая информация...» (<https://www.lekalaim.ru/ru/shkolakonstr/>). Оба существительных (и «программа», и «курс») в данном контексте должны быть написаны со строчной буквы, поскольку являются именами нарицательными.

Кстати, по окончании «Курса» организаторы школы конструирования одежды обещают выдачу «Авторского Сертификата», и эти слова также ошибочно написаны с прописных букв. Стоит ли говорить о написании названия самой школы? Разумеется, каждое слово в нем — с заглавной буквы: «Московская Школа Конструирования Одежды».

Похожих примеров — масса. Прописные буквы уже так примелькались в подобных текстовых конструкциях (так «пестрят», по образному выражению академика Я. К. Грота), что никто на подобные отступления от норм даже внимания не обращает.

Как утверждает А. В. Суперанская, система имен собственных постоянно меняется и преобразуется [12. С. 12]. Эта система имеет соответствующие особенности развития в каждом периоде, что приводит к переплетению имен собственных и нарицательных. И тем не менее основные правила написания имен собственных остаются в сфере нормирования (в настоящее время — в рамках ПАС под редакцией Лопатина). Однако написание с заглавной буквы имен нарицательных — это еще один широко распространенный вид нарушения норм орфографии.

В. В. Шаповал называет эту ситуацию «условными именами собственными» [15]. И. В. Нечаева также отмечает эту тенденцию, характерную для нашего времени: «“из уважения” все чаще с прописной буквы пишутся в узусе некоторые нарицательные наименования» [6. С. 50]. Многочисленные случаи такого написания встречаются в контенте официальных сайтов компаний, в их рекламных рассылках.

Внутри этого вида нарушений, в свою очередь, можно выделить отдельные группы типичных случаев. Один из них — написание с прописной буквы слова «общество» в отрыве от аббревиатур ОАО, ПАО, ООО. Например, на сайте ООО «Проминэкспо» (<https://tpkuntsevo.ru/info/>) в разделе «Информация» написано: «На тот момент на территории Общества располагались несколько швейных предприятий...»

Это случай глубоко укоренившегося корпоративного «нормотворчества»: компании, юридическими организационными формами которых являются общество с ограниченной ответственностью (ООО), публичное акционерное общество (ПАО) или открытое акционерное общество (ОАО), ошибочно употребляют слово «общество» в качестве имени собственного и совершенно необоснованно пишут

его с заглавной буквы. Попытайтесь убедить эти компании в том, что они пишут с ошибкой! В ответ услышите: «У нас так принято». Как будто существуют правила русского языка общепринятые и особые, принятые в данной компании... Гипертрофированное представление компаний о собственной значимости отражается в узусе — в данном случае в корпоративной языковой практике.

Также в нарушение правил часто пишется с большой буквы в середине предложения слово «компания». Например, в кодексе деловой этики крупной нефтяной компании встречаем такую фразу: «Наша Компания — это не только ее настоящее, но прошлое и будущее» (<http://media.rspp.ru/document/1/7/f/7f5d0045c41affbb893fd5e5684a8b0f.pdf>).

На официальном сайте этой же компании написано: «Ежедневно продукцию Компании, энергию и тепло покупают миллионы людей более чем в 100 странах мира, улучшая качество своей жизни. Более 100 тысяч человек объединяют свои усилия и таланты, чтобы обеспечить эффективное развитие Компании...» (<https://lukoil.ru/Company/CorporateProfile>).

Наконец, безосновательное употребление прописной буквы при написании имен нарицательных используется в корпоративной практике для привлечения внимания к отдельным выражениям, словосочетаниям, рекламируемым мероприятиям, товарам или услугам.

Оставляя за рамками данной статьи системный анализ избыточного употребления прописной буквы в сфере рекламы (ввиду обширности этой специальной темы), рассмотрим лишь отдельные примеры, где данный вид неправильного написания имен нарицательных мотивирован, на наш взгляд, излишним пафосом корпоративных текстов.

В частности, это свойственно объявлениям о вакансиях, размещаемым на сайтах кадровых агентств (в том числе довольно известных). Пытаясь придать особую важность предлагаемым вакансиям или акцентировать внимание на отдельных требованиях к соискателям, компании выделяют прописной буквой эти слова и словосочетания — вопреки правилам орфографии.

Например, на сайте кадрового агентства НН.Ru опубликовано объявление о вакансии компании «Образовательный центр Merlin». В числе требований к претенденту (преподавателю русского языка) содержится такое: «Твердое знание заданий и процедуры проведения Единого (и общего)

Государственных Экзаменов по Русскому языку и литературе» (<https://hh.ru/vacancy/39465012?query=%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%20%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%D0%B0>).

Аббревиатура ЕГЭ официально расшифровывается как Единый государственный экзамен — как видим, с прописной буквы здесь должно быть написано только первое слово (под термином ЕГЭ подразумевается централизованно проводимый в Российской Федерации экзамен в средних учебных заведениях — школах, лицеях и гимназиях). В цитируемом объявлении о вакансии избыточным употреблением прописной буквы является написание не только слов в названии самого государственного экзамена, но и конкретной дисциплины (предмета), в данном случае — русского языка.

Нередко в корпоративных сообщениях, рассылаемых по базе данных потенциальным клиентам, избыточное употребление прописной буквы призвано привлечь внимание к предоставляемой услуге, проводимому мероприятию. Так, в рассылаемом сообщении организационного комитета международного конкурса иностранных языков (ya-lingvist.ru) сообщается:

«УВАЖАЕМЫЕ УЧАЩИЕСЯ, ПЕДАГОГИ И ШКОЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАТОРЫ!

Приглашаем Вас принять участие в Международном конкурсе иностранных языков «Я Лингвист»

Прием заявок осуществляется с 01.10.2020 по 08.10.2020 включительно

Предлагаем Вам конкурсы по следующим дисциплинам:

Английский язык, Немецкий язык, Русский язык, Французский язык».

Пунктуация авторов текста сохранена; оставляя ее без комментария, отметим лишь неоправданное написание с прописной буквы имени нарицательного «лингвист», а также перечисленных языков. Избыточное употребление прописной буквы в данном примере выглядит особенно одиозно с учетом лингвистического профиля рекламируемого мероприятия.

Посетив сайт конкурса, можно обнаружить такие обещания организаторов: «Участники получают Сертификаты, а наиболее отличившиеся по итогам олимпиад — Дипломы I, II, III степени, подарки

и призы»; «Все организаторы конкурса получают Благодарственные грамоты».

Очевидно, что «Сертификаты», «Дипломы», «Благодарственные грамоты» в данном контексте не должны быть написаны с прописной буквы.

Еще один типичный случай неграмотного употребления прописной буквы в корпоративных и ведомственных текстах — написание местоимения «Вы» с большой буквы при обращении к аудитории, к группе лиц. Между тем в своде правил под редакцией Лопатина сказано, что с прописной буквы пишутся «местоимения Вы, Ваш как форма выражения вежливости при обращении к одному конкретному лицу (§ 202)». В обращении к нескольким лицам требуется писать это местоимение со строчной буквы, однако это правило нередко нарушается.

Вот пример с сайта косметической компании из Челябинска: «Представляем Вашему вниманию **НОВИНКИ!!!** Специально к 23 февраля мы создали для Ваших мужчин эксклюзивные наборы!» (<https://cosmetics-eco.com/2018/02/08/predstavlyaem-vashemu-vnimaniyu-novinki/>).

В этом примере не только пишется сплошь прописными буквами имя нарицательное «новинки», но и употребляется местоимение «ваших» с большой буквы, хотя текст явно обращен не к одному конкретному лицу, а к некой аудитории, к группе лиц (к посетителям сайта).

Раздражение, вызываемое ошибочным обращением на «Вы» с прописной буквы приводит к тому, что у некоторой части читающей аудитории вызывает протест даже грамотное обращение на «Вы» с прописной буквы к одному человеку. Высказывается мнение, что такое обращение излишне, поскольку якобы местоимение «вы» вместо «ты» уже само по себе является достаточно вежливой формой. Приведем в подтверждение этого тезиса комментарий Есени Павлоцки, лингвиста-морфолога института филологии, массовой информации и психологии Новосибирского государственного педагогического университета. Комментарий опубликован в электронной версии еженедельника «Аргументы и факты»: «И для дистанции, и для уважения такого обращения самого по себе (на вы со строчной вместо ты) уже достаточно, и прописная буква становится избыточной, самоуничижительной. Именно поэтому обращение на Вы во время общения и споров в социальных сетях похоже на выезд в парадной карете за продуктами в соседний магазин»

(https://aif.ru/society/education/kak_pisat_vy_s_propisnoy_ili_strochnoy_bukvy_kak_pravilno). Как видим, тотальная неграмотность может не только вызвать протест, но в отдельных случаях привести к орфографическому нигилизму, отрицанию необходимости официальных правил.

Анализируя мотивы избыточного употребления прописной буквы в приведенных примерах, можно отметить следующее. Все рассмотренные случаи демонстрируют попытки расширения функций прописной буквы. Используя ее в названии организаций, компаний и их структурных подразделений, должностей, пишущие пытаются повысить статус этих ведомств и их структурных единиц, а также лиц, возглавляющих данные организации и подразделения.

Выделяя прописными буквами отдельные слова или целые словосочетания в своих текстах, компании и ведомства пытаются привлечь внимание к значимости собственных достижений, организуемых мероприятий, предлагаемых вакансий, своего социального или экономического значения.

Самоназвания, написанные с прописной буквы (Компания, Общество, Технопарк) подтверждают тенденцию стремления к повышению собственной значимости. При этом пишущие совсем необязательно не знают соответствующих правил русского языка; они убеждены в возможности существования неких особых правил, действующих внутри компании (ведомства).

Это явление и называют лингвисты «нормотворчеством» в негативном смысле слова. Например, С. А. Анохина оценивает масштаб этого явления не только в рамках личного действия пишущих, но и на уровне государственного — вариации, не соответствующие правилам, поощряются и предписываются; «ненормативная норма» становится имплицитной в практике делопроизводства [1. С. 86]. При этом примеры, противоречащие правилам, можно найти в некоторых орфографических словарях [9. С. 125].

Движущими мотивами неправомерного использования прописных букв в корпоративной и ведомственной практике являются вневеличественные факторы: социальные, экономические, психологические. В числе этих факторов: стремление придать более высокий статус своим организациям; улучшить имидж компании; повысить рыночную привлекательность продукта; усилить воздействие на потребителя; овладеть

общественным сознанием. При этом компании и организации, использующие данный «прием», не подозревают, что он вызывает эффект, прямо противоположный ожидаемому: даже не будучи лингвистами, не зная официальных правил употребления прописной буквы, получатели подобных сообщений испытывают неудовлетворенность, граничащую с раздражением и социальной неприязнью.

Как видим, в сфере применения прописных букв параллельно существуют две системы правил: общепринятые, официальные правила орфографии (нормативный русский язык) и ведомственно-корпоративное нормотворчество. Приходится признать, что вторая система приобретает все более экстенсивный характер, проникая за пределы ведомственного документооборота и отраслевых циркуляров, постепенно вытесняя нормативный русский язык и заменяя его неоправданными новациями в сфере применения прописных букв.

По мнению А. И. Дунёва, это явление отражает растущую неграмотность российского общества: «Орфографический диссонанс — противоречие между тем, что написано, и тем, что нужно написать в соответствии с действующими орфографическими правилами, — сопряжен с ощущением вседозволенности в письменной речи и, как следствие, растущей безграмотностью российского общества» [3. С. 38].

Нельзя не согласиться, что орфографический диссонанс ведет к росту уровня безграмотности общества [4. С. 157]. Вместе с тем, как нам представляется, у этого явления есть и другая сторона: неоправданное повышение посредством прописных букв статуса компаний, организаций и должностных лиц вызывает раздражение у части аудитории, обладающей высоким уровнем грамотности и взыскательными этическими принципами. Избыточность в употреблении большой буквы — это преувеличенное представление о собственной значимости пишущих. Однако в этических традициях русского общества (как и в философском учении Конфуция в Китае) всегда высоко ценились скромность и самоограничение, беззаветное служение обществу.

С другой стороны, чрезмерное, неуместное употребление в обращении на «Вы» с прописной буквы вызывает неприятие у части аудитории, воспринимающей это как подобострастие и самоуничижение. Эта форма обращения вы-

зывает в памяти старинную шутку, связанную с подобострастным обращением к начальнику: «Иван Иванович, у Вас карандашик упали-с»...

С учетом рассмотренных примеров можно сделать вывод, что соблюдение норм орфографии в употреблении прописной буквы в корпоративной и ведомственной практике за-

частую является не только проявлением уровня грамотности и культуры пишущих. Это явление обладает также внелингвистическим значением — свойствами некоего этического барометра, показателя уважительного отношения пишущих к аудитории или отражением их чувства собственного превосходства.

Список литературы

1. Анохина С. А. «Ненормативная норма» употребления прописных букв в управленческих документах // Гуманитарно-педагогические исследования. 2018. Т. 2, № 1. С. 81—89.
2. Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого донныне. СПб., 1876.
3. Дунёв А. И. Динамика орфографической нормы: прописная и строчная буквы в современной письменной речи // Вестник Герценовского университета. 2007. № 12 (50). С. 36—40.
4. Лекарева Л. А. Прописная буква: правила, принципы и практика употребления в современном письме // Вестник Псковского государственного университета. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2017. № 5. С. 154—159.
5. Нечаева И. В. Прописная графема и ее функции в современном письме // Русский язык в научном освещении. 2017. № 1 (33). С. 142—161.
6. Нечаева И. В. Прописная vs строчная в современном письме: источники нестабильности написаний // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 1. С. 48—53.
7. Николенкова Н. В., Дин Ц. Прописная и строчная буква в названиях праздников и торжественных дат в начале XXI века: лингвистический аспект // Мир науки, культуры, образования, издательство. 2020. Т. 82, № 3. С. 420—424.
8. Пономарёва Н. И. Употребление прописной буквы в официонимах (проблема совершенствования орфографической нормы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
9. Пономарёва Н. И. Анализ предложений и рекомендаций по совершенствованию орфографического правила (на материале употребления прописной буквы в официонимах) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2011. № 3 (10). С. 123—125.
10. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2006. 480 с.
11. Русский язык и культура речи: учеб. для бакалавров / под общ. ред. В. Д. Черняк. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2014.
12. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Либроком, 2009. 368 с.
13. Хакимова Е. М. Некодифицированные употребления прописных/строчных букв в текстах массовой коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 56. С. 166—186.
14. Чуковский К. И. Живой как жизнь. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=72506&p=5> (дата обращения 15.10.2020).
15. Шаповал В. В. Об одном орфографическом поветрии // Русский язык: еженедел. прил. к газ. «Первое сентября». 1999. № 5. С. 15. URL: <http://philology.ru/linguistics2/shapoval-99.htm> (дата обращения 30.10.2020).

Сведения об авторе

Дин Цян — аспирант кафедры русского языка филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия. moego00@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 7 (453). Philology Sciences. Iss. 125. Pp. 52—60.

OVERUSED CAPITAL LETTERS: CORPORATE AND DEPARTMENTAL PRACTICES

Q. Ding

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. moerooo@yandex.ru

The article is devoted to the violation of the spelling norms of the use of capital letters in the practices of Russian companies, ministries and departments, authorities at various levels. The topic of this work seems to be relevant, since the violation of the norms of the Russian language in the areas under consideration is steadily growing — in fact, departmental and corporate “norm-setting” is becoming the rule in the usage of local areas. It aggressively supplants the norms of spelling, which ultimately leads to an increase in the semi-literacy rate in the Russian society. The author considers the problems associated with the discrepancy between the recommendations of spelling in reference books (including the most recent ones) and modern realities. Numerous specific examples taken from open sources are considered, illustrating cases of inappropriate use of capital letters in corporate and departmental practices. The presented examples were structured by the types of spelling violations; the analysis of these examples was carried out.

Keywords: *use of capital letters, spelling norms, corporate and departmental norms.*

References

1. Anohina S. A. (2018) *Gumanitarno-pedagogicheskie issledovanija*, vol. 2, no. 1, pp. 81—89 [in Russ.].
2. Grot Ja. K. (1876) *Spornye voprosy russkogo pravopisanija ot Petra Velikago donyne* [Controversial issues of Russian spelling from Peter the Great’s time till now]. St. Petersburg [in Russ.].
3. Dunjov A. I. (2007) *Vestnik Gercenovskogo universiteta*, no. 12 (50), pp. 36—40 [in Russ.].
4. Lekareva L. A. (2017) *Vestnik Pskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Social’no-gumanitarnye nauki*, no. 5, pp. 154—159 [in Russ.].
5. Nechaeva I. V. (2017) *Russkij jazyk v nauchnom osveshhenii*, no. 1 (33), pp. 142—161 [in Russ.].
6. Nechaeva I. V. (2015) *Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik*, no. 1, pp. 48—53 [in Russ.].
7. Nikolenkova N. V., Din C. (2020) *Mir nauki, kul’tury, obrazovanija*, no. 3, pp. 420—424 [in Russ.].
8. Ponomarjova N. I. (2001) *Upotreblenie propisnoj bukvy v oficionimah (problema sovershenstvovanija orfograficheskoj normy)* [The use of capital letters in officialisms (the problem of improving the spelling norm). Abstract of thesis]. Volgograd [in Russ.].
9. Ponomarjova N. I. (2011) *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 3 (10), pp. 123—125 [in Russ.].
10. Lopatina V. V. (ed.) (2006) *Pravila russkoj orfografii i puktuacii. Polnyj akademicheskij spravocnik* [Rules of Russian orthography and punctuation. Complete Academic Reference]. Moscow, Eksmo Publ. 480 p. [in Russ.].
11. Chernjak V. D. (ed.) (2014) *Russkij jazyk i kul’tura rechi* [Russian language and culture of speech]. Moscow, Jurajt [in Russ.].
12. Superanskaja A. V. (2009) *Obshhaja teorija imeni sobstvennogo* [General Theory of the Proper Name]. Moscow, Librokom. 368 p. [in Russ.].
13. Hakimova E. M. (2018) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija*, no. 56, pp. 166—186 [in Russ.].
14. Chukovskij K. I. *Zhivoj kak zhizn’* [Alive as life]. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=72506&p=5>, accessed 15.10.2020 [in Russ.].
15. Shapoval V. V. (1999) *Russkij jazyk*. Available at: <http://philology.ru/linguistics2/shapoval-99.htm>, accessed 15.10.2020 [in Russ.].

РЕМЕТАФОРИЗАЦИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ДИСКРЕДИТАЦИИ ПОЗИЦИИ ПРОПОНЕНТА (НА МАТЕРИАЛЕ РЕЧЕЙ РОССИЙСКИХ ДЕПУТАТОВ НАЧАЛА XX В.)

Е. П. Дулесов, С. Р. Зайнуллина

Удмуртский государственный университет, Ижевск, Россия

Рассматривается реметафоризация — особый прием игры на понижение в полемическом дискурсе, заключающийся в том, что оппонент отвергает метафору пропонента и предлагает свою контрметафору. На материале дореволюционных думских речей показано, что оратор может остаться в рамках сферы-источника, заданной исходной метафорой, или ввести иную понятийную область для концептуализации сферы-мишени.

Ключевые слова: *метафора, парламентский дискурс, дискредитация, реметафоризация.*

Метафора издавна являлась излюбленным приемом ораторов, и это вполне закономерно, поскольку, как показали исследования в русле когнитивной лингвистики, это не только средство выразительности, повышающее эстетические качества речи, но и инструмент осмысления абстрактных феноменов. При этом зачастую с помощью метафоры говорящий предлагает адресату сделать вывод или принять решение в сложной проблемной ситуации, опираясь на знания о простых и конкретных областях человеческого опыта. Например, с древности правящие классы обосновывали неравенство социальных групп, обращаясь к метафоре организма: подобно тому как каждый физиологический орган или часть тела выполняет определенную функцию, каждый социальный класс занимает свое место в иерархии общественных отношений и обладает четко обозначенным набором прав и обязанностей.

Нетрудно заметить, что, представляя одну понятийную область (**сферу-мишень**) с помощью другой понятийной области (**сферы-источника**), метафора подчеркивает, или «высвечивает» (профилирует), одни стороны понятия и скрывает, или «затемняет», другие. В связи с этим философ М. Блэк сравнил метафору с фильтром: она фокусирует внимание на необходимых для говорящего свойствах сферы-мишени и одновременно препятствует тому, чтобы адресат заметил ее другие свойства, по той или иной причине нежелательные для адресанта [2. С. 165]. Психологи М. Ландау, Л. Кифер и З. Ротшильд иллюстрируют это свойство метафоры следующим примером. Когда банкротство компании метафорически осмысливается как транспортная авария, вина возлагается исключительно на генерального директора, поскольку

именно он выступает в роли водителя, не справившегося с управлением. При этом не учитываются такие факторы, как действия других лиц (работников) или состояние национальной экономики [15. С. 127]. Как указывает С. Г. Кара-Мурза, «хорошая метафора очаровывает и загоняет мышление в узкий коридор, выход из которого (умозаключение) предусмотрен манипулятором» [6. С. 442]. Таким образом, метафора может становиться действенным инструментом речевого воздействия и речевой манипуляции.

Однако необходимо иметь в виду, что когнитивная метафора обладает наибольшей силой воздействия тогда, когда используются не единичные метафорические контексты, а целые «сети» метафорических словоупотреблений на основе единого исходного концептуального поля, образующие в сознании реципиента устойчивые, непрерывные связи между формируемыми неязыковыми образами и действительностью [4. С. 54]. Конвенциональные метафоры, объединенные в сети (метафорические модели), имплицитно формируют положительную или отрицательную оценку [10. Р. 35—36]; их систематическое употребление притупляет критическое мышление адресата и служит для получения необходимой адресанту реакции [13. Р. 124]. В тех же случаях, когда говорящий с целью воздействия на аудиторию использует в своей речи единичную индивидуально-авторскую метафору, ее прагматический потенциал может быть эффективно нейтрализован, особенно если адресатом является опытный противник.

В полемическом дискурсе (например, парламентском или судебном) каждый выступающий должен быть предельно внимателен к речам предыдущих

ораторов, поскольку в его задачи входит как обоснование своей позиции, так и опровержение позиции противника. Оратор высказывает свое отношение к содержанию предшествующего высказывания, оценивает его, а в некоторых случаях использует реплику пропонента в иных (обычно оппозиционных) коммуникативных целях (это явление Н. Д. Арутюнова назвала «диалогической цитацией» [1. С. 50]). При этом немаловажно, что мишенью критики может становиться не только содержательная сторона речи противника, его аргументация, но и языковые особенности его выступления. Комментарий, содержащий негативную оценку языковых средств, использованных противником, выступает как инструмент дискредитации его коммуникативной позиции, поскольку, как отмечает Т. А. Воронцова, ««лингвистические» претензии адресанта призваны дискредитировать содержательную сторону высказывания оппонента: если то, что сказано, неправильно по форме, то неубедительно и по содержанию» [3. С. 576].

В полемическом дискурсе в фокусе метаязыковой рефлексии может оказаться метафора, прежде всего креативная, развернутая. Рефлексирующий адресат, а в особенности критически настроенный противник, может дать такой метафоре отрицательную оценку в своем выступлении и тем самым подорвать позицию пропонента. Такой полемический прием мы предлагаем называть **дискредитацией метафоры**. При этом, по нашим наблюдениям, он реализуется с помощью нескольких способов: оппонент может указать на неуместность исходной метафоры, довести ее до абсурда, вывести из нее следствия, подтверждающие его собственную позицию, использовать предложенный образ для концептуализации иной сферы-мишени и т. д. В данной статье мы рассмотрим способ дискредитации метафоры противника, в рамках которого оппонент отвергает метафору пропонента и предлагает свою «контрметафору». Для обозначения этого способа мы используем термин «**ре-метафоризация**», который обычно применяется в переводоведении и понимается как особый тип трансформации, предполагающий замену одной метафоры исходного текста на другую метафору в тексте перевода.

Прежде всего перед оппонентом стоит выбор — использовать метафору той же сферы-источника, что и метафора-стимул, или ввести метафору из новой сферы-источника. По нашему предположению, первый вариант оказывает на аудиторию большее воздействие и вследствие этого встречается гораз-

до чаще. К такому же выводу экспериментальным путем пришел американский психолог Дж. С. Мио. В качестве примера ученый привел дискуссию вокруг попыток Литвы отделиться от СССР в начале 1990-х гг. В телепередаче канала ABC представитель Советского Союза доказывал, что отношения между странами напоминают развод, а это значит, что нужно, не разрывая официально отношений, пожить какое-то время раздельно, чтобы понять, смогут ли они друг без друга. И только спустя какое-то время страны могут разделить общее имущество и расстаться. На это представитель Литвы возразил, что страны никогда не были в браке, Литва была просто изнасилована (*Lithuania was simply raped*). Она требует немедленного объявления своей независимости, поскольку подвергаться насилию и дальше не представляется разумным и возможным. Таким образом, представитель Литвы отверг метафору советского представителя и использовал контрметафору, но остался при этом в рамках той же сферы-источника, поскольку и развод, и изнасилование — это, по определению Дж. С. Мио, «плохие отношения между мужчиной и женщиной» (*a bad relationship between a man and a woman*). Эксперимент Дж. С. Мио заключался в том, что испытуемым предлагалось оценить несколько реакций на исходную метафору советского политика. Одна реакция, основанная на введении новой метафоры из той же сферы-источника, была взята из реальной речи литовского представителя (*Литва была изнасилована*); остальные реакции были сконструированы искусственно. Среди них было опровержение метафоры-стимула с помощью буквального утверждения и два примера введения новой метафоры из другой сферы-источника: 1) СССР и Литва — два корабля, разминувшиеся в ночи (*two ships passing in the night*); 2) Литва — это пленник злого советского режима (*a prisoner being held captive by an evil Soviet regime*). Эксперимент показал, что более убедительным для испытуемых был ответ литовского представителя, содержащий контрметафору из той же сферы-источника, что и метафора-стимул [16].

Коллеги Дж. С. Мио, уточняя его выводы, пришли к заключению, что развитие метафоры в рамках той же сферы-источника наиболее действенно в тех случаях, когда исходная метафора не просто выступает как украшение речи, а обладает высокой эпистемологической ценностью, то есть способствует глубокому осмыслению проблемы. Подобный феномен с точки зрения психологии объясняется следующим образом: если адресат уже произвел

проекцию одной ментальной области на другую и начал осмыслять проблемную ситуацию с опорой на данную сферу-источник, оппоненту будет гораздо удобнее внедрить новые представления в сознание адресата, оставаясь в рамках той же понятийной области, чем вводить новую сферу-источник или предлагать контраргументы, основанные на логике [14. Р. 65].

Рассмотрим несколько примеров реметафоризации на материале речей российских депутатов начала XX в. Выбор материала обусловлен тем, что для любого парламентского дискурса характерен высокий уровень полемичности, а политическая борьба в Государственной думе Российской империи была особенно ожесточенной.

Правый депутат Н. Е. Марков, выступая за проект, ограничивающий участие польских дворян в земстве западных губерний, использовал зооморфную метафору. Поляков он сравнивает с волками, профилируя идею их агрессивности по отношению к русскому народу, который, в свою очередь, изображается как стадо овец. Оратор соглашается с тем, что волк вправе идти в овчарню и «выполнять свои волчьи потребности», ведь так устроила его природа. Тем самым Н. Е. Марков признает, что у поляков действительно есть основания отстаивать свои национальные интересы и одновременно вредить русскому государству. Однако себя он позиционирует как пастуха, чья обязанность — защитить вверенное ему стадо и перебить волку ноги:

1) *Вам [обращается к оппозиционным депутатам]... интересны волки, это дело ваше, волчья философия на вашей стороне, но мне интересны мои овцы, я пастух моих овец, их я оберегаю, ибо я защищаю вверенное моему попечению* (08.05.1910).

Представляя поляков как опасных, агрессивных врагов, правый депутат одновременно прибегает к положительной самопрезентации, задействуя библейскую метафору: в Евангелии Иисус Христос сравнивается с пастухом, пастырем, а верующие описываются с помощью лексем *стадо, агнцы*.

Развернутая метафора Н. Е. Маркова стала мишенью критики в речи левого депутата И. П. Покровского:

2) *Мы полагаем, что заявление Маркова относительно смысла этой борьбы неверно. Он говорит, что там, на Западе, мы, русские дворяне, являемся пастырями, которые ограждают овец от волков. Я думаю, что эти будущие русские помещики — жадные шакалы, которые оттеснены волками от овец* (11.05.1910).

Мы видим, что И. П. Покровский остается в рамках метафорической модели «Политика — это животный мир», которая была задана метафорой Н. Е. Маркова, сохраняя при этом «метафорические роли» поляков (*волки*) и простого народа (*овцы*). Однако левый оратор не соглашается с тем, что Н. Е. Марков и в целом русские дворяне имеют право позиционировать себя как пастырей. Здесь он и использует прием реметафоризации: русское дворянство в его изображении — это не пастыри, а *жадные шакалы*. Негативно окрашенная контрметафора призвана подчеркнуть, что Н. Е. Марков и сословие, к которому он принадлежит, представляют для русского народа такую же опасность, как и польские дворяне (поскольку и те и другие — хищники), более того, русские помещики, устранив конкурентов и получив власть в земстве, продолжают эксплуатацию крестьян, начатую поляками (поскольку шакал питается падалью [8]). В упрощенном виде реметафоризацию в примере 2 можно представить в виде формулы: «Мой противник говорит, что X — это Y . Это неверно. На самом деле X — это не Y , а Z », где X — это объект метафоризации (русское дворянство), Y — исходная метафора (пастыри), а Z — контрметафора (шакалы).

Другой вариант реметафоризации можно продемонстрировать на следующем примере. Выступая во II Государственной думе, кадет Н. Н. Кутлер резко осудил некоторых депутатов, которые отказывались дать правительству разрешение набрать новобранцев в армию на текущий год. По мнению оратора, такая позиция, с одной стороны, являлась антигосударственной, подрывающей внешнюю безопасность Российской империи, а с другой — безответственной, поскольку правительство могло воспользоваться особой статьей основных законов и набрать новобранцев и без разрешения Думы. Н. Н. Кутлер полагал, что члены парламента обязаны нести «ответственность за содержание законодательных актов», а не позволять исполнительной власти действовать по своему усмотрению. В связи с этим он использует по отношению к своим противникам следующую метафору:

3) *При действии статьи 119 основных законов отказ правительству произвести набор новобранцев есть не что иное, как лицемерие, как умывание рук, подобно Понтийскому Пилату* (17.04.1907).

Как известно из Евангелия, римский наместник Понтий Пилат отдал решение о судьбе Иисуса на откуп его врагам и сложил с себя ответственность, совершив символический ритуал умывания рук. В русском языке закрепился фразеологизм

умывать руки ‘устраниться от ответственности за что-либо’ [9. С. 780].

Г. А. Алексинский, депутат от РСДРП, призывавший не давать ни одного солдата правительству, отреагировал на рассмотренное высказывание Н. Н. Кутлера следующим образом:

4) ...*Нас во имя патриотизма призывали дать солдат; нам говорили, что мы фарисейски умываем руки наподобие Понтийского Пилата... Буду разбирать, правильно ли утверждение о том, [что] те, кто отказывает дать солдат для угнетения народа, поступают, как Понтийские Пилаты, умывая свои руки, или же, наоборот, — поступают не как Понтийские Пилаты, а как Иуды-предатели, те, кто готовит новую силу против народа, кто кует новые цепи и дает возможность правительству этими цепями снова сковывать народ (17.04.1907).*

Вместо метафоры «Тот, кто выступает против правительственного законопроекта, — это Понтий Пилат» левый оратор вводит свою метафору «Тот, кто поддерживает правительственный законопроект, — это Иуда». Контрметафора Г. А. Алексинского, относясь к той же метафорической модели «Политика — это библейский текст», обладает гораздо большим инвективным потенциалом, чем метафора-стимул, поскольку имя апостола, выдавшего Иисуса Христа за 30 сребреников, связано в христианской культуре с самым страшным предательством. В русском языке оно перешло в ряд нарицательных и получило в словарях помету «бранное» (например, в [8]).

Важно подчеркнуть, что Г. А. Алексинский открыто не оскорбляет своих противников, формально он лишь предлагает альтернативу. Но затем, приводя многочисленные факты, доказывающие, что армия превратилась в «орудие угнетения пролетариата», оратор все решительнее подталкивает адресата к однозначному заключению:

5) *Вот теперь, когда вам известны все эти факты, решайте, будет ли умыванием рук, подобно Понтийскому Пилату, не дать правительству полумиллиона солдат для того, чтобы оно, как в этих воззваниях, могло науськивать их на сознательные элементы страны, или будет предательством Иуды Искариота расписаться под предложением Военного министра.*

Таким образом, в примерах 4 и 5 выступающий не только заменяет исходный образ (Понтий Пилат — Иуда Искариот), но и метафоризирует иной объект. Противники обмениваются метафорами-инвективами из одной сферы-источника,

реметафоризация строится по формуле «Наши противники утверждают, что мы — это Y. А мы утверждаем, что наши противники — это Z».

Как уже отмечалось, предлагая свою контрметафору для дискредитации коммуникативной позиции пропонента, оратор чаще остается в границах той понятийной области, которая была задана метафорой-стимулом. Однако встречаются единичные примеры, в которых чужая метафора заменяется на свою метафору из другой сферы-источника. Рассмотрим один из них.

Во время обсуждения судебной реформы октябрист Н. П. Шубинский выступил с законопроектом, предполагавшим введение мирового суда и упразднение волостного суда. Эту мысль оратор выразил в метафорической форме:

6) *Разумеется, чтобы что-нибудь построить на известном одном и том же месте, необходимо срыть ту постройку, которая существует на этом месте; чтобы восстановить мировой институт, необходимо устранить то, на смену чего он придет (30.10.1909).*

Архитектурная метафора изображает судебную реформу как строительство здания, профилируя идею рациональной деятельности.

Член фракции правых епископ Митрофан, выступая за сохранение волостного суда и против введения мирового суда, дал отрицательную оценку метафоре Н. П. Шубинского:

7) *Говоря о непригодности волостного суда, он [докладчик] сделал, и потом не раз повторил, такое образное сравнение: когда приступают к возведению нового здания, то прежде уничтожают старые постройки. ...С ним можно бы согласиться, если бы дело касалось механической, бездушной постройки, а не живого творчества, захватывающего самые жизненные и существенные интересы людей, которых, при всем их невежестве, нельзя все же сравнивать с простым строительным материалом. А вот, они не укладываются в ряды, чтобы на них искусный зодчий возводил архитектурную постройку. Они настойчиво требуют активного участия для себя в строительстве, они желают внести свое сильное разумение (09.11.1909).*

В данном фрагменте правый оратор стремится разрушить образ рациональной преобразовательской деятельности. Для этого он прибегает к приему, состоящему в том, что говорящий фокусируется на конкретной детали метафорического фрейма или сценария. Подобный прием П. Чилтон и М. В. Ильин обозначают терми-

ном *particularization*, что может быть переведено как «детализация» [12. Р. 13]. Если речь идет о строительстве здания, значит, можно говорить и о строительном материале. Епископ Митрофан убеждает аудиторию в том, что в представлении Н. П. Шубинского таким строительным материалом являются живые люди, но такое сравнение абсолютно недопустимо (*нельзя сравнивать*), поскольку люди являются активными деятелями. Более того, правый оратор с иронией возвешивает автора законопроекта, сравнивая его не просто с архитектором, а с *искусным зодчим*. В данном случае он использует коммуникативный ход «Он не похож на N, хотя и претендует» [5. С. 173], имеющий целью развенчание притязаний политического противника.

Дискредитировав таким образом исходную метафору, епископ Митрофан предлагает контрметафору:

8) *И не со зданием, которое подлежит ломке, а скорее со старым и вековым деревом сравнил бы я волостной суд, с деревом, с которого многие поколения пользовались плодами.*

С помощью метаязыкового комментария, который строится по формуле «Я сравнил бы X не с Y, а с Z», правый оратор вводит новую сферу-источник — «Растительный мир». Фитоморфная метафора «Волостной суд — это дерево» подчеркивает, что волостной суд существовал очень долго (*старое и вековое дерево, многие поколения*) и был эффективен (*многие поколения пользовались плодами*). Далее епископ Митрофан продолжает разворачивать предложенный образ, представляя упадок волостного суда в виде метафорического сценария:

9) *Но, как и всегда бывает, когда нет надлежащего надзора, срывают плоды, рвали и ломали вместе и сучья, утаптывали почву кругом, всячески вредили этому дереву, и дерево стало дряхлеть, покрылось наростами, и вот оно готово зачехнуть.*

Выступающий не только объясняет, почему волостной суд пришел в упадок (*нет надлежащего надзора*), но и, апеллируя к эмоциям адресата, стремится вызвать сочувствие к объекту метафоризации. Затем епископ Митрофан предлагает новые метафоры для характеристики личности самого Н. П. Шубинского и суда, который тот предлагает ввести. Октябрист-реформатор сравнивается уже не с архитектором, а с хозяином, который *до сих пор мало жил дома и привык питаться иностранными фруктами*, что должно коммуникативно высветить

отсутствие связей с Россией, ее традициями и слепое преклонение перед Западом. Мировой суд же изображается как новое дерево:

10) *И вот, господа, готов погибнуть великан, и на его месте потянется новое, тощее деревцо, правда, из хорошего питомника; но вопрос в том, выдержит ли оно все невзгоды, привьется ли оно на почве, не всегда благодарной?*

Епископ Митрофан последовательно создает положительный образ старого суда и отрицательный — суда нового. Выстраивается метафорическая антитеза: с одной стороны, *старое и вековое дерево, великан*, который, быть может, *готов зачехнуть*, но *корни и ствол его еще здоровы*, с другой — *молодое, тощее деревцо*, не приспособленное к суровым российским условиям. Правый оратор призывает дать еще один шанс волостному суду и предупреждает:

11) *Ведь рубить сплеча не хитро, но срубленное не отрастет.*

Последнее высказывание (11) имеет форму афоризма и, как следствие, звучит безапелляционно. В нем содержится языковая игра: актуализируется внутренняя форма фразеологизма *рубить сплеча* ‘действовать, поступать прямолинейно, часто необдуманно, сгоряча’ [7], и «реанимированный» образ включается в развернутое метафорическое описание суда как дерева.

В реакции епископа Митрофана на высказывание Н. П. Шубинского мы увидели еще один вариант дискредитации метафоры политического противника. В данном случае оппонент открыто выражает свое несогласие с выбором исходной сферы-источника, и это несогласие связано с различиями в политической идеологии. Для политиков-консерваторов чрезвычайно важна оппозиция «естественный — искусственный»; при этом все, что естественно, оценивается позитивно, все искусственное осуждается. Только естественный ход событий несет благо, а всякое преобразование, всякая ломка — это аномалия. Именно поэтому правые политики так часто прибегают к природоморфной метафоре и игнорируют метафору механистическую. В рассмотренном примере правый оратор постулирует эту мысль эксплицитно: *С ним можно бы согласиться, если бы дело касалось механической, бездушной постройки, а не живого творчества, захватывающего самые жизненные и существенные интересы людей*. Именно поэтому он отвергает рациональную архитектурную метафору, обозначающую перестройку судебной системы, и вводит свою контрметафору, растительную,

эмоционально заряженную, профилирующую идею постепенного, естественного развития.

Итак, одним из приемов дискредитации коммуникативной позиции противника является отрицательная оценка использованных в его речи языковых средств. Объектом подобной метаязыковой рефлексии может стать метафора, особенно яркая, развернутая, индивидуально-авторская. По удачному выражению Дж. Чартериса-Блэка, для того чтобы убеждение стало искусством, его искусственность не должна быть очевидной (for persuasion to become an art, its artifice should not be apparent) [11. Р. 9]. Оратору всегда нужно помнить о том, что креативная, искусно построенная метафора может быть использована против своего создателя: предлагая скептически настроенной аудитории яркий, запоминающийся

образ, он рискует стать мишенью жесткой критики. Среди различных средств нейтрализации прагматического воздействия метафоры (указание на ее неуместность, доведение до абсурда, выведение из нее противоположных следствий) особое место занимает реметафоризация: оппонент отвергает метафору пропонента и предлагает свою контрметафору. При этом он может остаться в рамках сферы-источника, заданной исходной метафорой, или же ввести иную понятийную область для концептуализации сферы-мишени. Новая метафора способна поменять оценку объекта метафоризации на прямо противоположную, коммуникативно высветить такие аспекты сферы-мишени, которым в предыдущем выступлении не было уделено внимание, а также дискредитировать личность пропонента.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Диалогическая цитация (к проблеме чужой речи) // Вопросы языкознания. 1986. № 1. С. 50—64.
2. Блэк М. Метафора / пер. с англ. М. А. Дмитриевской // Теория метафоры / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 153—172.
3. Воронцова Т. А. Речевая агрессия, толерантность, вежливость // Язык СМИ и политика / под ред. Г. Я. Солганика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. С. 569—611.
4. Зарипов Р. И. Метафорическое моделирование образа России в современном французском политическом дискурсе. М.: Р. Валент, 2016. 220 с.
5. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. 288 с.
6. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005. 832 с.
7. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999.
8. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Совет. энцикл.: ОГИЗ, 1935—1940.
9. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / авт.-сост. В. Серов. М.: Локид-Пресс, 2005. 880 с.
10. Charteris-Black J. *Corpus approaches to critical metaphor analysis* k. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. 263 p.
11. Charteris-Black J. *Politicians and rhetoric. The persuasive power of metaphor*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. 370 p.
12. Chilton P., Iyin M. *Metaphor in political discourse: the case of the 'common European house'* // *Discourse & society*. 1993. № 1. P. 7—31. URL: https://www.researchgate.net/publication/246811389_Metaphor_in_Political_Discourse_The_Case_of_the_Common_European_House.
13. Edelman M. *The symbolic uses of politics*. Urbana: Univ. of Illinois Press, 1985. 221 p.
14. Landau M., Keefer L., Swanson T. "Undoing" a rhetorical metaphor: testing the metaphor extension strategy // *Metaphor and symbol*. 2017. № 2. P. 63—83. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10926488.2017.1297619>.
15. Landau M., Keefer L., Rothschild Z. *Epistemic motives moderate the effect of metaphoric framing on attitudes* // *Journal of experimental social psychology*. 2014. Vol. 53. P. 125—138. URL: https://www.academia.edu/31680755/Epistemic_motives_moderate_the_effect_of_metaphoric_framing_on_attitudes.
16. Mio J. S., Katz A. N. *Metaphor, politics, and persuasion* // *Metaphor: implications and applications*. Mahwah: Lawrence Erlbaum Associates, 1996. P. 127—146.

Сведения об авторах

Дулесов Евгений Павлович — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики Удмуртского государственного университета, Ижевск, Россия. evdules@gmail.com

Зайнуллина Саида Радиковна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики Удмуртского государственного университета, Ижевск, Россия. s.r.zajnullina@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 7 (453). *Philology Sciences. Iss. 125. Pp. 61—68.*

REMETAPHORIZATION AS AN INSTRUMENT TO DISCREDIT A PROPONENT'S POSITION (BASED ON THE STATE DUMA MEMBERS' SPEECHES OF THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY)

E. P. Dulesov

Udmurt State University, Izhevsk, Russia. evdules@gmail.com

S. R. Zaynullina

Udmurt State University, Izhevsk, Russia. s.r.zajnullina@gmail.com

The Russian Imperial Duma members often expressed their most significant thoughts in the form of extended creative metaphors. However, a critical attitude toward an adversary's metaphor is typical of political discourse, and the opponent in their speech can discredit the proponent's metaphor by various techniques. This article considers one of them — remetaphorization, that is rejection of the proponent's metaphor and introduction of the opponent's 'counter-metaphor'. The analysis shows that the speaker can either keep the original source domain or propose a new one. It is concluded that remetaphorization has great pragmatic potential; it enables the politician to highlight new aspects of the target domain, refute the adversary's argument and undermine their professional credibility and reputation.

Keywords: *metaphor, parliamentary discourse, discrediting, remetaphorization.*

References

1. Arutyunova N. D. (1986) *Voprosy yazykoznaniiya*, no. 1, pp. 50—64 [in Russ.].
2. Black M. (1990) *Metafora [Metaphor]. Teoriya metafory [The theory of metaphor]*. Moscow, Progress Publ. Pp. 153—172 [in Russ.].
3. Voroncova T. A. (2012) *Rechevaya agressiya, tolerantnost', vezhlivost' [Speech aggression, tolerance, politeness]. Yazyk SMI i politika [Mass Media Language and Politics]*. Moscow, Moscow Univ. Publ. Pp. 569—611 [in Russ.].
4. Zarirov R. I. (2016) *Metaforicheskoe modelirovanie obraza Rossii v sovremennom francuzskom politicheskom diskurse [Metaphorical modeling of the image of Russia in modern French political discourse]*. Moscow, R. Valent Publ. 220 p. [in Russ.].
5. Issers O. S. (2008) *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi [Communicative strategies and tactics of the Russian speech]*. Moscow, LKI Publ. 288 p. [in Russ.].
6. Kara-Murza S. G. (2005) *Manipulyaciya soznaniem [Manipulation of Consciousness]*. Moscow, Eksmo Publ. 832 p. [in Russ.].
7. Evgen'eva A. P. (1999) *Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]: in 4 vol.* Moscow, Russian language Publ., Poligrafresursy Publ. [in Russ.].
8. Ushakov D. N. (1935—1940) *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language] in 4 vol.* Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., OGIz Publ. [in Russ.].

9. Serov V. (2005) *Enciklopedicheskij slovar' krylatyh slov i vyrazhenij* [Encyclopedic dictionary of proverbial expressions]. Moscow, Lokid-Press Publ. 880 p. [in Russ.].
10. Charteris-Black J. (2004) *Corpus approaches to critical metaphor analysis*. Basingstoke, Palgrave Macmillan. 263 p.
11. Charteris-Black J. (2011) *Politicians and rhetoric. The persuasive power of metaphor*. Basingstoke, Palgrave Macmillan. 370 p.
12. Chilton P., Ilyin M. (1993) *Discourse & society*, no. 1, pp. 7—31. Available at: https://www.researchgate.net/publication/246811389_Metaphor_in_Political_Discourse_The_Case_of_the_Common_European_House, accessed 01.12.2020.
13. Edelman M. (1985) *The symbolic uses of politics*. Urbana, University of Illinois Press. 221 p.
14. Landau M., Keefer L., Swanson T. (2017) *Metaphor and symbol*, no. 2, pp. 63—83. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/10926488.2017.1297619>, accessed 01.12.2020.
15. Landau M., Keefer L., Rothschild Z. (2014) *Journal of experimental social psychology*, no. 53, pp. 125—138. Available at: https://www.academia.edu/31680755/Epistemic_motives_moderate_the_effect_of_metaphoric_framing_on_attitudes, accessed 01.12.2020.
16. Mio J. S. (1996) Metaphor, politics, and persuasion. *Metaphor: implications and applications*. Mahwah, Lawrence Erlbaum Associates. Pp. 127—146.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕКА В РУССКИХ ГОВОРАХ БАШКОРТОСТАНА (НА МАТЕРИАЛЕ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ)

Ю. А. Ермолаева

Уфимский государственный нефтяной технический университет, Уфа, Россия

Проанализированы лексические единицы, характеризующие человека в русских говорах Башкортостана, рассмотрены ценностно-нормативные представления о человеке, его внутренних и внешних особенностях, из которых складывается целостное восприятие диалектной картины мира, выявлены приемы освоения действительности, составляющие основу диалектной номинации, характерной для русских говоров вторичного образования.

Ключевые слова: русский язык, антропоцентризм, диалект, картина мира, диалектная номинация.

Изучение диалектной картины мира не теряет своей актуальности прежде всего потому, что в ней представлена особая форма освоения действительности, которая характеризует отдельный языковой коллектив [11]. Диалектное слово как средство осмысления действительности представляет интерес, так как функционирует в среде, для которой характерны «парцеллирование объектов познания, антропоцентризм, субъективизм, большая зависимость от внешних условий бытия, “пессимизм”, консерватизм» [6. С. 5]. Темой принятого нами исследования стали диалектные имена прилагательные, характеризующие человека в русских говорах. Анализ подобного материала представлен в работах многих исследователей-диалектологов: Е. А. Воробьевой, Н. Ю. Грибовской, С. Л. Гурской, М. А. Ереминой, Т. А. Литвиновой, Ю. Б. Савельевой. Опираясь на имеющиеся данные, мы осуществили системный анализ имен прилагательных, характеризующих человека в русских говорах Башкортостана, с целью представить ценностно-нормативные ориентиры, складывающиеся в сознании диалектоносителя, выявить значимые аспекты языковой картины мира.

Обращаясь к анализу диалектного слова в русских говорах Башкортостана, следует принимать во внимание их типологическую и хронологическую неоднородность, свойственную всем говорам вторичного образования. Следовательно, их лексический состав представлен нетождественными с генетической и хронологической точек зрения лексико-семантическими единицами, на что указывает в своих исследованиях З. П. Здобнова [8]. Необходимо учитывать и еще одну важную особенность, которую отмечает Г. М. Курбангалеева:

повышенная проницаемость, свойственная диалектной системе на территории Башкортостана, позволяет легко включить в свой состав новые элементы, пришедшие из других систем [9]. На особый статус диалектного слова обращает внимание в своей работе Р. М. Скорнякова, подчеркивая, что изменчивость языка связана не с изменением окружающего мира, а с динамичностью способов его познания [15].

Анализ имен прилагательных, характеризующих человека в русских говорах Башкортостана, позволяет увидеть все многообразие средств, с помощью которых осуществляется номинация данного фрагмента действительности, а также позволяет понять специфику восприятия человека в сознании диалектоносителя [13; 14]. Диалектные слова представленной группы вступают в синонимические и антонимические отношения. О красивом человеке в русских говорах говорят: **баский** и **баской**, **бравый**, **гарный**, **гожий**, **ладный**; о некрасивом: **благой**, **гнедокарый**, **небаской** и **небаской**, **несурядный**, **страшной** (здесь и далее примеры взяты из [7]). Общительного человека называют: **басливый**, **наговористый**, **разборный**, **разговористый** и **разговорный**, **разговорчатый**, **необщительного** человека — **несуютный**, **сурьезный**, **тучный**. Кроме того, значение диалектного слова синкретично, что проявляется в ярко выраженной диффузности, недискретности семантики слова: **бескарашный** ‘добрый, смиренный, с хорошим, мягким, спокойным характером’ (Бир: Калин, Пит, Сим, Сус; Калт: Л; Куш: А), **думной** ‘разумный, умный, думающий’ (Куш: А), **игровитый** ‘игривый, шаловливый, веселый, живой’ (Бир: Баз, Ос, Петр, Ч; Дув: С; Караид: Б), **канительный** ‘беспокойный,

надоедливый' (Белеб: Н), лохматуший 'очень лохматый, неопрятный, оборванный' (Бир: Петр, Пит), лукавый 'веселый, догадливый' (Караид: Б), скротый 'уважительный, скромный' (Бир: Сим), хватущий 'ловкий, цепкий, быстрый в работе' (Бир: Ос, Пит; Караид: Б; Куш: А). Еще одна особенность диалектного слова — его эмоциональная окрашенность, неперенное наличие в его семантике субъективных компонентов, чаще всего пейоративных. Например, при описании ребенка диалектоносители используют лексемы преимущественно пейоративного характера: 'капризный, плаксивый' зевластый (Бир: Петр, Пит, Сим; Куш: А; Стерлит: Пр) и зеворотый (Бир: Калинин, Петр, Пит; Куш: А), полоротый (Арх: И), уросливый (Арх: В; Бир: Ос, Пит; Куш: А), урусенький (Бир: Сим); 'капризный, беспокойный' гневный (Бир: Петр), гнусливый (Бир: Баз, Калинин, Пит) и гнусой (Бир: Мор), гнушеватый (Бир: Кам), купоросный (Бир: Сим, Ул), канительный (Белеб: Н; Карм: Кар); 'непослушный' вредный (Фёд: П), неслушный (Белеб: Н; Бир: Баз, Петр, Сим; Калт: Л), оголтелый (Караид: Б); 'беспокойный, надоедливый' канительный (Белеб: Н); 'требовательный, избалованный' измотчивый (Бир: Мор, Ос). Количество лексем, указывающих на положительную характеристику ребенка, незначительно: 'спокойный, смиренный, сговорчивый' угмонный (Байм: Б; Белеб: Н; Бир: Баз, Калинин, Пит, Петр; Калт: Л); 'бойкий, подвижный' ходкий (Бир: Баз). Отрицательные коннотации в рассмотренных примерах дают прекрасное представление о способе номинации и этнической логике. Мы видим, что диалектоноситель при характеристике человека руководствуется некими представлениями о норме; явления, не вписывающиеся в ее рамки, получают маркированность в диалектном языке [3].

Т. А. Литвинова предлагает распределить имена прилагательные, описывающие человека в диалектной картине мира, на три группы. *Первую группу* составляют *имена прилагательные, характеризующие человека как живое существо, вторую группу — имена прилагательные, характеризующие человека как мыслящее, чувствующее и наделенное волей существо, третью группу — имена прилагательные, характеризующие человека как общественное существо* [10].

Имена прилагательные *первой группы, характеризующие человека как живое существо*, представлены двумя подгруппами: 1) имена прилагательные, характеризующие человека по внешним (физическим) признакам, и 2) имена прилагательные, характеризующие человека по внутренним

(природным) свойствам. Рассмотрим лексемы, входящие в первую подгруппу. Характеристика человека по внешним (физическим) признакам проходит по двум маркерам: характеристика общих особенностей внешнего вида и характеристика частных особенностей [Там же].

Характеристика общих особенностей внешнего вида человека представлена именами прилагательными со значением эстетической (субъективной) оценки, именами прилагательными со значением прагматической (объективной) оценки и именами прилагательными со значением эстетико-прагматической оценки [Там же].

Обратимся к именам прилагательным со значением эстетической (субъективной) оценки. Она представлена оппозицией «красивый/некрасивый». Красивого человека в русских говорах Башкирии называют «баский» (Бак: К; Благовещ: Д, Н; Бир: Баз, Калинин, Кам, Кр, Мор, Ос, Пит, Сим, Ч; Дув: О; Калт: Л; Киг: К; Куш: А) и «баской» (Ал: Т; Белеб: Н; Белок: Б; Белор: И; Бир: Пит, Сим; Благовещ: Н; Игл: К, Караид: Б; Куш: А; Нур: П), «бравый» (Уф: Ш), «гарный» (Белеб: Ж), «гожий» (Арх: И; Бир: Петр, Пит; Куш: А), «ладный» (Ал: М; Бир: Сим; Куш: А; Стерлит: Пр). Вышеперечисленные лексемы вступают в антонимические отношения с лексемами, характеризующими некрасивого человека: благой (Белеб: Н; Благовещ: Н), гнедокарый (Бир: Петр), небаской (Байм: Б; Бир: Ос, Петр, Сим; Дув: О; Куш: А) и небаской (Дув: С; Караид: Б; Миш: Т), несурядный (Бир: Баз; Стерлит: Пр), страшной (Бир: Калинин, Сим). Многие лексемы, представленные в данном ряду, содержат дополнительную сему 'неказистый, невзрачный', потому что, как мы полагаем, в сознании диалектоносителя отсутствие отличительных, привлекающих внимание черт может считаться некрасивостью.

Особо в говорах отмечают людей стройного телосложения, статных, хорошо сложенных: аккуратный (Ал: М; Бак: К; Калт: Л; Караид: Б; Куш: А) и окуратный (Бир: Кус), вытный (Бир: Петр, Пит), ладный (Ал: М; Бир: Баз, Калинин, Пит; Гаф: А, Т; Караид: Б), фигуристый (Давл: Л; Игл: Ш). Широкое распространение получают наименования человека по степени его полноты или худобы. О полном человеке говорят «гладкий» (Мел: В), «грузный» (Бир: Петр), «прихамурый» (Карм: Б). Как отмечает Л. С. Гурская, «полнота человека часто является показателем его неповоротливости, малоподвижности и, как следствие, неприспособленности к труду, что и вызывает негативные эмоции» [4. С. 134]. Худого человека называют «блédный» (Бир: Баз),

«вертхий» (Бир: Калинин, Ос; Мел: В), «вертхенький» (Байм: Б; Бир: Калинин, Кам, Ос, Калт: Л; Стерлит: Пр), «дохлый» (Белеб: Н; Мел: В), «москлявенький» (Стерлит: Пр), «мохристый» (Мел: В); очень худого — «расхудой» (Калт: Л), «расхудышный» (Бир: Сим), «тошой» (Бир: Баз, Сим; Стерлит: Пр; Уф: Яр). Экспрессивность номинации в этом случае связана, на наш взгляд, с тем, что в народном сознании худоба ассоциируется со слабостью, болезненным состоянием и, следовательно, с неспособностью к физическому труду, что находит отражение в языке: блёклый 'худой и бледный' (Уф: Ш), занудённый 'худой, изнуренный тяжелой работой' (Байм: Б), мухрый 'неказистый, хилый' (Миш: Т).

Рассмотрим имена прилагательные со значением прагматической (объективной) оценки, характеризующей человека по его росту, возрасту и т. п. По материалам нашей выборки эта группа лексем представлена незначительно: 'коренастый человек, маленького роста' бакчатый и бахчатый (Бир: Калинин, Пит, Сим); 'годовалый ребенок' большенький (Бир: Ел; Куш: А; Стерлит: Пр), годовой (Бир: Сим), 'малолетний, молодой' маненький (Мел: Н), 'молодой' бладый (Ал: Мак). На представленную здесь «детализацию особенностей номинируемых признаков» [13. С. 83], свойственную русским говорам, обращает внимание в своем исследовании Ю. Б. Савельева.

Имена прилагательные со значением эстетико-прагматической оценки характеризуют человека по следующим признакам: здоровый, сильный, крепкий / слабый, хилый, болезненный.

О физически крепком, здоровом, сильном человеке говорят «ходовой» (Байм: Б; Белеб: Н; Бир: Ел; Калт: Л; Караид: Б; Стерлит: Пр). Физически слабого человека называют «бледный» (Арх И; Байм: Б) и «бледной» (Белеб: Н; Калт: Л), «дохлый» (Белеб: Н; Мел: В).

В русских говорах Башкортостана представлено значительное количество лексем, указывающих на внешние признаки нездорового, больного человека: бледный и бледной (Белеб: Н), дохлый (Белеб: Н; Бир: Петр; Караид: Б; Куш: А), дошлый (Стерлит: Пр), захматный (Арх: И; Бир: З; Петр; Караид: Б; Мел: В; Стерлит: Пр), изломанный (Бир: Сус); о слабом, изможденном человеке скажут «выпитый» (Бир: Пит). Это подтверждает предположение о том, что в народном сознании большое внимание уделяется физическому состоянию человека, которое указывает на его возможность или невозможность выполнения тяжелой физической работы [2]. Так, диалектное имя прилагательное «бросовый» имеет

следующие значения: 'плохой здоровьем', 'нетрудоспособный', 'старый' (Бир: Ос, Петр, Пит, Сим, Ул; Куш: А); замухортенский — 'болезненный', 'невзрачный' (Бир: Петр), трухлый 'ослабленный, вялый' (Бак: К; Бир: Петр, Пит; Караид: Б; Куш: А; Мел: Н; Стерлит: Пр).

Обратимся к характеристике частных внешних особенностей. Человека с несоразмерными чертами лица в говорах Башкортостана называют «большебрылый» (Бир: Пит), «потастый» (Стерлит: Пр), «сологубый» (Бак: К); человека с толстыми большими губами — «брызлый» (Стерлит: Пр), «брыластый» (Дув: С; Калт: Л; Караид: Б; Куш: А; Стерлит: Пр), «брылатый» (Бир: Баз, Калинин, Ос, Петр; Куш: А; Бир: Пит), «брылый» (Бир: Пит), «губошлёпый» (Фед: П), «толстобрылый» (Бир: Сим; Куш: А); человека с большой головой — «большебаший» (Бак: К; Бир: Петр; Куш: А), «толстобаший» (Бир: Пит). Человек, имеющий большие глаза, — вострошарый (Бир: Сим), человек с маленькими глазами — моргослепый (Бир: Сим), человек со светлыми глазами — белоглазый (Бир: Петр; Куш: А). О человеке с веснушками говорят «веснинный» (Бак: К) и «веснистый» (Бак: К; Бир: Баз, Калинин, Петр, Пит; Калт, Л; Куш: А; Стерлит: Пр), «веснушчатый» (Бир: Ем; Караид: Б); о человеке со смуглой кожей — «карий» (Бир: Пит), «тёмный» (Дув: О), «смолённый» (Бир: Петр), со светлой — «белый» (Куш: А).

В говорах Башкортостана встречаются слова, характеризующие человека по состоянию спины: горбатущий 'горбатый' (Бир: Баз, Сим; Калт: Л; Куш: А; Стерлит: Пр).

Отдельная группа лексем характеризует человека по физическим особенностям его речи: таловый 'о плохо, невнятно говорящем человеке' (Бир: Пит); 'гнузавый, говорящий в нос' гнузой (Бир: Калинин, Пит), гнушеватый (Бир: Баз); косноязычий 'страдающий заиканием' (Балт: А).

Рассмотренные примеры подтверждают мысли о том, что народное сознание отмечает любое отклонение от нормы и дает этому явлению номинацию в языке. Мы убеждаемся в том, что частные характеристики особенностей внешности свидетельствуют об их значимости в языковой картине мира диалектоносителей, поскольку обыденное сознание связывает определенный внешний признак с особенностями психотипа личности [3].

Рассмотрим имена прилагательные, определяющие человека как живое существо, которые входят во вторую подгруппу, то есть характеризуют человека по внутренним (природным) свойствам.

Подгруппа лексем, характеризующих человека по внутренним (природным) свойствам, распадается на два сектора: 1) характеристика по степени физической активности и 2) характеристика по типу эмоциональности (врожденному темпераменту).

Лексемы первой подгруппы, характеризующие человека по степени его физической активности, представлены оппозициями: активный, деятельный / вялый, безынициативный; быстрый, подвижный / медлительный. В русских говорах на территории Башкортостана активный, бойкий, смелый человек — **буйный** (Гаф: Т), **верченый** (Бир: Петр, Пит), **ловкий** (Мел: Н), **натурный** (Байм: Б; Бир: Калин, Кр, Сим; Калт: Л; Караид: Б; Куш: А; Стерлит: Пр), **развитной** (Белеб: Н; Бир: Калин, Пит; Карм: Б; Куш: А; Стерлит: Пр), **увёрткий** (Мел: Н), **ураганистый** (Бир: Пит, Сим), **ходовый** (Бир: Баз). О вялом, безынициативном человеке говорят: **неклёшный** (Бир: Петр), **никчемушный** (Бир: Баз, Калин, Петр, Пит, Сим; Карм: Кар; Стерлит: Пр). В словах данной подгруппы выявляется дополнительная сема 'беспольный, ненужный'.

Здесь же можно отдельно выделить лексемы, характеризующие активность или безынициативность человека в общении. Так, общительного человека называют **«басливый»** (Бир: Пит), **«наговористый»** (Бир: Баз, Калин, Ос; Куш: А), **«разборный»** (Куш: А), **«разговористый»** (Ал: М; Бир: Баз, Петр, Пит, Сим) и **«разговорный»** (Бир: Пит), **«разговорчатый»** (Фёд: П). Необщительного человека называют **«несуютный»** (Бир: Пит), **«сурьезный»** (Бир: Петр, Пит; Куш: А), **«тучный»** (Бир: Петр, Пит). В сознании диалектоносителя разговорчивый человек оценивается положительно, неразговорчивый — отрицательно, к тому же неразговорчивость соотносится с угрюмостью и сердитостью.

Быстрого, подвижного человека в русских говорах Башкортостана называют **«развитной»** (Белеб: Н; Бир: Калин, Пит; Карм: Б; Куш: А; Стерлит: Пр), медлительного — **«тихий»** (Байм: Б; Бир: Кус; Куш: А). Народное сознание отмечает людей с излишней подвижностью, граничащей с беспокойством, буйством: **баламутный** (Бир: Петр, Пит; Хайб: А), **балмошный** (Куш: А), **бесшабашный** (Биж: С), **будоражный** (Белеб: Н).

Лексемы второй подгруппы, характеризующие человека по типу эмоциональности (врожденному темпераменту), представлены следующим рядом: 'вспыльчивый' **натурный** (Уф: Яр), 'нервный' **невренный** (Бир: Баз; Гаф: А, Т; Куш: А), 'спокойный' **тихий** (Бир: Калин, Пит).

Рассмотрим **имена прилагательные второй группы, характеризующие человека как мыслящее, чувствующее и наделенное волей существо.**

Характеристика умственных способностей человека представлена базовой оппозицией «наличие/отсутствие ума». Сообразительного, умного человека называют **«башковатый»** (Бир: Петр, Пит) и **«башковитый»** (Дув: О; Караид: Б), **«большебаший»** (Куш: А), **«востроумный»** (Бир: Пит), **«вострый»** (Бак: С; Белор: И; Бир: Коян), **«дотошный»** (Байм: Б), **«дошлый»** (обычно о ребенке) (Бак: К; Белеб: Н; Дув: С; Караид: Б; Стерлит: Пр), **«мозгливый»** (Бир: Петр, Пит); рассудительного, благоразумного человека — **«развитной»** (Бир: Баз), **«рассудливый»** (Бир: Петр, Пит; Куш: А). В некоторых случаях характеристика человека по признаку наличия ума имеет негативную окраску: **умной** 'слишком умный' (Бир: Ос, Пит; Калт: Л). О бестолковом, непонятливом человеке говорят **«баламутный»** (Бир: Пит), **«бестолмачный»** (Бир: Г, Петр, Пит; Караид: Б; Куш: А), **«бестолочный»** (Хайб: А), **«бесчётный»** (Игл: О), **«неудачный»** (Байм: Б; Белеб: Н; Бир: Коян, Петр; Калт: Л; Караид), **«пустобаший»** (Куш: А). В эту же группу входят имена прилагательные, характеризующие человека по объему знаний: 'знающий, грамотный' — **наученный** (Бир: Кам) и **научённый** (Бир: Кам), **научный** (Байм: Б; Бак: К; Бир: Петр, Пит, Сим; Калт: Л; Стерлит: Пр).

Имена прилагательные, определяющие человека как чувствующее существо, составляют две группы и характеризуют человека эмоциональному состоянию и по эмоциональному проявлению. Характеристика по эмоциональному состоянию в говорах Башкортостана представлена оппозицией: 'веселый' **лукавый** (Караид: Б) / 'грустный, невеселый' **думчивый** (Бир: Петр). По эмоциональному проявлению имена прилагательные также можно распределить на две подгруппы, характеризующие вербальное проявление эмоций и невербальное проявление эмоций. Рассмотрим слова, характеризующие человека по вербальному проявлению эмоций: **громогласного, горластого, крикливого** человека называют **«зевластый»** (Бир: Баз, Калин, Петр, Пит, Сим; Иш: П; Куш: А; Стерлит: Пр) и **«зеворотый»** (Белеб: Н; Бир: Калин, Петр, Пит, Сим; Куш: А), **«орядстый»** (Бир: Пит), **«полоротый»** (Куш: А). В «Словаре русских говоров Башкирии» эти слова имеют стилистический маркер «неодобрительно». Слова, характеризующие невербальное проявление эмоций, дополняет компонент «невербальное проявление эмоций в игре, шалостях,

озорстве»: ‘непокойный, озорной’ ералашный (Бир: Петр; Мел: Н), жаркустный (Байм: Б; Бир: Сил; Стерлит: Пр); ‘склонный к озорству, озорной’ зорный (Ал: М; Бир: Пит; Куш: А); ‘игривый, шаловливый, веселый, живой’ игровитый (Бир: Баз, Ос, Петр, Ч; Дув: С; Караид: Б); ‘хулиганистый’ бесстужий (Бир: Петр), буйкий (Куш: А).

Имена прилагательные, определяющие человека как наделенное волей существо, представлены следующими группами: ‘смелый’ безбоязненный (Хайб: А), буйный (Гаф: Т), натурный (Байм: Б; Бир: Калин, Кр, Сим; Калт: Л; Караид: Б; Куш: А; Стерлит: Пр); ‘робкий’: пужливый (Нур: П); ‘упрямый’: благой (Бир: Пит), карахтерный (Бир: Баз, Петр, Пит, Сим, Щ; Куш: А; Фёд: П), натуральный (Гаф: Т), негодный (Уф: Яр).

Имена прилагательные третьей группы, характеризующие человека как общественное существо, представляют его отношение к другим людям, к дому, семье, к труду, к ценностям материального мира.

Отношение человека к другим людям имеет особую значимость в сознании диалектоносителей. По мнению С. Л. Рубинштейна, «отношение к другому человеку, к людям составляет основную ткань человеческой жизни, ее сердцевину» [12]. На основе этого формируются этические нормы поведения. Народное сознание подмечает следующие характеристики, которые показывают уважительное отношение к другим: ‘заботливый’ беспокойный (Бир: Пит, См; Куш: А; Фёд: П); ‘уважительный, воспитанный’ почётный (Мел: Н), скротый (Бир: Сим); ‘обходительный’ подходный (Бир: Пит); ‘услужливый, внимательный, желающий помочь кому-л.’ сноровливый (Бир: Пит), сноровчатый (Бир: Пит), сноровчивый (Бир: Петр, Пит; Куш: А); ‘сознательный’ зазнательный (Бир: Щ); ‘проявляющий радение (заботу о стариках)’ радельный (Бир: Пит); ‘гостеприимный’ привечливый (Мел: Н), пригласливый (Бир: Ос, Петр; Куш: А), приемчивый (Белеб: Н; Дув: С; Калт: Л), приёмный (Байм: Б), приёмчатый (Куш: А), приёмчивый (Бак: К; Бир: Баз, Пит; Караид: Б; Куш: А), приимчивый (Бир: Петр, Пит). Имена прилагательные, выражающие неприемлемое, враждебное отношение к другим, представлены следующими рядами: ‘безжалостный, жестокий’ безжалостливый (Куш: А); ‘бездушный, бессердечный’ гнилосердцый (Бир: Петр), бесстужий (Бир: Баз; Калт: Л; Караид: Б); ‘злой, недобрый, враждебный’ вражный (Бир: Петр, Пит); ‘хитрый’ вредный (Фёд: П); ‘невежливый, неучтивый, грубый’ невежий (Бир: Петр, Пит);

‘несговорчивый, непокладистый, неуслужливый’ несговорчатый (Бир: Пит; Фёд: П), несноровный (Бир: Пит), несноровчатый (Куш: А), несноровчивый (Дув: С; Куш: А), ‘брюзгливый’ брюзгавый (Мел: Н), гребливый (Иш: П).

Подгруппа лексем, характеризующих отношение человека к дому, семье, также является знаковой в сознании диалектоносителя. О человеке, не привязанном к дому, нерадивом хозяине говорят «бездомовый» (Куш: А), «бездомовый» (Бир: Сим), «бездомовой» (Бир: Ос); о человеке, не имеющем семьи, холостяке — «бессеманный» (Ил: А). Женатого человека в говорах назовут «женённый» (Белеб: Н; Калт: К) и «женимый» (Сал: А).

Характеристика человека по его отношению к работе, к труду представляет особый интерес, поскольку труд в сознании диалектоносителей, по мнению Т. И. Вендиной, «воспринимается как неотъемлемая составляющая жизни человека, его естественное состояние» [1. С. 137]. Она отмечает, что труд как культурная норма жизни «формирует личность и определяет ее положение в обществе» [Там же]. Трудолюбивый, старательный человек в говорах Башкортостана — дошлый (Бир: Пит); не занятый делом, не умеющий ничего делать, ленивый — безделовой (Бир: Ос), неопрятный (Иш: П). При этом, по наблюдениям М. А. Ереминой, «результат процесса лени предстает в виде морального порока, результат усердного труда лежит в плоскости материальных приобретений» [5. С. 12].

Подгруппа лексем, характеризующих отношение человека к ценностям материального мира, представлена несколькими категориями: характеристика по отношению к собственности, к внешнему виду, к еде.

Отношение человека к собственности представлено оппозицией «жадный/щедрый». Жадного человека в говорах называют «большекромый» (Бир: Пит; Куш: А), «захапной» (Карм: Б). В некоторых случаях жадность связывают с завистью: ахидный ‘жадный, завистливый’ (Бак: К). Имена прилагательные со значением ‘щедрый человек’ в нашей выборке не представлены. Вероятно, щедрость воспринимается в народном сознании как качество, вполне соответствующее норме, поэтому в дополнительном наименовании не нуждается.

По отношению к внешнему виду человека можно охарактеризовать как опрятного или неопрятного. В говорах о неопрятном, плохо одетом человеке говорят «задрипанный» и «задрипанный» (Белеб: Н), «необихоженный» (Белеб: Н),

«нескладный» (Белеб: Н; Калт: Л; Караид: Б) и «несклюдный» (Бир: Баз), «несурядный» (Белеб: Н; Бир: Ос; Дув: С); о небрежно одетом, лохматом, неопрятном — «лохматущий» (Бир: Петр, Пит), «небрежливый» (Байм: Б). О нарядно одетом, модном человеке скажут «нафуфыренный» (Бак: К), «фартовый» (Бир: Петр), «форсливый» (Стерлит: Пр).

Анализируя имена прилагательные, характеризующие человека в русских говорах Башкортостана, мы делаем вывод о том, что определение качеств и свойств человека основаны на некотором представлении о норме, и любое явление, отклоняющееся от нее, получает номинацию в языке. Народное сознание

при этом дает оценку этому явлению, характеризуя его как приемлемое или неприемлемое. Проанализированный материал свидетельствует о том, что положительно оцениваются те качества и свойства человека, которые позволяют ему установить прочную связь с социумом, выявляют важные аспекты жизнедеятельности: трудолюбие, порядочность, уважительное и доброжелательное отношение к людям, опора на семейные ценности. Таким образом, мы получаем представление о ценностных ориентирах, выработанных традиционной культурой и нашедших свое отражение в словаре, складывая целостное представление о диалектной картине мира, присущей конкретному языковому коллективу.

Список сокращений

Ал: М — Альшеевский р-н, д. Михайловка
 Ал: Мак — Альшеевский р-н, д. Максюты
 Ал: Т; — Альшеевский р-н, с. Ново-Троицк
 Арх: И — Архангельский р-н, с. Ирныкши
 Байм: Б — Баймакский р-н, с. Бекешево
 Бак: К — Бакалинский р-н, д. Килеево
 Белеб: Ж — Белебеевский р-н, д. Жуковка
 Белеб: Н — Белебеевский р-н, с. Надеждино
 Белок: Б — Белокатайский р-н, с. Ново-Белокатай
 Белор: И — Белорецкий р-н, п. Искушта
 Биж: С — Бижбулякский р-н, д. Сухоречка
 Бир: Баз — Бирский р-н, с. Старо-Базаново
 Бир: Ел — Бирский р-н, с. Елгашево
 Бир: Ем — Бирский р-н, с. Емашево
 Бир: З — Бирский р-н, с. Зуево
 Бир: Калин — Бирский р-н, с. Калинники
 Бир: Кам — Бирский р-н, д. Камышенка
 Бир: Коян — Бирский р-н, с. Кояново
 Бир: Кр — Бирский р-н, д. Криуши
 Бир: Кус — Бирский р-н, с. Кусекеево
 Бир: Мор — Бирский р-н, д. Мордвиновка
 Бир: Ос — Бирский р-н, д. Осиновка
 Бир: Петр — Бирский р-н, с. Старо-Петрово
 Бир: Пит — Бирский р-н, д. Питяково
 Бир: Сим — Бирский р-н, с. Симкино
 Бир: Сус — Бирский р-н, с. Суслово
 Бир: Ч — Бирский р-н, с. Чадово
 Бир: Щ — Бирский р-н, д. Щегловка
 Благовещ: Д — Благовещенский р-н, с. Удельно-Дуваней

Благовещ: Н — Благовещенский р-н, с. Надеждино
 Гаф: А — Гафурийский р-н, д. Архангелка
 Гаф: Т — Гафурийский р-н, с. Табынское
 Давл: Л — Давлекановский р-н, п. Ленинский
 Дув: О — Дуванский р-н, с. Озеро
 Дув: С — Дуванский р-н, д. Сальёвка
 Игл: К — Иглинский р-н, с. Куяново
 Игл: О — Иглинский р-н, с. Октябрьское
 Игл: Ш — Иглинский р-н, д. Шипово
 Ил: А — Илишевский р-н, д. Андреевка
 Иш: П — Ишимбайский р-н, с. Петровское
 Калт: Л — Калтасинский р-н, д. Большой Лог
 Караид — Караидель
 Караид: Б — Караидельский р-н, с. Байки
 Карм: Б — Кармаскалинский р-н, д. Бекетово
 Карм: Кар — Кармаскалинский р-н, с. Карламан
 Киг: К — Кигинский р-н, д. Кандаковка
 Куш: А — Кушнаренковский р-н, с. Ахлыстино
 Мел: В — Мелеузовский р-н, с. Воскресенское
 Мел: Н — Мелеузовский р-н, с. Нордовка
 Миш: Т — Мишкинский р-н, с. Ново-Троицк
 Нур: П — Нуримановский р-н, д. Павловка
 Сал: А — Салаватский р-н, д. Аркаулово
 Стерлит: Пр — Стерлитамакский р-н, д. Преображенковка
 Уф: Яр — Уфимский р-н, с. Красный Яр
 Уф: Ш — Уфимский р-н, д. Шемяк
 Фёд: П — Фёдоровский р-н, д. Полюновка
 Хайб: А — Хайбулинский р-н, с. Акъяр

Список литературы

1. Вендина Т. И. Диалектное слово как «архетип» русской культуры // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2019. № 1—2, т. 14. С. 125—139.
2. Воробьева Е. А. Имена прилагательные, характеризующие внешность человека по физическим особенностям, в ярославских говорах. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imena-prilagatelnye-harakterizuyuschie-vneshnost-cheloveka-po-fizicheskim-osobennostyam-v-yaroslavskih-govorah> (дата обращения 28.09.2020).
3. Грибовская Н. Ю. Микрополе «упрямый» в диалектной языковой картине мира (на материале тверских говоров) // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Филология. 2017. № 3. С. 202—207.
4. Гурская С. Л. Имена существительные общего рода, характеризующие человека по его внешнему виду в ярославских говорах // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 2. С. 132—137.
5. Еремина М. А. Лексико-семантическое поле «отношение человека к труду» в русских народных говорах: этнолингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 23 с.
6. Закуткина Н. А. Феномен диалектной картины мира в немецкой философии языка XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 26 с.
7. Здобнова З. П. Словарь русских говоров Башкирии. Уфа: Гилем, 2008. 406 с.
8. Здобнова З. П. Судьба русских переселенческих говоров Башкирии. Уфа: Гилем, 2001. 155 с.
9. Курбангалеева Г. М. О некоторых особенностях функционирования лексики русских говоров Башкирии // Уральский филологический вестник. 2012. № 3. С. 218—222.
10. Литвинова Т. А. Номинации человека как отражение языковой картины мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2011. 24 с.
11. Радченко О. А. Диалектная картина мира как идиоэтнический феномен // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 25—48.
12. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957. 328 с. URL: <https://iknigi.net/avtor-sergey-rubinshteyn/53944-bytie-i-soznanie-sergey-rubinshteyn/read/page-24.html> (дата обращения 29.01.2021).
13. Савельева Ю. Б. Диалектная лексика, характеризующая умственные способности человека (на материале словаря русских говоров Башкирии) // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 3 (332). Филология. Искусствоведение. Вып. 87. С. 82—88.
14. Савельева Ю. Б. Диалектная лексика, характеризующая внешность человека (на материале словаря русских говоров Башкирии) // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 20 (375). Филология. Искусствоведение. Вып. 97. С. 97—105.
15. Скорнякова Р. М. Лингвокультурологическая концепция моделирования языковой картины мира: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2010. 47 с.

Сведения об авторе

Ермолаева Юлия Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Уфимского государственного нефтяного технического университета, Уфа, Россия. yuliaerm1015@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 7 (453). *Philology Sciences. Iss. 125. Pp. 69—76.*

HUMAN CHARACTERISTICS ADJECTIVES IN THE RUSSIAN DIALECTS OF BASHKORTOSTAN

Yu. A. Ermolaeva

Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russia. yuliaerm1015@yandex.ru

The article analyzes the adjectives in the Russian dialects of Bashkortostan which characterize a human. Their systematization in three groups are presented, including the adjectives characterizing a human as a living being, the adjectives characterizing a human as a thinking and feeling living being with will and the adjectives characterizing a human as a social living being. The lexical-semantic analysis shows the varied

means the Russian dialects of Bashkortostan have to describe the characteristics of an individual. This analysis also helps to reveal the particular features of the human being perception in these dialects. The value and normative vision of humans and their internal and external characteristics in its turn allows to trace the dialect speakers' subjective impressions and evaluations. The subjectivity found in the dialects proves crucial in the choice of the morphological bases of naming of units of reality.

Keywords: *the Russian language, anthropocentrism, dialect, view of the world, dialectal naming unit.*

References

1. Vendina T. I. (2019) *Slavyanskij mir v tret'em tysyacheletii*, no. 1—2, vol. 14, pp. 125—139 [in Russ.].
2. Vorob'eva E. A. Imena prilagatel'nye, harakterizuyushchie vneshnost' cheloveka po fizicheskim osobennostyam, v yaroslavskih govorah [The adjectives characterizing the person's appearance in the Yaroslavl dialects]. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/imena-prilagatelnye-harakterizuyushchie-vneshnost-cheloveka-po-fizicheskim-osobennostyam-v-yaroslavskih-govorah>, accessed 28.09.2020 [in Russ.].
3. Gribovskaya N. Yu. (2017) *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*, no. 3, pp. 202—207 [in Russ.].
4. Gurskaya S. L. (2010) *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik*, no. 2, pp. 132—137 [in Russ.].
5. Eremina M. A. (2003) Leksiko-semanticheskoe pole "otnoshenie cheloveka k trudu" v russkikh narodnykh govorah: etnolingvisticheskij aspekt [Lexical-semantic field "human attitude to work" in the Russian dialects: ethno-linguistic aspect. Abstract of thesis]. Yekaterinburg. 23 p. [in Russ.].
6. Zakutkina N. A. (2001) Fenomen dialektnoj kartiny mira v nemeckoj filosofii yazyka XX veka [The world dialect picture phenomenon in the 20th century German philosophy of language. Abstract of thesis]. Moscow. 265 p. [in Russ.].
7. Zdobnova Z. P. (2008) Slovar' russkikh govorov Bashkirii [The Dictionary of the Russian dialects of Bashkiria]. Ufa, Gilem. 406 p. [in Russ.].
8. Zdobnova Z. P. (2001) Sud'ba russkich pereselencheskich govorov Bashkirii [The destiny of the Russian migrant dialects of Bashkiria]. Ufa, Gilem. 155 p. [in Russ.].
9. Kurbangaleeva G. M. (2012) *Ural'skij filologicheskij vestnik*, no. 3, pp. 218—222 [in Russ.].
10. Litvinova T. A. (2011) Nominacii cheloveka kak otrazhenie yazykovej kartiny mira [The naming unit of a human as the reflection of the linguistic view of the world. Abstract of thesis]. Voronezh. 24 p [in Russ.].
11. Radchenko O. A. (2004). *Voprosy yazykoznanija*, no. 6, pp. 25—48 [in Russ.].
12. Rubinshtejn S. L. (1957) Bytie i soznanie [Existence and conscience]. Moscow. 328 p. Available at: <https://iknigi.net/avtor-sergey-rubinshteyn/53944-bytie-i-soznanie-sergey-rubinshteyn/read/page-24.html>, accessed 29.01.2021 [in Russ.].
13. Savel'eva Yu. B. (2014) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (332), pp. 82—88 [in Russ.].
14. Savel'eva Yu. B. (2015) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 20 (375), pp. 97—105 [in Russ.].
15. Skornyakova R. M. (2010) Linogvokul'turologicheskaya koncepciya modelirovaniya yazykovej kartiny mira [Linguoculturological concept of modeling the world linguistic culture. Abstract of thesis]. Moscow. 47 p. [in Russ.].

ПРОБЛЕМА НОМИНАЦИИ ЖЕНЩИН ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В ЗАГОЛОВКАХ СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Ю. С. Замышляева

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматривается проблема номинации женщин по профессиональной принадлежности в заголовках современных российских СМИ. Отсутствие указания на пол действующего лица в публикации может привести к непреднамеренной деформации информации. Определен ряд приемов, которые могут использоваться для обозначения женщин в медиатекстах. В качестве наиболее перспективного способа выделены феминитивы.

Ключевые слова: *феминитивы, медиатексты, заголовок, деформация информации.*

В условиях постоянно растущего количества информации интернет-СМИ постепенно замещают традиционные медиаисточники. Интернет-медиа обладают более высокой степенью оперативности и позволяют быстрее получить доступ к интересующему контенту. В связи с этим растет роль заголовка, поскольку все чаще коммуниканты за неимением достаточного количества времени на полноценное прочтение статьи формируют мнение о событии, основываясь только на ключевой информации, полученной из названия публикации [5. С. 745].

Э. А. Лазарева утверждает, что заголовки являются опорными точками, цель которых — показать ключевую информацию в тексте. Данные элементы текста выступают опорной базой для читателя в понимании содержания, что важно при беглом восприятии [13]. Таким образом, главной целью заголовка сейчас является не только привлечение внимания читателя, а максимально достоверная передача информации.

Л. Г. Антонова в своей работе «О новых жанровых формах в интернет-дискурсе» также подчеркивает, что современный журналист вынужден сталкиваться с клиповым и непосредственным характером восприятия информации аудиторией в рамках интерактивного дискурса [2. С. 13]. Это значит, что современный читатель ограничивается беглым сканированием текста публикации, что, в свою очередь, заставляет журналиста-блогера прибегать к правилу «первого экрана», которое реализуется через чередование фото и текстовой информации, структурирование содержания в короткие емкие абзацы, но главное — через информативный заголовок [Там же].

Как отмечает Т. А. Воронцова, заголовок в интернет-СМИ имеет более высокий информационный статус по сравнению с печатными медиаисточниками. Во-первых, в сети Интернет представлены одновременно несколько заголовков, презентующих одно и то же событие. Во-вторых, заголовок и основной текст расположены дистантно. Это обуславливает особый способ получения информации: от новости к медиаисточнику [5. С. 752].

Данные факторы могут приводить к искажению образа события или «деформации информации». Т. А. Воронцова выделяет два типа деформации информации в заголовках современных СМИ: преднамеренный и непреднамеренный [5].

Преднамеренное искажение информации используется для усиления речевого воздействия на адресата. При использовании ряда приемов в заголовке искажается образ события, но передаваемые факты соответствуют действительности [Там же. С. 748].

Непреднамеренная деформация информации представляет собой нарушение языковых и речевых норм, в результате чего искажаются факты, а формирование адекватного образа события становится невозможным [Там же. С. 750].

Как известно, в соответствии с нормами современного русского языка абсолютное большинство наименований лица по профессии и роду деятельности не отражает гендерную принадлежность: нормативными являются формы мужского рода (адвокат, депутат, директор и т. д.). При этом языковая система обладает значительным словообразовательным потенциалом для образования форм женского рода.

Актуальность исследования определяется тем, что изменение структуры медиакommunikации, с одной стороны, и экстралингвистических факторов (присутствие женщин в самых различных профессиях, появление новых профессий и т. д.), с другой, повышают роль гендерного фактора в сознании массового адресата.

Цель данной статьи — выявить особенности обозначения лиц женского пола по роду профессиональной деятельности в заголовках современных интернет-СМИ. В рамках данного исследования предполагалось, во-первых, определить, какие номинации используются в заголовках интернет-СМИ при обозначении женщин по профессиональной принадлежности, во-вторых, установить, происходит ли деформация информации в заголовках современных российских СМИ в связи с отсутствием указания на гендер действующего лица в публикации, в-третьих, выявить способы преодоления этой деформации.

Материалом исследования послужили заголовки современных российских интернет-СМИ в количестве 60 единиц.

Ключевым методом исследования является коммуникативно-функциональный анализ заголовков.

В заголовках современных СМИ для обозначения профессионального деятеля женского пола используется форма мужского рода. Ср.:

1. *Экс-кандидат в пермские губернаторы решил стать депутатом* (<https://ura.news/>, 9 февраля 2021 г.). Речь идет о депутате Ксении Атайковой, но данный заголовок не отражает тот факт, что политик — женщина, поскольку для профессиональной номинации используется существительное мужского рода «экс-кандидат» и соответствующая ему грамматическая форма глагола «решил».

2. *Александр Панайотов тайно женился на своем директоре еще два года назад* (<https://hochu.ua/>, 25 ноября 2008 г.). Речь о концертном директоре исполнителя Екатерине Кореневой.

3. *Тренер сборной по гимнастике: Отношение к России переносится на спорт* (<https://vz.ru/>, 11 ноября 2015 г.). Речь о тренере российской национальной команды по спортивной гимнастике Валентине Родионенко.

4. *Мы стараемся не болеть: интервью с врачом-ординатором из Калуги* (<https://nedelya40.ru/>, 14 марта 2021 г.). Интервью было проведено с врачом Екатериной Домогаевой.

5. *По делу «омбудсмана полиции» задержали бывшего и действующего администратора паблика*

(<https://pasm1.ru/>, 25 мая 2020 г.). Бывшим администратором является Диана Ковалевская.

С учетом специфики интернет-СМИ противоречие между формой обозначения профессии и реальным полом лица может приводить к тому, что читатель на основании заголовка получает неполную или искаженную информацию.

В рамках данного исследования мы рассматриваем феминитивы как лексико-семантическую группу, используемую для наименования лица женского пола по роду деятельности [8].

Н. С. Самойленко и А. А. Стеклёнова в своей работе «Феминитивы как инструмент гендерной дифференциации в СМИ» проводят анализ использования феминитивов в заголовках и лидах публикаций и приходят к выводу, что журналисту крайне важно идентифицировать гендер героя текста и для этого есть ряд приемов:

— при отсутствии официально закрепленной формы женского рода используются существующие в языке синонимы (для обозначения женщин в политике могут использоваться такие слова, как «активистка» или «представительница политического движения»);

— присоединение приложения, указывающего на гендер, к профессиональному наименованию мужского рода (*Самые красивые и влиятельные женщины-политики в мире: как они выглядят*; <https://www.obozrevatel.com/>, 27 февраля 2021 г.);

— указание на женский пол действующего лица часто реализуется через синтаксическую форму (женского рода) глагола, прилагательного или причастия (*Французский политик предложила выслать из страны всех подозреваемых в экстремизме*; <https://armeniasputnik.am/>, 19 октября 2020 г.);

— периодически журналисты чередуют феминитивы и формы мужского рода в заголовке и лиде, чтобы избежать лексического повтора [16. С. 128].

Но использование феминитивов-неологизмов в медиатекстах для обозначения женщин по профессиональной деятельности, по мнению Н. С. Самойленко и А. А. Стеклёновой, крайне ограничено, поскольку данным лексическим единицам присущи просторечный характер и определенная стилистическая окраска [16].

Однако такую точку зрения разделяют не все исследователи языка. Р. Р. Гузаерова и В. А. Косова в своей статье «Специфика феминитивов в современном русском медиапространстве» утверждают, что данные неологизмы все чаще используются в СМИ в качестве механизма общественных изменений [10]. Феминитивы-

неологизмы служат средством отражения борьбы за гендерное равенство, с их помощью мы можем проследить тенденцию, зародившуюся в Интернете, который стал площадкой для продвижения новых идей [Там же].

Феминитивы являются эффективным средством репрезентации женщин по роду деятельности в медиатекстах, поскольку они позволяют кратко и быстро донести информацию о гендерной принадлежности действующего лица публикации. Таким образом, благодаря их использованию соблюдается принцип лингвистической экономии. Ср.:

- *Блогер Катя Конасова пожаловалась на обрушение волнореза на крымском пляже* (<https://govoritmoskva.ru/>, 24 августа 2020 г.).

- *Российская блогерша отдохнула в Крыму и рассказала о печальном опыте* (<https://lenta.ru/>, 24 августа 2020 г.).

Данные заголовки сообщают об одной и той же новости, однако в первом случае в названии публикации журналист указывает имя главного действующего лица, поскольку слово «блогер» не указывает на пол. Во втором заголовке использован феминитив «блогерша», который позволил достоверно и в краткой форме передать информацию читателю как о роде профессиональной деятельности, так и о гендерной принадлежности героини публикации.

М. А. Кормилицина называет одной из ключевых тенденций, характерных для современных СМИ, их стремление к интерактивности [12. С. 68]. Журналисты ставят своей целью установление диалога с читателем, создание впечатления живого общения. Для этого используется целый ряд приемов, например, «языковая солидарность», то есть использование в тексте публикации разговорной лексики [Там же. С. 69]. Таким образом, просторечный характер феминитивов не является аргументом для отказа от их использования в медиатексте.

Обратим внимание на тот факт, что феминитивы, обозначающие традиционные профессии, не всегда положительно воспринимаются коммуникантами и поэтому встречаются в заголовках СМИ значительно реже, чем феминитивы-неологизмы, возникшие благодаря развитию сети Интернет. Эти слова пришли в язык почти одновременно с формой мужского рода и очень активно используются как в рамках разговорного дискурса, так и интернет-дискурса. Вследствие этого они стали приемлемыми и для современного публицистического дискурса как

одно из проявлений орализации — возрастания роли устной речи, расширения ее функций, и повышения значимости устной речи как формы существования языка [17]. Ср.:

- *Айтишница создала чат двора и дала интервью The Guardian* (<https://www.tut.by/>, 6 ноября 2020 г.).

- *Популярная блогерша Дженна Марблс уходит с ютьюба. Дело в ее старых оскорбительных видео* (<https://daily.afisha.ru/>, 26 июня 2020 г.)

- *Геймерша из Смоленской области «подарила» жуликам почти 90 тысяч* (<https://www.rabochy-put.ru/>, 22 ноября 2020 г.).

- *Инстаграмщица, на дне рождения которой в испарениях сухого льда погиб ее муж и двое друзей, рассказала о посмертном подарке супруга* (<https://www.rosbalt.ru/>, 4 марта 2020 г.).

- *Программистка 1960-х: у белорусских «айтишников» безграничные возможности, но желания делать хорошо нет* (<https://www.onliner.by/>, 26 февраля 2016 г.).

- *Обама вручил медаль программистке, спасшей миссию «Аполлон»* (<https://www.gazeta.ru/>, 26 ноября 2016 г.).

- *Программистка Мария Гудман — о том, почему женщины строят карьеру в IT* (<https://zimagazine.com/>, 30 марта 2021 г.).

- *«Хочу, чтобы меня услышали». Стримерша Юлия Кошкина — о цензуре на Twitch, лояльных зрителях и проблемах Иркутска* (<https://verbludvogne.ru/>, 03 сентября 2020 г.).

- *На кого подписаться: Тиктокерша, которая переснимает сериалы вместе с кошкой* (<https://www.wonderzine.com/>, 7 октября 2020 г.).

Кроме того, А. С. Киндеркнехт и В. В. Степанюк в своей работе «Способы привлечения внимания в заголовках СМИ» отмечают, что именно заголовок является определяющим фактором, формирующим у адресата заинтересованность в прочтении статьи [11]. Данную цель журналисты достигают через ряд приемов, среди которых — эмоционально оценочная и экспрессивная лексика. Таким образом, использование в заголовках СМИ феминитивов-неологизмов, кажущихся многим коммуникантам непривычными или даже неприемлемыми в речи, поскольку данные слова традиционно используются в форме мужского рода как нейтральные (*авторка, директорка, режиссерка* и т. д.), не только способствует корректному указанию на гендер действующего лица, но и определенно привлекает внимание читателя. Ср.:

• *Петербургская депутатка предложила запретить продажу полиэтиленовых пакетов и одноразовой посуды в России* (<https://paperpaper.ru/>, 1 апреля 2021 г.).

• *Директорка брестского пространства «КХ»: Не знаю, что ждет завтра, но уезжать не собираюсь* (<https://reform.by/>, 10 февраля 2021 г.).

• *Финский политический рекорд: чем может удивить самая молодая премьерка Европы* (<https://www.eurointegration.com.ua/rus/>, 10 декабря 2019 г.).

• *«Земля кочевников»: знакомьтесь, Хлоя Чжао — главная режиссерка Голливуда прямо сейчас* (<https://daily.afisha.ru/>, 11 марта 2021 г.).

• *Юристка бросила работу и прославилась благодаря откровенным снимкам* (<https://lenta.ru/>, 4 февраля 2021 г.).

Таким образом, в результате анализа нашего материала мы пришли к следующим выводам:

1. В заголовках СМИ существует потребность в достоверном обозначении лица по полу, что позволит избежать непреднамеренной деформации информации.

2. Для профессиональной номинации женщин в медиатексте существует ряд приемов, среди которых: использование синонимов при

отсутствии официально закрепленной в словаре формы женского рода; добавление приложения; отсылка на женский пол действующего лица через синтаксическую форму глагола, прилагательного или причастия; использование феминитивов.

3. Феминитивы-неологизмы являются одним из самых перспективных способов обозначения женщин в заголовках СМИ, поскольку они позволяют кратко, быстро и достоверно передать информацию о гендерной принадлежности действующего лица публикации.

4. Разговорный характер феминитивов-неологизмов не является причиной для отказа от их использования, а, наоборот, может служить для журналиста средством придания интерактивности медиатексту, установления диалога с читателем.

5. Феминитивы-неологизмы, которые неоднозначно воспринимаются адресатами, поскольку традиционно вместо них в качестве нейтральной используется форма мужского рода, помогают не только конкретизировать пол главного действующего лица в публикации, но и привлечь внимание читателей, повысив их интерес к прочтению статьи.

Список литературы

1. Антонова Е. Б. Проблемы внедрения феминитивов-неологизмов в языковую систему современного русского языка // Молодой ученый. 2020. № 26 (316). С. 227—233.
2. Антонова Л. Г. О новых жанровых формах в интернет-дискурсе // Вестник ВГУ. Сер.: Филология, журналистика. 2018. № 4. С. 11—14.
3. Васильева А. С. Тенденции в употреблении наименований лиц женского пола по профессиональной принадлежности // Проблемы современного образования. 2013. № 1. С. 46—53.
4. Воробьева А. С. Феминитивы-неологизмы в лингвистическом аспекте // Горизонты современной русистики. 2020. С. 178—182.
5. Воронцова Т. А. «Деформация информации» в заголовках интернет-СМИ // Русская грамматика: активные процессы в языке и речи. 2019. С. 745—753.
6. Воронцова Т. А. Новостной заголовок как репрезентант события // Политическая лингвистика. 2017. № 6 (66). С. 21—25.
7. Воронцова Т. А., Ковальчукова М. А. Образ события в новостном интернет-дискурсе // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2015. № 3 (25). С. 102—108.
8. Воронцова Т. А., Замышляева Ю. С. Функционирование феминитивов в медиадискурсе // V Международная научная конференция «MEDIAОбразование: медиа как тотальная повседневность». 2020. С. 288—291.
9. Градюшко А. А. Заголовок как важнейший элемент текста в веб-журналистике // Весці БДПУ. Сер. 1: Педагогіка. Психологія. Філологія. 2014. № 1. С. 73—77.
10. Гузаерова Р. Р., Косова В. А. Специфика феминитивов в современном русском медиапространстве // Вестник ТГГПУ. 2017. № 4 (50). С. 11—15.
11. Киндеркнехт А. С., Степанюк В. В. Способы привлечения внимания в заголовках СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 8-2 (62). С. 94—97.

12. Кормилицына М. А. Тенденции изменений в стилистическом облике традиционных журналистских жанров в современной прессе // *Жанры речи*. 2018. № 1 (17). С. 67—72.

13. Лазарева Э. А. Заголовочный комплекс текста — средство организации и оптимизации восприятия // *Известия Уральского государственного университета*. 2006. № 40. С. 158—166.

14. Лукина М. М. Трансформации журналистского текста в условиях интернет-среды // *Вестник Московского университета*. Сер. 10: Журналистика. 2009. № 3. С. 54—73.

15. Плаксина Е. Б., Кусова М. Л. Языковые средства реализации воздействующей функции заголовков (на материале российской и французской прессы) // *Политическая лингвистика*. 2011. № 4. С. 117—120.

16. Самойленко Н. С., Стекленева А. А. Феминитивы как инструмент гендерной дифференциации в СМИ // *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики*. 2019. № 2 (33). С. 126—131.

17. Стернин И. А. Социальные факторы и развитие современного русского языка // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2000. № 2. С. 4—16.

Сведения об авторе

Замышляева Юлия Сергеевна — аспирант, преподаватель кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. lily-ulia@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 7 (453). *Philology Sciences. Iss. 125. Pp. 77—82.*

THE PROBLEM OF NOMINATION OF WOMEN BY OCCUPATION IN THE HEADLINES OF MODERN MEDIA

Yu. S. Zamyshliaeva

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. lily-ulia@mail.ru

The problem of nomination of women by professional affiliation in the headlines of modern Russian media is considered in the article. Lack of gender indication of the character in the publication can lead to inadvertent deformation of the information. A number of techniques that can be used to designate women in media texts have been identified. They are the use of synonyms in the absence of an official feminine form; adding an adjunct; reference to the female sex of the character through the syntactic form of a verb, adjective or participle; use of feminitives. Feminitives are highlighted as the most prospective method since they convey information about the gender of the character concisely, quickly and reliably. Moreover, feminitives-neologisms, due to their colloquial nature, can serve as a means to give interactivity to a media text, to establish a dialogue with a reader.

Keywords: *feminitives, media texts, headlines, information deformation.*

References

1. Antonova E. B. (2020) *Molodoj ucheny*, no. 26 (316), pp. 227—233 [in Russ.].
2. Antonova L. G. (2018) *Vestnik VGU. Serija: filologija, zhurnalistika*, no. 4, pp. 11—14 [in Russ.].
3. Vasil'eva A.S. (2013) *Problemy sovremennogo obrazovanija*, no. 1, pp. 46—53 [in Russ.].
4. Vorob'eva A.S. (2020) *Feminitivy-neologizmy v lingvisticheskom aspekte* [Feminitives-neologisms in linguistic aspect]. *Gorizonty sovremennoj rusistiki* [Horizons of Modern Russian Studies]. Pp. 178—182 [in Russ.].
5. Voroncova T. A. (2019) “Deformatciiia informatcii” v zagolovkakh internet-SMI [“Deformation of information” in the headlines of the Internet media]. *Russkaja grammatika: aktivnye processy v jazyke i rechi* [Russian Grammar: Active Processes in Language and Speech]. Pp. 745—753 [in Russ.].
6. Voroncova T. A. (2017) *Politicheskaja lingvistika*, no. 6 (66), pp. 21—25 [in Russ.].
7. Voroncova T. A., Koval'chukova M. A. (2015) *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Serija: Istorija i filologija*, no. 3 (25), pp. 102—108 [in Russ.].
8. Voroncova T. A., Zamyshljaeva Yu. S. (2020) *V Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija “MEDIAObrazovanie: media kak total'naja povsednevnost”*. Pp. 288—291 [in Russ.].

9. Gradjushko A. A. (2014) *Vesci BDPU. Seryja 1. Pedagogika. Psihologija. Filologija*, no. 1, pp. 73—77 [in Russ.].
10. Guzaerova R. R., Kosova V. A. (2017) *Vestnik TGGPU*, no. 4 (50), pp. 11—15 [in Russ.].
11. Kinderkneht A. S. (2016) *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 8-2 (62), pp. 94—97 [in Russ.].
12. Kormilicyna M. A. (2018) *Zhanry rechi*, no. 1 (17), pp. 67—72 [in Russ.].
13. Lazareva Je.A. (2006) *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 40, pp. 158—166 [in Russ.].
14. Lukina M. M. (2009) *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10. Zhurnalistika*, no. 3, pp. 54—73 [in Russ.].
15. Plaksina E. B. (2011) *Politicheskaja lingvistika*, no. 4, pp. 117—120 [in Russ.].
16. Samojlenko N. S., Stekleneva A. A. (2019) *Aktual'nye voprosy sovremennoj filologii i zhurnalistiki*, no. 2 (33), pp. 126—131 [in Russ.].
17. Sternin I. A. (2000) *Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika*, no. 2, pp. 4—16 [in Russ.].

КОНЦЕПТ ISLAND КАК ЦЕННОСТНАЯ КОНСТАНТА БРИТАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Т. П. Карпухина, А. В. Луговской

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

Анализируется концепт ISLAND как ценностная константа британской лингвокультуры. Рассматривается влияние островного расположения Великобритании на формирование и развитие островного менталитета и концепта ISLAND как его важной составляющей. Исследование показало, что данный концепт имеет устойчивый характер и ценностное культурное содержание, вербализованное в английском языке и художественной литературе.

Ключевые слова: *концепт, остров, менталитет, константа, ценность, лингвокультура.*

Введение

Одним из ведущих факторов становления культуры страны является географический фактор, который исторически определяет и основной тип хозяйственной деятельности, и менталитет определенной социокультурной общности, а также специфику взаимоотношений между представителями этой общности и отношение ее к другим нациям и народам.

Для Великобритании ведущим фактором стало островное расположение страны, определившее не только социально-экономические особенности, но и менталитет населяющих данную территории этносов. Концепт острова, или концепт ISLAND, является одним из главных концептов в сознании британцев. Актуальность настоящего исследования заключается в том, что в отечественной лингвистике проблеме острова как культурного исторически устойчивого концепта, обладающего ценностным содержанием, не было уделено достаточно внимания.

Цель исследования состоит в том, чтобы определить значимость концепта ISLAND как исторически устойчивой единицы (константы) британской лингвокультуры.

Для достижения поставленной в исследовании цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) определить основные понятия: концепт, ценность, константа, менталитет;
- 2) изучить влияние островного расположения Великобритании в формировании и развитии концепта ISLAND как ценностной культурной константы;
- 3) выявить и проанализировать примеры вербализации концепта ISLAND в английском языке;

4) выявить и проанализировать примеры вербализации концепта ISLAND в английской художественной литературе.

Основным методом исследования является концептуальный анализ, предусматривающий поэтапное изучение концепта. Среди этапов исследования были проведены отбор имени концепта, дефиниционный анализ и контекстуальный анализ на материале публицистических и художественных текстов. Выбор текстового материала обоснован тем, что для определения устойчивого характера концепта ISLAND необходимо охватить большой исторический промежуток, в котором вербализованный концепт мог бы сохранять свое ценностное культурное содержание. Поэтому в качестве источников материала в данном исследовании используются произведения, написанные с разницей около 400 лет.

Определение основных понятий

Термин «концепт» является одним из центральных понятий в лингвокультурологии, филологической дисциплине, избирающей в качестве своего объекта язык как средство отражения и фиксации культуры [9. С. 12]. При лингвокультурологическом подходе концепт рассматривается в тесной связи с национальной культурой. Ю. С. Степанов определяет концепт как «сгусток культуры в сознании человека» [21. С. 40], понимая культуру как совокупность концептов и отношений между ними. Согласно С. Г. Воркачеву, концепт — это единица коллективного знания, имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой [3. С. 51].

Ценностный компонент позволяет отличать концепт как лингвокультурное явление от сходных

когнитивных единиц (фрейм, сценарий и т. п.). В основание ценностного компонента положено понятие ценности, проблема определения которого остается до сих пор нерешенной. С. Ф. Анисимов рассматривает понятие ценности в рамках субъект-объектного подхода, согласно которому ценность — «это положительное значение объекта для человека с точки зрения того, насколько он способен удовлетворить какую-либо потребность, возникшую в его жизнедеятельности» [1. С. 67]. В приведенном определении акцент делается на положительном значении ценности для человека.

При другой трактовке принимаются во внимание как положительное, так и отрицательное значение. Например, в следующем определении ценностями называются «специфически социальные определения объектов окружающего мира, выявляющие их положительное или отрицательное значение для человека и общества» [22. С. 534].

В отношении лингвокультурного концепта уместнее вести речь о культурных ценностях, или объективно существующих ценностных установках, обусловленных культурным контекстом и содержащих в себе нормативность и определенные жизненные ориентиры субъекта [14. С. 244]. Ценностные установки, заложенные в концепте, делают его важнейшим фактом культуры, границы которой устанавливаются в результате деятельности человека и благодаря его разуму, обладающему способностью к систематической оценке материальных и идеальных объектов [19. С. 10—11].

Ценность концепта можно рассматривать как синхронически, так и диахронически. Если концепт обладает равноценностью для определенной культуры в течение продолжительного времени, правомерно вести речь о нем как о культурной константе.

Термин «константа» (от лат. *constans* — постоянный, неизменный), пришедший в гуманитарные науки из точных и естественных наук, толкуется как «постоянная величина при рассмотрении математических, физических и др. процессов» [13. С. 284]. В частности, в физике константами называются численные коэффициенты, которые входят в уравнения физических законов [Там же].

В лингвокультурологии термин «константа» был привнесен Ю. С. Степановым, который обратил внимание на различное понимание константы как лингвокультурологического понятия. При первой трактовке, идущей от французского исследователя Э. Жильсона, константа представляет собой «некий постоянный принцип культуры» [21. С. 76].

При второй трактовке константы, берущей начало в трудах философов Нового времени, в частности Лейбница, данный термин трактуется как «концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время» [Там же]. Ю. С. Степанов проводит границу между «априорными» (доопытными) концептами и «апостериорными» (опытными), подчеркивая универсальный характер первых в мировой культуре и постоянный характер вторых в конкретной национальной культуре [21. С. 76—77].

Островное положение как детерминирующий фактор становления ценностной константы

Проблему влияния природы и географических факторов на становление национального характера и менталитета поднимали в своих работах историки (Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский), философы (Н. А. Бердяев, И. А. Ильин), этнографы (Н. Я. Данилевский, Л. Н. Гумилев, В. И. Козлов). С. М. Соловьев подчеркивает, что «природа страны имеет важное значение в истории по тому влиянию, какое оказывает она на характер народный» [20. С. 73]. «Природа влияет на характер людей», — отмечает И. А. Ильин [8. С. 27]. Л. Н. Гумилев определяет этнос как «явление природы» [6. С. 201].

Британия в этом смысле не стала исключением. Как пишет британский историк Дж. Блэк, «долгая и сложная история Британских островов отражает взаимодействие человека и различных типов окружающей среды» [2. С. 15], не говоря уже о самом факте географической расположенности, сыгравшем свою роль в геополитическом развитии страны и национальной психологии [15; 31 и др.].

Ряд ученых придерживаются того мнения, что роль острова в формировании национального менталитета не стоит преувеличивать, особенно когда речь ведется о таком острове, как Великобритания. Например, Н. Рудик подчеркивает, что «Британия слишком огромна для того, чтобы называться островом, даже с привычной перспективы реактивного самолета» [34. Р. 57]. Исследователь отмечает, что специфика менталитета нации не может быть объяснена сугубо территориальными причинами, особенно когда и сама территория вызывает вопросы с точки зрения ее географической статусности.

Однако сам факт расположения страны на изолированном участке суши умалить нельзя. По большей части география послужила предпосылкой как

для исторического, так и для культурного развития Великобритании. Географическое положение страны не только благоприятствовало наращиванию военно-морской силы и развитию колониальной политики, но и вело к формированию в той или иной степени ощущения своей особости. Границы, пишет А. Лоу, выражают и определяют островную нацию в качестве единой 'cohesive' социальной единицы, как изнутри, так и снаружи, что усиливает националистские настроения [27. P. 267].

Географический фактор способствовал формированию так называемого «островного менталитета», понятия, еще получающего свое осмысление. Если под менталитетом в целом понимать возникшую под влиянием географической и социальной среды систему социально-психологических особенностей некоторой общности [5. С. 48], то островной менталитет может пониматься как обусловленная островной расположенностью система социальных и психологических особенностей определенной этнической или национальной группы, осознающей себя как изолированная, физически и психологически. Другое понимание островного менталитета связывает его с чувством превосходства одной социальной общности над другими и осознанием собственной исключительности [38]. Такое определение островного менталитета содержит в себе очевидную негативную оценку и зачастую используется в отношении британцев.

На негативное отношение британцев, в частности англичан, к другим нациям указывают многие авторы. Еще в XV в. это замечал один венецианский путешественник, для которого англичане — это «большие любители самих себя и всего того, что им принадлежит» [Цит. по: 16. С. 22]. С этой мыслью соглашается А. В. Павловская, подчеркивая осведомленность англичан о том, «что они и есть самая великая страна, своего рода “пуп” вселенной» [16. С. 35]. Д. Паксман определяет данный феномен как «синдром островитянства» [17. С. 56], суть которого состоит в предвзятом отношении этой нации к иностранцам.

Вербализация концепта ISLAND в языке

На языковом уровне противопоставление своей страны и окружающего мира выражается в оппозиции island — continent (остров — континент). Остров как «часть суши, окруженная водой» — это отделенный от внешнего, другого, мира собственный маленький мир, в котором все привычно и знакомо. Интересно, что само слово *the Continent* (континент, материк), представленное в англоязычных слова-

рях, означает: «часть Европы, особенно Западной Европы, располагающаяся на одной обширной площади и противопоставленная Великобритании или Ирландии, которые являются островами» 'the part of Europe, especially Western Europe, that is on one continuous area of land, as opposed to the UK or Ireland, which are islands' [29. P. 319]. Собираясь, к примеру, в Италию или во Францию, британцы зачастую скажут: *Мы едем на материк (We're going to the Continent)* [28. С. 275].

Ценностное содержание концепта ISLAND проявляется в разнообразии лингвистических средств его выражения. В первую очередь сюда относится развитая синонимия. Словарь Д. И. Родейла предлагает следующий синонимический ряд: island, isle, islet, ait, *Brit. Dial.*, eyot, *Brit. Dial.* holm; cay, key; atoll, reef, archipelago; iceberg, icefloe, floe, calf; oasis [33. P. 607]. Наиболее семантически близкие к существительному *island* являются *isle* и *islet*. Слово *islet* используется преимущественно в поэтическом языке либо в составе имен собственных — названий островов, например *The British Isles* (Британские острова) [29. P. 802]. Существительное *islet* означает «маленький островок». Существительные *cay* и *key* относятся к обозначению коралловых или песчаных островов: a low raised area of coral or sand in the sea, especially the Caribbean 'выступающий в море, в частности в Карибском море, низменный участок суши, состоящий из кораллов или песка' [Ibid. P. 228]. Семантически сходным является слово *reef* (риф) — a long line of rock or coral in the sea, with its top just below or just above the surface 'вытянутый участок суши, состоящий из камней или кораллов, покрытый водой либо выступающий из воды' [Ibid. P. 1244]. Существительное *archipelago* (архипелаг) относится к группе островов. Слова *iceberg*, *icefloe* и *floe*, *calf* обозначают огромный кусок льда, плывущий по воде, иначе айсберг. Существительное *oasis* (оазис) связано больше с «островком» посреди пустыни. Менее употребительны синонимы *holm* (островок на реке или побережье), *eyot* и *ait* (островок) [24].

В представленных синонимах главным признаком является «изолированность», «отграниченность». Однако эта изолированность не абсолютная — границы острова определяются средой, в которой он находится, точнее, остров находит свое определение через окружающую его воду, в чем проявляется амбивалентный характер острова. В этом смысле к острову можно отнести многие сходные явления. Исторически развиваясь, концепт ISLAND обрастал новыми признаками

и подвергался метафоризации. Подтверждением тому в английском языке является наличие полисемии и омонимии у лексемы *island*. К примеру, Оксфордский словарь предлагает четыре группы значений данной лексемы. В первую группу входят прямые значения, объединенные семантикой острова как части суши, полностью окруженной водой: *a piece of land completely surrounded by water* [36. Р. 110]. Вторая группа значений основана на метафорическом переносе, при котором имя концепта ISLAND может употребляться в отношении любой обособленной сущности: здания, леса, человека, некоторых органов человеческого тела, мебели и др. Третья группа значений включает случаи употребления имени концепта в атрибутивной функции, как, например, в словосочетаниях *island race* (островная нация), *island refuge* (островок безопасности на дороге), *island platform* (платформа, ограниченная с двух сторон рельсами) и др. К четвертой группе относятся разнообразные сочетания со словом-именем концепта ISLAND, среди которых группа сложных существительных наподобие *island-continent* (большой остров) или *island-cedar* (островной кедр) [Ibid. С. 110—111].

Отдельного внимания заслуживает словосочетание *island home* (островной дом, дом на острове), в котором концепт ISLAND обогащает свое содержание через взаимосвязь с другим ценностно-содержательным концептом британской лингвокультуры — HOME. А. В. Павловская замечает: «Дом является центром вселенной для англичанина. К нему стремится душа его после работы, о нем мечтает он во время странствий, им дорожит больше, чем другими ценностями» [16. С. 119].

О значимости дома можно судить по наличию в английском языке большого числа идиоматических выражений, например: *drive home* (убедить), *get home* (преуспевать), *pay home* (наказать) [10. С. 476]; а также пословиц и поговорок, наиболее известными из которых являются: *East or West, home is best* 'В гостях хорошо, а дома лучше'; *There is no place like home* 'Лучше дома места нет'; *My home is my house* 'Мой дом — моя крепость'. «Англичанин инстинктивно относится к своему дому как к осажденной крепости», — пишет В. Овчинников. Дом для британца является в некотором смысле островом внутри огромного архипелага [12. С. 69]. ISLAND-HOME (ОСТРОВ-ДОМ) и HOME-ISLAND (ДОМ-ОСТРОВ) представляют собой примеры концептуальных метафор. Согласно Дж. Лакоффу и М. Джонсону, суть концептуальной метафоры состоит в «понимании

и переживании сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [11. С. 25—27].

К примеру, в одной из статей из журнала *The Guardian* встречаются следующие строчки: *...We're lucky to live on the island of Great Britain: a moat of sea around us that must never be allowed to hamper our own travels through the world, but must also be a fortification against the troubles of the rest of the planet* [32] (...Нам повезло жить на острове Великобритания: морской ров вокруг нас никогда не удержит нас от путешествий по свету, но также будет служить укреплением, защищающим от проблем остального мира) (здесь и далее пер. наш. — Т. К. и А. Л.).

Используемое существительное *moat* (ров) исторически связано с обороной замка, что следует из определения данного слова: *a deep wide hole, usually filled with water, that surrounds a castle as protection against attack* 'глубокая и широкая яма, обычно наполненная водой, которая окружает замок с целью защиты от нападений' [29. Р. 963]. В статье остров метафорически переосмысливается в терминах замка, а с учетом культурной коннотации дома-крепости вербализация концептуальной метафоры ISLAND-HOME не вызывает сомнений.

Концепты ISLAND и HOME также обнаруживают тесную связь с концептом PRIVACY 'частная жизнь'. Словарь определяет существительное *privacy* следующим образом: *the (desirable) state of being away from other people, so that they cannot see or hear what one is doing, interest themselves in one's affairs, etc. In many western countries, this is usual. given particular value and people expect to have their privacy respected by others* 'состояние, связанное с желанием находиться поодаль от людей, чтобы они не могли видеть или слышать, чем занимается человек, а также проявлять интерес к его делам. Во многих западных странах этому обычно придают особую значимость, и люди ожидают, что другие будут уважать их частную жизнь' [28. Р. 1046]. Из словарного определения видно, что данный концепт связан с дистанцированием от других (*away from other people*), он относится к особой ценности (*particular value*), а в его основе заложено уважение со стороны других людей (*respected by others*). Здесь уместно провести параллель и с островом, и с домом, так как основным признаком во всех концептах является обособленность, отграниченность от окружающей действительности, но эта обособленность неабсолютна: подобно острову, обретающему свои границы через водную стихию, частная жизнь британца

получает свое определение через взаимодействие человека с обществом. В этом смысле справедливо наблюдение Дж. Паксмана, задающегося вопросом, не являются ли все три характеристики: островное положение, представление о домашней жизни и стремление к частной жизни — «различными проявлениями одного и того же феномена» [17. С. 180—181].

Вербализация концепта ISLAND в художественной литературе

Английская художественная литература насчитывает большое количество произведений, в которых находит свое воплощение концепт ISLAND. Из наиболее ранних сюда относятся «Утопия» (Utopia) Т. Мора, «Буря» (The Tempest) У. Шекспира; среди более поздних работ — «Островитяне» (The Islanders) К. Приста, «Остров» (The Island) В. Хислоп и др. Особенность английской островной литературы, или литературы на островную тематику (island fiction), состоит в том, что остров зачастую избирается в качестве основного места развертывания сюжета, особого пространственно-временного континуума. Достаточно упомянуть такие знаменитые романы, как «Робинзон Крузо» (Robinson Crusoe) Д. Дефо, «Остров сокровищ» (Treasure Island) Р. Л. Стивенсона и «Повелитель мух» (Lord of the Flies) У. Голдинга, вошедшие в золотой фонд английской и мировой литературы.

Уже стали классическими строчки из пьесы «Ричард II» У. Шекспира:

*This royal throne of kings, this scepter'd isle,
This earth of majesty, this seat of Mars,
This other Eden, demi-paradise...* [35. С. 107].

Трон королей, державный остров,
Земля величия, обитель Марса,
Второй Эдем, полурай.

В словах героя этой пьесы Джона Ганта концепт ISLAND вербализован посредством ряда метафор: *обитель Марса (this seat of Mars), второй Эдем (this other Eden), полурай (demi-paradise)*. В основание первой метафоры положен мифологический образ древнеримского бога войны Марса, две другие метафоры включают в себя христианские образы райского места. Англия изображается У. Шекспиром как вместилище богов, как сам рай. Державность и божественность при этом неотделимы друг от друга, что подчеркивает идею о короле как заместнике Бога на Земле.

Примечательно, что в британской лингвокультуре словосочетание *Scepter'd Isle* служит названием для сорта английской розы, что, опять же, указы-

вает на распространенность и ценность концепта ISLAND для британцев.

Другим примером может послужить отрывок из стихотворения Д. Томсона «Правь, Британия» (Rule, Britannia):

*When Britain first, at heaven's command,
Arose from out the azure main,
This was the charter of the land,
And guardian angels sung this strain —
«Rule, Britannia, rule the waves;
Britons never will be slaves»* [37].

Когда Британия небесным изъясньем
Взошла из голубого моря,
Земля была дарована в владенье
И ангелы запели в хоре:
«Правь, Британия, правь волнами;
Не быть британцам никогда рабами».

В представленном четверостишии повторяется мотив божественного происхождения островной страны, возникшей из морских глубин. Остров в некоторой степени уподобляется кораблю, что является частным случаем реализации концептуальной метафоры ISLAND-SHIP (ОСТРОВ-КОРАБЛЬ). Не случайно Г. Гачев рассматривает Англию как «остров-корабль с само-сделанным человеком» [4. С. 158]. Такой остров дарует свободу — высшую человеческую ценность, им нельзя управлять извне, но лишь у него есть исключительное право устанавливать собственный порядок и властвовать над другими.

Стихотворение Rule, Britannia было впоследствии положено в основу одноименной патриотической песни, которая исполняется на различных мероприятиях и считается вторым гимном Великобритании. Примечательно, что в современном исполнении песни ее оригинальный текст может подвергаться изменениям, как произошло, например, в 2002 г., когда английские фанаты поддерживали свою страну, распевая: *Rule Britannia, Britannia rules the ways! Britons never, never, never shall be slaves!* [Цит. по: 23. Р. 523]. «Правь, Британия, Британия правит морями! Британцы никогда, никогда, никогда не будут рабами!»

Повелительное наклонение, используемое в тексте оригинального произведения, *Британия, правь морями (Britannia, rule the waves)*, было заменено на изъявительное наклонение *Британия правит морями (Britannia rules the waves)*. Тем самым произошло смещение модальности: от побуждения к действию к констатации реального факта. Комментируя это изменение, Р. Докинз подчеркивает, что при такой формулировке текст звучит более убедительно

и его легче понять [7. С. 474]. В аспекте нашего исследования интерес представляет тот факт, что при подобном изменении формы выражения концепта усиливается его ценностное содержание.

Приведенная песня не является единственным примером вербализации концепта в народных песнях и гимнах входящих в Великобританию наций. Например, в неофициальном гимне Шотландии встречаются следующие строки: *High in the misty highlands, Out by the purple islands, Brave are the hearts that beat Beneath Scottish skies*. 'Высоко в туманных горах, у пурпурных островов храбры сердца тех, что бьются под шотландским небом' [26].

Используемый автором строк Клиффом Хэнли эпитет *purple* (пурпурный) является примером метонимического переноса: пурпурный цвет свойствен цветущему в Шотландии вереску, растению, имеющему культурную значимость для страны. В этом смысле пурпурные острова приобретают ценностное значение для шотландцев, для которых патриотизм как важная культурная ценность непосредственно связан с концептом ISLAND.

Крайняя степень патриотического выражения проявляется в высокомерии и даже шовинизме. Примером из английской литературы могут служить слова капитана Николса из романа С. Мозма «Луна и грош» (*The Moon and Sixpence*), в которых подчеркивается превосходство собственной страны над другими территориями: *He frequently declared that England was the finest country in the world, sir, and he felt a lively superiority over Americans, Colonials, Dagos, Dutchmen, and Kanakas* [30. С. 170]. 'Он часто заявлял, что Англия была лучшей страной в мире, сэр, и чувствовал полное превосходство над американцами, жителями колоний, даго, голландцами и канаками'.

Хотя в представленном отрывке концепт ISLAND непосредственно не вербализован, на него опосредованно указывает употребление названия страны *Англия (England)*, а также слов *Colonials* и *Kanakas*. Существительное *colonial* используется для обозначения человека, живущего либо ранее жившего в колонии: *a person who is living or has lived in a colony* [28. Р. 243]. Английскими колониями зачастую являлись островные территории, поэтому остров выступает в качестве объекта сравнения с Англией.

Аналогичную функцию несет существительное *kanaka*, имеющее два основных значения: 1) *A native Hawaiian* 'уроженец Гавайских островов'; 2) *A South Sea Islander* 'житель островов Южного моря' [24]. Данное слово традиционно употребляется с негативной коннотацией и относится к представите-

лям низкоквалифицированного труда, выходцам с островов, расположенных в южной части Тихого океана. Другими словами, в противопоставлении Англии и других территорий, в том числе островных, последние приобретают негативную оценку.

Тем не менее другой остров может быть не только объектом критики, но и желанной целью или местом ухода главного героя от действительности. В частности, данный мотив можно встретить в романах Д. Фаулза «Волхв» (*The Magus*) и А. Гарланда «Пляж» (*The Beach*). В романе Фаулза герой размышляет о греческом острове Фраксос, на котором он пытается обрести свое новое «я»: *The whole island seemed to feel this exile from contemporary reality* [25. Р. 56]. 'Казалось, весь остров ощущает это изгнание из настоящей реальности'. Словарь толкует существительное *exile* (ссылка, изгнание) как «ситуацию, в которой человек вынужден проживать в чужой стране, потому что не может жить в родной, главным образом по политическим причинам» *'a situation in which you are forced to live in a foreign country because you cannot live in your own country, usually for political reasons'* [29. Р. 512].

Может показаться, что ссылка тягостна герою, но в определенном смысле такая изоляция сознательна, при этом Греция становится герою ближе. На это указывает другой фрагмент произведения: *In England we live in a very muted, calm, domesticated relationship with what remains of our natural landscape and its soft northern light; in Greece landscape and light are so beautiful, so all-present, so intense, so wild, that the relationship is immediately love-hatred, one of passion* [25. С. 49]. 'В Англии мы живем в сдержанных, спокойных, домашних отношениях с тем, что осталось от нашего природного ландшафта и его мягкого северного сияния; в Греции ландшафт и свет такие яркие, такие всеохватные, сильные, дикие, что это формирует отношения любви и ненависти, отношения, построенные на страсти'.

В основе представленного предложения лежит контраст: мягкому пейзажу Англии противопоставляется красочный пейзаж Греции. Противопоставление передается на синтаксическом и лексическом уровнях. Синтаксически это представлено параллельной конструкцией. Основное лексическое средство передачи контраста — использование антонимических эпитетов, в частности: *muted* — *intense* (сдержанный, неяркий — насыщенный, яркий) и *calm-wild* (спокойный — дикий). Умеренную жизнь в Англии герой сравнивает с жизнью в Греции, при этом отношения

со странами напоминают отношения внутри брака или партнерства, что указывает на использование персонификации. Герой Фаулза — не островной домохозяин, но странствующий герой, вырвавшийся из уединения и спокойствия родного острова-дома и нашедший себя в красочности и подвижности приютившей его страны.

Таким образом, отношения между островом и британцами могут носить сложный характер. С одной стороны, концепт ISLAND в британском менталитете является предметом гордости и средством выражения патриотических чувств, иногда граничащих с националистическими настроениями. С другой стороны, остров-Британия может наскучить человеку, который пытается найти себя через путешествия и жизнь в отдаленных местах, в том числе на островах.

Заключение

Результаты исследования позволяют сформулировать следующие выводы:

1. Концепт ISLAND представляет собой ценностную константу британской лингвокультуры, так как имеет относительно устойчивое содержание, включающее существенную ценностную составляющую.

2. Островная расположенность Великобритании исторически являлась важным геополитическим фактором, влияющим на становление национального менталитета («островного менталитета»), культуры и языка.

3. Концепт ISLAND вербализован в английском языке в ряде лексических и фразеологических единиц, имеющих ценностное для британцев лингвокультурное содержание.

4. В английской художественной литературе концепт ISLAND вербализован во многих произведениях. Данный концепт используется как

основание противопоставления Великобритании и других частей света, в том числе островов. При этом при языковой репрезентации концепт может получать как положительное, так и отрицательное значение.

Значимость настоящего исследования для филологической науки состоит в том, что оно позволяет проникнуть глубже в содержание лингвокультурного концепта как такового, определяемого прежде всего своей аксиологической, или ценностной, составляющей. Это содержание становится доступно исследователю при более детальном изучении слова-имени концепта, его синонимов, а также сходных лингвокультурных концептов.

Ценностное содержание концепта может быть вербализовано не только отдельным словом, но и более развернутым речевым контекстом, в частности, в художественной речи. Содержание концепта при этом обогащается и выражается посредством использования авторами художественных произведений метафор, эпитетов, контраста и других стилистических приемов, представляющих интерес для филолога.

Об устойчивом характере лингвокультурного концепта можно судить в диахроническом аспекте: если вербализованное через относительно длительные исторические промежутки времени содержание концепта имеет ярко выраженный аксиологический статус, то лингвокультурный концепт может пониматься как ценностная константа.

В качестве перспективы дальнейшего исследования необходимо провести более детальный историко-сравнительный анализ концепта ISLAND, который позволил бы изучить особенности генетического развития этого концепта в языке и литературе и специфику его влияния на национальный менталитет.

Список литературы

1. Анисимов С. Ф. Введение в аксиологию: учеб. пособие для изучающих философию. М.: Современ. тетради, 2001. 128 с.
2. Блэк Д. История Британских островов / пер. с англ. С. В. Иванова. СПб.: Евразия, 2008. 540 с.
3. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: Гнозис, 2004. 236 с.
4. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс-Культура, 1995. 480 с.
5. Губанов Н. Н. Формирование, развитие и функционирование менталитета в обществе: монография. М.: Этносоциум, 2014. 214 с.
6. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2001. 640 с.
7. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: АСТ: Corpus, 2013. 501 с.
8. Ильин И. А. О грядущей России: Избранные статьи / под ред. Н. П. Полторацкого. М.: Воениздат, 1993. 368 с.

9. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
10. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь: в 2 кн. Кн. I. Изд. 3-е, испр. М.: Совет. энцикл., 1967. 738 с.
11. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А. Н. Баранова и А. В. Морозовой; под ред. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
12. Луговской А. В. Этноспецифический компонент в содержании концепта «ОСТРОВНОСТЬ» // Язык как структура и социальная практика: сб. науч. тр. / под ред. Т. П. Карпухиной. Вып. 14. Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2017. С. 65—77.
13. Математический энциклопедический словарь / под ред. Ю. В. Прохорова. М.: Совет. энцикл., 1988. 847 с.
14. Москвина И. К. Понятие «культурная ценность»: философско-культурологические аспекты // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. Т. 210. СПб: СПбГИК, 2015. С. 237—246.
15. Остапенко Г. С., Прокопов А. Ю. Новейшая история Великобритании: XX — начало XXI века: учеб. пособие. М.: Вузов. учеб.: ИНФРА-М, 2012. 472 с.
16. Павловская А. В. 5 O'clock и другие традиции Англии. М.: Алгоритм, 2014. 368 с.
17. Паксман Дж. Англия: Портрет народа / пер. с англ. И. Егорова. СПб.: Амфора, 2013. 380 с.
18. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток — Запад, 2010. 314 с.
19. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 128 с.
20. Соловьев С. М. Сочинения / под ред. И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриева. В 18 кн. Кн. 1, т. 1—2. М.: Мысль, 1988. 797 с.
21. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки рус. культуры, 1997. 824 с.
22. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 5-е изд. М.: Политиздат, 1986. 590 с.
23. Cole M. 'Rule Britannia' and the New American Empire: a Marxist analysis of the teaching of imperialism, actual and potential, in the British school curriculum // Policy Futures in Education. Vol. 2, no. 3, 4, 2004. P. 523—538.
24. Dictionary.com. URL: <https://www.dictionary.com/> (дата обращения 20.02.2021).
25. Fowles J. The Magus. London: Vintage, 2004. 656 p.
26. Hanley C. Scotland the Brave // Highland Bagpipes Traditional Tunes' Stories. URL: <http://cornemusique.free.fr/ukscotlandthebrave.php> (дата обращения 25.02.2021).
27. Law A. Of navies and navels: Britain as a mental island // Geografiska Annaler: Series B, Human Geography. Vol. 87, iss. 4. 2005. P. 267—277.
28. Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow: Longman Group UK Limited, 1992. 1555 p.
29. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners / ed. by M. Rundell. 2nd ed. International Student Edition. Oxford: Macmillan Publ., 2007. 1750 p.
30. Maugham S. The Moon and Sixpence. Moscow: Progress Publ., 1972. 240 p.
31. Miall A., Milsted D. Xenophobe's Guide to the English. London: Oval Books, 2016. 92 p.
32. Orr D. Britain's Island Mentality is Making the Calais Migrant Crisis All the More Difficult // The Guardian. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2015/jul/31/britain-islandmentality-making-calais-migrant-crisis-more-difficult> (дата обращения 22.02.2021).
33. Rodale J. I. The Synonym Finder / ed. by L. Urdang. Emmaus: Rodale Press, 1978. 1361 p.
34. Ruddick N. Ultimate Island: On the Nature of British Science Fiction. Westport: Greenwood Press, 1993. 218 p.
35. Shakespeare W. The Tragedy of King Richard II // The Works of Shakespeare in Four Volumes. Vol. II. Moscow: Co-operative Publ. Society, 1937. P. 85—170.
36. The Oxford English Dictionary / prep. by J. A. Simpson and E. S. C. Weiner. Vol. VIII. Internal — Looie. Oxford: Clarendon Press, 1989. 1141 p.
37. Thomson J. Rule, Britannia // Poetry Foundation. URL: <https://www.poetryfoundation.org/poems/45404/rule-britannia> (дата обращения 22.02.2021).
38. Urban Dictionary. URL: <http://www.urbandictionary.com/define.php?term=island+mentality> (дата обращения 20.02.2021).

Сведения об авторах

Карпухина Тамара Петровна — доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия. tkarpukhina1@mail.ru

Луговской Александр Витальевич — старший преподаватель кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Тихоокеанского государственного университета, Хабаровск, Россия. lugovskoy_2004@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 7 (453). *Philology Sciences. Iss. 125. Pp. 83—92.*

THE CONCEPT OF ISLAND AS A VALUE CONSTANT IN BRITISH LINGOCULTURE

T. P. Karpukhina

Pacific National University, Khabarovsk, Russia. tkarpukhina1@mail.ru

A. V. Lugovskoy

Pacific National University, Khabarovsk, Russia. lugovskoy_2004@mail.ru

The article explores the island concept as a value constant of British linguoculture. The article examines the role of the island location of Great Britain in the formation and development of island mentality, as well as the island concept as an important constituent of such mentality. The aim of the study is to determine the importance of the island concept as a constant unit of British linguoculture. Scientific novelty consists in the claim that the island concept is a geographically determined and culturally fixed unit of British island mentality (i. e. constant), which has certain value. The findings have shown that the concept has a continual character and is verbalized both in the English language and literature. In the language, the concept is represented by a number of lexical and phraseological units. Moreover, in its language representation the concept reveals its relation with other culturally substantial concepts of privacy and home. In fiction, the island concept has a lot of representations, through which the contraposition of Great Britain with the other world is constituted, the concept having either positive or negative value.

Keywords: *concept, island, mentality, constant, value, linguoculture.*

References

1. Anisimov S. F. (2001) *Vvedenie v aksiologiiu* [Introduction to Axiology]. Moscow, *Sovremennye Tetradi*. 128 p. [in Russ.].
2. Blek D. (2008) *Istoriia Britanskikh ostrovov* [A History of the British Isles]. St. Petersburg, *Evraziia*. 2008. 540 p. [in Russ.].
3. Vorkachev S. G. (2004) *Schast'e kak lingvokul'turnyi kontsept* [Happiness as Linguocultural Concept]. Moscow, *Gnozis*. 236 p. [in Russ.].
4. Gachev G. D. (1995) *Natsional'nye obrazy mira. Kosmo-Psikho-Logos* [National Images of the World: Kosmo-Psikho-Logos]. Moscow, *Progress-Kul'tura*. 480 p. [in Russ.].
5. Gubanov N. N. (2014) *Formirovanie, razvitiie i funktsionirovanie mentaliteta v obshchestve* [The Formation, Development and Functioning of Mentality in Society]. Moscow, *Etnosotsium*. 214 p. [in Russ.].
6. Gumilev L. N. (2001) *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and the Biosphere of Earth]. St. Petersburg, *Kristall*. 640 p. [in Russ.].
7. Dokinz R. (2013) *Egoistichnyi gen* [The Selfish Gene]. Moscow, *AST, Corpus*. 501 p. [in Russ.].
8. Il'in I. A. (1993) *O griadushchei Rossii: Izbrannye stat'i* [Of Coming Russia: Selected Articles]. Moscow, *Voensizdat*. 368 p. [in Russ.].
9. Krasnykh V. V. (2002) *Etnopsikhologiya i lingvokul'turologiya* [Ethno-psycholinguistics and Linguoculturology]. Moscow, *Gnozis*. 284 p. [in Russ.].

10. Kunin A. V. (1967) *Anglo-russkii frazeologicheskii slovar'* [English-Russian Phraseological Dictionary]. 3rd ed. Vol. I. Moscow, Sovetskaja Enciklopedija. 738 p. [in Russ.].
11. Lakoff D., Dzhonson M. (2004) *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors We Live by]. Moscow, Editorial URSS. 256 p. [in Russ.].
12. Lugovskoi A. V. (2017) *Iazyk kak struktura i sotsial'naiia praktika*, no. 14, pp. 65—77 [in Russ.].
13. (1988) *Matematicheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopedic Dictionary of Mathematics]. Moscow, Sovetskaja Entsiklopediia. 847 p. [in Russ.].
14. Moskvina I. K. (2015) *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, vol. 210, pp. 237—246 [in Russ.].
15. Ostapenko G. S., Prokopov A. Iu. (2012) *Noveishaia istoriia Velikobritanii: XX — nachalo XXI veka* [Recent History of Great Britain: Study Guide]. Moscow, Vuzovskii uchebnik, INFRA-M. 472 p. [in Russ.].
16. Pavlovskaiia A. V. (2014) *5 O'clock i drugie traditsii Anglii* [5 O'clock and Other Traditions of England]. Moscow, Algoritm. 368 p. [in Russ.].
17. Paksman J. (2013) *Angliia: Portret naroda* [The English. A Portrait of a People]. St. Petersburg, Amfora. 380 p. [in Russ.].
18. Popova Z. D., Sternin I. A. (2010) *Kognitivnaia lingvistika* [Cognitive linguistics]. Moscow, AST, Vostok — Zapad. 314 p. [in Russ.].
19. Slyshkin G. G. (2000) *Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse* [From Text to Symbol: Linguocultural Concepts of Precedent Texts in Mind and Discourse]. Moscow, Academia. 128 p. [in Russ.].
20. Solov'ev S.M. (1988) *Sochineniia* [Essays]. Vol. I. Moscow, Mysl'. 797 p. [in Russ.].
21. Stepanov Iu. S. (1997) *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury* [Constants. Dictionary of Russian culture]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury. 824 p. [in Russ.].
22. *Filosofskii slovar'* (1986) [Dictionary of Philosophy]. 5th ed. Moscow, Politizdat. 590 p. [in Russ.].
23. Cole M. (1999) *Policy Futures in Education*, no. 2 (3&4), pp. 523—538.
24. Dictionary.com. Available at: <https://www.dictionary.com/>, accessed 20.02.2021.
25. Fowles J. (2004) *The Magus*. Vintage, London. 656 p.
26. Hanley C. Highland Bagpipes Traditional Tunes' Stories. Available at <http://cornemusique.free.fr/ukscotlandthebrave.php>, accessed 25.02.2021.
27. Law A. (2005) *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*, no. 87 (4), pp. 267—277.
28. (1992) *Longman Dictionary of English Language and Culture*. Longman Group UK Limited, Harlow. 1555 p.
29. (2007) *Macmillan English Dictionary for Advanced Learners*. 2nd ed. International Student Edition. Macmillan Publ., Oxford. 1750 p.
30. Maugham S. (1972) *The Moon and Sixpence*. Moscow, Progress. 240 p.
31. Miall A., Milsted D. (2016) *Xenophobe's Guide to the English*. Oval Books, London. 92 p.
32. Orr D. *The Guardian*. Available at: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2015/jul/31/britain-islandmentality-making-calais-migrant-crisis-more-difficult>, accessed 22.02.2021.
33. Rodale J. I. (1978) *The Synonym Finder*. Rodale Press, Emmaus. 1361 p.
34. Ruddick N. (1993) *Ultimate Island: On the Nature of British Science Fiction*. Greenwood Press, Westport. 218 p.
35. Shakespeare W. (1937) *The Works of Shakespeare in 4 vol. Vol. II*. Moscow, Cooperative Publ. Society. Pp. 85—170.
36. (1989) *The Oxford English Dictionary*. Vol. VIII. Internal-Looie. Clarendon Press, Oxford. 1141 p.
37. Thomson J. *Poetry Foundation*. Available at: <https://www.poetryfoundation.org/poems/45404/rule-britannia>, accessed 22.02.2021.
38. *Urban Dictionary*. Available at: <http://www.urbandictionary.com/define.php?term=island+mentality>, accessed 20.02.2021.

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ СМИ МОЛОДЫМИ ЛЮДЬМИ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Л. П. Ковальчук, Н. С. Олизько

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области
в рамках научного проекта № 20-412-740004.

Статья посвящена изучению отношения молодых людей к средствам массовой информации в Челябинской области. На основе проведенного социального опроса делаются выводы по основным требованиям, которые предъявляются к языковым и структурным особенностям текстовых составляющих медиадискурса, а также анализируются ментальные связи, образующиеся при передаче новостного сообщения.

Ключевые слова: медиадискурс, концептуальная интеграция, ментальные связи, исходные пространства, язык СМИ.

Введение

Интенсивное развитие телевизионных и информационно-коммуникационных технологий в значительной мере определяет мировоззрение современной молодежи. Социальные сети и блоги порой являются более авторитетными источниками информации и оказывают большее воздействие, чем близкие и социум. Такая тенденция искажает восприятие реального мира у подростков и может иметь тяжелые последствия как для общества, так и для индивида. В сложившейся ситуации важно обеспечить молодым людям доступ к правдивой новостной информации и привлечь их внимание к реальным проблемам общества и региона, в котором они живут. Актуальность данного исследования определяется необходимостью изучения особенностей восприятия молодыми людьми информации, представленной в рамках медиадискурса Челябинской области.

1. Язык СМИ

через призму ментальных пространств

Само понятие медиадискурса, так же как и его номинативная составляющая, трактуется очень широко. В работах ученых разных лет можно найти такие варианты терминов, как медиадискурс [4; 9], массмедийный дискурс [1; 7], медийный дискурс [5], массово-информационный дискурс [6], дискурс масс-медиа [8] и др.

Медиадискурс представляет собой сложное и неоднозначное явление. М. Р. Желтухина, основываясь на исследованиях Н. Д. Арутюновой, В. З. Демьянкова, В. И. Карасика, Ю. С. Степанова

и других, определяет медиадискурс как связный невербальный или вербальный, письменный или устный текст в совокупности с прагматическими, психологическими и социокультурными факторами, который находит свое отражение в средствах массовой коммуникации, символизирует некое действие, участвует в социокультурном взаимодействии и отражает мысли коммуникантов [4].

Медиадискурс, постоянно пересекаясь с другими видами дискурса (политическим, бытовым, медицинским, религиозным, военным и т. д.), перенимает их языковые особенности. Язык медиадискурса сложен и разнообразен. Он постоянно развивается и отражает экономические, духовные и культурные изменения в обществе. Как отмечает С. В. Давыдова, язык средств массовой информации представляет собой, во-первых, весь корпус текстов, входящий в информационно-коммуникационную систему, во-вторых, устойчивую внутриязыковую систему с ее набором лингвостилистических свойств и признаков; и, в-третьих, особую знаковую систему, представленную в определенном соотношении вербальных и аудиовизуальных компонентов в зависимости от вида средств массовой информации [2]. Другими словами, язык СМИ неразрывно связан с формой его репрезентации как вербальной, так и невербальной, что находит свое отражение в сложных ментальных связях между значением слова, языковой формой его репрезентации и паралингвистическими компонентами. Такая связь обусловлена многосложным взаимодействием ментальных пространств, соединяющих различные аспекты языка и мышления.

Методологическую базу исследования составляет теория Ж. Фоконье, согласно которой существует два вида ментальных пространств: базовое пространство (исходное), которое используется для описания реальности, и пространственные конструкторы (сконструированные пространства), которые выходят за рамки реальности путем апеллирования к возможным альтернативам, наряду с различными языковыми конструкциями, временными выражениями и т. д. Наиболее распространенными являются ментальные пространства, обозначающие время, с маркерами, указывающими на год, месяц, день (например, в 1921 г., в прошлом году, в следующий раз) и место (в России, в кино, в школе). Любой элемент базового ментального пространства может играть определенную роль, обладающую разной ценностью в сконструированных ментальных пространствах [10]. М. Тернер расширяет теорию ментальных пространств, добавляя общее пространство, содержащее схожие элементы исходных пространств, и бленд (получившаяся в результате слияния нескольких пространств итоговая мысль или языковая единица) [11].

Телевизионные, газетные, интернет- и радиотексты разворачиваются сразу на нескольких уровнях, формируют объемную и многослойную структуру. Видеоряд, звук, музыка, графическое оформление выстраивают отдельные ментальные пространства, которые накладываются одно на другое и формируют новое, более сложное явление, бленд. В связи с такой комплексностью и многогранностью текстов СМИ сложно в целом говорить об особенностях восприятия молодыми людьми разных новостных форматов. Тем не менее, согласно Т. Г. Добросклонской, «лингвистические особенности каждого медиатекста как единицы медиадискурса во многом обусловлены тем, как данный текст создается и воспроизводится, по какому каналу СМИ распространяется, к какому функционально-жанровому типу принадлежит и какую тематику освещает» [3. С. 25]. Далее автор отмечает, что, если говорить про языковые признаки новостных текстов, несмотря на некоторые их различия в разных СМИ, стиль вещания формируется главным образом на основе печатного слова [3]. Опираясь на данную информацию, мы проводим исследование с опорой на печатные средства массовой информации как базовую составляющую любого новостного сообщения.

2. Результаты опроса «СМИ Челябинской области»

С целью определения отношения и степени доверия к средствам массовой информации Челябинской области в декабре 2020 г. был проведен опрос среди молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет. В опросе приняли участие 100 студентов и выпускников факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета. Респондентам необходимо было ответить на следующие вопросы:

1. Интересуетесь ли Вы проблемами Челябинской области?

Да

Нет

Затрудняюсь ответить

2. Какие проблемы Челябинской области Вас волнуют больше всего?

Экология

Безработица

Социальные проблемы

Чрезвычайные происшествия

Медицина

3. Какие средства массовой информации Вы предпочитаете?

Газеты

Журналы

Интернет

Интернет-газеты и -журналы

4. Что Вас привлекает в первую очередь, когда Вы просматриваете средства массовой информации?

Фотографии

Карикатуры

Заголовки

Текст статьи

5. Читаете ли Вы заголовки?

Да

Нет

Иногда

6. Как Вы считаете, нужны ли фотографии в средствах массовой информации?

Да

Нет

Затрудняюсь ответить

7. Какие языковые особенности текста Вас привлекают больше всего?

Когда текст написан простым языком без использования различных средств выразительности.

Когда в тексте встречаются разные средства выразительности.

Затрудняюсь ответить.

8. Считаете ли Вы, что фотографии в средствах массовой информации отвлекают Вас от понимания информации?

Да

Нет

Затрудняюсь ответить.

9. Считаете ли Вы, что фотографии часто не соответствуют изложенной в тексте информации?

Да

Нет

Затрудняюсь ответить.

10. Удовлетворяет ли Вас манера изложения информации в современных средствах массовой информации?

Да

Нет

Затрудняюсь ответить.

11. Что бы Вы хотели бы изменить в современных СМИ?

Оформление

Язык СМИ

Манеру подачи материала

Ничего

12. Считаете ли Вы, что язык СМИ должен быть более официальным?

Да

Нет

Затрудняюсь ответить

13. Считаете ли Вы, что язык СМИ должен быть более разговорным?

Да

Нет

Затрудняюсь ответить

14. Считаете ли Вы, что проблемы Вашего региона получают достаточное освещение в СМИ?

Да

Нет

Затрудняюсь ответить

15. Доверяете ли Вы СМИ в Вашем регионе?

Да

Нет

Согласно результатам, 68% опрошенных интересуются проблемами региона, 93% узнают новости с интернет-сайтов (оставшиеся 7% предпочитают онлайн-версии газет и журналов), при этом 70% считают, что проблемы региона получают недостаточное освещение в СМИ. Особо стоит отметить последний пункт опросника — «Доверяете ли Вы СМИ в Вашем регионе?». На данный вопрос 40% ответили «Нет», 49% — «Затрудняюсь ответить» и только остальные 11% высказались положительно.

На наш взгляд, такая удручающая ситуация со степенью доверия СМИ связана с неспособностью и нежеланием молодых людей выстраивать сложные ментальные связи, характерные для медиадискурса. Молодежь предпочитает просматривать новостные ленты в социальных сетях, пользоваться блогами и смотреть TikTok, для которых характерна упрощенная, но более эмоциональная манера подачи материала, в то время как язык средств массовой информации насыщен имплицитными конструкциями, требующими детального осмысления и переработки подаваемой информации.

3. Особенности взаимодействия ментальных пространств на примере газетных заголовков

Для того чтобы понять сложность ментальных процессов, происходящих в сознании человека при чтении новостных сводок, приведем примеры комплексного взаимодействия ментальных пространств на материале газетных заголовков Челябинских новостных сайтов 74.ru, 101.ru и kommersant.ru. Актуализация заголовков связана с тем, что 43% опрошенных в первую очередь читают именно их, 30% просматривают фотографии, 27% сразу знакомятся с текстом статьи.

Заголовки в текстах массовой информации всегда яркие, броские, строятся с привлечением различных средств выразительности, что очень важно для привлечения внимания. При этом сам заголовок, несмотря на свою лаконичность, представляет собой сложное сплетение ментальных пространств, что стимулирует различные когнитивные операции, происходящие на подсознательном уровне. Например, распространенной является тенденция в газетных заголовках использовать цитату: «*Ему было важно помогать людям*»: *водитель челябинской скорой умер после повторного заражения ковидом* (74.ru, 12.01.2021); «*Сын занимается, а соседи наряд вызывают*»: *в Челябинске завели дело из-за игры мальчика на скрипке по вечерам* (74.ru, 11.01.2021); «*Ему будет лучше у вас*»: *хозяйка Грея рассказала, почему оставила пса у ветклиники в Челябинске* (101.ru, 12.01.2021); «*Было необычно из-за снега и того, как холодно*». *Мексиканская волейболистка «Динамо-Метар» поделилась эмоциями от русской зимы* (101.ru, 12.01.2021); «*Люди уже ждут массовой вакцинации, чтобы снять с себя риски*». *Первый вице-губернатор Ирина Гехт о борьбе с COVID-19 в Челябинской области* (kommersant.ru, 25.12.2020).

Во всех перечисленных примерах происходит смешение нескольких отдельно взятых идей. Изначально создается пространство для прямой речи, отсылающей к основному тексту статьи. Второе исходное пространство формируется словами автора и служит расшифровкой первого исходного пространства. При этом на подсознательном уровне всплывает и общее пространство, которое содержит пересекающиеся элементы исходных пространств. В случае с первым заголовком общими элементами будут: «ему...помогать» / «водитель челябинской скорой», а также глаголы в прошедшем времени («было») / «умер». Во втором общее пространство строится за счет синонимичных рядов «сын» / «мальчик», «занимается» / «игра на скрипке», «наряд вызывают» / «завели дело». В третьем примере общие пространства создаются за счет чередования местоимения мужского рода в дательном падеже «ему» и онама «Грея», а также противопоставления глаголов будущего и прошедшего времени «будет лучше» / «оставила». Часто индикаторами общего пространства являются синонимы, как в случае с новостной заметкой о мексиканской волейболистке. Так, снег и холод из одного исходного пространства ассоциируются с зимой в другом исходном пространстве. Глаголы прошедшего времени «было необычно» и «поделилась эмоциями» в совокупности формируют одно лексико-семантическое поле «эмоции и чувства». За счет синонимии выстраивается и ментальное пространство в последнем примере: «массовая вакцинация» и «о борьбе с COVID-19». Проецирование всех ментальных пространств в каждой новости порождает уже новую, переосмысленную когницию, или бленд. Данные бленды могут далее составлять основу для самого новостного сообщения и служить для него как новое исходное пространство. Каждый бленд — это одна законченная мысль, которая в дальнейшем дополняется новым смыслом при взаимодействии с новым потоком информации.

При этом все перечисленные новости между собой тоже образуют общее пространство, выстраиваемое на элементах локализации (Челябинская область) и схожем лексико-семантическом поле «происшествия». Проводимые параллели происходят неосознанно и остаются незамеченными для реципиента, но чем сложнее когнитивная операция, тем больший след оставляет эта языковая структура в нашем сознании. Такие заголовки, как правило, больше привлекают внимание, потому что

не всегда понятны с первого прочтения и требуют осмысления и более подробного ознакомления с текстом статьи.

Сложные когнитивные операции происходят внутри не только сложных, но и простых предложений. Возьмем, например, прием персонификации: *Цена бензина стремится к рекорду. Рассказываем, заправляются ли впрок в январе* (74.ru, 12.01.2021); *«Аэрофлот» улетел из Челябинска* (74.ru, 13.01.2021); *Барам прописали сидячий режим* (kommersant.ru, 25.12.2020); *Автокредиты пошли на восстановление* (kommersant.ru, 25.12.2020). С одной стороны, реципиент выстраивает ментальное пространство для привычных образов: цена бензина, «Аэрофлот», бары, автокредиты. Но в случае с персонификацией происходит одушевление данных образов, то есть параллельно создается второе исходное ментальное пространство, где привычные объекты наделяются человеческими качествами, при этом они сохраняют свои отличительные черты в общем пространстве — стоимость топлива для машин, название авиакомпании, питейное заведение, ссуда в банке на покупку машины. Одушевление данных единиц происходит за счет глаголов движения: *стремится к рекорду, улетел, пошли*, а также безличного предложения *«Барам прописали сидячий режим»*. В бленде они принимают новую форму и ассоциируются с живыми организмами, которые сами повинны в неблагоприятных последствиях для населения. Благодаря сформированному ментальному пространству у реципиента не складывается представление о том, кто действительно являлся инициатором и каких последствий ожидать. Это пробуждает заинтересованность в дальнейшем ознакомлении с материалом.

Проблема современной молодежи заключается в том, что они не привыкли выстраивать сложные ментальные связи и предпочитают простую формулировку в названиях просматриваемого материала, будь то ролики в YouTube или информационные блоги. Самые распространенные названия интернет-сайтов строятся, как правило, на прямых вопросах: Как указать аудиторию канала или видео? Как открыть свое дело? Как купить квартиру? — и т. д. На данные примеры можно даже не приводить ссылки, а просто задать запрос в поисковой системе.

Подобные вопросы встречаются и в СМИ: *Как выжить, если загорелась квартира соседа, а дым идет к вам: инструкция от опытного пожарного* (74.ru, 12.01.2021); *Реконструкция площади, приют*

для беременных и инклюзивный кинотеатр: чем жила Челябинская область на этой неделе (1obl.ru, 04.01.2021). Тем не менее грамматическая структура таких вопросов в СМИ значительно отличается. Они всегда являются частью сложноподчиненного или сложносочиненного предложения и содержат подробную расшифровку. В тех случаях, когда подобные вопросы представлены простым предложением, далее идет пояснительная конструкция, вводимая глаголами речи в настоящем либо будущем времени: *Где челябинцам вылечить зубы в новогодние праздники — 2021. Рассказываем, какие стоматологии готовы принимать пациентов по полису ОМС и за деньги* (1obl.ru, 04.01.2021). Альтернативой могут выступать глаголы в повелительном наклонении, призывающие к определенным действиям: *Сколько вам было в 90-х? Угадайте популярные сериалы по заставкам* (74.ru, 09.01.2021); *Чур, не гуглить: 10 молодежных слов, от которых у всех бомбит. Знаете их значение? Попробуйте перевести, не пользуясь подсказками детей и интернета* (74.ru, 08.01.2021). Во всех рассмотренных примерах, где вопросы представлены простыми предложениями, заголовок дополняется предложениями-комментариями, дополняющими сам вопрос.

В заголовках СМИ встречается еще одна отличительная черта, касающаяся вопросительных предложений и заслуживающая особого внимания, — риторические вопросы. Такие вопросы не требуют ответа, но предполагают совершение целого ряда когнитивных проекций. Рассмотрим несколько примеров: *Заболела COVID-19 в праздники пошла на спад. Это каникулы помогли?* (74.ru, 12.01.2021); *Это вообще лапша? Из чего сделаны дошираки и сколько в них вреда на самом деле* (74.ru, 10.01.2021). В данных примерах риторические вопросы неразрывно связаны с основными комментариями, но при этом комментарии не содержат ответа, а только расшифровку вопроса. Сначала реципиент создает ментальное пространство для самих новостных феноменов — зимние каникулы (такая языковая конструкция обусловлена временными параметрами) и лапша (номинация, напрямую употребляемая в тексте сообщения). Параллельные исходные пространства в обоих случаях носят контекстуальный характер — «заболеваемость COVID-19» и «дошираки». Их общие простран-

ства продуцируются по-разному. В первом случае объединяющим элементом служит временной отрезок времени, характеризующийся вспышкой заболевания, а во втором — еда быстрого приготовления. Наибольший интерес вызывает структура бленда, в которую продуцируются не только сами релевантные понятия, входящие в состав основных ментальных пространств, но и ответ на задаваемые вопросы, которого нет в исходном текстовом сообщении. Так, на вопрос «Это каникулы помогли?» реципиент непроизвольно отвечает «да», потому что за счет межпространственного отображения формируется бленд «каникулы помогли снизить заболеваемость COVID-19». Ответ на второй вопрос — «Это вообще лапша?» — звучит отрицательно, потому что за счет ментальной проекции выстраивается бленд «доширак — это не лапша». Подобные межпространственные отображения очень распространены не только в заголовках, но и в текстах статей. Однако читатель относится к ним как к чему-то само собой разумеющемуся и не осознает всю сложность ментальных процессов, происходящих у него в голове. Чем старше и начитаннее реципиент, тем привычнее ему проводить подобные параллели. У молодых людей подобные языковые и ментальные структуры могут вызывать трудности и неприятие.

Заключение

Язык СМИ сложен, оригинален и строится на многоуровневых когнитивных связях, о чем свидетельствуют новостные заголовки. Молодое поколение интересуется проблемами региона, но не доверяет средствам массовой информации, согласно результатам социального опроса. Более того, 43 % опрошенных считают, что язык СМИ должен быть более простым, а 20 % затрудняются ответить на этот вопрос. Все это говорит о важности привлечения молодых людей к чтению региональных СМИ, о необходимости повышения их уровня доверия и удовлетворенности от манеры подачи материалов через развитие интереса к сложным языковым конструкциям. Эти вопросы требуют детального рассмотрения для воспитания здравомыслящего поколения. Более подробного изучения требуют и сами когнитивные процессы, которые происходят при актуализации текста новостного сообщения.

Список литературы

1. Абрамова Е. С. Массмедийный дискурс: сущность и особенности // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (42). С. 17—19.
2. Давыдова С. В. Язык средств массовой информации // *Lingua mobilis*. 2011. № 2 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-sredstv-massovoy-informatsii>.
3. Добросклонская Т. Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2006. № 2. С. 20—33.
4. Желтухина М. Р. Медиадискурс // Дискурс-Пи. 2016. № 3—4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediadiskurs-1/viewer>.
5. Кибрик А. А. Дискурсивная таксономия и медийный дискурс // Язык и дискурс средств массовой информации в XXI веке / под ред. М. Н. Володиной. М.: Академ. проспект, 2011. С. 79—85.
6. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса: монография. Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.
7. Плотникова С. Н. Корпоративность при выражении мнения в массмедийных текстах // Политический дискурс в России: материалы постоянно действующего семинара (Москва, 7 нояб. 2002 г.). М.: МАКС Пресс, 2002. С. 70—72.
8. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук: Ваклер, 2001. 656 с.
9. Сегал Н. А. Категоризация мира в языке политики (на материале когнитивных доминант пространство — направление — движение): дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2019. 424 с.
10. Fauconnier G. *Mappings in Thought and Language*. USA: Cambridge Univ. Press, 1997. 205 p.
11. Turner M. *The Origin of Ideas*. USA: Cambridge Univ. Press, 2014. 300 p.

Сведения об авторах

Ковальчук Лидия Петровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка факультета лингвистики и перевода Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. kovalchuklidia@yandex.ru

Олизько Наталья Сергеевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории и практики английского языка Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. olizko@yandex.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 7 (453). *Philology Sciences*. Iss. 125. Pp. 93—99.

PECULIARITIES OF THE PERCEPTION OF MASS MEDIA BY YOUNG PEOPLE IN CHELYABINSK REGION

L. P. Kovalchuk

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. kovalchuklidia@yandex.ru

N. S. Olizko

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. olizko@yandex.ru

Acknowledgments: The research was funded by RFBR and Chelyabinsk Region, project number 20-412-740004.

The article is devoted to the study of young people's attitude to mass media in Chelyabinsk Region. On the basis of the social survey, some conclusions about the peculiarities of linguistic and structural characteristics of articles are made. Moreover, the article deals with mental connections that are formed in the headlines of news messages. The survey was conducted among young people at the age of 18—25 and showed that they are deeply interested in the problems of Chelyabinsk Region. However, Chelyabinsk youth are not all that satisfied with the way information is given in mass media. Therefore, some changes should be undertaken to attract their attention. The solution lies in the development of young people abilities to form complex mental connections in their own language.

Keywords: *media discourse, conceptual integration, mental connections, cross-space mapping, language of mass media.*

References

1. Abramova E. S. (2014) *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 12 (42), pp. 17—19 [in Russ.].
2. Davydova S. V. (2011) *Lingua mobilis*, no. 2 (28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-sredstv-massovoy-informatsii> [in Russ.].
3. Dobrosklonskaja T. G. (2006) *Vestnik Moskovskogo universiteta*, Serija 10. Zhurnalistika, no. 2, pp. 20—33 [in Russ.].
4. Zheltuhina M. R. (2016) *Diskurs-Pi*, no. 3—4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediadiskurs-1/viewer> [in Russ.].
5. Kibrik A. A. (2011) Diskursivnaja taksonomija i medijnyj diskurs [Discursive taxonomy and media discourse]. *Jazyk i diskurs sredstv massovoj informacii v XXI veke* [Language and discourse of the media in the XXI century]. Moscow, Akademicheskij prospect. Pp. 79—85 [in Russ.].
6. Oljanich A. V. (2004) *Prezentacionnaja teorija diskursa* [Presentation theory of discourse]. Volgograd, Paradigma. 507 p. [in Russ.].
7. Plotnikova S. N. (2002) Korporativnost' pri vyrazhenii mnenija v massmedijnyh tekstah [Corporativity in the expression of opinion in mass media texts]. *Politicheskij diskurs v Rossii* [Political Discourse in Russia]. Moscow, MAKS Press. Pp. 70—72 [in Russ.].
8. Pohepcov G. G. (2001) *Teorija kommunikacii*. Moscow, Refl-buk, Vakler. 656 p. [in Russ.].
9. Segal N. A. (2019) Kategorizacija mira v jazyke politiki (na materiale kognitivnyh dominant prostranstvo — napralenie — dvizhenie) [Categorization of the world in the language of politics (on the material of cognitive dominants space — direction — movement)]. Krasnodar. 424 p. [in Russ.].
10. Fauconnier G. (1997) *Mappings in Thought and Language*. Cambridge Univ. Press. 205 p. [in Russ.].
11. Turner M. (2014) *The Origin of Ideas*. Cambridge Univ. Press. 300 p. [in Russ.].

РАМОЧНАЯ МОДЕЛЬ МАТРИЧНОГО ЯЗЫКА И ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ В РЕЧИ БИЛИНГВОВ¹

К. Майерс-Скоттон

Университет штата Мичиган, Ист-Лансинг, США

Статья вкратце раскрывает сущность рамочной модели матричного языка и модели 4-М, разработанных К. Майерс-Скоттон и ее последователями. Модель РММЯ описывает процесс речепроизводства в виде последовательности этапов, особое внимание уделяется переключению кодов в двуязычной речи. Объясняется выбор билингвами одного из языков в качестве матричного. Матричный язык обеспечивает морфосинтаксическую рамку высказывания, а также большую часть его значимых элементов. Встраиваемый язык может внести некоторые текстовые элементы, которые удовлетворяют предполагаемым значениям как более правильные по сравнению с элементами матричного языка. Встраиваемый язык также может внести в высказывание целые предложения («острова» встраиваемого языка). РММЯ представляет собой модель грамматической рамки и не связана напрямую с моделью социальных значений, хотя некоторые термины (прежде всего, матричный или встраиваемый язык) могут использоваться в обеих моделях.

Ключевые слова: переключение кода, матричный язык, встроенный язык, содержательные морфемы, системные морфемы, поздние соединительные морфемы, поздние внешние морфемы.

Введение

Рамочная модель матричного языка (РММЯ — MLF) [11; 12], дополненная моделью классификации морфем 4-М [16; 17], представляет собой теорию речемыслительной деятельности и речепроизводства у билингвов в ситуации языкового контакта. Эта модель вдохновила многие исследования двуязычной речи в различных языковых парах, поскольку она четко объясняет различные двуязычные модели поведения, частью которых является переключение кода. Модель РММЯ пользуется широкой популярностью как среди лингвистов, так и среди психолингвистов.

Три основные предпосылки, обосновывающие рамочную модель матричного языка, таковы [11; 13]:

- 1) Роль языков в двуязычном предложении неодинакова.
- 2) В двуязычных членах предложения не все типы морфем могут в равной степени происходить от матричного и от встраиваемого языков.
- 3) Принцип системных морфем ограничивает использование морфем матричного языка, выстраивающих структуру предложения.

Рамочная модель матричного языка

Двуязычная речь в ситуации языкового контакта характеризуется присутствием морфем, лексем либо синтаксических структур двух или более языков в одном предложении (высказывании)². В речи билингвов действует принцип однородной структуры, который означает доминирование одного из языков (L1 или L2) в построении морфосинтаксической структуры фразы. Принцип однородной структуры подразумевает, что билингв в построении речи стремится к логике и избеганию хаоса в морфологии и синтаксисе. Это своеобразие речемыслительной обработки и производства двуязычной речи — характерная особенность переключения кодов. Следует отметить, что источник грамматической структуры в двуязычном предложении может соответствовать либо родному, либо второму/иностранному языку. В любом случае дисбаланс, асимметрия между участвующими языками существует. Язык, структуры которого предпочтительны в двуязычной речи, называется матричным языком. Встраиваемым языком называется язык, морфемы, а также лексемы и фразы из которого встра-

¹ Перевод авторского материала — Е. В. Шелестюк.

² То есть это речь с элементами интерференции и интеркаляции. Ее также можно трактовать как пиджинизированную речь (Е. Ш.).

иваются в матричную структуру, участвуя в построении высказывания [12].

Ключевой особенностью модели РММЯ является то, что она дифференцирует как участвующие языки, так и типы морфем на ряде абстрактных уровней. Она подчеркивает асимметрию, претендуя на решающую роль в двуязычном предложении только для одного из участвующих языков — матричного. То есть, отражая принцип однородной структуры, рамочная модель матричного языка ограничивает роль встраиваемого языка предоставлением либо содержательных морфем в смешанных компонентах, либо составляющих на уровне фразы («островов» встраиваемого языка), либо того и другого. Асимметрия также дифференцирует содержательные и системные морфемы и их участие в переключении кодов. Модель предполагает, что эти два вида асимметрии (матричный vs встраиваемый языки, содержательные vs системные морфемы) применяются повсеместно в классическом переключении кодов.

Итак, абстрактная грамматическая структура в двуязычном предложении происходит только из одного из участвующих языков. Какой из языков-участников является матричным, а какой — встраиваемым, часто (но необязательно) определяется основным и вторым языком носителя (матричный язык — основной, а встраиваемый язык — второй). Варьирование матричного и встраиваемого языков от высказывания к высказыванию также тесно связано с закрепленностью того или иного языка за определенной сферой коммуникации.

Содержательные морфемы определяют (назначают) или получают тематические роли; прототипические системные морфемы представляют собой аффиксы и некоторые функциональные слова, такие как артикли (определители) и клитики.

Рамочная модель опирается на два принципа, которые можно интерпретировать как гипотезы о различных ролях участвующих языков. Они были впервые представлены в [11] и [13]. Первый принцип касается порядка морфем, второй принцип — наличия системных морфем. Оба принципа выступают как критерии; по сути, они определяют, какой язык является матричным.

Примеры проявления рамочной модели матричного языка в двуязычной речи:

- Турецкий — нидерландский

O diyor ben uitmak-en *yap-tı-m* diyordu kız-ınam
He says 'I broke up with a girl'.

Пример взят из корпуса турецко-нидерландских фрагментов речи с переключением кодов. Турецкий

глагол занимает конечную позицию, и в данном примере флексивный (основной) глагол *уар* (*do*) встречается после предиката (нидерландский инфинитив), а не перед ним, как это было бы в нидерландском языке. Эта конфигурация подтверждает принцип порядка морфем, который гласит, что только один из участвующих языков обеспечивает порядок морфем в таких конструктах. Обращает на себя внимание тот факт, что все случаи согласования субъекта и глагола происходят из турецкого языка. Это согласуется с принципом системных морфем, который утверждает, что только один из участвующих языков предоставляет определенный тип системной морфемы, называемой поздней внешней («аутсайдерской») системной морфемой в модели 4-М. Согласование подлежащего и сказуемого является такой морфемой, такими морфемами следует считать и управление глаголом дополнениями.

Основываясь на принципах порядка морфем и системных морфем, мы можем идентифицировать турецкий язык в данном случае как матричный.

- Суахили — английский

Ø-saa hi-yo i-na-*depend* na Ø-*certificate* z-ako z-a
Ø-shule

At this time, it depends on your school certificates.

Пример также демонстрирует оба принципа. Обратите внимание на место слова *certificate* и его модификаторы; здесь прослеживается порядок слов, свойственный суахили, а не английскому. Кроме того, хотя основной глагол *depend* происходит от английского, внешняя морфема (*i-*, класс 9) происходит из суахили, согласуясь с подлежащим, упомянутым ранее (*saa hiyo* — вводная фраза, а не подлежащее). Эти данные подтверждают, что суахили в этом примере является матричным.

Интересной областью модели матричного языка являются случаи двуязычных высказываний, в которых участвуют два неродственных, далеких друг от друга типа языка. В таких случаях можно говорить не о классическом случае переключения кода, а о сложном (составном, *composite code-switching*) переключении, в котором абстрактная грамматическая структура, лежащая в основе поверхностных структур, по-прежнему происходит в основном из одного языка, но включает части другого [12; 17]. Иначе говоря, сложное кодовое переключение — это билингвальная речь, где, несмотря на доминирование одного из участвующих языков при обеспечении морфосинтаксической рамки, некоторая часть абстрактной структуры, лежащей в основе рамки, принадлежит более чем одному

языку, то есть другой из участвующих языков также принимает участие при структурном оформлении высказывания.

Общая модель производства языка состоит из четырех уровней: концептуального, ментального лексикона, формулятора и поверхностного [10]. Концептуальный уровень является долингвистическим и включает в себя намерения говорящего, а также когнитивные компоненты, такие как память. Решающим фактором в выборе матричного и встраиваемого языков на концептуальном уровне является то, какая запись леммы (МЯ либо ВЯ) лучше всего передает семантические и прагматические намерения говорящего [9]. Намерения активируют семантические и прагматические черты, которые взаимосвязаны и указывают на специфические для языка леммы в ментальном лексиконе.

Матричный язык выбирается именно на концептуальном уровне. При этом важно, чтобы говорящие имели хорошие компетенции в языке, выбранном в качестве матричного, поскольку он обеспечивает грамматическую основу двуязычного предложения. Зачастую матричным является первый язык говорящих, хотя это необязательно. Выбор языка в качестве матричного языка в значительной степени бессознателен, и этот процесс опирается на различные ресурсы, особенно на когнитивную систему участника (то есть память о социальных аспектах контекстов по сравнению с текущими контекстами).

Но проверка матричного языка на удовлетворение семантических и прагматических намерений не является единственной проблемой на концептуальном уровне. Переключение кодов на этом уровне также подразумевает процесс сопоставления и проверки матричного языка на предмет абстрактных требований, предъявляемых к его структуре для потенциального встраивания элемента в двуязычное предложение [15]. Это называется проверкой конгруэнтности языков, включающей необходимую степень семантического соответствия, но еще более критично — грамматического соответствия структур языков.

На уровне ментального лексикона важными становятся леммы — начальные, словарные формы слова, выступающие в ментальном лексиконе как абстрактные единицы, которые поддерживают процесс реализации актуальных лексем. Леммы задают направления высказывания, сопоставляя семантическую информацию с грамматической структурой, накладывая первую на последнюю, направления, необходимые на следующем уровне — формуля-

торе. Леммы содержат информацию, выходящую за рамки значения слова, — о тематических ролях и селекционных ограничениях, которые имеют синтаксические последствия, такие как структура аргументов. Например, глагол *hit* присваивает субъекту и объекту тематические роли агенса и пациенса соответственно. Другие леммы в ментальном лексиконе лежат в основе поздних системных морфем, которые становятся заметными на уровне формулятора и выстраивают уже синтаксическую структуру.

Леммы указывают на специфические для языка морфосинтаксические ограничения, расположенные на уровне формулятора, который включает более крупные составляющие. Ментальный лексикон также содержит специфические для языка обобщенные лексические знания, которые отражают грамматическую компетентность носителей языков [12; 15].

Согласно В. Левелту именно леммы направляют установление морфосинтаксической рамки в высказывании [10]. Процедура установления вышеназванной рамки, основанной на психолингвистической теории двуязычного речеобразования, выглядит следующим образом:

- 1) коммуниканты определяют леммы, отвечающие их коммуникативным намерениям, то есть решают, что они хотят передать словами (выбор языка, кодирование семантической и прагматической информации);
- 2) матричный язык обеспечивает рамку высказывания, где есть содержательные морфемы;
- 3) леммы отправляют информацию формулятору, который реализует процесс кодирования морфосинтаксической информации;
- 4) появляется единая поверхностная фонологически оформленная структура.

Обобщенные лексические знания играют важную роль в проверке конгруэнтности языков, они объясняют, как лемму встраиваемого языка, не имеющую близких аналогов в матричном языке, можно включить в матрицу при переключении кода. Функции леммы могут быть проверены по обобщенным лексическим знаниям матричного языка.

Неполная конгруэнтность может иметь последствия для кодового переключения. Значительные несоответствия означают, что при переключении кодов не возникает оптимальной рамки, в которой компоненты встраиваемого языка полностью обрамлены матричными структурами. Вместо этого могут возникать компромиссные стратегии, такие как целые правильно сформулированные фразы

на встраиваемом языке («острова»), включенные в высказывания на матричном языке. Иногда содержательные морфемы встраиваемого языка встречаются в фрагментах матричного языка в виде «голых форм» (то есть, собственно, имен лемм), без системных морфем матричного языка и морфосинтаксических процессов. То, что «голые формы» встречаются в двуязычных высказываниях, свидетельствует о том, что матричный язык для говорящих является абстрактным конструктором, приблизительным, но необязательно идентичным морфосинтаксической системе языка, который является его источником.

Уровень формулятора предполагает трансформацию превебального сообщения в лингвистическую форму. К. Де Бот рассматривает два возможных варианта этого уровня:

- 1) существует отдельный формулятор и отдельный лексикон для каждого языка;
- 2) существует одна большая система хранения всей информации [5. Р. 104].

Уровень поверхностных структур (актуализированный порядок слов, формальные показатели матричного языка и др.) и артикулятора (фонетический план, где посредством артикулярно-моторной системы осуществляется производство речи) является последним уровнем в производстве двуязычного высказывания.

Модель 4-М

Модель 4-М дополняет рамочную модель матричного языка, предлагает более точное описание типов морфем, рассматривая их с точки зрения их синтаксических ролей и того, как они активируются в речепроизводстве. Для удобства в модели используется термин «морфема» для обозначения как собственно структурных компонентов слов (морфов), лежащих в основе поверхностных структур, так и самих реализаций поверхностных структур, то есть синтаксических целых (синтаксем) или формально-синтаксических компонентов. В модели выделяются следующие типы морфем (они играют важную роль в обеспечении принципа однородной структуры):

- 1) содержательные морфемы — соответствуют определению, данному в РММЯ. Их отличительным признаком является активизация на концептуальном уровне, то есть активизируют их прелингвистические интенции говорящего (до того, как активизируется определенный язык);
- 2) ранние системные морфемы — также активизируются на концептуальном уровне. Леммы

в ментальном лексиконе, лежащие в основе содержательных морфем, активизируют леммы, лежащие в основе ранних системных морфем. Ранними системными морфемами называются в силу гипотезы о ранней активации в процессе производства речи. В качестве примера ученые приводят следующие морфемы: показатели множественного числа, детерминанты (в английском языке определенный артикль the и неопределенный артикль a, an), предлоги, которые меняют значения фразовых глаголов в определенных контекстах.

Рассмотренные два типа морфем относятся к концептуально-активируемым морфемам. Следующие два типа морфем лингвисты определяют как поздние системные морфемы, которые активизируются на уровне морфологической реализации моделей встраиваемого языка. Поздними данные морфемы называются в силу того, что они активизируются на втором абстрактном уровне — формуляторе. Поздние системные морфемы делятся:

- 3) на поздние соединительные морфемы (bridge system morphemes);
- 4) поздние внешние морфемы (outsider system morphemes).

Поздние соединительные системные морфемы устанавливают иерархические отношения между содержательными морфемами в словосочетаниях, то есть служат «мостом» между ними. А поздние внешние системные морфемы устанавливают грамматические отношения между содержательными морфемами за пределами словосочетания. К поздним соединительным системным морфемам ученые относят предлоги со значением притяжательности, притяжательные местоимения, указательные местоимения и др. К поздним внешним системным морфемам исследователи относят союзы, вспомогательные глаголы, глаголы-связки, отрицательные местоимения, отрицательные частицы и др.

Рассмотрим эти морфемы подробнее. Основное разделение происходит между морфемами, которые активизируются концептуально (например, существительные и глаголы в роли подлежащих и сказуемых), и теми, которые назначаются структурно (например, грамматические суффиксы). Морфемы, которые концептуально активизируются, называются содержательными. Они основаны на долингвистических намерениях говорящего. Морфемы, которые структурно назначаются, называются системными. Из них ранние системные морфемы (например, аффиксы множественного числа) также концептуально активизируются; они конкретизируют значение соответствующих содержательных морфем,

которые «косвенно избирают», то есть имманентно предполагают, эти ранние системные морфемы [3]. Поздние системные морфемы структурно назначаются и распределяются; они контрастируют как с содержательными, так и с ранними системными морфемами. Этот факт имеет много последствий как для одноязычных высказываний, так и для двуязычных высказываний в условиях языковых контактов.

Гипотеза дифференциального доступа

При переключении кодов и в соответствии с принципом однородной структуры распределение типов морфем в матричном языке и встраиваемом языке совершенно различается. Эти различия существуют не только в распределении между содержательными и системными морфемами, но и внутри самой категории системных морфем. Признание этого мотивирует новые способы классификации морфем и приводит к модели 4-М. В свою очередь, то, как модель 4-М классифицирует типы морфем, приводит к гипотезе, что абстрактные различия на уровне речепроизводства объясняют различия на поверхностном уровне в типах морфем. Гипотеза дифференциального доступа предполагает, что различные типы морфем в рамках модели 4-М доступны на абстрактных уровнях процесса речепроизводства дифференциально. В частности, доступ к содержательным морфемам и ранним системным осуществляется еще на уровне ментального лексикона, а поздние системные морфемы не активируются до уровня формулировки, или формулятора [12; 14].

Гипотеза состоит в следующем. Как уже отмечалось, леммы, лежащие в основе содержания, и ранние системные морфемы направляют построение более крупных лингвистических единиц, содержат информацию о назначении поздних системных морфем. Эти поздние системные морфемы становятся заметными только тогда, когда они структурно назначаются формулятором. Это перекликается с мнением М. Гарретта о том, что «первостепенные и второстепенные грамматические слова категорий ведут себя совершенно по-разному» [7. Р. 81]. Однако он и другие исследователи, например С. Ульман [18], который утверждает, что грамматика и лексика являются двумя отдельными системами, не дифференцируют распределение различных типов системных морфем.

Ранние системные морфемы, соотносящиеся со своими содержательными морфемами, становятся основными строительными блоками составных

структур, таких как существительное-подлежащее, глагол-сказуемое, прилагательное-определение (NP, VP, AP). Тем не менее они по-прежнему являются системными морфемами, потому что только содержательные морфемы получают и назначают тематические роли. Ранние системные морфемы могут быть свободными или связанными. Например, определенные артикли в английском языке всегда встречаются с существительными.

Примерами ранних системных морфем являются также грамматические словоизменительные и словообразовательные аффиксы. К сожалению, на сегодняшний день мало исследований, включающих количественные данные о распределении ранних системных морфем. Однако в одном количественном исследовании, рассматривавшем артикли в испано-английском корпусе двуязычных высказываний, 151 из 161 (94%) английских существительных в функции подлежащего встречаются с испанскими артиклями, такими как *el garage*. Испанский язык может быть идентифицирован как матричный, поскольку подавляющее большинство этих смешанных подлежащих, отражая принцип однородной структуры, через артикли поддерживают структуру матричного языка, хотя само существительное происходит от английского. Однако, как и ранние системные морфемы, определенные артикли могут поступать из встраиваемого языка, не нарушая принципа системных морфем, как, например, в палестинском арабско-английском высказывании *el pharmacy is very boring*.

Глагольные послелогии, которые часто встречаются с фразовыми глаголами, также являются ранними системными морфемами, потому что они зависят от главного слова и изменяют его значения. В соответствии с рамочной моделью матричного языка эти и другие производные морфемы могут происходить из встраиваемого языка, поскольку они не являются типом морфем, который ограничивает принцип системных морфем. Ср. пример суахили-английского высказывания: *u-na-chase after* (вы преследуете).

Маркеры числа

как типичные ранние системные морфемы

Возможно, наиболее распространенным видом ранних системных морфем, изученным в классических корпусах кодовых переключений, является маркер множественного числа. Язык происхождения маркера множественного числа в переключении кодов варьируется, возможные комбинации следующие: 1) маркировка множественного числа

встраиваемым языком, ср. валлийско-английская фраза у *highway-s* na'r dual *carriageway-s* (на автомагистралях или на двух проезжих путях), марокканский арабо-голландский пример *duk artikel-en* (эти артикли); 2) без маркировки множественного числа, ср. суахили-английская фраза на *date zingine* (с другими датами); 3) маркировка множественного числа матричным языком, ср. турецко-нидерландская фраза *klant-lar weg jag-en* (customer-pl chase-away — прогонять клиентов); 4) маркировка множественного числа, маркированного как встраиваемым, так и матричным языками, ср. ачоли-английский пример *lucivilian-s* (гражданские лица), где *lu* в ачоли кодирует как определенность, так и множественное число, а английский кодирует множественное число.

Ранние системные морфемы и внутренние «острова» встраиваемого языка

Когда ранние системные морфемы встраиваемого языка, особенно маркер множественного числа, встречаются совместно с содержательными морфемами встраиваемого языка в рамке матричного языка, речь идет об «островах» встраиваемого языка, как в испанско-английском *tant-a-s thing-s* (so many things). «Острова» представляют собой правильно оформленные на встраиваемом языке фразы и могут быть разной длины — от уровня слова до уровня фразы. Многие внутренние «острова» встраиваемого языка содержат важные для интенций говорящего «блоки» коллокаций, которые обрамляются матричным языком [1]. Например, «остров» *on the weekend* в француско-английской двуязычной фразе. Ср. каджун-француско-английские фразы *la real thing*, *le highest class*, *sa little salary*, которые обнаруживают системные морфемы матричного, а не встраиваемого языка. Их едва ли можно признать островами. Преобладание именно пиджинизированных, морфологически смешанных двуязычных единиц свидетельствует о том, что в двуязычной речи всегда, когда это возможно, соблюдается принцип однородной структуры. Ср. волоф-английскую фразу в рамке матричного языка волоф *Sa little salary rek la* (It is only your little salary).

Поздние системные морфемы

В отличие от ранних системных морфем два типа поздних системных морфем «назначаются» структурой языка. Термин «поздний» предполагает, что они активируются на более позднем уровне рече-производства. В то время как ранние системные

морфемы в основном выстраивают семантическую структуру высказывания, поздние системные морфемы выстраивают синтаксическую структуру. Поздние системные морфемы включают соединительные и внешние (метафорически — «соединительные морфемы» (bridges) и «внешние морфемы» (outsiders)). Поздние системные морфемы отвечают принципу однородной структуры, они сохраняют последовательность структуры матричного языка, указывают на отношения между частями предложения, являются тем цементом, который скрепляет предложение.

Поздние соединительные системные морфемы

Поздние соединительные системные морфемы обеспечивают «мосты» между элементами, из которых конструируются более крупные структуры. Существует важное различие между соединительными и внешними системными морфемами. Соединительные морфемы зависят от информации в пределах их максимальной проекции, в то время как внешние системные морфемы зависят от информации за пределами максимальной проекции, в которой они появляются. Кроме того, соединительные морфемы, по-видимому, имеют инвариантную форму (они составляют единый алломорф); напротив, поздние внешние морфемы имеют более чем один алломорф. Английский предлог *of* является примером соединительной системной морфемы в примере *requirements of the college*, так же как и *'s* в примере *Lena's shoe*. Во французском языке *de* — аналогичная соединительная морфема, как в *le franc,ais de Bruxelles*. Пример ниже отражает аналогичную соединительную морфему из хинди (*kii*) с причастием:

merii paatnii saaRii kii choice kar-egii
(Моя жена *выберет* сари).

Соединительные морфемы варьируются, они требуются в одних языках и могут не требоваться в других. В смешанных двуязычных компонентах чаще всего встречаются соединительные морфемы матричного языка:

- Ачоли — английский

Chances me accident pol ka i-boarding taxi
(Шансы на аварию [многочисленны], если вы садитесь в такси).

Хотя большинство соединительных морфем происходят из матричного языка, в литературе отмечаются и исключения в виде соединительных морфем встраиваемого языка, ср. арабская соединительная морфема *djal*, присутствующая в марокканском

французско-арабском предложении, обрамленном матричным французским языком *connaissance dyal la personne* (знание человека).

Поздние внешние системные морфемы

Второй тип поздних системных морфем — внешние. Как отмечено выше, этот тип морфем отличается от соединительных тем, что зависит от информации, которая исходит из элемента в другом высказывании или из дискурса в целом. Например, согласование субъекта и предиката реализуется поздней внешней системной морфемой. Поздняя системная морфема может соотноситься с нулевым местоимением, грамматические особенности которого определяются более широким дискурсом. Например, в испанском языке *-en* на глаголе *corr-en* является поздней системной морфемой во фразе *corren* ([они] бегут) и *los estudiantes corren* (студенты бегут).

Безусловно, внешние морфемы являются наиболее важными и однозначными поставщиками грамматических (синтаксических) структур. Они обеспечивают точную индексацию отношений, которая выходит за рамки порядка слов и базовой составляющей структуры. Внешние морфемы связывают элементы на другом уровне [14]. Грамматические отношения, индексируемые внешней морфемой, усиливают семантическую согласованность внутри предложения в рамках более широкого дискурса. Кроме того, внешние морфемы являются основным бастионом для поддержания однородной структуры в предложении. Распределение поздних системных внешних морфем является определяющей чертой переключения кодов. За редким исключением внешние морфемы в смешанных двуязычных высказываниях всегда происходят из матричного языка.

В некоторых примерах переключений кода внешние морфемы матричного языка как признаки грамматического согласования встречаются с глаголами встраиваемого языка, например:

- Суахили — французский

Donc, (h)ii richesse y-ote (h)ii i-na-tu-appartenir shi ba-toto y-ake

(Итак, все эти богатства, они принадлежат нам, его детям).

Если матричный язык является падежным, причем падежи управляются глаголами (с предлогами или без), падежные маркеры также являются внешними морфемами. Почти все без исключения элементы встраиваемого языка по-

лучают ожидаемые маркеры матричного языка. Например:

- Турецко-голландский
evet, terras-ta oturuyorlar
(Да, они сидят в кафе на открытом воздухе).
- Русско-английский
Zachem ty na grass-e valjajesih'sja
(Зачем ты на траве валяешься?)

Заключение и перспективы использования в контексте социальной маркированности речи билингов

Ранние исследования в области контактной лингвистики избегали концепции кодовых переключений, вместо этого сосредоточившись на возможных изменениях, вызванных контактом, или диалектных вариациях. Например, корифей современной контактной лингвистики У. Вайнрайх [19], как известно, не считал убедительной теорию двуязычных кодовых переключений, утверждая, что поиск организующих принципов в переключениях кодов заводит в теоретический тупик. Нам удалось, опираясь на модели РММЯ и 4-М наряду с принципом однородной структуры, показать, что учет переключений кодов возможен. Принцип однородной структуры — «никакого хаоса не допускается», он является предпосылкой предсказуемости разделения ролей участвующих языков и типов морфем. В свою очередь это разделение мотивирует модель речепроизводства и организует когнитивные компоненты, лежащие в основе речемыслительных процессов.

Из трех типов системных морфем ранние системные морфемы являются наименее ограниченными, поскольку они активируются концептуально, тогда как соединительные морфемы и внешние морфемы назначаются структурно. По нашим наблюдениям, наиболее частыми ранними системными морфемами, почти настолько же важными, как содержательные, являются аффиксы множественного числа и определенные артикли. Далее нам встретилось лишь несколько типов соединительных системных морфем встраиваемого языка и ни одной внешней морфемы встраиваемого языка в смешанных компонентах (за исключением довольно редких типов «островов» встраиваемого языка).

Итак, различия в распределении морфем между языками являются систематическими и вытекают из моделей РММЯ и 4-М, а также из принципа однородной структуры. Они вполне поддаются эмпирической проверке. Эти различия также

подразумевают некоторые выводы о речепроизводстве и когнитивных системах, поддерживающих язык.

Во-первых, «разделение труда» между языками при переключении кодов, когда только один язык обеспечивает морфосинтаксическую рамку двуязычного предложения, по-видимому, также подразумевает некоторые разделения внутри когнитивных процессов, поддерживающих эту поверхностную асимметрию. Конечно, переключение кодов во время двуязычного речепроизводства подразумевает, что оба языка активны, но матричный язык имеет более высокий уровень активации.

Во-вторых, принцип однородной структуры подразумевает, что когнитивная энергия сохраняется, позволяя лишь незначительные переключения в виде неизменяемых «островов» встраиваемого языка. Если мы посмотрим на частоту, с которой содержательные морфемы встраиваемого языка интегрируются в структуру матричных фреймов, и сопоставим эту частоту с предписанием принципа однородной структуры, мы увидим, что доступ к словам из встраиваемого языка требует другого типа или уровня активации, чем создание морфосинтаксической структуры.

В-третьих, роль встраиваемого языка явно ограничена. Наиболее очевидно, что встраиваемый язык никогда не структурирует какие-либо компоненты, которые включают морфемы матричного языка. Это означает, что у встраиваемого языка мало возможностей предоставить какую-либо системную морфему для двуязычной речи, за исключением «островов», но типичные «острова» встраиваемого языка не модифицируются, не требуют внешних морфем. Кроме того, за исключением случайных ранних системных морфем или менее частых соединительных системных морфем, встраиваемый язык поставляет в структуру матричных языков только содержательные морфемы. Недостаток внешних системных морфем из встраиваемого языка обуславливает вывод о том, что когнитивный компонент, поддерживающий этот тип морфем, может быть независим от когнитивного компонента, который координирует более простые морфосинтаксические конструкции. Насколько же сложные задачи должна выполнять эта ментальная архитектура: внешние морфемы критически важны в индексации тематических ролей и других отношений семантико-синтаксического интерфейса, без них не может быть высказывания.

Данные кодовых переключений подтверждают гипотезу о «дифференциальном доступе» к морфе-

мам. Эта гипотеза предполагает, что элементы, лежащие в основе содержательных и близких системных морфем, заметны на первом (раннем) уровне, а поздние соединительные и внешние морфемы (точнее, морфосинтаксемы) становятся заметными только на следующем уровне речепроизводства. В частности, поздние системные морфемы не являются заметными до тех пор, пока они не будут вызваны в памяти леммами, лежащими в основе содержательных морфем, для построения более крупных составляющих на этапе формулировки высказывания (то есть в «формуляторе»).

РММЯ представляет собой модель грамматической рамки и не связана напрямую с моделью социальных значений, хотя термины «матричный язык» или «встраиваемый язык» могут использоваться в обеих моделях. Для любой коммуникативной ситуации существует немаркированный, ожидаемый набор прав и обязанностей в построении высказываний и маркированный, дифференцирующий. Нижеследующий пример иллюстрирует немаркированный (с переходом на маркированность) диалог клерка и клиента в банке Найроби. Немаркированным кодом собеседником является суахили. Клиент начинает говорить на немаркированном суахили, а затем переключается на луо, общий с клерком этнический язык, чтобы индексировать социальную солидарность с клерком и попытаться запросить дополнительную помощь.

Клерк (суахили): Ee-sema (Что бы вы хотели?)

Посетитель: Nipe fomu ya kuchukua pesa (Дайте мне, пожалуйста, форму для снятия денег).

Клерк: Nipe kitabu kwanza (Дайте мне, пожалуйста, сначала вашу сберегательную книжку). (*Посетитель подает клерку сберегательную книжку.*)

Посетитель: Hebu, chukua fomu yangu (Скажите, пожалуйста, как насчет моей формы?)

Клерк: Wwana, huwezi kutoa pesa leo kwa sababu hujamaliza siku saba (Господин, вы не можете снять деньги сегодня, потому что еще не прошло семи дней с момента последнего снятия суммы со счета).

Посетитель (переходит на луо): Konyu an marach (Помогите, пожалуйста, я в беде).

Клерк (также переходит на луо): Anyalo konyu, kik inuo kendo (Я могу вам помочь, но не повторяйте, пожалуйста, этого).

Модель маркированности связана с переключением кодов в той или иной ситуации общения, при этом матричный язык является более активным и чаще используемым, а встраиваемый язык — более ограниченным. В типичном речевом взаимодействии обычно, хотя и необязательно, матричный язык

соответствует немаркированному выбору, а встраиваемый — маркированному. То же касается перехода в речи на двуязычные высказывания, где обычно (но необязательно), основной язык выполняет роль немаркированной матричной рамки, а второй — маркированных встраиваемых компонентов.

Список литературы

1. Backus A. Units of codeswitching: Evidence for multimorphemic elements in the lexicon // *Linguistics*. 2000. 41 (1). P. 83—132.
2. Blom J., Gumperz J. J. Social Meaning in Linguistic Structures: Code Switching in Northern Norway // John Gumperz and Del Hymes (eds.): *Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication*. New York: Holt, Rinehart, and Winston, 1972. P. 407—434.
3. Bock K. & Levelt W. J. M. Language Production: Grammatical Encoding // M. A. Gernsbacher (ed.), *Handbook of Psycholinguistics*. San Diego, CA: Academic Press, 1994. P. 945—984.
4. Brown R. A first language. The early stages. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 1973. 437 p.
5. De Bot K. Cognitive processing in bilinguals: Language choice and codeswitching // R. B. Kaplan (ed.). *The Oxford handbook of applied linguistics*. New York: Oxford Univ. Press, 2002. P. 287—300.
6. Ferguson C. A. Diglossia // *Word-Journal of the International Linguistic Association*. 1959. Vol. 15, № 2. P. 325—340.
7. Garrett M. Process in sentence production // *The Cambridge Linguistics Survey* / Frederick Newmeyer (ed.). Cambridge Univ. Press, 1988. Vol. 3. P. 69—96.
8. Gumperz J. J. (ed.). *Language and social identity*. Cambridge Univ. Press, 1982. Vol. 2.
9. La Heij W. Selection processes in monolingual and bilingual lexical access // *Handbook of bilingualism: Psycholinguistic approaches* / J. F. Kroll, A. M. B. de Groot (eds.). Oxford: OUP, 2005. P. 289—307.
10. Levelt W. J. M. *Speaking: from intention to articulation* Cambridge, MA: M.I.T. Press, 1989. 584 p.
11. Myers-Scotton C. Code-Switching // *The Handbook of Sociolinguistics* / F. Coulmas (ed.). Blackwell Publ., 1997. P. 217—237.
12. Myers-Scotton, C. M. *Contact Linguistics, bilingual encounters and grammatical outcomes*. Oxford: OUP, 2002.
13. Myers-Scotton C. *Duelling languages: Grammatical structure in code-switching*. Oxford: Oxford Univ. Press, 1993. 285 p.
14. Myers-Scotton C. Language contact: Why outsider system morphemes resist transfer // *Journal of Language Contact*. 2008. THEMA 2. P. 21—41.
15. Myers-Scotton C. Social motivation for codeswitching: Evidence from Africa. Oxford: Clarendon Press (Oxford Univ. Press), 1995. 177 p.
16. Myers-Scotton C. Testing a Model of Morpheme Classification with Language Contact Data // *International Journal of Bilingualism*. 2000. Vol. 4, № 1. P. 1—8.
17. Myers-Scotton C., Jake L. J. Explaining aspects of codeswitching and their implications // *One mind, two languages. Bilingual language processing* / Janet L. Nicol (ed.). Blackwell Publ., 2001. P. 84—116.
18. Ullman M. The neural basis of lexicon and grammar in first and second language: the declarative/procedural model // *Bilingualism: Language and Cognition*. 2001. 4 (2). P. 105—122.
19. Weinreich U. *Languages in Contact: Findings and Problems*. New York, 1953. (Reprint, Mouton, The Hague, 1963.)

Сведения об авторе

Майерс-Скоттон Кэрл — доктор философии, адъюнкт-профессор Университета штата Мичиган, приглашенный эксперт Центра африканских исследований Университета штата Мичиган, США. cmsbingwa@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 7 (453). *Philology Sciences. Iss. 125. Pp. 100—109.*

THE MATRIX LANGUAGE FRAME MODEL AND CODE-SWITCHING IN BILINGUAL SPEECH

C. Myers-Scotton

*Michigan State University, Department of Linguistics and Languages,
African Studies Center, East Lansing, USA. cmsbingwa@gmail.com*

The article briefly discusses the essence of the matrix language frame model and the 4-M model. The MLF model describes the process of speech production as a sequence of stages and steps, special attention is paid to switching codes in bilingual speech. The Matrix Language supplies the morphosyntactic framework of the text as well as supplying most of the meaningful elements. The Embedded Language can contribute some textual elements that satisfy intended meanings more appropriately than the Matrix Language elements. It also can contribute full sentences (i.e. “Embedded Language Islands”). The MLF model is a model of the grammatical frame and is not directly related to a model of social meanings although some of the same terms (i.e. Matrix or Embedded) may be used in both model.

Keywords: *code-switching, the matrix language, the embedded language, content morphemes, system morphemes, bridge late morphemes, outsider late morphemes.*

References

1. Backus A. (2000) *Linguistics*, no. 41 (1), pp. 83—132.
2. Blom J., Gumperz J. J. (1972) Social Meaning in Linguistic Structures: Code Switching in Northern Norway. *Gumperz J., Hymes D. (eds.). Directions in Sociolinguistics: The Ethnography of Communication*. New York, Holt, Rinehart, and Winston. Pp. 407—434.
3. Bock K., Levelt W. J. M. (1994) Language Production: Grammatical Encoding. *Gernsbacher M. A. (ed.). Handbook of Psycholinguistics*. San Diego, CA: Academic Press. Pp. 945—984.
4. Brown R. (1973) A first language. The early stages. Cambridge (Mass.), Harvard Univ. Press.
5. De Bot K. (2002) Cognitive processing in bilinguals: Language choice and codeswitching. *R. B. Kaplan (ed.). The Oxford handbook of applied linguistics*. New York, Oxford Univ. Press. Pp. 287—300.
6. Ferguson C. A. (1959) *Word-Journal of the International Linguistic Association*, vol. 15, no. 2, pp. 325—340.
7. Garrett M. (1988) *The Cambridge Linguistics Survey*. Cambridge Univ. Press, vol. 3, pp. 69—96.
8. Gumperz J. J. (ed.) (1982) *Language and social identity*. Cambridge Univ. Press, vol. 2.
9. La Heij W. (2005) Selection processes in monolingual and bilingual lexical access. *Kroll J. F., Groot A. M. B. de (eds.). Handbook of bilingualism: Psycholinguistic approaches*. Oxford, OUP. Pp. 289—307.
10. Levelt W. J. M. (1989) *Speaking: from intention to articulation* Cambridge, MA: M.I.T. Press.
11. Myers-Scotton C. (1997) Code-Switching. *Coulmas F. (ed.). The Handbook of Sociolinguistics*. Blackwell Publ. Pp. 217—237.
12. Myers-Scotton, C.M. (2002). Contact Linguistics, bilingual encounters and grammatical outcomes. OUP.
13. Myers-Scotton C. (1993) Duelling languages, Grammatical structure in code-switching. Oxford, Oxford Univ. Press.
14. Myers-Scotton C. (2008) *Journal of Language Contact*. THEMA 2, pp. 21—41.
15. Myers-Scotton C. (1995) Social motivation for codeswitching: Evidence from Africa. Oxford, Clarendon Press (Oxford Univ. Press).
16. Myers-Scotton C. (2000) *International Journal of Bilingualism*, 4/1, pp. 1—8.
17. Myers-Scotton C., Jake L. J. (2001) Explaining aspects of codeswitching and their implications. *Janet L. N. (ed.). One mind, two languages. Bilingual language processing*. Backwell Publ. Pp. 84—116.
18. Ullman M. (2001) *Bilingualism: Language and Cognition*, 4 (2), pp. 105—122.
19. Weinreich U. (1953) *Languages in Contact: Findings and Problems*. New York. (Reprint, Mouton, The Hague, 1963.)

ФАССИНАЦИЯ & СУГГЕСТИВНОСТЬ: СПОСОБЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ В РУССКИХ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТАХ XIX — НАЧАЛА XX В.

А. А. Миронова

Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Челябинск, Россия

Статья посвящена актуальной проблеме изучения перехода от рационального воздействия на потенциального потребителя к эмоциональному. Цель работы — проанализировать способы речевого воздействия, применяемые в русском рекламном дискурсе в XIX — начале XX в. Именно газетные рекламные тексты транслируют смену сознательного потребления на «манию приобретения». Доказано, что для достижения результата адресат применяет совокупность фасцинативных, суггестивных, прагматических приемов влияния. Фасцинация обеспечивает притягательность текста для читателя, аргументация призывает к активному действию. Активизация всех видов ассоциаций провоцирует бессознательные установки в потреблении — суггестивность.

Ключевые слова: русский язык, рекламное объявление, суггестивность, фасцинация, способы речевого воздействия.

Введение

В настоящее время многие люди не читают важные варианты газет. Новости, обсуждения насущных вопросов мы узнаем из интернет-публикаций. Постепенно в прошлое уходят традиционные печатные издания, в которых фиксировалась история города, уезда, губернии, области, региона. Современный молодой читатель представляет себе только рекламные газеты, которые раздаются бесплатно. Считает их некачественными средствами информации, часто представляющими лживые сведения. Знание истории средств массовой информации, отношение к ним и к материалам в них общества позволит сформировать представление о функционировании газет, их роли на влияние на позицию по тому или иному вопросу в России. Одним из уникальных источников, позволяющих проследить динамику становления публицистического стиля, тематику публикаций, жанровое своеобразие печатного издания являются провинциальные газеты, с момента их появления и до настоящего времени. Долгое время старые газеты были малодоступны для массового чтения и изучения. Сейчас благодаря публикации архивами, городскими библиотеками в сети Интернет цифровых копий провинциальных газет за разные периоды ученых, преподаватель имеет возможность исследовать материал, включать его в программу курсов («Лингвистическое краеведение», «Стилистика современного русского языка», «Лингвистический анализ текста» и др.). Так, на сайте Российской национальной библиотеки в электронном вари-

анте представлены тексты номеров «Тобольских губернских ведомостей» (http://nlr.ru/res/inv/ukazat55/record_full.php?record_ID=182554).

Среди основных тенденций социально-экономического развития государства в целом и Тобольской губернии конца XIX — начала XX в. можно выделить развитие торговли в городах, рост численности торговых заведений, магазинов, лавок, коммерциализацию прессы, появление ряда новых периодических изданий в губернии [9. С. 74].

С момента издания «Временных правил о печати» 1865 г. во всех печатных изданиях появляется раздел «Объявления», содержащий в шапке подробные сведения об условиях публикации и адреса приемных пунктов. Реклама в периодических изданиях конца XIX — начала XX в. располагается во второй, «неофициальной» части газеты. Примерно до 1900 г. вся информация рекламного характера занимает последние полосы печатного издания. И только начиная с 1900 г. реклама демонстративно выходит на первые полосы газет.

Губернские ведомости являются первыми периодическими газетными изданиями и изучены с точки зрения истории их появления в разных губерниях, особенностей журналистского творчества, роли в развитии средств массовой информации в провинции [1—3; 5]. Другие ученые исследуют типы периодических изданий в провинции [4; 16], функциональные стили и жанры [10].

Периодическая печать Тобольской губернии XIX — начала XX в. наиболее полным образом позволяет отразить процессы, происходившие в рек-

ламном деле в XIX — начале XX в. в Тобольской и Оренбургской губерниях. Увеличение количества рекламных текстов в газетах, расширение арсенала средств внушения, убеждения, затем и включение манипулирования сознанием читателя демонстрируют новое свойство текста — суггестивность.

Материалом для анализа выступили 4000 рекламных объявлений, опубликованных в газетах за 1857—1917 гг., хранящихся в фондах ТИАМЗ Тобольска, ГАКО Кургана. «Тобольские губернские ведомости» (1857—1871, 1873—1884, 1894—1896), «Курганские известия» (1907—1908), «Курганский вестник» (1909—1911, 1913), «Народная газета» (1906—1919), «Сибирский листок» (1890—1919), «Сибирская торговая газета» (1897—1917), «Справочный листок по молочному хозяйству, скотоводству и артельному маслоделанию» (1909—1918).

Методологической основой для научного поиска послужил антропоцентрический подход, включающий социолингвистический и лингвокультурологический аспекты изучения приемов и способов воздействия, определения фасцинации, суггестивности и их соотношения в рекламном дискурсе. Научно-теоретическую базу работы составили исследования по рекламной коммуникации, теории воздействия [7; 11; 20; 22; 25]. Именно наличие в тексте воздействия на сознание и подсознание, внушения делает его рекламным на фоне информационных сообщений в газетах.

При решении конкретных задач исследования использован комплекс лингвистических методов: описательный, метод контент-анализа, лингвистический анализ.

Фасцинативные приемы в рекламном объявлении

Вопрос о квалификации понятия «речевое воздействие» решается учеными по-разному. Так, Н. А. Помыряну определяет речевое воздействие как произвольную и непроизвольную передачу информации субъектом реципиенту (либо группе реципиентов) в процессе речевого общения в устной и/или письменной формах, которая осуществляется с помощью лингвистических, паралингвистических и нелингвистических символических средств и определяется сознательными и бессознательными интенциями адресанта и целями коммуникации — предметной, коммуникативной или информационной, а также пресуппозициями и конкретной знаковой ситуацией [14]. И. А. Стернин трактует речевое воздействие как воздействие человека на другого человека или группу лиц при помощи речи и со-

провожающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели [20]. Для рекламной коммуникации в газетах изначально свойственно было только вербальное воздействие. Постепенно проникновение в текст невербальных способов влияния на адресанта приводит к сжатию текста, применению символов, типовых иллюстраций. В рекламном дискурсе адресат и адресант являются активными участниками общения. В качестве рабочего определения нами принято следующее: речевое воздействие — это спланированное воздействие на знания, отношения и намерения адресата в нужном для адресанта направлении, нацеленное на обязательную обратную реакцию, прагматический поступок.

Одним из средств речевого воздействия на адресата в русском рекламном объявлении выступает фасцинация. Изучению понятия «фасцинация» в современной науке посвящены труды В. М. Соковнина [18], Ю. А. Шрейдера [23], Е. В. Омельченко [15] и др.

Под фасцинацией мы понимаем часть коммуникативной стратегии в рекламном дискурсе. Это воздействие с целью интенсификации восприятия и освоения информации адресатом, то есть восприятие нового без потерь, что обеспечивает эффективность рекламного текста. Любой рекламный текст разного жанра и типа дискурса выступает актом общения не столько прямой, сколько не прямой коммуникации. С позиции теории речевого общения в модель коммуникации включаются адресат, адресант, код, тема, фасцинация. Именно фасцинация дает возможность воспринимать новую информацию так, как это необходимо адресату. Эффективность любого рекламного текста зависит от правильно выбранной коммуникативной стратегии. Одной из таких стратегий и выступает фасцинация.

Суггестивность — это воздействие на подсознание адресата при помощи знаков и их комбинаций. Фасцинация предстает кодом, настраивающим адресата на прием информации. Она обеспечивает реализацию суггестивной функции рекламного сообщения.

С момента появления первых печатных рекламных текстов в России в XVIII в. фасцинация характеризует рекламу, так как для адресанта не только было важно проникнуть через избирательное восприятие адресата, но, главное, получить необходимый активный отклик. Фасцинативные приемы создают условия для повышенного внимания и вовлеченности в процесс восприятия, то есть

появление внутренней речи у читателя предстает как результат верно воспринятой информации. Чтобы рекламный текст был эффективным в огромной разнородной аудитории, потенциальных покупателей необходимо подготовить к получению сведений. У адресата сформирована установка на освоение нового, существует личностный мотив.

В рекламном дискурсе непрямая коммуникация и фасцинация, как ее составляющая, осуществляются сознательно. Фасцинация обеспечивает реализацию суггестии и представляет собой «мягкое манипулирование», которое ориентировано на развитие потребительского интереса. В отличие от суггестии, влияющей на изменение принципов мышления, чувств, реакций, фасцинация влияет на увеличение степени и качества восприятия, полного освоения нового.

Исследование текстов русской печатной рекламы в газетах Западной Сибири доказывает, что авторы рекламных объявлений осознанно отбирают приемы лексемы, словообразовательные ресурсы, строят синтаксические конструкции, позволяющие эффективно довести до аудитории новую информацию.

Так, реклама популярного напитка оформляется при помощи комплекса средств, выражающих оценочные характеристики предмета: слова, звука, ритма, рифмы, тональности, юмора.

*Вот так квас —
В самый раз!
Баварский со льдом —
Даром денег не берем!
Пробки рвет!
Дым идет!
В нос шибает!
В рот икает!
Запыльивай!
Небось,
Этот квас затирался
Когда белый свет зачинался!* [13. С. 367].

Перед потребителем предстает аудиовизуальный процесс употребления напитка: отличного вкуса, ледяного, с обилием пузырьков, дымком. В данном рекламном объявлении все предложения являются восклицательными, парцелированными, что обеспечивает привлечение внимания читателя, придает динамику движению мысли.

В. В. Ученова справедливо отмечает, что «практическая результативность применения экспрессивных знаковых средств приводит к более целеустремленному, осознанному их применению в рекламной практике» [24. С. 30].

При чтении рекламного текста в газете информация обрабатывается и декодируется адресатом в процессе понимания, обрастает новыми знаниями, расширяется семантически. Фасциативная стратегия позволяет преодолеть различные барьеры однозначного понимания сообщения: уровень образованности, знание лексики, отсутствие единой цели при чтении рекламного объявления, психологические и социальные особенности аудитории.

Одним из первых коммуникативных барьеров, который возникал в XIX в., было преодоление недоверия со стороны адресата к предлагаемым товарам, продавцу. В связи с этим во многих рекламных текстах присутствуют клишированные фразы о верности адреса, имени владельца, предупреждение о подделках и способах определения их: *При покупке просимъ, въ виду явившихся поддѣлокъ, обратить вниманіе еа фабричное клеймо «Якорь» и номеръ патента на Россію С. Г. 2607, которое находитъ на кажд. экземпляръ* [12: 1912. № 6. С. 7]. Средства и приемы фасциации предстают одним из ранних средств речевого воздействия для формирования необходимого способа и вида действия потенциального покупателя. Яркими фасциативными приемами, которые используются в текстах русской рекламы, являются метафора, оксюморон, игра слов, антонимия, синонимия. На основе метафоры и сравнения построено объявление: **БАБОЧКА!** *Какъ солнце БАБОЧКА сіяетъ! Что меда слаще — всякій знаетъ! Народъ ихъ всѣмъ предпочитаетъ!* [6: 1912. № 4. С. 2]. Создание диалогичности в монологическом тексте вызывает ответную внутреннюю реакцию, автокоммуникацию: *Ты моему нраву лучше не перечь! Платье купи новое, что его беречь!* [21: 1897. № 6. С. 8]. В текстах часто применяются риторические вопросы. Цепочка вопросов и ответов на фоне изображения элегантных матери и дочери создает эффект живого общения: — *Что съ тобою, дорогая? — Ахъ, мама, я совсѣмъ несчастна! У меня волосы начали выпадать. — Видишь, дорогая, я сколько разъ тебѣ говорила, чтобы ты употребляла «Элеопать Кинушена», который можешь достать во всякой аптекъ* [21: 1907. № 1. С. 6].

Запоминающимися предстают рекламные тексты папирос под названием «Тары-бары». Одними из эффективных приемов выступают ритмизация, повтор, рифма. Автор использует их как на фонетическом, так и на лексическом уровнях языка:

*Папиросы
«ТАРЫ-БАРЫ»
Упакова портсигары!*

*Крѣпко стало убѣжденье,
Что курить ихъ наслажденье!!!
Дымъ фильтрующей мундштукъ,
Преполезнѣйшая штука —
До чего дошла наука!!!
Дядя Михей*

Товарищество А. К. Шапошникова и К^о
[19: 1907. № 4. С. 8].

Составитель серии рекламных объявлений папирос «Тары-Бары» вводит новый персонаж — дядю Михея, речь которого стилизована под народную. Само название продукта является просторечным фразеологизмом со значением «пустые, долгие разговоры» (*растабары*). Такой способ привлекает внимание к рекламному объявлению, вызывает обратную реакцию читателя, которая от пассивной становится активно заинтересованной. Происходит своеобразное «наращение» информации о продаваемых папиросах: наслаждение будет долгим, человек в это время отдыхает, не думает о плохом, положительно настроен. Дед Михей становится активным участником общения между продавцом и покупателем на страницах газет в течение четырех лет. Он зазывает в магазины, спорит, рассказывает прибаутки, шутит.

В другом частотном рекламном объявлении также используется рифма и антитеза элитного (малодоступного) и простого (доступного каждому):

ПАПИРОСЫ

«Роскошь» 20 шт. 6 к.

«Тары-Бары» 20 шт. 5 к.

Распрекрасные товары

«Роскошь» вамъ — намъ «Тары-Бары»!

[8: 1913. № 3. С. 1].

В данных рекламных объявлениях ритм резонирует в человеческое подсознание. Повторение одного и того же наименования товара *тары-бары* через одинаковые ряды дает отклик в сознании читателя, расширение автокоммуникации осуществляется благодаря прецедентным текстам, включенным в структуру рекламы. Ритм не только привлекает, он влияет на смысловосприятие. Адресант строит сообщение с опорой на ключевые слова.

Афористичность, прецедентные тексты позволяют трансформировать смысл рекламного текста: *Суета суеть — все суета. Перефразируя эти слова, можно сказать, что все есть дымъ. Въ нашъ вѣкъ это еще болѣе справедливо, чѣмъ прежде.*

Слава — дымъ. Успѣхъ — дымъ. Геній — дымъ. Жизнь — дымъ. Словом, все — дымъ. Все проходитъ, все забывается. Одно, что не забывается, это — ароматный дымъ и дивный вкусъ папиросъ «Османь»... [Там же. № 22. С. 6]. Построение текста на анализе смысла афоризма стимулирует задуматься человека о ценностях жизни, о том, что важно и относительно вечно в быстро меняющемся мире.

В газетной рекламе начала XX в. частотно использование философских понятий, транслирующих смысл жизни: *Крикъ жизни! Какъ можно быть богатымъ? Что такое успехъ?* [8. 1912. № 21. С. 6]. Подобные конструкции выступают заголовком рекламного сообщения, ориентирующим на содержание. Адресант стремится в рекламном тексте не вынести на первый план коммерческое предложение, а заставить читателя постепенно прийти к выводу, что в жизни без данного товара не достичь успеха.

Построение на антитезе активизирует процесс восприятия, провоцирует отклик: *Если вы заблаговременно послушаетесь совѣта доктора, ТО НИКОГДА ваши волосы выпадать не будутъ, ТО НИКОГДА у васъ не будетъ жидкихъ волосъ, ТО НИКОГДА не будутъ пустыя мѣста на головѣ, ТО НИКОГДА ВЫ не будете лысымъ, А ВСЕГДА будете употреблять...* [21: 1905. № 34. С. 8].

Успешной выступает реклама табака, в которой выявляются следующие приемы фасцинации: координативные перечисления (кто, где, когда), смена канала восприятия нового, расширение границ слова и текста в целом: *Все курятъ и курят!!! Гильзы изъ бумаги «Филигранъ» фабрики торгового дома А. Катыкъ и К^о. Дыши, не думай!* [19. 1909. № 12. С. 12].

К началу XX в. в структуру рекламного объявления все чаще включаются не только речевые способы воздействия, но и невербальные, например, когда читателю новые сведения предлагается получить, выполнив последовательно действия (см. рисунок ниже).



Рекламное объявление в газете «Сибирский листок», 1914 г.

В рекламном тексте используется оригинальная рамка с овалами, карикатурные рисунки сочетаются с названием шоколада. Сознание адресата пытается разгадать загадку. Все это позволяет трансформировать смысл текста при условии правильного разрезания элементов и соединения их в новую картинку.

Прагматический эффект языковых средств в структуре текста

Использование определенных языковых средств на разных уровнях (фонетическом, лексическом, синтаксическом, эмоционально-выразительном) обеспечивает эмоциональность и эмпатичность коммуникации, изменяет стереотипы и установки восприятия, интерпретацию сведений, обращенность к потребностям конкретной личности. Их применение делает информацию привлекательнее.

Прагматический эффект образных средств проявляется в том, что в рекламных объявлениях происходит выделение значимых слов на уровне лексики благодаря метафоре, оксюмору, алогизму, каламбуру, иронии, аллюзии: *Пятна ультучиваются!* (мыло для стирки); *Для бѣлизны лица!* (мыло для умывания); *Хрустальное мыло; Отличительныя неподражаемыя свойства, прекрасный подарок для изысканного вкуса; Царь всѣхъ сепараторов!* [19: 1914. № 24. С. 9].

На синтаксическом уровне — инверсия, параллелизм, анафора, эпифора, антитеза, парцелляция, риторические восклицания, вводные слова и конструкции: *Невозможное стало возможным! Настоящая американская пишущая машинка. Необходима каждому дѣловому чѣловѣку, лѣгка, всѣ усовершенствованія, клавиатура 84 знака, шрифтъ на любомъ языкѣ* [17: 1913. № 14. С. 8]. *Удобно и выгодно Мыло Успех Для стирки бѣлья в холодной и теплой водѣ Д. Брайнина. Продается вездѣ* [Там же: 1900. № 2. С. 6]. *Наш сезонный преискуррант является интересным подарком для каждой семьи, а потому не откладывайте на завтра, сообщите сегодня, лучшие сейчас-же ваш адрес* [Там же. 1914. № 6. С. 8]. *Солодовый Экстрактъ въ порошокъ. Солодовый экстрактъ концентрированный. Солодовый Экстрактъ съ желѣзомъ. Солодовый Экстрактъ съ хининомъ. Солодовый Экстрактъ с извѣсткою. Карамельки изъ чист. Солод. Экстракта отъ каши; Безъ примѣси сахара по особенной методѣ съ примѣсью сахара по швейцарс. методѣ* [Там же: 1891. № 8. С. 6].

При помощи образных средств создается определенная тональность текста: *Вѣчная свѣча;*

высшая прочность; самого свѣжаго качества; Вѣ! Будете поражены дешевизной цѣнѣ и колоссальнымъ выборомъ дамскаго бѣлья! [12: 1912. № 9. С. 12]. *Важно для провинціи! Моды бесплатно... Все лучшее, все иллюстрировано, все дешево, доступно, все тщательно, аккуратно и добросовѣстно высылается немедленно* [8: 1913. № 8. С. 4].

Таким образом, применение образных средств выступает одним из способов воздействия на потенциального покупателя. Изначально на страницах сибирских и уральских газет прагматическая цель адресанта реализуется именно через вербальный компонент. Креолизованные тексты появляются намного позже, к концу XIX в. В тексты рекламных объявлений газет в разном объеме и различными способами начинает вводиться сочетание вербальных и невербальных компонентов. К середине XX в. отличительными чертами рекламных объявлений становится наличие рисунков, фотографий, лейблов. Аргументативность выражает суггестивный потенциал через эмоционально окрашенные средства в структуре рекламного текста.

От сознательного к бессознательному

Фасцинация является неотъемлемой частью рекламного текста. Она способствует осуществлению основной цели рекламного сообщения: привлечь внимание к проблеме, сформировать интерес и убеждение в идее, мнении или способе решения данной проблемы.

Фасцинация как средство преодоления коммуникативных барьеров, способ развития автокоммуникации, синтез убеждения и внушения была изначально присуща рекламным текстам. Фасцинативные средства транслируются через языковые единицы всех уровней внутри текста. Главное, преодолеть коммуникативный барьер, привлечь внимание, расширить смысл небольшого текста за счет активизации восприятия и понимания. Именно в этом заключается фасцинативная составляющая процесса коммуникации. Эволюция фасцинации в рекламном дискурсе состояла в изменении соотношения между сознательным и бессознательным. Развитие идет от сознательного восприятия данных к все более подсознательному. Как идет декодирование информации, зависит от личности адресата. Изменение стереотипов и установок восприятия, понимания определяет смещение от фасцинации к суггестивности, от «мягкого манипулирования» к «жестко-

му». На протяжении XIX—XX вв. увеличивается количество приемов и способов фасцинативной стратегии, которые зависят от ситуации общения, темы, особенностей газет, аудитории и кода общения. Фасцинация не сводится к совокупности риторических приемов, активизирующих внимание и познавательную активность слушателя. Это нейрофизиологическое явление, имеющее когнитивную природу, основанное на сознательных и подсознательных процессах, вписанное в модель коммуникации. Фасцинация позволяет сделать информацию лично-значимой, расширяет рамки восприятия и интерпретации, поэтому опирается на личностность, диалогичность, провоцирование отклика, прагматичность, интерпретацию информации.

Средства и приемы воздействия на человека репрезентируются в языковых единицах, высказываниях, рекламном тексте, газетном выпуске в целом. Постепенно образные средства

приобретают прагматический эффект и осознаются рекламодателями как один из способов воздействия на читателя. Сложившиеся формально-структурные и смысловые компоненты рекламного текста вызывают у потенциального потребителя бессознательные желания купить и иметь ненужное, приводят к появлению в дальнейшем «шопоголизма».

Результатом исследования являются выявленные способы речевого воздействия в рекламных объявлениях, опубликованных в провинциальных газетах разного типа. К ним относятся фасцинативные приемы (координативные перечисления, смена каналов восприятия, ритмизация, комплимент, прецедентные тексты), образные средства, которые в структуре текста приобретают прагматический эффект (стремление к эмоциональной насыщенности, метафоризация, игра слов, ссылки на авторитет, риторические восклицания, ввод новых персоналий).

Список литературы

1. Адриянов А. В. Периодическая печать в Сибири. Томск, 1919. 31 с.
2. Акопов А. И. Периодические издания. Ростов на/Д: Изд-во Ростов. ун-та, 1999. 324 с.
3. Боханов А. Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал: Конец XIX — 1914 г. М.: Наука, 1984. 150 с.
4. Жиликова Н. В. «Коммерческая пресса» дореволюционного Томска: рекламно-информационные газеты на рынке провинциальной периодики начала XX в. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015. Сер. 9. Вып. 2. С. 198—206.
5. Ермолинский Е. Е. Сибирские газеты 70—80-х годов XIX века. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 160 с.
6. Казак. Миасс, 1910—1913.
7. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2009. 864 с.
8. Курганский вестник. Курган, 1909—1911, 1913.
9. Малых С. В. Реклама на страницах периодической печати Восточной Сибири в 1880—е гг. — начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 346. С. 74—77.
10. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: синхрон.-сопостав. очерк. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 168 с.
11. Московкина Е. А. Специфика рекламного текста в аспекте лингвоперсонологии // Сибирский филологический журнал. 2016. № 3. С. 208—216. DOI: 10.17223/18137083/56/21.
12. Народная газета: Орган Союза сибирских маслодельных артелей. Курган, 1906—1919.
13. Народный театр. М.: Совет. Россия, 1991.
14. Промыряну Н. А. Речевое воздействие: способы, типы и приемы // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2013. № 3. С. 71—77.
15. Омельченко Е. В. Фасцинативная коммуникативная стратегия в различных типах дискурса. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2013. 222 с.
16. Родионова Т. С. Провинциальность и популярность: к особенностям формирования городской газеты на рубеже XIX—XX веков в России // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 6. С. 69—79. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.69.
17. Сибирский листок. Тобольск. 1890—1919.

18. Соковнин В. М. Фасцинология: Прологомены к науке о чарующей, доминантной и устрашающей коммуникации животных и человека. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 400 с.
19. Справочный листок по молочному хозяйству, скотоводству и артельному маслоделию. Курган, 1909—1918.
20. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2011. 252 с.
21. Тобольские губернские ведомости. Тобольск. 1857—1918.
22. Шелестюк Е. В. Комплексная методика исследования речевого воздействия произведения письменной речи // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Филология. Искусствоведение. 2008. № 20 (121). С. 166—176.
23. Шрейдер Ю. А. Автокоммуникация как необходимый компонент коммуникации. Екатеринбург, 2010. С. 35—53.
24. Ученова В. В. История рекламы. СПб.: Питер, 2002. 304 с.
25. Austin J. L. How to Do Things with Words. Oxford Univ. Press, 1975. 168 p.

Сведения об авторе

Миронова Александра Анатольевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и методики обучения русскому языку Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, Челябинск, Россия. amiron_rus@mai.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 7 (453). Philology Sciences. Iss. 125. Pp. 110—117.

FASCINATION & SUGGESTIVITY: WAYS OF INFLUENCE IN RUSSIAN ADVERTISING TEXTS OF THE 19TH — EARLY 20TH CC.

A. A. Mironova

South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Chelyabinsk, Russia. amiron_rus@mai.ru

The article is devoted to the topical problem of studying the transition from the rational impact on a potential consumer to the emotive one. We seek to present an objective analysis of the methods of speech impact used in the Russian advertising discourse of the 19th — early 20th centuries. At the time it was the newspaper advertising texts that brought about the shift from the conscious consumption to “purchase mania”. It is proved that in order to achieve the result, the addressers used a set of fascinating, suggestive, pragmatic methods of influence. While fascination provides a text appeal to the reader, argumentation calls for their active action. The activation of all types of associations provides suggestiveness which provokes the formation of unconscious attitudes in consumption.

Keywords: *Russian language, advertisement, suggestiveness, fascination, methods of speech impact.*

References

1. Adriyanov A. V. (1919) *Periodicheskaya pechat' v Sibiri* [Printed media in Siberia]. Tomsk. 31 p. [in Russ.].
2. Akopov A. I. (1999) *Periodicheskiye izdaniya* [Periodical literature]. Rostov on Don. 324 p. [in Russ.].
3. Bokhanov A. N. (1984) *Burzhuaznaya pressa Rossii I krupniy capital: Konets XIX* [High money and bourgeois press in Russia: the end of the 19th century]. Moscow, Nauka. 150 p. [in Russ.].
4. Zhilyakova N. V. (2015) *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, vol. 9, no. 2, pp. 198—206 [in Russ.].
5. Yermolinskiy Ye. Ye. (2009) *Sibirskiy gazety 70—80-kh godov XIX veka* [Siberian newspapers of the 70—80s of the XIX century]. Irkutsk. 160 p. [in Russ.].
6. (1910—1913) *Kazak*. Miass [in Russ.].
7. Kara-Murza S. (2009) *Manipulyatsiya soznaniyem* [Manipulating consciousness]. Moscow, Eksmo. 864 p. [in Russ.].
8. (1909—1911, 1913) *Kurganskij vestnik*. Kurgan [in Russ.].

9. Malykh S. V. (2011) *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 346, pp. 74—77 [in Russ.].
10. Matveyeva T. V. (1990) Funktsional'niye stili v aspekte tekstovikh kategoriy [Functional styles in the aspect of text categories]. Sverdlovsk. 168 p. [in Russ.].
11. Moskovkina Ye. A. (2016) In *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*, no. 3, pp. 208—26. DOI: 10.17223/18137083/56/21 [in Russ.].
12. (1906—1919) *Narodnaya gazeta: Organ Soyuzha Sibirskih Maslodel'nyh artelej*. Kurgan [in Russ.].
13. (2019) *Narodniy teatr* [Nativity folk scene]. Moscow, Sovetskaya Rossiya. [in Russ.].
14. Promyryanu N. A. (2013) *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskiye nauki*, no. 3, pp. 71—77 [in Russ.].
15. Omel'chenko Ye. V. (2013) *Fastsinativnaya kommunikativnaya strategiya v razlichnykh tipakh diskursa* [Communication strategy of different types of discourse in fascinology]. Chelyabinsk. 222 p. [in Russ.].
16. Rodionova T. S. (2018) *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarniye i sotsial'niye nauki*, no. 6, pp. 69—79. DOI: 10.17238/issn2227-6564.2018.6.69 [in Russ.].
17. (1890—1919) *Sibirskiy listok*. Tobol'sk [in Russ.].
18. Sokovnin V. M. (2005) *Fastsinologiya: Prolegomeny k nauke o charuyushey, dominantnoy i ustrashayushey kommunikatsii zhivotnikh i cheloveka* [Fascinology: Prolegomena on the science of charming, dominating and intimidating communication between animals and humans]. Yekaterinburg. 400 p. [in Russ.].
19. (1909—1918) *Spravochnyj listok po molochnomu hozyajstvu, skotovodstvu i artel'nomu maslodeliyu*. Kurgan [in Russ.].
20. Sternin I. A. (2011) *Vvedeniye v rechevoye vozdeystviye* [Introduction to linguistic manipulation]. Voronezh. 252 p. [in Russ.].
21. (1857—1918) *Tobol'skie gubernskie vedomosti*. Tobolsk [in Russ.].
22. Shelestyuk Ye. V. (2008) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya. Iskusstvovedeniye*, no. 20 (121), pp. 166—176 [in Russ.].
23. Shreyder Yu. A. (2010) *Avtokommunikatsiya kak neobkhodimiy component kommunikatsii* [Autocommunication as a necessary component of communication]. Yekaterinburg. Pp. 35—53 [in Russ.].
24. Uchenova V. V. (2002) *Istoriya reklamy* [The History of Advertisement]. St. Petersburg, Piter. 304 p. [in Russ.].
25. Austin J. L. (1975) *How to Do Things with Words*. Oxford Univ. Press. 168 p.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕДАЧИ ГРЕЧЕСКОГО СИНТАКСИСА НА РУССКИЙ ЯЗЫК В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ БАСЕННЫХ ТЕКСТОВ ЭЗОПА

М. А. Николаиди

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Москва, Россия

Тема статьи связана с актуальностью вопроса о межкультурном трансфере посредством текстов. При аксиологической и лингвокультурной близости контекстов функционирования текстов Эзопа в греческой и русской культурах межъязыковые различия определяют различия в представлении художественных ситуаций. В статье предпринята попытка объединения традиционного структурно-языкового подхода, методологии лингвокультурологии и теории культурных трансферов.

Ключевые слова: адаптация, интерпретация, перевод, межкультурный трансфер.

Процесс глобализации, охвативший все сферы человеческой деятельности, не мог не коснуться и современной гуманитарной науки. В этой связи начиная с конца XX в. наблюдается рост числа междисциплинарных исследований, расширение и укрупнение объектов исследования, формирование новых методологий. Актуализируется такое междисциплинарное направление, как интерпретационизм, основной тезис которого применительно к языку таков: «Значения вычисляются интерпретатором, а не содержатся в языковой форме... Смыслом выражения можно назвать значение речи, актуализированное в ситуационной ситуации интерпретирования» [8. С. 68]. Современная лингвистика акцентирует внимание не только на самих языковых конструкциях, но и на личности человека, их порождающего и воспринимающего.

Актуальной в данной связи становится проблема межкультурных трансферов в сфере литературных текстов как носителей культуры и сознания их авторов и читателей. Особенно значимым является аспект описания динамики межкультурных трансферов, то есть текстовых заимствований, предполагающих возможность обмена инокультурными элементами, который может протекать как в *пространстве* (взаимообмен разных стран своими культурными достижениями), так и во времени (передача элементов хронологически более ранних культур последующим культурам).

Актуальным становится вопрос о межкультурном взаимодействии русской и греческой культур как имеющих общие многовековые традиции посредством художественных текстов. В центре нашего внимания находятся текст и его лингвистические преобразования, неизбежные при переводе. В рам-

ках данной статьи мы рассмотрим особенности передачи греческого синтаксиса на русский язык в процессе перевода художественных текстов. В качестве материала статьи взяты оригинальные басни Эзопа, написанные на древнегреческом языке, и их переводы М. Л. Гаспаровым.

Актуальность работы связана с возникшим на рубеже веков и возрастающим по сей день интересом к вопросу о неизбежности межкультурной трансляции знаний и ценностей в современном мире; о способах их интерпретации, отбора и адаптации в системе заимствующих культур. Множественность переводов и адаптаций текста позволяет более полно изучить как разные аспекты оригинала, в зависимости от выбранной переводчиком стратегии встраивания иноязычного текста в русскую культуру, так и специфические особенности его адаптации, обуславливающие степень известности перевода: «В каждой развитой культуре классические памятники прошлой литературы должны существовать не в одном, а в нескольких переводах. Каждый перевод, сколь бы он ни был превосходен, проецирует многомерную сложность подлинника на плоскость, делает оригинал упрощенным и представляет его односторонне. Сопоставляя два или несколько переводов, читатель может получить как бы стереоскопическое изображение оригинала, увидеть его с разных сторон. Старый перевод может остаться памятником переводящей литературы, шедевром ее, но этим он не может закрыть дорогу новым переводам, которые хотят увидеть новое в классическом памятнике» [5. С. 5].

Произведения Эзопа, ставшие частью мирового культурного наследия, прошли несколько этапов

трансформаций и известны в нескольких вариантах. Важно понимать, что оригинальные басни Эзопа, бытовавшие в устной форме, не сохранились; они известны нам в переложении других авторов. Это обуславливает определенные неточности в их исследовании: «В текстах, основывающихся на записи сообщения “по памяти” (изложение материала), степень аппроксимации содержания производимого текста многократно возрастает» [10]. Под аппроксимацией понимается «приблизительность по отношению к содержанию первичного текста» [9. С. 34]. Однако, так как первичный (то есть устный) текст утрачен, официальным считается труд Деметрия, трансформировавшего оригинальные басни Эзопа в письменные, на древнегреческом языке. Далее басни подверглись внутреннему переводу древнегреческих текстов на два варианта греческого языка: кафаревусу и новогреческую димотику. Существует несколько эзоповских сборников на национальных языках: на латыни (ранняя версия прозы Эзопа баснописца Ромула; басни в стихах 1564 г. Габриэля Фаэрно); на немецком (перевод Герхарда фон Миндена басен Ромула на средне-нижне-немецком 1370 г.), на французском (Евстах Дешам, перевод на средневековый французский язык, XIV в.) и др. Позднее тексты Эзопа были адаптированы и освоены национальными культурами, самыми известными среди которых следует считать басни Жана де Лафонтена на французском и И. А. Крылова на русском языке.

Такое многообразие переводов и адаптаций позволяет более поздним переводчикам ориентироваться на разные варианты текста с учетом привнесенной в них национальной специфики.

Наиболее известным переложением басен Эзопа на русский язык являются басни И. А. Крылова, ставшие неотъемлемой частью русского литературного наследия. Помимо И. А. Крылова, известны переводы Л. Н. Толстого, Д. Смирнова-Садовского, В. А. Алексеева, А. Е. Измайлова. Фундаментальной работой стал сборник академика РАН М. Л. Гаспарова «Басни Эзопа», в котором ученый впервые собрал и перевел более 400 эзоповских текстов из разных сборников: «полный и точный перевод всего свода эзоповских басен появляется на русском языке впервые» [4. С. 5]. Акцентируя внимание на том, что автор ставил своей задачей сохранить максимальную близость оригиналу, необходимо учитывать расхождения в грамматике языков, обуславливающие неконцептуальные различия в переводах и оригиналах. Так как эти различия не затрагивают плана содержания басен

и являются неизбежными, такой перевод можно считать точным.

Задачей данной статьи является продемонстрировать и структурировать те изменения, обусловленные синтаксическими различиями в строе древнегреческого и русского языков, которые даже при максимально точном переводе должны быть переработаны переводчиком и адаптированы к грамматической структуре языка-реципиента. Для того чтобы обнаружить и проанализировать эти различия, нам необходимо прибегнуть к морфологической интерпретации текста, под которой понимается «такой вид интерпретации текста, при котором устанавливается, какие грамматические формы каких лексем представляют словоформы, составляющие текст» [7. С. 42].

Говоря о переводах М. Л. Гаспарова, мы имеем дело с адекватным переводом, под которым понимается «перевод, который обеспечивает прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, не допуская нарушения норм или узуса ПЯ, соблюдая жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и соответствуя общественно-признанной конвенциональной норме перевода» [11. С. 233]. Под ПЯ в данном случае понимается переводящий язык, то есть язык, на который делается перевод. Задачей такого перевода становится максимальное соответствие переведенного текста исходному. На первый план в таком случае выдвигается фигура автора оригинального текста, а не переводчика. Цель переводчика — познакомить читателей с произведениями чужого автора, стараясь передать особенности его письма. Однако даже при таком переводе неизбежными становятся так называемые переводческие трансформации — «многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые преобразования... с тем, чтобы текст перевода с максимально возможной полнотой передавал всю информацию, заключенную в исходном тексте, при строгом соблюдении норм ПЯ» [1. С. 189].

Второй особенностью, которую необходимо принимать во внимание, является тот факт, что мы имеем дело с переводами художественных текстов, обладающих своей спецификой. «Одно из основных отличий художественного текста от любого другого состоит в том, что в нем действительность (а точнее — то или иное ее отражение) представлена в виде образа» [13. С. 329]. Художественные тексты — это тексты, опирающиеся «на образное отражение мира и существующие для комплексной

передачи разных видов информации — интеллектуальной, эмоциональной, эстетической, — а также обладающие функцией эмоционального воздействия на читателя» [13. С. 329]. По мнению ученого, последнее свойство художественного текста неразрывно связано с целью его создания, а именно с целью воздействия, в то время как названные учебным логические тексты имеют своей целью только передачу информации. Соответственно, в рамках данной работы мы имеем дело с переводами, цель которых — не просто передать информацию оригинального текста, но и сохранить его образность и особенности эмоционального и интеллектуального воздействия на читателя.

Третья особенность нашей работы связана с тем, что мы рассматриваем не просто переводы двух художественных текстов, а переводы с греческого языка на русский. Основные различия связаны с тем, что «грамматические связи внутри предложения в греческом языке... часто выражаются особыми синтаксическими конструкциями, утраченными (совершенно или в значительной степени) современным русским языком» [15. С. 22]. Мы анализируем именно такие синтаксические конструкции на примере басенных текстов.

Переводчик ставит перед собой задачу максимально передать содержание и формальную структуру басен: «Перевод есть равнодействующая того, что переводчик должен, может и хочет: что он должен, задает подлинник, что он может, определяют средства его языка; что он хочет — это его предпочтения и вкусы, по которым он отбирает что-то из этих средств» [3. С. 397]. М. Л. Гаспаров переводит басни прозой, сохраняя их структуру. Басня состоит из небольшого прозаического текста, рассказывающего сюжет, и вынесенной за его пределы, четко сформулированной морали. Язык басен предельно прост и лаконичен, в нем практически отсутствуют средства художественной выразительности. Такая простота языка, во-первых, приближает его к разговорному, во-вторых, позволяет максимально точно и понятно для читателя передать суть.

В рамках данной статьи рассмотрим тексты на древнегреческом и новогреческом языках, их дословный перевод и переводы М. Л. Гаспарова. Были отобраны следующие басни: «Лисица и виноград», «Ворон и лисица», «Звездочет», «Лягушки, просящие царя», «Ласка и Афродита», «Крестьянин и его сыновья», «Хозяйка и служанки», «Ворожея», «Старик и смерть», «Путники и медведь», «Мальчик и ворон», «Растоптанная змея», «Богачи и плакальщицы», «Пастух-шутник», «Гадатель», «Кабан

и лисица», так как на их примере можно наглядно продемонстрировать отличия древнегреческого и русского синтаксиса.

В древнегреческом языке, как и в русском, нет фиксированного порядка слов — порядок слов свободный. Следовательно, мы имеем дело с различиями в отдельных конструкциях, а не в структуре предложения в целом.

В русском языке в составе именного сказуемого именная часть обычно стоит в творительном падеже (также возможна в именительном), в то время как в греческом — только в именительном: (древнегреческий) *ἀστρολόγος* — (новогреческий) *Ἦταν ένας αστρονόμος* — (пер. наш. — М. Н.) Он был астроном; (древнегреческий) *γεωργοῦ παῖδες ἐστασίαζον* — (новогреческий) *Ἦταν ένας γεωργός* — (пер. наш. — М. Н.) Он был крестьянин; (древнегреческий) *γυνὴ χήρα* — (новогреческий) *Ἦταν μια γυναίκα* — (пер. наш. — М. Н.) Она была вдова; (древнегреческий) *γυνὴ μάγος ἐπόδᾶς* — (новогреческий) *Ἦταν μια γυναίκα μάγισσα*, — (пер. наш. — М. Н.) Она была женщина-ведьма; (древнегреческий) *γυνὴ πρεσβῆτις* — (новогреческий) *Ἦταν μια γριά γυναίκα* — (пер. наш. — М. Н.) Она была старая женщина; (древнегреческий) *δύο φίλοι ἦσθη* — (новогреческий) *Ἦταν δυο φίλοι* — (пер. наш. — М. Н.) Они были два друга; (древнегреческий) *ληστής* — (новогреческий) *Ἦταν ένας ληστής* — (пер. наш. — М. Н.) Он был грабитель; (древнегреческий) *λύκος* — *Ἦταν ένας λύκος* — (пер. наш. — М. Н.) Он был волк; (древнегреческий) *μάντις* — (новогреческий) *Ἦταν ένας μάντης* — (пер. наш. — М. Н.) Он был провидец; (древнегреческий) *πλούσιος* — (новогреческий) *Ἦταν κάποτε ένας πλούσιος* — (пер. наш. — М. Н.) Он был богатый человек. Однако в этом случае переводчику недостаточно заменить именительный падеж именной части сказуемого творительным. В греческом языке к такой конструкции при помощи союза *που* присоединяется придаточная часть предложения, содержащая предикат. Таким образом, значительная часть басен начинается с конструкции *Ἦταν... που...*, что можно перевести как «Это был кто-то... кто [предикат]...» Такие сложноподчиненные предложения с придаточным определительным при переводе заменяются простыми, в которых после названного субъекта сразу следует предикат: (древнегреческий) *ἀστρολόγος ἐξῶν ἐκάστοτε ἐσπέρας ἔθος εἶχε τοὺς ἀστέρας ἐπισκοπεῖσθαι* — (новогреческий) *Ἦταν ένας αστρονόμος που εἶχε συνήθεια να βγαίνει ἔξω κάθε βράδυ και να παρατηρεῖ τα ἀστέρια* — (пер. наш. — М. Н.) он был звездочет, который каждую ночь

выходил на улицу и наблюдал за звездами — (пер. Гаспарова) один звездочет имел обыкновение каждый вечер выходить из дому и смотреть на звезды; (древнегреческий) γαλή έρασθεισα νεανίσκου εύπρεποῦς ηὔξατο τῇ Αφροδίτῃ — (новогреческий) Ήταν μια νυφίτσα που ερωτεύτηκε κάποιον όμορφο νεαρό και προσευχήθηκε στην Αφροδίτη — (пер. наш. — М. Н.) она была ласка, которая влюбилась в красивого молодого человека и молилась Афродите — (пер. Гаспарова) ласка влюбилась в прекрасного юношу и взмолилась к Афродите; (древнегреческий) γεωργού παιδες έστασίαζον — (новогреческий) Ήταν ένας γεωργός που οι γιοι του όλο μάλωναν μεταξύ τους — (пер. наш. — М. Н.) он был крестьянин, сыновья которого продолжали спорить друг с другом — (пер. Гаспарова) сыновья у крестьянина вечно ссорились (древнегреческий) γυνή πρεσβῦτις τοῦς όφθαλμοῦς — (новогреческий) Ήταν μια γριά γυναίκα που υπέφερε από προβλήματα στα μάτια της — (пер. наш. — М. Н.) она была старая женщина, которая страдала от проблем с глазами — (пер. Гаспарова) у старухи болели глаза; (древнегреческий) γεωργός τις χρυσίον εύρων έν γῆ σκάπτων έστεφε τήν Γῆν καθ' ήμέραν ώς εύεργετηθεις παρ' αὐτῆς — (новогреческий) Ήταν ένας γεωργός που ανακάλυψε χρυσάφι καθώς σκάλιζε το χώμα — (пер. наш. — М. Н.) он был крестьянин, который обнаружил золото, копая землю — (пер. Гаспарова) крестьянин, вскапывая поле, нашел клад; (древнегреческий) δύο φίλοι τήν αὐτήν όδόν έβάδιζον — (новогреческий) Ήταν δυο φίλοι που βαδίζανε μαζί στον ίδιο δρόμο, όταν ζαφνικά παρουσιάστηκε μπροστά τους μια αρκούδα (пер. наш. — М. Н.) они были два друга, которые гуляли вместе по одной дороге — (пер. Гаспарова) два приятеля шли по дороге; (древнегреческий) λέων ταύρω παμμεγέθει επιβουλεύων έβουλήθη δόλω αὐτοῦ περιγενέσθαι — (новогреческий) Ήταν ένα λιοντάρι που βυσσοδομούσε ενάντια σε κάποιον πελώριο ταύρο. Έβαλε — (пер. наш. — М. Н.) Он был лев, который бросился против огромного быка — (пер. Гаспарова) Лев задумал злое против огромного быка; (древнегреческий) ληστής έν όδῳ τινα άποκτείνας έπειδή υπό τῶν παρατυχόντων έδίωκετο — (новогреческий) Ήταν ένας ληστής που σκότωσε κάποιον στη δημοσιά — (пер. наш. — М. Н.) Он был грабитель, который убил кого-то публично — (пер. Гаспарова) Разбойник убил на дороге человека; (древнегреческий) ρυις όφειος ώδ εύροῦσα — (новогреческий) Ήταν μια κότα που βρήκε κάτι αυγά από φίδι — (пер. наш. — М. Н.) Она была курица, которая нашла змеиные яйца — (пер. Гаспарова) Курица нашла змеиные яйца; (древнегреческий) μάντις επί τῆς άγορᾶς καθεζόμενος ήρ-

υρολόγει — (новогреческий) Ήταν ένας μάντης που καθόταν στην άγορά και μάζερε λεφτά προφητεύοντας το μέλλον στους περαστικούς — (пер. наш. — М. Н.) Он был гадатель, который сидел на рынке и собирал деньги, предсказывая будущее прохожим — (пер. Гаспарова) Гадатель сидел на площади и давал предсказания за деньги; (древнегреческий) πλούσιος δύο θυγατέρας — (новогреческий) Ήταν κάποτε ένας πλούσιος που είχε δύο θυγατέρες — (пер. наш. — М. Н.) Когда-то он был богатым человеком, у которого было две дочери — (пер. Гаспарова) У богача было две дочери.

Синтаксические преобразования связаны с тем, что в древнегреческом языке активно использовались формы причастий как в атрибутивной, так и в предикативной функции в зависимости от позиции, занимаемой причастием по отношению к главному слову. Причастия, предшествовавшие главному слову, выполняли атрибутивную функцию, а в постпозитивной позиции — предикативную. В русском языке причастия используются в атрибутивной функции и называют признак лица или предмета, а не добавочное действие; в предикативной функции выступают только краткие страдательные причастия в составе именного сказуемого. Более того, причастия в русском языке являются принадлежностью письменной речи и употребляются гораздо реже, чем в греческом. В связи с этим переводчик зачастую заменяет причастные формы в баснях Эзопа эквивалентными им прилагательными или глаголами: (древнегреческий) λώπηξ λιμώττουσα — (новогреческий) Ήταν μια αλεπού που πέθαινε της πείνας — (пер. наш. — М. Н.) Лисица, хотящая есть — (пер. Гаспарова) Голодная лисица.

В древнегреческом языке часто встречается конструкция Participium conjunctum appositivum — согласованное причастие, употребляемое в качестве обстоятельственного предложения времени, причины, условия, уступки или образа действия. Эта конструкция обычно переводится на русский язык либо при помощи придаточного предложения с обстоятельственным значением, либо при помощи второго предиката (если субъект основного и обстоятельственного предложения совпадают): (древнегреческий) ηὔξατο τῇ Αφροδίτῃ, πως αὐτήν μεταμορφώση εις γυναίκα. και ή θεός έλέησασα αὐτῆς τὸ πάθος μετετύπωσεν αὐτήν εις κόρην εύειδῆ — (новогреческий) προσευχήθηκε στην Αφροδίτη, ζητώντας να τη μεταμορφώσει σε γυναίκα — (пер. наш. — М. Н.) и молилась Афродите, прося ее превратить ее в женщину — (пер. Гаспарова)

и взмолилась к Афродите, чтобы та превратила ее в женщину; (древнегреческий) γέρων ποτὲ ζῦλα κόψας καὶ ταῦτα φέρων πολλὴν ὁδὸν ἐβάδιζε — (новогреческий) Ἦταν μια φορά ένας γέρος που είχε κόψει ζῦλα και τα κουβαλοῦσε, κάνοντας πολύ δρόμο με τα πόδια — (пер. наш. — М. Н.) жил-был старик, который рубил дрова и нес их, проделывая длинный путь пешком — (пер. Гаспарова) старик нарубил однажды дров и потащил их на себе; дорога была дальняя; (древнегреческий) ὁ δὲ παραστήσαι αὐτῇ θέλων, ὅτι καὶ φωνὴν ἔχει, ἀποβαλὼν τὸ κρέας μεγάλα ἐκεκράγει — (новогреческий) Ὁ κόρακας τότε, θέλωντας να της δείξει ὅτι διαθέτει και φωνή, — (пер. наш. — М. Н.) ворон, желая показать ей, что у него тоже есть голос — (пер. Гаспарова) Ворону и захотелось показать ей, что есть у него голос; (древнегреческий) ἀγορᾶς καθεζόμενος ἠρῆρολόγει — (новогреческий) και μάζευε λεφτά προφητεύοντας το μέλλον στους περαστικούς — (пер. наш. — М. Н.) и собирал деньги, предсказывая будущее прохожим — (пер. Гаспарова) и давал предсказания за деньги.

Иногда при переводе причастие опускается: (древнегреческий) ἀετὸς λαγῶν ἐδίωκεν — (новогреческий) Ὁ κυνηγημένος, που λέτε, — (пер. наш. — М. Н.) преследуемый, как говорится — (пер. Гаспарова) увидел заяц, что ниоткуда ему нет помощи. В редких случаях переводчик сохраняет причастие в тексте, как в басне «Лягушки, просящие царя», что придает звучанию басни некую чужеродность, несвойственную русскому языку.

Особенность, которую необходимо учесть переводчику, — это то, что в греческом языке гораздо чаще, чем в русском, вместо активного залога используется пассивный. Так как пассивный залог нетипичен для русского языка, при переводе он зачастую заменяется активным: (древнегреческий) ὅτι ὑπὸ κόρακος ἀναιρεθήσεται — (новогреческий) το παιδί είναι γραφτό να το σκοτώσει κόρακας — (пер.

наш. — М. Н.) ребенку суждено быть убитым вороном — (пер. Гаспарова) смерть ему принесет ворон.

В русском языке для обозначения актанта предпочтительнее использование существительных, поэтому в ряде названий басен, в оригинале представляющих собой конструкцию с причастным оборотом или прилагательным, такие конструкции заменяются отглагольными существительными: (древнегреческий) ποιμὴν παίζων — (новогреческий) ο βοσκός που ἔκανε φάρσες — (пер. наш. — М. Н.) пастух, который шутит — (пер. Гаспарова) пастух-шутник.

Напротив, в ряде случаев, когда в оригинальном тексте для обозначения добавочного действия используются отглагольные прилагательные, переводчик заменяет их синонимичными предикатами: (древнегреческий) εἰς τὴν λίμνην καθῆκε — (новогреческий) περιόριστηκε να πετάξει ένα ξύλο — (пер. наш. — М. Н.) ограничился бросанием палки — (пер. Гаспарова) бросил чурбан.

Переводческие трансформации в процессе перевода неизбежны даже в том случае, когда переводчик ставит своей целью максимальное соответствие планов содержания и выражения оригинальному тексту. Говоря о переводах с древнегреческого языка, мы имеем дело со специфическими синтаксическими конструкциями, которые невозможно перевести дословно, не нарушив при этом грамматический строй русского языка. В таком случае переводчик заменяет их эквивалентными.

Таким образом, можно сделать вывод, что расхождения в грамматическом строе греческого и русского языка, не привнося концептуальные различия в оригинал и перевод, тем не менее являются важными. При переводе неиспользуемые в русском языке конструкции обычно заменяются эквивалентными, что позволяет несколько иначе расставить смысловые акценты.

Список литературы

1. Бархударов Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Междунар. отношения, 1975. 240 с.
2. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во ин-та общ. ср. образования РАО, 2001. 224 с.
3. Гаспаров М. Л. Ваш М. Г.: Из писем Михаила Леоновича Гаспарова. М.: Новое изд-во, 2008. 452 с.
4. Гаспаров М. Л. Басни Эзопа. М.: Наука, 1968. 322 с.
5. Гаспаров М. Л. О новом переводе «Ада» Данте, выполненном В. Г. Маранцманом // Данте Алигьери. Божественная комедия: Ад. Чистилище. Рай / Данте Алигьери; [пер. с итал. В. Маранцмана]. СПб., 2006. С. 5—8.

6. Глебов Г. И., Милаева О. В. Современные международные отношения: учеб. пособие. Пенза: Изд-во Пензен. гос. ун-та, 2010.
7. Демьянков В. З. Основы теории интерпретации и ее приложения в вычислительной лингвистике. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 76 с.
8. Демьянков В. З. Понятие «интерпретация» в интеграции наук о человеке // Человек. Язык. Искусство: материалы междунар. науч.-практ. конф., 14—16 нояб. 2000 г., МПГУ / отв. ред. Н. В. Черемисина-Еникополова. М.: МПГУ, 2001. С. 67—68.
9. Ионова С. В. Аппроксимация содержания как основное свойство вторичных текстов // Вестник ВолГУ. 2005. С. 33—37.
10. Ионова С. В. Эмоциональная интерференция в тексте // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности. Волгоград: Центр, 2004. С. 118—130.
11. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
12. Новиков А. М., Новиков Д. А. Методология. М.: СИНТЕГ, 2007. 668 с.
13. Сдобников В. В., Петрова О. В. Теория перевода: [учеб. для студентов лингвист. вузов и фак. иностр. яз.]. М.: АСТ: Восток — Запад, 2007. 448 с.
14. Славятинская М. Н. Учебник древнегреческого языка. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Филоматис, 2003. 620 с. (Филология.)
15. Шабага И. Ю. Особенности перевода с древних языков (от подстрочника к переводу) // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2009. № 2. С. 21—36.
16. Μτφρ. Ιωάννης Μ. Κωνσταντάκος. ὑπὸ ἐκδόσῃ. Αἰσώπου Μύθοι. Αθήνα: Κίχλη. URL: https://www.greek-language.gr/digitalResources/ancient_greek/library/index.html?author_id=103.

Сведения об авторе

Николаиди Мария Александровна — аспирант кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина. nikolaidimaria1@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 7 (453). *Philology Sciences. Iss. 125. Pp. 118—124.*

FEATURES OF THE TRANSFER OF GREEK SYNTAX INTO RUSSIAN IN THE INTERCULTURAL ADAPTATION OF AESOP'S FABLE TEXTS

M. A. Nikolaidi

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia. nikolaidimaria1@gmail.com

The article is related to the topical issue of studying linguocultural transfers of texts and their adaptation in a foreign cultural context. The relevance of the theme of the article is determined by the importance of studying the types of approximation of adapted texts, the basic elements of which are grammatical transformations due to the differences in languages. To study the differences at the semantic, axiological, linguocultural levels of analysis, the study of grammatical transformations proves most viable, as it provides the linguistic accuracy of the description of the material and the ability to ignore semantically insignificant differences. Given the axiological and linguocultural similarity of the contexts of the functioning of Aesop's texts in Greek and Russian cultures, interlanguage differences determine the differences in the presentation of artistic situations. Thus, the article attempts to combine the traditional structural-linguistic approach and methodology of cultural linguistics and the theory of cultural transfers.

Keywords: *adaptation, interpretation, translation, intercultural transfer.*

References

1. Barkhudarov L. S. (1975) *Iazyk i perevod (Voprosy obschei i chastnoi teorii perevoda [Language and translation (Questions of the general and private theory of translation)]*. Moscow, International relations [in Russ.].
2. Vinogradov V. S. (2001) *Vvedenie v pevedovedenie (obschie i leksicheskie voprosy) [Introduction to translation studies (general and lexical issues)]*. Moscow, Publishing house of the Institute of General Secondary Education of the Russian Academy of Education [in Russ.].
3. Gasparov M. L. (2008) *Vash M. G.: Iz pisem Mikhaila Leonovicha Gasparova [Yours MG: From the letters of Mikhail Leonovich Gasparov]*. Moscow, New publishing house [in Russ.].
4. Gasparov M. L. (1968) *Basni Ezopa [Aesop's Fables]*. Moscow, Nauka Publ. [in Russ.].
5. Gasparov M. L. (2006) *O novom perevode Ada Dante, vypolnennon V. G. Maranzmanom [About the new translation of Dante's "Hell", made by V. G. Marantzman]*. Dante Alig'eri. *Bozhestvennaya komedia: Ad, Chis-tilische, Rai [Dante Alighieri. Divine Comedy: Hell. Purgatory. Paradise]*. St. Petersburg. Pp. 5—8 [in Russ.].
6. Glebov G. I., Milaeva O. V. (2010) *Sovremennye mezhdunarodnye otnosheniya [Modern international relations]*. Penza, Penza State University Publishing House [in Russ.].
7. Demyankov V. Z. (1985) *Osnovy teorii interpretacii i ee prilozheniya v vychislitel'noi lingvistike [Foundations of the theory of interpretation and its applications in computational linguistics]*. Moscow [in Russ.].
8. Demyankov V. Z. (2001) *Ponyatie interpretacii v integracii nauk o cheloveke [The concept of "interpretation" in the integration of human sciences]*. *Chelovek, Iazyk. Iskusstvo [Man. Language. Art: Materials of the International Scientific and Practical Conference, November 14—16, 2000, Moscow State Pedagogical University]*. Moscow. Pp. 67—68 [in Russ.].
9. Ionova S. V. (2005) *Vestnik VolGU*, pp. 33—37 [in Russ.].
10. Ionova S. V. (2004) *Emocional'naya interferenciya v tekste [Emotional interference in the text]. Iazyk i emocii: lichnostnue smysly i dimonanty v rechevoi deyatelnosti [Language and emotions: personal meanings and dominants in speech activity]*. Volgograd. Pp. 118—130 [in Russ.].
11. Komissarov V. N. (1990) *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty) [Translation theory (linguistic aspects)]*. Moscow [in Russ.].
12. Novikov A. M., Novikov D. A. (2007) *Metodologiya [Methodology]*. Moscow, SINTEG [in Russ.].
13. Sdobnikov V. V., Petrova O. V. (2007) *Teoria perevoda [Translation theory]*. Moscow, ACT, Vostok — Zapad [in Russ.].
14. Slavyatinskaya M. N. (2003) *Uchebnik drevnegrecheskogo yazyka [Textbook of the ancient Greek language]*. Moscow, Filomatis [in Russ.].
15. Shabaga I. Yu. (2009) *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*, no. 2, pp. 21—36 [in Russ.].
16. Ioannis M. Constantakos. Under the publication. *Aesop's Fables*. Athens: Keechley. https://www.greek-language.gr/digitalResources/ancient_greek/library/index.html?author_id=103, accessed 15.01.2021 [in Greek].

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГИПЕРССЫЛОК В ЮРИДИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

В. И. Поповская

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматриваются особенности функционирования гиперссылок в неэлектронном (печатном) гипертексте. Выделяется три типа семантически маркированных гиперссылок в юридическом тексте: очевидные, неочевидные и открытые. Гиперссылками первого типа являются названия юридических документов, неочевидные гиперссылки реализуются посредством терминов-гиперссылок, гиперссылки третьего типа не содержат конкретного целевого элемента, поэтому в рамках данной работы названы открытыми.

Ключевые слова: гиперссылка, гипертекст, юридический текст, текст закона, юридический дискурс.

Особая организация юридического текста позволяет рассматривать его как гипертекст, то есть как «форму представления информации, при которой кодирование и раскодирование смысла выходит за пределы содержания отдельно взятой информационной единицы, оказывается зависимым от нелинейных парадигматических и синтагматических отношений, устанавливаемых как автором, так и читателем» [3. С. 6].

В структуре любого гипертекста выделяется два основополагающих элемента: информационная единица и средство, делающее возможным переход от одной информационной единицы к другой [1]. Средство связи между информационными блоками традиционно обозначается термином «гиперссылка» и в настоящий момент изучается в ряде работ как элемент структуры электронного гипертекста с точки зрения его функционирования в интернет-пространстве [3; 4; 6; 8] и др. Данный подход базируется в первую очередь на понимании гипертекста как «текста на экране компьютера», что объясняет использование дефиниций, в рамках которых гиперссылка сводится к средству навигации внутри электронного документа. В лингвистических исследованиях, посвященных анализу электронного текста, гиперссылка рассматривается как структурный элемент гипертекста, обеспечивающий его целостность и связность [2—5; 9].

В качестве основных характеристик гиперссылок, функционирующих в электронном тексте, традиционно выделяют: 1) самостоятельность (как смысловой единицы), 2) выделенность, то есть особое графическое оформление, позволяющее опознать гиперссылку даже без знакомства с контекстом, в пределах которого она расположена, 3) наличие

семантического значения (у вербально реализованных гиперссылок), 4) интерактивность, 5) поликодовость, 6) полифункциональность, 7) однонаправленность (возможность перехода от одной информационной единицы к другой в одном направлении) / двунаправленность (возможность не только перейти к другой информационной единице, но и вернуться обратно) [7].

Однако существование неэлектронных гипертекстов обуславливает необходимость рассмотрения явления гиперссылки без учета технической стороны ее реализации. Отметим, что изучению особенностей использования гиперссылок в печатном тексте в научной литературе уделяется недостаточно внимания. В рамках данной работы мы предпринимаем попытку описать особенности функционирования гиперссылок в юридическом (печатном) гипертексте.

О. В. Дедова отмечает, что в качестве гиперссылки может выступать любой элемент текста (слово, часть текста; позиция таблицы или списка; схема, рисунок, фотография или их часть [1. С. 186]), при этом каждый текстовый фрагмент, заключающий в себе возможность перехода к другой информационной единице, маркируется графически. Для визуального выделения элемента из основного текстового массива могут быть использованы различные графические средства: размер или цвет шрифта, подчеркивание, изменение текста при наведении курсора мыши и т. д. Отметим, что ссылки печатного гипертекста также, как правило, маркированы графически и обычно выделяются особым шрифтом (курсивом, подчеркиванием и т. д.). Таким образом, даже без знакомства с контекстом, в пределах которого

расположена гиперссылка, читатель должен видеть возможность перехода к другому текстовому фрагменту, то есть опознавать выделенный элемент как источник ссылки.

Следовательно, в научной литературе в качестве гиперссылок рассматриваются только те фрагменты, которые так или иначе графически выделены из основного текстового массива. При таком понимании невыделенные гиперссылки невозможны, так как они не сигнализируют читателю о необходимости нелинейного прочтения, а значит, неспособны обеспечить навигационную функцию. Однако анализ юридического дискурса в целом и законодательных текстов в частности показал, что специфика гиперссылок в текстах данного дискурса заключается в том, что гиперссылки маркируются не графически, а **семантически**. В законодательных текстах нами выявлено три типа семантических гиперссылок.

Гиперссылками первого типа являются названия юридических документов (законов, постановлений и т. п.). Графическими опознавательными элементами таких ссылок являются заглавные буквы, аббревиатуры и цифровые данные (номер документа, дата и т. п.). Подобные гиперссылки совпадают по оформлению с исходным текстом (формально не выделены), и содержат прямое или косвенное (название документа указано в скобках) указание на необходимость обращения к иному текстовому фрагменту (авторскую интенцию), его точный «адрес», «код доступа» к другому текстовому документу.

Ср.: «В данном случае в течение указанного периода заказчики руководствуются *положениями Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ “О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд”*» (ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 № 223-ФЗ. Ст. 3).

«Действие брачного договора прекращается с момента прекращения брака (*статья 25 настоящего Кодекса*), за исключением тех обязательств, которые предусмотрены брачным договором на период после прекращения брака» (Семейный кодекс РФ. Ст. 43).

Данные элементы текста мы считаем гиперссылками, так как, будучи фрагментом отдельной статьи, они не несут никакой информационной нагрузки до тех пор, пока читатель не выполнит перехода по указанному адресу и не обратится к соответствующему тексту, а следовательно, 1) они

являются способом навигации в неэлектронном юридическом гипертексте, 2) организуют его структуру, 3) реализуют когезию и обеспечивают когерентность. Данные структуры мы рассматриваем как семантически маркированные очевидные гиперссылки, так как они легко вычлениваются из общего текстового массива в процессе чтения благодаря тому, что прерывают линию повествования основного текста, оставляя его семантически неполным, незавершенным без обращения к другому текстовому фрагменту, и могут быть декодированы только как путь к нему.

Второй тип семантических гиперссылок — это специальные юридические термины, которые нуждаются в определении через привлечение конкретных законодательных текстов (текстов — объектов ссылок).

Критерием квалификации специальных юридических терминов и терминологических сочетаний в качестве гиперссылок является то, что они являются ключевыми понятиями либо данного закона, либо другого законодательного текста и структурно выделены в тексте (каждый такой термин является собой заголовок соответствующего раздела законодательного текста).

Ср.: «*Брачный договор* (ст. 40 СК РФ) не может ограничивать *правоспособность* (ст. 17 ГК РФ) или *дееспособность* (ст. 21 ГК РФ) супругов, их *право на обращение в суд* (ст. 3 ГПК РФ) за защитой своих прав; регулировать личные неимущественные отношения между супругами, *права и обязанности супругов в отношении детей* (*разделы IV, V СК РФ...*)» [Тексты-объекты, заключенные в скобки, выделены нами. — В. П.].

При выделении текстов-объектов ссылок мы исходили из следующих положений: 1) данные фрагменты представляют собой термины или терминологические сочетания, а следовательно, требуют обязательного дефинирования; 2) применительно к текстам закона есть только один вариант источника дефинирования, имеющий юридическую силу, — этот или какой-либо иной действующий законодательный текст; 3) обозначенные выше термины служат заголовками соответствующих статей или разделов законодательных текстов. Таким образом, есть все основания полагать, что именно данные фрагменты должны служить источниками дефиниций (текстами — объектами соответствующих гиперссылок).

Такой тип гиперссылок можно назвать неочевидными гиперссылками. Это графически не выделенные элементы структуры гипертекста,

фрагменты текста-источника, материализованные посредством термина, терминологического сочетания или цитаты, которые актуализируют в тексте-источнике значение, закрепленное в конкретном тексте — объекте ссылки, обеспечивающее единственно правильное толкование исходного текста. Другими словами, это те части текста, которые обязательно должны быть истолкованы через иной конкретный текст — адрес которого прямо не указан, — и только обращение к данному тексту способно обеспечить в полной мере безошибочное понимание текста-источника.

Главное отличие термина-гиперссылки от термина в привычном понимании (как вербализованного специального понятия): термин-гиперссылка требует обязательного дефинирования посредством одного конкретного источника (законодательного текста), в то время как выбор источника дефиниции для термина в традиционном понимании остается за адресатом. В этом заключается принципиальное отличие законодательных текстов от текстов других типов. Так, для понимания 42-й статьи Семейного кодекса РФ, приведенной выше в качестве примера, необходимо толковать термин «правоспособность», используя материал ст. 17 СК РФ, несмотря на наличие ряда других определений данного понятия в рамках цивилистической науки. Неправильный выбор источника дефиниции для законодательного текста может привести к неправильному толкованию данного текста.

Таким образом, гиперссылки, используемые в юридических текстах, можно разделить на очевидные и неочевидные.

В электронной среде гиперссылка вынуждена иметь двусторонний характер: быть выраженной средствами естественного языка, то есть быть представленной в качестве фрагмента исходного текста, и одновременно являться html-кодом, содержащим информацию об электронном адресе объекта ссылки. Подобное существование в двух измерениях делает гиперссылку доступной для интерпретации человеком и электронным устройством. В связи с тем что печатный гипертекст изначально не рассчитан на восприятие машиной, ссылки такого текста могут кодироваться только в одной знаковой системе. Кроме того, в процессе функционирования в неэлектронном тексте происходит вынужденное расслоение подобной двухслойной структуры гиперссылки и, как следствие, реализуется только одна ее сторона: кодовая — связь с текстом-объектом посредством указания его точного адреса (вер-

бально выделенная гиперссылка), или семантическая — передача контекстуально значимого смысла без указания адреса текста — объекта ссылки (скрытая гиперссылка).

Помимо двух обозначенных выше типов гиперссылок, в юридических текстах функционируют особые ссылки, обеспечивающие постоянную открытость правового гипертекста и возможность его изменения за счет введения новых фрагментов или исключения старых. Речь идет о таких элементах текста, которые отсылают читателя ко всему законодательству в целом или какой-либо его части: «...если иное не предусмотрено законодательством», «...могут быть ограничены только на основании федерального закона», «...если иное не предусмотрено настоящим Кодексом» и т. п.

Подобные гиперссылки объединяют в себе признаки первых двух типов. С одной стороны, такие ссылки семантически маркированы (закljučают в себе очевидную адресацию к какому-либо тексту или группе текстов), с другой стороны, не называют точного «адреса» текста-объекта, знакомство с содержанием которого могло бы обеспечить в полной мере безошибочное понимание текста-источника. С. Г. Носовец рассматривает гиперссылку как функциональный комплекс, связывающий три элемента гипертекста: стартовый элемент (страницу, текст), форму ссылки, целевой элемент (объект назначения) [5 С. 127]. Последний рассмотренный нами тип гиперссылок юридического текста имеет предельно обобщенный, неконкретизированный целевой элемент, постоянно меняющийся путем внесения изменений в юридический текст. Можно говорить о том, что подобные ссылки вообще не содержат конкретного целевого элемента, поэтому в рамках настоящей работы будем называть их открытыми.

Так, ссылка «...если иное не предусмотрено законодательством» обязывает читателя обратиться к текстам закона и выявить в них положения, которые должны быть отнесены к «иным» условиям применения конкретной правовой нормы. При этом данная гиперссылка отсылает ко всей совокупности нормативно-правовых актов государства, которые имеют собственную иерархию и содержат, в свою очередь, другие ссылки. Однако подобная форма ссылки подразумевает и возможное отсутствие «иных» условий в законодательстве, а в таком случае переход к любому другому текстовому блоку вообще является нецелесообразным.

Традиционно в работах, рассматривающих особенности функционирования гиперссылок в электронной среде, подчеркивается, что гиперссылки как средство навигации только предлагают читателю следовать по одному из возможных путей прочтения текста, однако выбор конкретного маршрута, а значит, и решение об активации конкретной ссылки, остается за адресатом текста. Таким образом, гиперссылки, даже если они формально выражены сочетаниями императивного характера, не являются обязательными для активации. Необходимость перехода к тексту-объекту определяется только желанием читателя: он может открывать гиперссылки последовательно, как это задумано автором, или в произвольном порядке [10. С. 94]. При этом, принимая решение активировать ссылку, читатель вступает в определенную игру с автором, по мере движения внутри текста расширяя его значения и формируя свой относительно линейный текст.

Иначе обстоит дело со ссылками в юридических текстах: несмотря на отсутствие императивных конструкций в плане выражения, их активация носит обязательный характер. Переход по всем находящимся в тексте гиперссылкам постепенно формирует полный текст правовой нормы, открывающий для читателя правовую идею, изначально заложенную законодателем. Таким образом, можно говорить о том, что гиперссылки в юридических текстах не столько задают вектор прочтения, сколько встраивают один текст в другой, постоянно конкретизируя и углубляя содержание того или иного фрагмента, а следовательно, навигационная функция не является ведущей для данного типа ссылок.

Таким образом, рассмотрев особенности функционирования гиперссылок в неэлектронных юридических гипертекстах, мы пришли к следующим выводам:

1. В печатных (неэлектронных) юридических текстах представлен особый тип гиперссылок, которые маркируются не графически, а семантически и могут быть с определенной долей условности обозначены нами как семантические гиперссылки.

2. В текстах законодательного дискурса представляется возможным выделить как минимум три типа семантических гиперссылок, которые

характеризуются разной степенью семантической маркированности (выделенности): очевидные, неочевидные и открытые.

3. Первый тип таких гиперссылок — очевидные — представляет собой прямые отсылки к другому юридическому тексту, в котором содержится разъяснение используемых в данном законе понятий или толкование отдельных положений данного закона.

4. К разряду неочевидных гиперссылок мы относим содержащиеся в тексте закона специальные термины и понятия, которые не имеют специальных текстовых отсылок к другим текстам, но при этом требуют обязательного обращения к другим текстам законодательного дискурса для адекватного толкования текста данного закона.

5. К открытым гиперссылкам мы отнесли текстовые указания на необходимость обращения к законодательным текстам при отсутствии конкретной ссылки на определенный закон или юридический текст.

6. Одной из специфических черт законодательного текста является то, что для формирования полного текста правовой нормы обязательна активация всех гиперссылок, имеющихся в тексте-источнике.

7. Анализ материала показал, что в отличие от гиперссылок в электронном тексте для семантических гиперссылок, представленных в печатном юридическом тексте, навигационная функция не является ведущей.

В заключение подчеркнем, что гиперссылка, будучи неотъемлемым элементом структуры гипертекста, формирует определенную модель его прочтения, переводит коммуникацию между условным автором правового текста и читателем на уровень гипертекстовой. Проведенный анализ показал, что в печатном юридическом тексте гиперссылки имеют свои особенности, и непонимание механизмов их функционирования может привести к ошибочному толкованию правового текста. В связи с этим необходима дальнейшая разработка проблемы функционирования гиперссылок в неэлектронном юридическом гипертексте, что, в свою очередь, будет способствовать решению одной из наиболее актуальных проблем современной юрислингвистики — проблемы декодирования правового текста.

Список литературы

1. Дедова О. В. Лингвосомиотический анализ электронного гипертекста (на материале русскоязычного Интернета): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006. 253 с.
2. Дедова О. В. Теория гипертекста и гипертекстовые практики в Рунете: монография. М.: МАКС Пресс, 2008. 282 с.
3. Зыкова Е. В. Организация гипертекста в сети Интернет (на материале англоязычных сайтов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 19 с.
4. Махов А. С. Роль гиперссылок в структуре интернет-гипертекстов // Вестник Московского городского педагогического университета. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2009. № 2. С. 119—123.
5. Носовец С. Г. Гипертекстовые ссылки в интернет-СМИ: опыт типологической характеристики // Вестник ЧелГУ. 2011. № 17. С. 127—131.
6. Селютин А. А. Функциональность гиперссылки в электронном гипертексте // Гипертекст как объект лингвистического исследования: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Самара: Поволж. гос. соц.-гуманитар. акад., 2010. С. 115—118.
7. Стройков С. А. Комплексное лингвистическое исследование гипертекстовой ссылки электронного гипертекста // Вестник Череповецкого государственного университета. 2019. № 4 (91). С. 99—110.
8. Сурина В. Н. Классификационные параметры гиперссылок // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 35 (326). С. 120—122.
9. Унгурияну Е. Метафора для гипертекста и гиперссылки: ящерка и хвост // Гипертекст как объект лингвистического исследования: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Самара: Поволж. гос. соц.-гуманитар. акад., 2015. С. 123—134.
10. Флерчук Ю. В. Специфика синонимизации в контексте гипертекста // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2009. № 1 (5). С. 92—96.

Сведения об авторе

Поповская Вера Игоревна — аспирант историко-филологического факультета, преподаватель кафедры русского языка и литературы Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. pshen555@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 7 (453). *Philology Sciences. Iss. 125. Pp. 125—130.*

FEATURES OF LEGAL TEXT HYPERLINKS FUNCTIONING

V. I. Popovskaya

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. pshen555@mail.ru

The paper discusses the features of the functioning of hyperlinks in non-electronic (printed) hypertext. There are three types of semantically labeled hyperlinks in legal text: obvious, non-obvious and open. The first type of hyperlinks are the names of legal documents (laws, regulations, etc.). These hyperlinks coincide in design with the source text (not formally featured), and contain a direct or indirect (the name of the document is indicated in brackets) indication of the need to refer to a different text fragment. The second type of semantic hyperlinks are special legal terms that need to be defined through the attraction of specific legislative texts (texts-objects of links). Open hyperlinks combine the features of the first two types; they refer the reader to the entire legislation as a whole or to any part of it.

Keywords: *hyperlink, hypertext, legal text, law text, legal discourse.*

References

1. Dedova O. V. (2006) Lingvosemioticheskiy analiz elektronnoy giperteksta (na materiale russkoyazychnogo Interneta) [Linguosemiotic analysis of electronic hypertext (based on the material of the Russian-language Internet). Thesis]. Moscow. 253 p. [in Russ.].
2. Dedova O. V. (2008) Teoriya giperteksta i gipertekstovye praktiki v Runete [The theory of hypertext and hypertext practice in the RuNet]. Moscow, MAKS Press publ. 282 p. [in Russ.].
3. Zykova E. V. (2006) Organizatsiya giperteksta v seti Internet (na materiale angloyazychnykh sajtov) [Organization of hypertext on the Internet (based on the material of English-language sites). Abstract of thesis]. St. Peterburg. 19 p. [in Russ.].
4. Mahov A. C. (2009) *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie*, no. 2, pp. 119—123 [in Russ.].
5. Nosovec S. G. (2011) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 17, pp. 127—131 [in Russ.].
6. Selyutin A. A. (2010) *Funktional'nost' giperssylki v elektronnom gipertekste* [Hyperlink functionality in electronic hypertext]. *Gipertekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniia* [Hypertext as an object of linguistic research]. Samara. Pp. 115—118 [in Russ.].
7. Stroykov S. A. (2019) *Vestnik Cherepoveckogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, pp. 99—110 [in Russ.].
8. Surina V. N. (2013) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 35, pp. 120—122 [in Russ.].
9. Ungurianu E. (2015) Metafora dlia giperteksta i giperssylki: iashcherka i khvost [A metaphor for hypertext and hyperlinks: a lizard and a tail]. *Gipertekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniia* [Hypertext as an object of linguistic research]. Samara. Pp. 123—134 [in Russ.].
10. Flerchuk Yu. V. (2009) *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, no. 1, pp. 92—96 [in Russ.].

ИГРОВОЙ СЛЕНГ И ТРАНСМЕДИЙНОСТЬ

Ал. А. Селютин

Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия

Представлено исследование игрового сленга в кинодискурсе. На материале киноцикла «На игре» автор составляет игровой тезаурус фильма, рассматривает частотность использования лексики игрового сленга в киноцикле и подчеркивает роль трансмедийного потенциала видеоигры как произведения искусства. Также автор обращает особое внимание на органичность использования игрового сленга в кинодискурсе.

Ключевые слова: кинодискурс, трансмедийность, игровой сленг, квантитативный метод, тезаурус.

Введение

Опубликованный в период пандемии коронавируса аналитический отчет всемирно известного аналитика Мэри Микер (Mary Meeker) Internet Trends Report 2020 [2] подчеркивает особую и перспективную роль видеоигр в организации досуга обывателей. По заключению М. Микер, индустрия компьютерных игр и околоигровые процессы (например, стриминг) привлекли значительное количество пользователей благодаря ряду факторов, связанных с пандемией: ограниченный ряд прочих развлечений в связи с карантином, наличие большего свободного времени и более комфортных условий в силу удаленной, дистантной работы, попытки иных развлекательных индустрий (например, в области спорта) найти разумные решения по дальнейшему функционированию в период изоляции (в частности, знаменитые гонки NASCAR и «Формула-1» проводились онлайн при помощи симуляторов; подобные процессы наблюдались и в игровых состязаниях NBA и FIFA). Таким образом, игровая индустрия в период пандемии коронавируса не только не потерпела ущерба, но и расширилась как содержательно, так и объемно. Соответственно, упомянутый отчет прогнозирует дальнейший рост видеоигровой отрасли и увеличение количества ее пользователей.

Значимое присутствие видеоигр в социальной жизни диктует и их критическое влияние на другие области человекотворчества, в частности на синемаграф и литературу. В научном журналистском дискурсе игры, кино, литературы и прочие формы искусства рассматриваются как медиа, а их наполнение — как медийный контент; соответственно, процесс трансферизации контента среди медиа получает название

«трансмедийность», которая становится одной из новообразованных категорий журналистики как науки. Широко исследуемая в журналистике настоящего времени категория трансмедийности может рассматриваться и в лингвистическом ключе, поскольку трансфер сюжетов из одного медиа в другое подразумевает и переход значительного количества контент-формирующих элементов: образы героев, сеттинг, дизайн, а самое главное — язык.

Цель исследования

Создание кинофильмов по играм и об играх — явление отнюдь не новое как для западного, так и для отечественного синемаграфа. Однако в связи с трансмедийным переносом игровых сюжетов и образов возникает вопрос: учитывается ли создателями кино специфика игрового сленга и насколько полно она реализуется в дискурсе фильма? Таким образом, в качестве основной цели исследования мы видим качественно-квантитативное описание используемых лексем игрового сленга в дискурсе кинематографических героев в результате трансмедийного потенциала видеоигры как произведения искусства.

Материал исследования

В качестве материала исследования мы выбрали дискурс главных героев отечественного киноцикла «На игре», при этом общая продолжительность синемаграфического повествования составляет 571 минуту. Выбор фильма связан с тем, что в отечественном синемаграфе на данный момент этот киноцикл является наиболее продолжительным и развернутым из тех, сюжет которых связан с видеоиграми.

Методы исследования

В нашей работе мы прибегали к следующим методам: лексикографический — для составления словаря игрового сленга, используемого в киноцикле, и количественный — для анализа сферы количественного применения лексем игрового сленга в отдельных фильмах цикла.

Теоретико-методологический обзор

В новейших лингвистических исследованиях сформировалась тенденция причислять язык геймеров к игровому сленгу. Подобное мы наблюдаем, например, в работах О. В. Булочковой [4], В. А. Комарова [8], Л. В. Меркуловой [9], М. Н. Харлашкина [11]. Игровой сленг, по мнению М. Г. Ахановой [3. С. 81], является особым условным языком, при помощи которого игроки в различных играх обмениваются информацией. В связи с тем что цель данной работы лежит в несколько иной плоскости, мы не будем оспаривать лингвистический статус языка геймеров, хотя следует упомянуть, что благодаря развитию киберспортивных соревнований и игровой индустрии в целом геймерство из хобби постепенно превращается в профессию для ряда пользователей, поэтому существует очевидная возможность рассматривать игровую лексику в качестве профессионализмов.

Характеризуя игровой сленг, все исследователи сходятся на одном комплексе присущих ему черт: 1) источником является английский язык; 2) минимизация коммуникативного процесса при сохранении объема информации; 3) общность для определенной категории пользователей (в нашем случае — геймеров) (см., например, работу Л. В. Жабиной [7]). В целом данные черты присущи не только игровому сленгу, но сленгу вообще. Поэтому еще одной важной чертой игрового сленга является его социальная (и, возможно, профессиональная) ограниченность, подразумевающая его использование среди некоей группы людей, объединенных общим признаком — активным потреблением видеоигр.

Следует отметить неоднородность игрового сленга, которая подчеркивается и в работе Л. В. Жабиной, выделяющей глобальный и локальный разновидности игрового сленга [7]. Под глобальным подразумевается лексический пласт игрового сленга, используемый вне зависимости от типа и жанра видеоигры. Локальный сленг ограничен сферой применения в виде конкретной видеоигры, обладающей своими собственными реалиями, которые и влияют на формирование лексики

игроков. Таким образом, глобальная разновидность игрового сленга представляет собой макроуровень, а локальная — микроуровень. Нам видится значимым выделение и так называемого гиперуровня — лексики, используемой в сфере IT-индустрии в целом, которая также активно функционирует в языке геймеров.

Как уже сказано, трансмедийность становится тем каналом, благодаря которому лексика игрового сленга выходит за границы игрового пространства и становится частью гораздо большей медийной сферы, включая музыку, синематограф и литературу. Е. В. Сальникова подчеркивает, что трансмедийность заключается в обширном распространении сюжетов, образов, визуально-пластических моделей в различных областях художественной культуры [10. С. 106]. Другими словами, трансмедийность функционирует в мире искусства, к которому видеоигра, официально признанная отдельным видом искусства правительством США и Национальным фондом искусств США [5], имеет непосредственное отношение. Игра как вид искусства рассматривается и в работах отечественных культурологов. Так, А. А. Деникин утверждает, что игру можно считать искусством в качестве уникального феномена, объекта современной культуры [6. С. 96].

Невзирая на споры относительно включенности видеоигр в область искусства, мы отмечаем потенциально активную способность трансмедийности как категории переносить не только сюжеты и образы, но и формирующие их элементы, в том числе и речь, из одного медийного пространства в другое (например, из игры в кино). Данное утверждение стало причиной анализа использования игрового сленга в синематографическом производстве, основанном на современной популярной игре Counter Strike.

Анализ лексического пласта игрового сленга в российском киноцикле «На игре»

Цикл фильмов «На игре», состоящий из двух полнометражных фильмов («На игре» 2009 г. и «На игре. Новый уровень» 2010 г.) и сериала («Геймеры» 2012 г.), основан на игре Counter Strike, популярной среди молодого поколения. Жанр игры можно определить как командный «шутер» от третьего лица, при этом основной задачей игрока является победить команду противника в качестве одного из членов команды, используя различное стрелковое и холодное оружие, в замкнутом пространстве. Игра требует слаженной командной работы, скоординированности всех членов команды, хорошей

реакции и логического мышления. Эти качества нашли отражение в характере и особенностях поведения главных героев киноцикла. Действие фильма происходит не в игре, а в реальном мире, однако сюжет строится по принципу прохождения командных миссий с использованием оружия, что характерно напоминает формат самой игры.

Главными героями являются молодые люди, получившие технологическим путем навыки, присущие игровым персонажам Counter Strike: владение огнестрельным оружием, ловкость, улучшенная реакция, особая дальностьзоркость. При этом, будучи профессиональными киберспортсменами, они привыкли к особому игровому сленгу, используемому для общения во время совместного прохождения видеоигры. Именно этот сленг они используют и при проведении реальных миссий. При этом особый язык геймеров является для них, с одной стороны, профессиональным, а с другой — языком бытового общения, поскольку некоторые лексемы

встречаются и в процессе обычной коммуникации непрофессионального характера, сосредоточенной на решении повседневных проблем.

Нами составлен словарь игровой лексики, используемой в киноцикле. Он содержит 24 лексические единицы игрового сленга, включая заимствования из лексикона IT-специалистов (табл. 1). При выборе дефиниций мы обращались к распространенным в интернет-пространстве словарям игровой лексики (например, «CS: GO Основы: словарь игровых терминов» [1]), однако стремились, с одной стороны, упростить определения, чтобы сделать их более понятными для не включенного в игровую среду потребителя, а с другой стороны — избежать «ненаучности» изложения дефиниций, которая характерна для непрофессионально составленного тезауруса.

Как мы можем наблюдать из представленных данных, вся использованная в киноцикле игровая лексика может быть условно поделена на три

Таблица 1

Словарь игровой лексики, используемой в киноцикле «На игре»

Лексема	Дефиниция
апгрейдить	улучшать
аркада	одна из стратегий в игре Counter Strike, подразумевающая интенсивный и агрессивный стиль атаки
бот	компьютерная программа, самостоятельно управляющая игровым персонажем
габэлла	ругательство, выражающее исключительно негативные эмоции
геймер	игрок
девайс	оружие (применительно к игре Counter Strike)
драйв	положительные эмоции, связанные с повышенным уровнем адреналина
камень	процессор
клан	объединение геймеров для решения игровых задач
контра	игра Counter Strike
ламер	неопытный игрок (часто используется с негативной коннотацией)
мать	материнская плата
минус	ликвидировать (редукция от минусануть)
минусануть	ликвидировать
ник	игровое имя
нуб	неопытный игрок (часто используется с негативной коннотацией)
раш	быстрое перемещение
файтинг	рукопашный бой
фейк	ложный
флэш(ка)	световая граната
фраг	уничтоженный противник
хэлповать	помогать
шутер	игра, основные действия в которой заключаются в стрельбе
юнит	условный игровой персонаж

группы: 1) компьютерная лексика (гиперуровень); 2) общеигровая лексика (макроуровень; глобальная, по классификации Л. В. Жабиной [7]); 3) лексика из игры Counter Strike (микроуровень; локальная, по классификации Л. В. Жабиной [Там же]). К первой группе лексем относятся те, что используются в речи программистов и IT-специалистов (*камень, мать*). Ко второй группе лексем относится лексический пласт, используемый в любых играх вне зависимости от их жанровой принадлежности (*юнит, нуб, ламер*). Наконец, третья группа включает объем лексем, используемый только в игре Counter Strike (*аркада, раш, флэш(ка)*). Таким образом, мы видим, что лексический состав игрового сленга неоднороден и в определенной своей части является деривативом других разновидностей сленга.

Интересно отметить, что 17 лексических единиц из представленного списка (71 %) образованы

от английских слов (например, *хэлповать* от английского глагола *хэлп — помогать*), что подтверждает изложенное в теоретической части исследования утверждение относительно истоков игрового сленга.

В рамках исследования следует рассмотреть устойчивость использования лексических единиц игрового сленга на протяжении всего киноцикла, чтобы исключить их потенциальный окказиональный характер. Результаты анализа сферы применения «игровых» лексем отражены в табл. 2.

Две из 24 лексических единиц используются во всех трех источниках, еще четыре лексемы задействованы как минимум в двух источниках. Таким образом, 25 % исследуемой лексики стабильно функционируют на протяжении всего киноцикла, что свидетельствует об отсутствии окказиональности, особенно с учетом того, что синема-

Таблица 2

Сфера применения лексем игрового сленга в киноцикле «На игре»

Лексема \ Сфера применения	На игре (2009)	На игре. Новый уровень (2010)	Геймеры (2012)
апгрейдить	+		
аркада	+		
бот	+		
габэлла	+	+	+
геймер		+	+
девайс	+	+	
драйв		+	
камень	+		
клан		+	
контра	+	+	
ламер			+
мать	+		
минус	+		
минусануть	+	+	+
ник			+
нуб			+
раш	+		
файтинг	+		
фейк			+
флэш(ка)	+		
фраг	+	+	
хэлповать	+		
шутер		+	
юнит	+		

тографическое изображение является «клиповым», сформированным из ряда эпизодов, отражающих лишь отдельные фрагменты жизни главных героев, а следовательно, и их дискурса.

Важно отметить, что данные лексические единицы не функционируют бесцельно, а естественным образом вплетены в дискурс главных героев, при этом они используются не только в сюжетах, касающихся компьютерных видеоигр, но и для обсуждения иных проблем (например, бытового плана). В связи с тем что данные лексемы могут быть непонятны большинству потребителей кинопродукта (в силу их незнания реалий и языка как игрового пространства, так и соответствующих особенностей игрового сленга), дискурс выстроен таким образом, что позволяет интуитивно понять семантику слова из контекста (не только вербального, но и визуального). Так, например, один из главных героев по кличке Вампир, находясь в состоянии расстройства из-за поломки компьютера, эмоционально произносит слово «габэлла», малознакомое среднестатистическому кинозрителю, но однозначно воспринимаемое в понятийном аспекте как ругательство благодаря визуально-сюжетному ряду, оформляющему данную лексему. В другом эпизоде между главными героями, только что участвовавшими в перестрелке, завязывается диалог, который содержит лексему «фраг», изначально незнакомую кинозрителю:

- У вас сколько фрагов?
- У меня семь!
- У меня шесть...

Благодаря предшествующим событиям и последующей калькуляции в диалоге, зритель понимает, что речь идет о количестве убитых противников.

В целом мы можем отметить, что благодаря трансмедийности действительно происходит перенос языковых явлений (игрового сленга, языка геймеров) из одного медиапространства в другое

для успешного формирования образа главных героев (в том числе и речеповеденческих реакций). Данные языковые явления органично включены в дискурс персонажей и исключают их окказиональный характер вследствие частотности их применения.

Заключение

Итак, мы убедились, что динамичное развитие игровой индустрии и признание видеоигры видом искусства оказывают значительное влияние на другие творческие формы благодаря категории трансмедийности, которая обеспечивает трансфер не только образов и сюжетов, но и контенто-формирующих элементов, к которым в первую очередь относится дискурс. Традиционно видеоигры служат основой для создания кинематографических произведений.

Проанализировав нарратив отечественного киноцикла «На игре», основанного на популярной компьютерной игре Counter Strike, мы выявили лексемы игрового сленга, используемые в фильме в достаточном количестве и при стабильной динамике, что позволяет нам утверждать успешный факт функционирования игрового дискурса в трансмедийном проекте. При этом обнаруживается отсутствие окказиональной природы встречающихся лексических единиц, а также доступность их понимания благодаря активной включенности в вербально-визуальный контент.

Важным нам также кажется то, что игровой дискурс (в том числе представленный в киноцикле) носит неоднородный характер и может быть условно разделен на три группы (гиперуровень, макроуровень и микроуровень), отражающие пути и сферы формирования игрового сленга. Данное наблюдение представляется достаточно перспективным для дальнейшего исследования игрового сленга как активно формирующегося языкового явления.

Список литературы

1. CS: GO Основы: словарь игровых терминов. URL: <http://www.gameeffect.ru/2015/07/csgo-glossary.html> (дата обращения 10.05.2021).
2. Internet Trends Report by Mary Meeker. URL: <https://www.axios.com/mary-meeker-coronavirus-trends-report-0690fc96-294f-47e6-9c57-573f829a6d7c.html> (дата обращения 10.05.2021).
3. Аханова М. Г. Игровой сленг как новая форма коммуникации // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. 2016. № 222 (8). С. 81—85.

4. Булочова О. В. Язык геймеров как вид современного молодежного сленга // Проблемы формирования единого научного пространства: сб. ст. междунар. науч.-практ. конф. (5 мая 2017 г., Волгоград): в 4 ч. Ч. 3. Уфа: АЭТЕРНА, 2017. С. 20—22.

5. Видеоигры признали видом искусства в США. URL: <https://lenta.ru/news/2011/05/10/gamesart/> (дата обращения 10.05.2021).

6. Деникин А. А. Могут ли видеоигры быть искусством? // Международный журнал исследований культуры. 2013. № 2. С. 90—96.

7. Жабина Л. В. К вопросу об игровом сленге // Университетские чтения 2014: материалы науч.-метод. чт. ИГЛУ. Ч. V. 2014. URL: https://pgu.ru/upload/iblock/6e7/uch_2014_v_35.pdf (дата обращения 10.05.2021).

8. Комаров В. А. Игровой сленг в современном русском языке // Вестник Курганского государственного университета. 2019. С. 88—90.

9. Меркулова Л. В. Сленг геймеров как универсальное средство межкультурной коммуникации // Проблемы современного педагогического образования. 2015. № 47-1. С. 164—167.

10. Сальникова Е. В. Эпоха трансмедийности // Художественная культура. 2018. № 4 (26). С. 102—127.

11. Харлашкин М. Н. Особенности дискурса видеоигр // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Лингвистика. 2016. № 1. С. 92—98.

Сведения об авторе

Селютин Александр Анатольевич — кандидат филологических наук, заведующий лабораторией цифровых гуманитарных исследований, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания историко-филологического факультета Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. alexsell@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 7 (453). *Philology Sciences. Iss. 125. Pp. 131—137.*

GAME SLANG AND TRANSMEDIA PROCESS

Al. A. Selyutin

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. alexsell@mail.ru

The article presents the study of game slang in the cinema discourse. The materials of cinema series “On the Game” were used by the author of the article to compile the game thesaurus of the film; he also considers the frequency of game vocabulary use in the cinema series and stresses the role of videogame transmedia potential. The author successfully proves that the foundation of the Russian game slang is routed in the English language and that the game slang used in the cinema does not bear the occasional character. The research also outlines videogame as a piece of art. The article pays a special attention to the natural use of game slang in the film discourse. The methods used in the research are lexicographical and quantitative ones which help build the game vocabulary of the film and count the number of used lexemes in each film case.

Keywords: *film discourse, transmedia process, game slang, quantitative method, thesaurus.*

References

1. CS: GO Osnovy: slovar igrovikh terminov [CS: GO Basics: game terms dictionary]. Available at: <http://www.gameeffect.ru/2015/07/csgo-glossary.html>, accessed 10.05.2021 [in Russ.].

2. Internet Trends Report by Mary Meeker. Available at: <https://www.axios.com/mary-meeker-coronavirus-trends-report-0690fc96-294f-47e6-9c57-573f829a6d7c.html>, accessed 10.05.2021.

3. Ahanova M. G. (2016) *Aktual'nye napravleniya nauchnyh issledovaniy: ot teorii k praktike*, no. 2-2 (8), pp. 81—85 [in Russ.].

4. Bulochova O. V. (2017) Problemy formirovaniya edinogo nauchnogo prostranstva [Issues of forming the unified scientific environment]. Ufa. Pp. 20—22 [in Russ.].
5. Videoigry priznali vidom iskusstva v SShA [Videogames are acknowledged as a kind of art in the USA]. Available at: <https://lenta.ru/news/2011/05/10/gamesart/>, accessed 10.05.2021 [in Russ.].
6. Denikin A. A. (2013) *Mezhdunarodny zhurnal issledovaniy kul'tury*, no. 2, pp. 90—96 [in Russ.].
7. Zhabina L. V. (2014) Universitetskie chteniya 2014 [University reading 2014]. Available at: https://pgu.ru/upload/iblock/6e7/uch_2014_v_35.pdf, accessed 10.05.2021 [in Russ.].
8. Komarov V. A. (2019) *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta*, pp. 88—90.
9. Merkulova L. V. (2015) *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, no. 47-1, pp. 164—167 [in Russ.].
10. Sal'nikova E. V. (2018) *Hudozhestvennaya kul'tura*, no. 4 (26), pp. 102—127 [in Russ.].
11. Harlashkin M. N. (2016) *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, no. 1, pp. 92—98 [in Russ.].

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА МАСКА В ДРАМЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА «МАСКАРАД»

З. П. Табакова, В. Т. Моор

Северо-Казахстанский университет им. М. Козыбаева, Петропавловск, Казахстан

Рассматриваются вопросы функционирования концепта МАСКА в художественном тексте. Для исследования взята драма М. Ю. Лермонтова «Маскарад». Актуальность исследования вызвана особой ролью маски в год коронавирусной пандемии и заключается в попытке установить топологию концепта МАСКА на разных этапах развития общества, особенности его репрезентации в художественном тексте. Описана семантическая структура концепта в произведении М. Ю. Лермонтова. Метод ассоциативного исследования позволил выявить роль языковых средств в описании художественного концепта МАСКА. Авторы выделили смыслы концепта МАСКА и предложили гипотезу их формирования.

Ключевые слова: *концепт, маска, смысл, маскарад, репрезентация, топология, нарратив, ассоциации.*

Введение

Изучение концепта МАСКА является актуальной проблемой в языкознании, во-первых, в силу его универсальности, во-вторых, семантической изменчивости и, в-третьих, его частотности в современной глобальной коммуникации. Процесс формирования концепта *маска* прошел тысячелетний путь развития, непосредственно связанный с культурой человеческого общества. Археологические раскопки представили так называемые похоронные маски, которые находились в богатых захоронениях выдающихся представителей своего времени, о чем свидетельствует обнаружение артефакта золотая маска в захоронении египетского фараона. Материалы археологических раскопок свидетельствуют о традиции надевать маску на лица усопших. Появление маски, по-видимому, связано с метафизическим восприятием мира, поэтому маска в этот период носила мифический смысл. Маска как внешний атрибут сокрытия конкретного человека и психологический элемент воздействия на восприятие человека стала одним из ведущих приемов в театральном искусстве Древней Греции. Трансформации, семантика и функции театральной маски исследуются учеными разных научных направлений. Филолог О. В. Кулишова делает вывод: «Театральная маска, возникнув из религиозного обряда и сохраняя эту религиозную основу, со временем совершает, как и театр в целом, переход из сферы строго сакральной в более широкий контекст гражданской и повседневной жизни» [4. С. 322].

В Средние века маска начинает приобретать более широкий смысл. В повседневной жизни представителей светского общества маска становится приемом сокрытия человеком своего внешнего облика под маской. В этот период маска стала особенно актуальна в карнавалах и маскарадах, где зная демонстрировала свои наряды, где неузнанными под скрытой маской флиртовали, интриговали, сплетничали и мстили. Так, казалось бы, в безобидных развлечениях, маска становится символом лицемерия и безнравственности. Для ассоциативно-образного восприятия картины мира языковой личностью «необходимо обязательное привлечение чувственного опыта, наглядность, необходима предметная деятельность с той или иной вещью. Только в таком сочетании разных видов восприятия в сознании формируется концепт» [9. С. 69].

Наполнение концепта МАСКА новым смыслом нашло яркое отражение в художественной литературе. В текстах классической русской литературы концепт МАСКА становится частотным приемом описания главных героев, а в ряде произведений — основным героем, как например, в рассказе А. П. Чехова «Маска», в драме М. Ю. Лермонтова «Маскарад». В современном обществе продолжают семантические и функциональные изменения концепта. С одной стороны, под маской скрывают свое лицо мошенники и грабители; с другой — маска официально объявлена одним из главных средств защиты от пандемии нового вируса. Казалось бы, маска, пройдя определенный

круговорот, вернулась к своим истокам — материального атрибута, спасающего людей от болезни. Однако ее функция сокрытия сути человека под маской лицемерия и притворства никуда не исчезла. Все трансформации маски — от сакральной мифической до современной лицемерной — происходят на фоне сохранения смыслов концепта маски. Так, мифическая маска сохранилась до нашего времени и широко используется в ритуалах современных шаманов и колдунов. Театральная маска вновь обрела сцену в современных музыкальных шоу. Маска в метафорическом значении проникла во все сферы человеческой деятельности, наиболее наглядно — в область политики и СМИ. В средствах массовой коммуникации авторы часто используют лицемерные приемы полуправды или фейковых сообщений для обмана пользователей. Маска лицемерия подрывает доверие к любой информации, что в век цифрового языка становится ощутимой угрозой для человека.

Основная часть

Д. Н. Ушаков представляет маску как атрибут для сокрытия: «Накладка на лицо или только верхнюю часть его, с вырезами для глаз, надеваемая для того, чтобы не быть узнанным» [11. С. 151]. По мнению Жака Лакана [5. С. 238], маска фигурирует как знак чужого образа, который становится онтологически неотличим от самого индивида. Таким образом, маска представляет как само Я, так и созданный образ. Во фразеологическом словаре русского языка падение маски с лица означает выявление истинных качеств человека [1. С. 179]. Человек, носящий маску, остается притворщиком, скрывающим свою сущность.

Этимология слова «маска» в русской лингвистике имеет несколько научных версий. Довольно распространенной является гипотеза происхождения русского слова «маска» от немецкого *maske*. Однако слово *maiskara* в значении «маска» стало известно на Руси из писем князя Курбского, написанных после побега князя в Литву (1563). Из этого следует, что слово *maszkara* к этому времени уже было в польском языке, в то время как в немецком языке слово *maske* появилось только в XVII в. Следовательно, на основе ряда этимологических, хронологических и географических критериев можно сделать вывод, что гипотеза о происхождении русского слова *маска* из немецкого *maske* (П. Я. Черных [13. С. 512], М. Фасмер [12. С. 577], А. А. Зализняк [2. С. 21] не получила подтверждения в лингвистике.

В драме М. Ю. Лермонтова «Маскарад» маска занимает особое место. Название произведения образовано от корня *маск*, определение жанра произведения как драмы свидетельствуют о нарративной роли маски в сюжете произведения. Местом действия является бал-маскарад, что позволяет автору не просто показать трагическую роль маски в судьбе главной героини, но и дает возможность вскрыть безнравственность светского общества в обстановке интриг, притворства и лицемерия. Маскарад в драме — привычная форма поведения, фактически это естественная среда обитания всех участников драмы. Маска — не просто атрибут для участия в маскараде, маска для героев драмы — суть постоянного притворства, где не лица скрываются, а прячется личность. «Внутренняя маска невидима и неосознаема, человек использует ее незаметно для окружающих, скрывая свои настоящие побуждения и мысли, ограждаясь от истины» [8. С. 151]. Определение маски в произведении М. Лермонтова дано его главным героем:

Под маской все чины равны.

У маски ни души, ни званья нет, — есть тело.

И если маскою черты утаены,

То маску с чувств снимают смело [7. С. 362].

О том, что «под маской все чины равны», писал также А. П. Чехов. В рассказе «Маска» его главный герой-миллионер, в маске или без маски, — дебошир и хам. Надевая маску, а затем срывая ее, он преследует одну цель — полюбоваться произведенным эффектом и увидеть, как изменяется к нему узнанному отношение окружающих. Отношение окружающих изменилось и показало, что оскорбленное достоинство интеллигентов быстро обернулось подлым угодничеством. Как хамелеоны, они быстро приспособились и перешли от негодования к лестии.

В обстановке всеобщего маскарада нет места не усвоившим эти правила игры в жизни, потому и гибнет *неосторожно* посетившая маскарад Нина. Погубивший ее Евгений Арбенин вполне соответствует морали своего общества: «Глядит ягнечком, — а, право, тот же зверь... Мне скажут: можно отучиться, Натуру победить. Дурак, кто говорит; Пусть ангелом и притворится, Да черт-то все в душе сидит» [Там же. С. 358]. Существительное *притворство*, являющееся синонимом слову *маска*, содержит морфемный префикс *при-*, означающий пространственную близость и неполноту действия. *Прикрыть лицо* имеет значение «скрыть свое истинное лицо от окружающих». Языковые знаки

Таблица 1

Частотность слова леммы *холод* по НКРЯ

Лемма	Часть речи	Частота (прп)	R	D	Текстов
Холод	s	43.7	100	94	1559
Холодать	v	0.6	38	85	49
Холодность	s	2.2	68	88	153
Холодный	a	119.0	100	96	3212

Коэффициент Жуйана (D) показывает, насколько общеупотребительным является слово.

Таблица 2

Частотность слова леммы *холод* в драме М. Ю. Лермонтова

Лемма	Часть речи	Кол-во
Холодно	Наречие	6
Холодный	Прилагательное	4
Холод	Существительное	1
Холодность	Существительное	1

Нина, обеспокоенная изменением поведения мужа, отмечает: «Отрывист голос твой и *холоден* твой взор». Евгений — эгоист, и эгоизм его страшен. На реплику Нины он отвечает тирадой упреков и обид. Он гневно восклицает: «Тебя любить?» Арбенина волнует только собственное униженное и оскорбленное Я. Его устраивала нежность и покорность жены. Эгоизм Арбенина поддерживает его высочайшей самооценкой. Для Арбенина его *Эго* превыше всего и всех, оно формирует его взгляд на жизнь, где все должно соответствовать удовлетворению его желаний. Это утверждение подтверждается откровениями самого Арбенина в минуты совершаемого преступления, когда, по замыслу автора и по опыту жизни, человек не может кривить душой. Возьмем для анализа отповедь Евгения за полчаса, по его холодным расчетам, до смерти Нины.

И ты, ты *смеешь* требовать любви!

А мало ль я любил тебя, скажи!

А этой нежности ты знала ль *цену*?

А много ли *хотел я* от любви твоей?

Улыбку нежную, приветный взгляд очей —

И что ж нашел: коварство и измену.

Возможно ли! *меня продать!* —

Меня за поцелуй глупца... *меня*, который

По слову первому был душу рад отдать.

Мне изменить? *мне?* и так скоро!.. [7. С. 465]

указывают на наличие маски в его жизни не как атрибута карнавала, а как способа проявления хитрости, фальши, неискренности. Нине трудно поверить в то, что муж готов ее убить за одно подозрение в измене. Даже после его признания: «Я тебе на бале подал яд», — она пытается защитить его: «Ты *не изверг...* с *холодностью* такую меня ты не погубишь в цвете дней». Однако вскоре она понимает, что Арбенин *холодный убийца и злодей*. Неизвестный, выступающий в роли мстителя, вспоминая свою загубленную молодость, говорит об Арбенине тех давних лет: «В твоей груди уж крылся этот холод».

М. Ю. Лермонтов неоднократно обращался к концепту МАСКА. Так, он пишет:

Как часто, пестрою толпою окружен,

Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,

При шуме музыки и пляски,

При диком шепоте затверженных речей,

Мелькают образы *бездушные людей,*

Приличьем стянутые маски... [6. С. 260].

У Лермонтова сложилось четкое представление о маскарде как месте развлечения, где люди скрывают свои искренние чувства и эмоции. Чем-то они напоминают манекены: это *образы бездушные людей, приличьем стянутые маски*, неестественность их поведения говорит о лицемерии, неискренности и наигранности. Арбенин как умный человек дает оценки светскому обществу: «пестрый *сброд* — весь этот *маскарад*», «повсюду зло — везде обман». Однако понимание не освобождает его от страха стать предметом осуждения этих, казалось бы, презираемых им людей. Авторское отношение к происходящему ярко выражено эпитетами: *дикий шепот, затверженные речи, стянутые маски* — все это *образы бездушные людей*. Прилагательное *бездушный* образовано от существительного *душа* и производного предлога *без*: *бездушный* — без души; а «*человек без души*» — это уже не человек, а *холодный манекен*. Прилагательное *холодный* и существительное *холод* в «Маскараде» Лермонтова являются наиболее частотными словами. Они не только характеризуют героев, но и, употребленные в ремарках, раскрывают поведение героев и особенности их речи: Князь *холодно* кланяется и отворачивается; Баронесса (*холодно*): «Ах, Князь!»; Арбенин (встает, *холодно*): «Не пошлю».

Частотность слова *холод* и производных от него слов проверена по «Национальному корпусу русского языка» (табл. 1).

В потоке его обид и рассуждений вырисовывается истинный портрет «любящего эгоиста». Женщина, в его представлении, должна ценить его просто за то, что она нужна ему. Ее попытка напомнить о любви приводит эгоиста в ярость, он начинает заикаться от такого упрека и выдает свою суть: «И ты, ты смеешь требовать любви!» Свое чувство он оценивает высоко, его «хотелки», по его представлению, должны беспрекословно исполняться, и даже гипотетическая измена Нины предстает в его больном воображении какой-то сделкой: «Возможно ли! меня продать!». В 10 строчках его «пламенной» речи местоимение «я» в разных падежных формах с мелиоративной коннотацией употреблено 10 раз, оно противопоставлено местоимению «ты», которое в тексте встречается пять раз, и при этом каждый раз с пейоративной коннотацией.

Его месть за кажущуюся измену преступна, в его чувствах нет и малой толики жалости к умирающей, по его словам, любимой женщине: «О нет, я рад, я рад твоим страданиям». На все мольбы плачущей Нины он с неприкрытым злорадством отвечает: «Плачь! Плачь — но что такое, Нина. Что слезы женские? вода!» Его представление о доле женщины в светском обществе дополняет Баронесса:

Что ныне женщина? Создание без воли.

Игрушка для страстей иль прихотей других!

Что женщина? Ее от юности самой

В продажу выгодам, как жертву, убирают
[Там же. С. 404].

Не только в любви, но даже в мучительных страданиях женщина не получает сочувствия, ее слезы — вода; другое дело, когда плачет мужчина «от злобы, ревности, мучений и стыда», плачет не от страдания — от злобы, не от любви — от ревности, не от мучительной боли и страданий — от стыда. При этом он ведет себя как настоящий ханжа: рисует картины рая для Нины и печалится о горькой своей судьбе: «Я останусь тут один, один... года пройдут. Умру — и буду все один! Ужасно!»

И даже после смерти жены Евгений жалеет только себя: «Страданье новое вкусить осталось мне!», «Душа тревожится в *холодном* этом сне», ноет сердце. Арбенин мечтает, чтоб скорее ушли воспоминания о совершённом убийстве, и верит, что со временем в его душе поселится покой. Безусловно, Арбенин — главный преступник, но в этом преступном мире оказалось много его соучастников. Баронесса, развлекающаяся любовью к князю и отдавшая «в подарок» чужой браслет, испугалась «шепота толпы пустой» и решительно заявила:

«Нет, я себя *спасу*... хотя б на счет другой». Это и Неизвестный — *мститель* «всегда с другим лицом, всегда в другом наряде», князь, Казарин, Шприх — все это общество «самолюбивых дум и *ледяных* страстей».

Лермонтов продолжает разоблачать лицемерное светское общество. Участники маскарада понимают, что они носят маски не только на бале-маскараде, в масках проходит вся их жизнь. Так, князь угрожает: «Я сорву коварную личину», а Казарин произносит монолог, в котором называет вещи своими именами.

Да полно, брат, *личину* ты сними,

Не опускай так важно взоры.

Ведь это хорошо с людьми,

Для публики, — а мы с тобой *актеры*...

О, *старый плут* [7. С. 471].

Итак, карнавал закончен, актеры срывают маски. Но не звенят фанфары — слишком поздно. Жертвой лицемерия и лжи стала безвинная душа: «прекрасное создание — *холодно*, мертво». Арбенин привычно философствует: «Жизнь, как бал, жизнь — вещь пустая, а целое — обман...»

Выводы

Исследование концепта МАСКА в драме «Маскарад» М. Ю. Лермонтова позволило проследить топологию концепта, обусловленную временной эпохой и средствами манифестации. В истории концепта *маска* возможно выделить последовательные периоды функционирования ее актуальных контентов:

- мифическая маска;
- театральная маска;
- маска лицемерия;
- маска-разоблачение;
- маска преступности;
- маска веселого досуга;
- спасительная маска (2020).

Все эти смыслы имеют свои особенности и в той или иной степени описаны в соответствующих направлениях науки, но в то же время они представляют единый концепт (представление) о вполне реальной вещи. «В ходе когнитивной деятельности вербализованный и наделенный именем концепт выполняет функцию обладателя и носителя смысла. ...В рамках культурно-исторического дискурса концепт содействует культурной передаче смыслов. Благодаря интертекстуальному обмену субъективных знаний о реальности вербализованные смыслы транслируют концепты далее в соответствии с принципами когниции

и коммуникации, принятыми в той или иной культуре» [14. С. 178—179].

Изучение концепта в художественном тексте требует ассоциативного исследования, анализа языковых особенностей художественного произведения, что открывает возможность описания не только действия, но и глубинных мотивов и ассоциаций. Так, *маска лицемерия* четко прослеживается на примере исследования концепта в драме М. Лермонтова «Маскарад», *маска разоблачения* описана в рассказе А. П. Чехова «Маска». В современной поэзии проблема лицемерия рассматривается как выбор человека между застывшей в маске личиной и человеком, сохранившим свое лицо:

«Всю жизнь он в поиске: что ближе —
Личина, маска, лик, лицо?» [3. С. 127]

В 2020 г. маска в связи с пандемией коронавируса приобрела особую актуальность. Это слово стало словом года 2020, от него образуются новые слова (масочный режим). Мы назвали «маску 2020» *спасительной*, потому что миллионы людей верят, что она спасет мир от заражения страшным вирусом. Однако, как показывают последние события в разных странах мира, далеко не все верят в спасительную миссию обычной предохрани-

тельной маски от страшного вируса, что вызывает активные протесты против ограничений, локдаунов в мире и против самой маски. Это не означает также и того, что все другие семантические типы маски ушли в прошлое: ритуальные, и маскарадные, театральные и развлекательные маски остались — например, широко разрекламированное шоу «Маска» Филиппа Киркорова. Е. Г. Тихомирова пишет: «Исследование сущности маски, ее видового многообразия в культурной истории, функций, смысловых сюжетов способно прояснить взаимосвязь прошлых и настоящих культурных трансформаций, раскрыть их характер и способствовать прогнозированию динамики культур» [10. С. 28]. Маски лицемерия расширили поле действий и вторглись в глобальную политику, вызывая всеобщее недоверие и напряженность в мире. Авторы видят перспективы будущего исследования и не претендуют на полное освещение концепта МАСКА в данной статье, наша задача — проанализировать семантическую составляющую концепта МАСКА в драме Лермонтова «Маскарад». Выделяя основные смыслы концепта, мы представили этот концепт в динамике развития и структурно-семантического единства.

Список литературы

1. Волкова Т. В. Универсальный фразеологический словарь русского языка. М.: Вече, 1999. 464 с.
2. Зализняк А. А. О профессиональной и любительской лингвистике // Наука и жизнь. 2009. № 1. С. 16—24.
3. Коноплев В. Г. С теплом и светом. Петропавловск: Сев. Казахстан, 2019. 188 с.
4. Кулишова О. В. Маска в древнегреческом театре: ее происхождение и сакральные основы // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 13. СПб., 2013. С. 317—324.
5. Лакан Ж. Образования бессознательного / пер. А. Черноглазова. М.: Гнозис: Логос, 2002. 608 с.
6. Лермонтов М. Ю. Первое января // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1: Стихотворения. М.; Л.: Наука, 1981. 444 с.
7. Лермонтов М. Ю. Маскарад // Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3: Драмы. М.; Л.: Наука, 1962. 787 с.
8. Муканова Г. М. Концепт ОТЧУЖДЕНИЕ в рассказе А. П. Чехова «Маска» // Материалы VII Международной студенческой научно-практической конференции «МОЛОДЕЖЬ И НАУКА-2020». Петропавловск, 2020. С. 150—154.
9. Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 192 с.
10. Тихомирова Е. Г. Маска как культурная форма // Наука — искусство — культура. 2017. Вып. 2 (14). С. 28—35.
11. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Совет. энцикл.: ОГИЗ: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935—1940 (4 т.). 752 с.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 (Е — Муж) / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1986. 672 с.
13. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 1. М.: Рус. яз., 1999. 624 с.
14. Шелестюк Е. В. Изучение концептосфер русскоязычной и англоязычной военной поэзии (с применением автоматизированных методов) // Мир языка и национальная культура: взгляд из современ-

ности : монография / Т. А. Воронцова, Е. И. Голованова, О. Н. Ковалева, С. А. Питина, Е. В. Шелестюк. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2021. 240 с. С. 170—239.

Сведения об авторах

Табакова Зинаида Петровна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Северо-Казакстанского университета им. М. Козыбаева, Петропавловск, Казакстан. ztabakova@yandex.ru

Моор Венера Талгатовна — студент кафедры русского языка и литературы Северо-Казакстанского университета им. М. Козыбаева, Петропавловск, Казакстан. moor31031999@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 7 (453). *Philology Sciences. Iss. 125. Pp. 138—144.*

REPRESENTATION OF THE MASK CONCEPT IN THE DRAMA “MASQUERADE” BY M. YU. LERMONTOV

Z. P. Tabakova

Manash Kozybayev North Kazakhstan University, Petropavlovsk, Kazakhstan. ztabakova@yandex.ru

V. T. Moore

Manash Kozybayev North Kazakhstan University, Petropavlovsk, Kazakhstan. moor31031999@mail.ru

The article deals with the concept of the mask functioning in the literary text. The play “Masquerade” by M. Yu. Lermontov was taken for the research. The relevance of the study is seen, among other things, in the special role of the mask during the coronavirus pandemic. Our aim consists in an attempt to establish the topology of the mask concept at different stages of the social development. We identify semantic contents and features of the mask concept functioning in different periods of the world culture development and propose a hypothesis of their formation. Then the semantic structure of the concept in the work under study is described. The mask as an external attribute in the drama performs a narrative function, being the main event that determines the plot of the drama. The associative method of analyzing the discourse of the text made it possible to establish a connection between the eventful action and the deep motives of the behavior of higher society representatives, to reveal its hypocritical masquerade essence.

Keywords: *concept, mask, content, masquerade, representation, topology, narrative, associations.*

References

1. Volkova T. V. (1999) *Universal’nyj frazeologicheskij slovar’ russkogo yazyka* [Universal phraseological dictionary of the Russian language]. Moscow, Veche Publ. 464 p. [in Russ.].
2. Zaliznyak A. A. (2009) *Nauka i zhizn’*, no. 1, pp. 16—24 [in Russ.].
3. Konoplyov V. G. (2019) *S teplom i svetom* [With warmth and light]. Petropavlovsk. 188 p. [in Russ.].
4. Kulishova O. V. (2013) *Maska v drevnegrecheskom teatre: ee proiskhozhdenie i sakral’nye osnovy* [Mask in Ancient Greek Theater: Its Origin and Sacred Basics]. Mnemon. *Issledovaniya i publikacii po istorii antichnogo mira* [Research and publications on the history of the ancient world], 13th iss., pp. 317—324 [in Russ.].
5. Lakan Zh. (2002) *Obrazovaniya bessoznatel’nogo* [Formations of the unconscious]. Moscow, Gnozis Publ., Logos Publ. 608 p. [in Russ.].
6. Lermontov M. Yu. (1981) *Pervoe yanvaryya* [January the First]. *Sobranie sochinenij v 4 t. T. 1: Stihotvoreniya* [Collected works in 4 vol. Vol. 1: Poems]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ. 444 p. [in Russ.].
7. Lermontov M. Yu. (1962) *Maskarad* [Masquerade]. *Sobranie sochinenij v 4 t. T. 3: Dramy* [Collected Works in 4 vol. Vol. 3: Dramas]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ. 787 p. [in Russ.].

8. Mukanova G. M. (2020) Koncept otchuzhdenie v rasskaze A. P. Chekhova “Maska” [The alienation concept in the short story “Mask” by A. P. Chekhov]. *Materialy VII Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchno-prakticheskoy konferencii “Molodezh’ i nauka-2020”* [Materials of the VII International Student Scientific and Practical Conference “Youth and Science-2020”]. Petropavlovsk. Pp. 150—154 [in Russ.].
9. Popova Z. D., Sternin I. A. (2001) *Ocherki po kognitivnoj lingvistike* [Essays on Cognitive Linguistics]. Voronezh, Istoki. 192 p. [in Russ.].
10. Tikhomirova E. G. (2017) *Nauka — iskusstvo — kul’tura*, iss. 2 (14), pp. 28—35 [in Russ.].
11. Ushakov D. N. (ed.). (1935—1940) *Tolkovyj slovar’ russkogo yazyka*. T. 4 [Explanatory dictionary of the Russian language. Vol. 4]. Moscow. 752 p. [in Russ.].
12. Fasmer M. (1986) *Etimologicheskij slovar’ russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language in 4 vol. Vol. 2]. (E — Muzh). Moscow, Progress Publ. 672 p. [in Russ.].
13. Chernyh P. Ya. (1994) *Istoriko-etimologicheskij slovar’ sovremennogo russkogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language]. Moscow, Russian language Publ. 560 p. [in Russ.].
14. Shelestyuk E. V. (2021) *Izuchenie kontseptosfer russkoiazychnoy i angloiazychnoy voennoy poezii (s primeneniem avtomatizirovannykh metodov)* [Study of the conceptual spheres of Russian and English-language military poetry (using automated methods)]. Vorontsova T. A., Golovanova E. I., Kovaleva O. N., Pitina S. A., Shelestyuk E. V. *Mir yazyka i natsional’naya kul’tura: vzglyad iz sovremennosti* [World of Language and National Culture: View from modernity]. Chelyabinsk, Publishing House of Chelyabinsk State University. Pp. 170—239 [In Russ.].

ОБРАЗ ЧЕЛЯБИНСКА В МЕТАТЕГАХ, СОПРОВОЖДАЮЩИХ СНИМКИ НА ФОТОСТОКЕ ЕУЕЕМ

Г. В. Урванцев

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматривается образ Челябинска в метатегах, сопровождающих снимки на веб-ресурсе для фотографов EyeEm. Установлено, что по тегу Chelyabinsk находятся снимки не только самого города, но и окрестностей, мало связанных непосредственно с Челябинском. Делается вывод о том, что в информационном пространстве столица области зачастую отождествляется с регионом. Выявляются наиболее популярные элементы городского пространства, его оценочные характеристики, вербализованные в тегах. Рассматривается их значимость для формирования имиджа города.

Ключевые слова: *метатеги, имидж, образ, вербализация, картина мира.*

Введение

Восприятие человеком окружающей действительности, в том числе среды, в которой он живет, городского пространства, во многом зависит от особенностей репрезентации реального мира в пространстве информационном.

В данной работе мы рассматриваем образ Челябинска, формируемый сообществом пользователей фотостока EyeEm и вербализованный в тегах, которыми снимки сопровождают как их авторы, так и непосредственно сама система, то есть искусственный интеллект.

Обращение к изучению электронных ресурсов объясняется тем, что в современную эпоху из всех компонентов информационного пространства Интернет играет важнейшую роль. Особый интерес вызывают ресурсы (веб-сайты, приложения и т. п.) с функциями социальных сетей, где практически любой человек может зарегистрироваться и делиться своими впечатлениями и опытом с другими пользователями. На подобных площадках сознательно или неосознанно формируются определенные представления о различных предметах и явлениях реальности. Данные представления зачастую связывают с понятиями образа или имиджа.

Методология

Взаимоотношения между этими двумя терминами достаточно сложны, и их понимание разными исследователями может существенно различаться: одни считают, что имидж в отличие от образа включает в себя помимо внешних, материальных характеристик объекта также и внутренние, или идеальные, то есть имидж мыслится шире, чем образ. С другой точки зрения считается, что имидж —

разновидность образа, прообразом которого является некий субъект. Тем не менее в обоих случаях речь идет об отражении предметов и явлений окружающего мира в сознании, как индивидуальном, так и массовом, иными словами в картине мира.

С. А. Питина определяет картину мира как целостный образ мира, результат всей духовной деятельности человека [9. С. 15].

М. М. Маковский считает, что картина мира представляет собой глобальный образ мира, репрезентирующий его свойства в том виде, в котором они осмысляются его носителями, и являющийся интеграцией всех моментов психической жизни человека как представителя того или иного этноса на той или иной ступени их развития [4].

О. А. Корнилов считает, что «картина мира — это система образов, и при ее изучении важно рассматривать именно образы, окружающие человека» [3. С. 14].

В указанных определениях образ видится как некая воспринимаемая единица, осмысление окружающей реальности человеком. В философском смысле под образом понимается «наглядно-чувственная или логическая идеальная форма отражения предметов и явлений материального мира в сознании человека» [5] и «результат и идеальная форма отражения предметов и явлений действительности в сознании человека» [6].

Далее необходимо рассмотреть, что представляет собой понятие «имидж». Согласно Л. В. Даниленко, понятие имиджа можно трактовать в широком и узком смысле. В первом случае под имиджем будет пониматься «распространенное представление о совокупности естественных и специально сконструированных свойств объекта», а во втором —

«сознательно сформированный образ объекта, наделяющий последнего дополнительными ценностями и дающий возможность продуцировать те впечатления об объекте, отношения к нему и его оценки, которые необходимы его создателю» [2].

Отметим, что проблема различения имиджа и образа в западной, англоязычной науке стоит не столь остро, так как оба этих понятия обозначаются термином *image* независимо от сферы применения.

В русскоязычной же практике заимствование «имидж» распространилось преимущественно в бизнес-среде, и в первую очередь как сознательно создаваемый конструкт. Отсюда вытекает, например, определение имиджа, данное А. М. Овчинниковой: «целенаправленно сформированный образ, который оказывает эмоционально-психологическое влияние на человека или на группу людей, другими словами, это искусство управлять впечатлением» [7].

Тем не менее существуют и иные определения, например: «имидж — это сложившийся в массовом сознании и имеющий характер стереотипа эмоционально окрашенный образ кого-либо или чего-либо» [1. С. 28].

Мы предлагаем разграничивать понятия «образ» и «имидж» по функциональному аспекту их существования: образ напрямую связан с восприятием явления, предмета или субъекта и существует преимущественно в сознании людей, тогда как имидж осознанно конструируется с определенной целью. В нашей классификации «образ» совпадает с широким трактованием имиджа по Даниленко или с определением имиджа по Е. Н. Богданову и В. Г. Зазыкину, тогда как непосредственно имидж сводится к узкой интерпретации данного термина у Даниленко или к определению А. М. Овчинниковой.

Очевидно, что указанные нами аспекты неразрывно связаны: имидж, в конечном итоге, формирует, изменяет или дополняет образ объекта, и при этом зачастую в его основе лежат те или иные характеристики образа. Тем не менее указанными отличиями в данной работе можно пренебречь, так как мы рассматриваем действия, которые, с одной стороны, отражают восприятие объекта, а с другой — формируют представления о нем, то есть и образный, и имиджевый аспекты.

В рамках нашего исследования мы рассмотрим компоненты образа/имиджа Челябинска, нашедшие отражение на ресурсе EyeEm. Данный веб-сайт / приложение представляет собой фотосток — систему, куда пользователи могут выкладывать сде-

ланные ими снимки для последующей продажи заинтересованным лицам и компаниям (снимки используются в качестве фонов для рекламных объявлений, иллюстрации новостных сообщений, на обложках книг и т. д.).

Благодаря прагматической установке — снимки выкладываются для продажи — фотографии на данном ресурсе руководствуются несколькими принципами, нежели пользователи других, более привычных социальных сетей. Здесь главная цель — не показать себя, самоутвердиться, но создать снимок, который привлечет внимание потенциального покупателя. Таким образом, важными параметрами фотографий в данном случае является художественная привлекательность снимка и его смысловая нагрузка. Иными словами, фотографии должны быть красивыми и интересными.

В свете вышесказанного анализ материалов на данном ресурсе представляет значительный интерес для исследования образа города, в нашем случае — Челябинска, так как указанные снимки акцентируют внимание на наиболее значимых, привлекательных его элементах, причем указанные акценты вербализуются и дополнительно подчеркиваются в метатегах, сопровождающих фотографии.

Методы и материалы

Мы рассматривали снимки, выложенные пользователями фотостока EyeEm, с тегом *Chelyabinsk*, применив фильтры «без людей» и «группы людей». Мы анализировали именно англоязычный вариант названия города, так как данный ресурс — международный и английский язык является приоритетным среди его пользователей. Русскоязычный сегмент существует, но его объем относительно невелик, что исключает возможность его использования в качестве материала для исследования. Упомянутые фильтры были применены, чтобы исключить портретные и прочие постановочные снимки, в которых, на наш взгляд, городское пространство играет минимальную роль.

В итоге на ресурсе обнаружилось 170 фотографий, соответствующих заданным условиям (всего с тегом *Chelyabinsk* — 642, дата обращения к ресурсу 20.01.2021). Из общего числа тегов мы выделили те, которые так или иначе характеризуют Челябинск, формируют его образ в информационном пространстве указанного веб-сервиса.

Необходимо сделать оговорку, что тег *Chelyabinsk* нередко добавляется к снимкам, сделанным не в самом городе, но в пределах области. На таких снимках может не быть городского пространства, и мес-

та, где были сделаны снимки, могут находиться на значительном расстоянии от Челябинска. Тем не менее мы не стали исключать данные фотографии, так как, на наш взгляд, в информационном пространстве большее значение имеет не то, где именно были сделаны снимки, а то, какой информацией они сопровождаются. Иначе говоря, фотография с тегом «Челябинск» работает на формирование образа города, даже если она сделана за его пределами. Кроме того, мы считаем, что Челябинск, будучи областным центром, в определенном смысле представляет весь регион, а потому может в какой-то мере перенимать характеристики всей близлежащей территории.

Выяснилось, что наиболее часто встречаются следующие теги: *nature* (148 снимков), *outdoors* (147), *beauty in nature* (88), *plant* в значении «растение» (87), *sky* (75), *tranquility* (55), *tree* (54).

Сразу же интересно отметить, что данные теги противоречат сложившемуся в СМИ образу Челябинска как большого индустриального города, где очень много людей и имеются значительные проблемы с экологией. Так, например, тег *industry* встречается всего семь раз.

На наш взгляд, это связано как со спецификой ресурса (требуются красивые снимки, которые можно было бы продать потенциальным клиентам), так и с эстетическими предпочтениями людей в целом. Иными словами, фотографы-пользователи целенаправленно выискивают для своих снимков сюжеты, которые, на их взгляд, являются интересными и/или эстетически привлекательными.

Результаты

Характеризующие городское пространство теги мы условно разделили на четыре крупные группы:

1. Природа.
2. Городское пространство.
3. Оценочные теги.
4. Сельское пространство.

Больше всего тегов было включено в первые две группы: по 34 в каждой, однако, как будет видно ниже, «природные» теги встречаются на куда большем числе фотографий. В оценочную группу мы смогли включить 25 тегов, а в сельскую — всего семь, причем все они встречаются на сравнительно небольшом числе снимков (*agriculture* — 14, *rural* — 17, *country road* — 1, *field* — 41, *livestock* — 12, *crop* — 2, *farm* — 4), которые были сделаны очень ограниченным числом пользователей. На наш взгляд, интерпретировать данные показатели нужно следующим образом: для фотографов в равной

степени важны и природа, и городское пространство Челябинска, именно они привлекают наибольшее внимание, тогда как сельский компонент с данным городом, по большому счету, не ассоциируется и в дальнейшем рассматриваться нами не будет.

«Природные» теги обращают внимание на растительность (*plant* — 87, *flower* — 43, *grass* — 41), в особенности деревья и леса (*tree* — 54, *forest* — 35, *woodland* — 5, *coniferous* — 8, *pine tree* — 9, *spruce* — 1, *evergreen* — 5), а также на водные ресурсы (*water* — 33, *lake* — 17, *river* — 5, *ice* — 8), небо (*cloud* — 38, *cloudy* — 6, *sky* — 75, *sunlight* — 37), и холодный климат (*cold temperature* — 22, *cold* — 7, *snow* — 23, *frozen* 12, *frost* — 6, *ice* — 8, *freezing* — 2). Очевиден значительный интерес к открытым пространствам, экстерьерам (*outdoors* — 147, а также многие теги из вышеперечисленных). Мы считаем, что воспринимать данные объекты/явления нужно не как наиболее яркие отличительные черты Челябинска и региона, но скорее как то, что жители и гости города и области считают наиболее интересным и привлекательным.

Так, например, интересно, что теги *mountain* (гора) и *non-urban* (вне города) встречаются сравнительно редко (16 и 28 снимков соответственно), несмотря на то что горы являются едва ли не важнейшим символом Урала вообще и Южного Урала в частности и что леса, озера и прочее, как правило, не воспринимаются как неотъемлемая часть городского пейзажа. Это может говорить о довольно значительном запросе на зеленые пространства внутри города, а также на доступ и возможности отдыха у водоемов в черте города.

Если рассматривать группу тегов, связанных с городским пространством, мы увидим, что наиболее популярны среди них следующие: *architecture* (30), *city* (19), *urban* (19), *waterfront* (13) и *window* (10). Данные показатели, на наш взгляд, говорят о значительном интересе к хорошей архитектуре, о высокой воспринимаемой ценности городского, благоустроенного пространства.

Если сгруппировать теги в пределах данной группы по принципу смежности, мы увидим, что большое внимание фотографов привлекают городские водные объекты (*bridge* — 4, *waterfront* — 13, *pier* — 3, *beach* — 8, *shore* — 3; архитектурные элементы (*geometric* — 2, *glass* — 3, *façade* — 3, *window* — 10) и высокие здания (*skyscraper* — 9, *tower* — 7, *high rise* — 2, *tower block* — 1), транспорт и дорожное движение (*road* — 4, *traffic* — 1, *transport* — 4, *motor vehicle* — 4, *airplane* — 3, *street* — 7). Определенный интерес вызывают места

проживания (*neighbourhood* — 4, *apartment* — 5, *community* — 1) и работы горожан (*office* — 7, *downtown* — 5).

Полученные результаты подтверждают мысль, выраженную нами после анализа «природных» тегов: в городе существует запрос на благоустройство и доступ к водоемам. Дороги, разнообразные виды транспорта и высокие здания воспринимаются как неотъемлемая и интересная часть городской жизни, что подчеркивается, например, вниманием к деталям в архитектуре строений, общем виде улиц и т. п. Достопримечательности как таковые при этом не являются точками притяжения интереса для фотографов — соответствующий тег, *landmark*, встречается всего на четырех снимках.

Первые две группы проанализированных тегов раскрывают, на что обращают внимание фотографы и горожане, что они считают привлекательным и/или интересным в целом, однако сами по себе теги, включенные в них, не дают какого-либо позитивного или негативного комментария о городе, не оценивают его. С данной точки зрения интересна третья группа тегов, в которую мы включили ключевые слова, которые можно так или иначе интерпретировать как непосредственную оценку городского пространства.

Наиболее популярные теги в данной группе включают следующие: *tranquility* (55), *tranquil scene* (38), *vulnerability* (36), *fragility* (36), *freshness* (34) и *idyllic* (21). Ключевые слова вроде *tranquility* (умиротворенность), *tranquil scene* (умиротворенная сцена), *freshness* (свежесть), *idyllic* (идиллический) вновь противоречат сложившемуся имиджу Челябинска, а потому их следует интерпретировать не как типичные характеристики города, но как то, что представляет для горожан ценность. Кроме того, теги *vulnerability* (уязвимость) и *fragility* (хрупкость) в отобранных нами снимках, как правило, появляются в связке с теми или иными «природными» тегами. Это в целом отражает представление фотографов о том, что обнаруженная ими природная красота находится под угрозой и может исчезнуть — что куда в большей мере соответствует общепринятым представлениям о Челябинске как о крупном промышленном центре.

Заметная группа тегов отражает представления о Челябинске и Челябинской области как о местах, куда можно поехать на отдых: *tourism* (14), *travel destination* (17), *travel* (23), что подчеркивает воспринимаемый туристический потенциал региона.

Немаловажно рассмотреть и сферы жизни горо-

да, отраженные в тегах, так как они тоже являются важными составляющими его образа: *technology* (технология) — 3, *industry* (промышленность) — 7, *business* (бизнес) — 11, *healthcare* (здравоохранение) — 2, *religion* (религия) — 2. Данные теги соответствуют образу Челябинска как индустриального города и подчеркивают значение деловой сферы для жизни горожан.

Оставшиеся теги включают следующие: *modern* (современный) — 8, *scenic* (живописный) — 13, *dry* (сухой) — 15, *residential* (жилой) — 7, *metropolitan* (большой город) — 1, *remote* (далекий, оторванный от цивилизации) — 10, *wilderness* (дикая природа) — 4, *dramatic* (волнующий, впечатляющий) — 8.

Обсуждение

Образ Челябинска, представленный в фотоснимках и сопровождающих их тегах на ресурсе EyeEm, значительно отличается от того, который существует в национальном сознании и тиражируется СМИ. Это связано с тем, что пользователи фотостока в большей степени заинтересованы в запечатлении наиболее интересных и привлекательных элементов городского пространства, нежели в строгом отражении действительности.

Среди проанализированных снимков большое внимание уделяется природе: растениям (деревьям в особенности), небу и водным объектам. Также многократно встречаются теги, ссылающиеся на холодный климат в регионе. Среди рукотворных объектов наибольший интерес фотографов вызывает городская водная инфраструктура, а также архитектура; в меньшей степени — улицы, дорожное движение, транспорт. Среди оценочных характеристик, сопровождающих снимки с тегом *Chelyabinsk*, можно выделить следующие ключевые темы: спокойствие/умиротворенность, красота/живописность и хрупкость (природы), а среди ключевых сфер человеческой деятельности — путешествия и туризм. Примечательно, что такие характерные для отечественной картины мира черты образа Челябинска, как плохая экология и обилие промышленных предприятий практически не отражены в тегах, равно как и внушительный размер городского пространства. В то же время в тегах наблюдается, как минимум косвенно, разнообразие сфер жизни, что характерно для мегаполисов.

Особенности образа Челябинска, выявленные в метатегах, сопровождающих фотографии на ресурсе EyeEm, представляют собой отражение не столько реальности, сколько предпочтений горожан/пользователей платформ.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить наиболее яркие позитивные характеристики образа Челябинска, нашедшие выражение в тегах, сопровождающих фотографии в сети Интернет. Полученные результаты можно использовать

для определения мероприятий, направленных на повышение привлекательности города и региона для жителей, что представляется крайне актуальным в силу того, что человеческий капитал играет важнейшую роль в современной экономике.

Список литературы

1. Богданов Е. Н., Зазыкин В. Г. Психологические основы «Паблик рилейшнз». СПб.: Питер, 2003. 208 с.
2. Даниленко Л. В. Все об имидже: от подходов до рекомендаций. URL: <https://www.marketologi.ru/publikatsii/stati/vse-ob-imidzhe-ot-podkhodov-do-rekomendatsij/> (дата обращения 15.03.2021).
3. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
4. Маковский М. М. Символы жизни и жизнь символов // Вопросы языкознания. 1997. № 1. С. 73—74.
5. Левин В. И. Образ // Философия логика и методология науки. Пенза, 2010.
6. Образ // Философско-терминологический словарь / под ред. А. Ф. Малышевского. Калуга, 2004.
7. Овчинникова А. М., Шульга Н. В. Основы имиджологии. URL: https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/download_book/42393845/60648362/&art=42393845&user=660048690&uilang=ru&catalit2&track_reading (дата обращения 15.03.2021).
8. Панасюк А. Ю. Формирование имиджа: стратегия, психотехнологии, психотехники. М.: Омега-Л, 2008.
9. Питина С. А. Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира. Челябинск: ЧелГУ, 2002. 191 с.
10. Почепцов Г. Г. Профессия: имиджмейкер. СПб.: Алетейя, 2001.
11. Шепель В. М. Имиджология: секреты личного обаяния. М.: Феникс, 1999.

Сведения об авторе

Урванцев Глеб Васильевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. punkhoyleb@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 7 (453). *Philology Sciences. Iss. 125. Pp. 145—150.*

THE IMAGE OF CHELYABINSK IN THE METATAGS ACCOMPANYING THE SHOTS ON THE EYEEM PHOTOSTOCK

G. V. Urvantsev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. punkhoyleb@mail.ru

This article deals with the image of Chelyabinsk as represented in metatags accompanying photographs on the EyeEm photostock service. EyeEm is an image bank platform where photographers can upload their shots in order to sell them, therefore these images naturally must be attractive or interesting. Analysing the tag attached to the urban photographs on this platform may provide access to the elements of urban space or components of the image of a specific city that are considered the most attractive or iconic by the photographers or residents. These elements are verbalized in tags attached by the authors or the system itself. We analyzed the tags accompanying the pictures taken in Chelyabinsk to find the most prominent and interesting features of the city. The results of this research can be used to determine actions to improve the image of the city.

Keywords: *metatag, image, verbalization, world image.*

References

1. Bogdanov E. N., Zazykin V. G. (2003) *Psikhologicheskie osnovy "Pablik rileyshnz"* [The psychological bases of Public Relations]. St. Petersburg, Piter. 208 p. [in Russ.].
2. Danilenko L. V. *Vse ob imidzhe: ot podkhodov do rekomendacii* [Everything on the image: from approaches to recommendations]. Available at: <https://www.marketologi.ru/publikatsii/stati/vse-ob-imidzhe-ot-podkhodov-do-rekomendatsii/>, accessed 15.03.2021 [in Russ.].
3. Kornilov O. A. (2003) *Jazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nykh mentalitetov* [Linguistic world images as products of national mentalities]. Moscow, CheRo. 349 p. [in Russ.].
4. Makovskij M. M. (1997) *Voprosy jazykoznanija*, no. 1, pp. 73—74 [in Russ.].
5. Levin V. I. (2010) *Obraz* [Image]. *Filosofija logika i metodologija nauki* [Philosophy, logic, and methodology of science]. Penza [in Russ.].
6. Malyshevskiy A. F. (ed.). (2004) *Obraz* [Image]. *Filosofsko-terminologicheskij slovar'* [Philosophical terminological dictionary] [in Russ.].
7. Ovchinnikova A. M., Shul'ga N. V. *Osnovy imidzhologii*. Available at: https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/download_book/42393845/60648362/&art=42393845&user=660048690&uilang=ru&catalog2&track_reading, accessed 15.03.2021 [in Russ.].
8. Panasjuk A. Ju. (2008) *Formirovanie imidzha: strategija, psixotekh-nologii, psixotekhniki* [Image formation: strategy, psychotechnology, psychological techniques]. Moscow, Omega-L [in Russ.].
9. Pitina S. A. (2002) *Koncepty mifologicheskogo myshlenija kak sostavljajushhaja konceptosfery nacional'noj kartiny mira* [The concepts of mythological thinking as a component of the national world-view conceptual framework]. Chelyabinsk. 191 p. [in Russ.].
10. Pohepcov G. G. (2001) *Professija: imidzhmejker* [The job: image-maker]. St. Petersburg, Aleteja [in Russ.].
11. Shepel' V. M. (1999) *Imidzhologija: sekrety lichnogo obajaniya* [Image studies: the secrets of personal charm]. Moscow, Feniks [in Russ.].

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КРЕОЛИЗОВАННЫХ (ПОЛИКОДОВЫХ) ТЕКСТОВ КАК СРЕДСТВО ЭКЗЕМПЛИФИКАЦИИ ЭКСТРЕМИСТСКОГО СОДЕРЖАНИЯ

О. Г. Хохловская, К. Е. Грибкова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Рассматривается проблема лингвистического исследования поликодовых текстов, связанная с феноменом экземплификации. Предлагается алгоритм применения метода выявления экземплификации намеком, осуществляемой посредством невербальной составляющей поликодового текста. На материале текстов интернет-коммуникаций обосновывается эффективность описываемого метода и предлагаемого алгоритма его реализации в решении задач выявления признаков экстремизма.

Ключевые слова: *креолизованный текст, поликодовый текст, экземплификация намеком, экстремизм, лингвоэкспертология.*

В лингвистике и, в частности, в такой ее прикладной части, как лингвистическая экспертология, все более актуальным становится исследование текстов, получивших в последнее время название «поликодовых» (В. Е. Чернявская, А.-М. Ариас, Н. Г. Комиссарова, А. Г. Сонин, О. И. Максименко и др.), а ранее называвшихся креолизованными (Е. Е. Анисимова, А. А. Бернацкая, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, А. Н. Баранов и др.). Феномен поликодового текста заключается в том, что в его структуре участвуют компоненты, созданные средствами различных знаковых систем; другими словами, речь идет о наличии вербального и невербального компонентов.

Актуальность исследования креолизованных (поликодовых) текстов в лингвистике, по мнению ряда ученых, обусловлена несколькими причинами:

- 1) осознанием значимости таких текстов в информационном пространстве;
- 2) необходимостью лингвистического осмысления природы креолизованного текста с точки зрения его функциональности;
- 3) потребностью изучения механизмов и средств текстообразования на текстовых материалах, ранее не подлежавших исследованию;
- 4) потребностью в исследовании наблюдающейся тенденции к трансформации структуры поликодовых текстов в зависимости от коммуникативной задачи [12. С. 3].

Термин «креолизованный текст» был введен Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым. Исследователи интерпретируют креолизованный текст как «текст, фактура которого состоит из двух негетерогенных

частей — вербальной языковой (речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [10. С. 180—181]. Данной дефиниции не противоречат и определения «креолизованного» текста, выработанные другими учеными. Так, Е. Е. Анисимова, характеризуя «креолизованные» тексты, не только предлагает учитывать такой признак, как «семиотическая осложненность» текста, но и обращает внимание на то, что в текстах этого типа «задействованы средства разных семиотических кодов, в том числе иконические средства» [1. С. 18]. В свою очередь А. А. Бернацкая, указывая на «комбинирование средств разных семиотических систем в комплексе», отмечает как обязательное его соответствие «условиям текстуальности» [4. С. 107].

Г. В. Ейгер и В. Л. Юхт, рассматривая дихотомическое деление текстов на монокодовые и поликодовые, установили, что необходимо учитывать случаи взаимодействия естественного языка с кодами семиотических систем [7. С. 105]. Проблема поликодовых (гибридных, комбинированных, полимодальных, мультимодальных, креолизованных и т. д.) текстов обнаруживает свою актуальность как в теоретическом, так и в прикладном аспекте. В частности, долгое время дискуссионным оставался вопрос о терминологической квалификации подобных текстов. Например, говоря о терминологической конкуренции понятий «креолизованный» и «поликодовый», А. А. Бернацкая предлагала использовать оба термина на основе разграничения их функциональности следующим образом: термином «креолизованный» обозначать

«степень и сам факт участия в создании текста элементов разных семиотик», а термином «поликодовый» — «родовые понятия негомогенных, синкретических текстов...» [4. С. 107].

Трудно не согласиться с мнением о том, что в области лингвистики, которая занимается текстами неоднородной природы, как указал С. В. Лихачев, «справедливо будет отметить неоправданную свободу в использовании терминов». Наблюдается необходимость создания специального метаязыка, служащего инструментом описания невербальных компонентов. Возможные подходы к решению этой задачи обсуждались в статьях А. Н. Баранова, С. В. Лихачева, Е. Н. Ремчуковой и В. А. Омеляненко, К. В. Киуру и А. Д. Кривоносова, Т. В. Шмелевой. Исследования ученых показывают, что отмеченная выше терминологическая конкуренция разрешилась в пользу термина «поликодовый» текст, ставшего более употребительным в современном научном дискурсе отечественной русистики.

Методологическая проблема изучения поликодовых текстов связана, как предполагалось ранее, с отсутствием методов, необходимых для изучения невербальных компонентов этих текстов. В связи с этим поликодовые тексты достаточно долгое время не являлись предметом лингвистических исследований, чаще всего к ним обращались при изучении рекламных текстов и отдельных разновидностей текстов СМИ для выявления иллюстративной функции изобразительных компонентов. Статус поликодового текста, как предмета лингвистического исследования, изменился благодаря развитию лингвосомиотики, в рамках которой обоснована возможность использования при анализе невербальных компонентов поликодовых текстов тех же методов и методик, что и при анализе вербального компонента, в связи с тем, что оба компонента «обладают одинаковой базой текстовых категорий» [5. С. 78]. В число этих методов входят: семантико-синтаксический; иллокутивный, или функционально-прагматический, анализ, выявляющий речевое намерение говорящего и позволяющий выявить вид речевого акта; метод компонентного анализа слов; пропозициональный анализ, необходимый для выявления семантического инварианта, общего для модальной и коммуникативной парадигмы текста; лексико-семантический анализ; метод концептуального анализа, метод анализа коммуникативной организации текста.

Особенно остро стоит проблема наличия методов и методик изучения поликодовых текстов

в лингвистической экспертологии, в связи с тем что все чаще и чаще поликодовые тексты становятся предметом экспертных лингвистических исследований. На наш взгляд, увеличение частотности обращения экспертов-лингвистов к поликодовым текстам связано с активным развитием интернет-коммуникаций и, как следствие, формированием нового формата языка, являющегося средством виртуальных коммуникаций, в которых приоритетность коммуникативных задач приводит к активному использованию невербальных компонентов в речи. Важно заметить, что в текстах такого типа означающее оказывает сильное влияние на означаемое: в устной речи разные варианты интонационной организации могут передавать разные смыслы содержания; в письменной речи функцию передачи смыслов выполняют графемы, оформление которых значимо для передаваемой информации [2. С. 13].

Таким образом, разработка релевантных методов и методик исследования поликодовых текстов — это насущная проблема современной лингвоэкспертологии. В условиях экспертной деятельности точность интерпретации исследуемого текста, ставшего предметом правового конфликта или доказательством в условиях судебного разбирательства, приобретает, в определенной мере, судьбоносный характер, поэтому умение эксперта работать с креолизацией становится предельно актуальным. Осуществляя работу с поликодовыми текстами, эксперт-лингвист должен, на наш взгляд, учитывать следующие рекомендации:

- 1) нельзя ограничиваться интерпретацией содержания только вербального компонента поликодового текста, предполагая у остальных компонентов иллюстративную (дополняющую) функцию;
- 2) оценивая функциональную значимость всех компонентов поликодового текста, эксперт не должен отдавать приоритет вербальному компоненту;
- 3) при анализе структуры поликодового текста следует учитывать возможность того, что основной смысл текста может быть заложен именно в невербальном компоненте;
- 4) следует помнить, что все компоненты поликодового текста находятся в сложных функционально-семантических отношениях, которые эксперту необходимо установить [8. С. 27].

При разработке системы методов, применимых к поликодовым текстам, особое место, с нашей точки зрения, занимает метод, учитывающий процедуру экземплификации, часто имеющую место

в текстах, сопровождаемых определенного рода иллюстрациями.

Феномен экземплификации одним из первых описал в 1970-х гг. Н. Гудмен, который стремился определить специфику эстетических знаковых систем. Однако сегодня данный термин используется не только по отношению к историко-эстетическим феноменам [9. С. 59]. В частности, Н. Гудмен утверждал, что «экземплификация не в меньшей степени, чем изображение или выражение, является формой референции. ...В качестве обозначающего при экземплификации выступают некоторые конкретные объекты, в роли обозначаемого — общие идеи, понятия» [6. С. 251]. А. Н. Баранов, в свою очередь, утверждает, что экземплификация — это «вид аргумента в пользу доказываемого тезиса, иллюстрирующий применимость тезиса к конкретному случаю из имеющегося множества таких случаев» [3. С. 260].

Метод, о котором пойдет речь, мы, вслед за А. Н. Барановым, называем «методом экземплификации намеком» [Там же]. При такой организации поликодовый текст часто включает в себя тезис, представленный вербально, то есть языковыми средствами, а аргумент, или, другими словами, пример, дается в виде изображения. Такой способ аргументации называется экземплификацией намеком.

Особенность экземплификации намеком заключается в том, что представленное изображение никак не комментируется вербально, но при этом содержит смысловую ценность для понимания текста в целом. Отсутствие комментария позволяет говорить о реализации приема речевого воздействия, основанного на использовании намека.

На наш взгляд, при применении метода выявления экземплификации намеком можно использовать алгоритм, включающий в себя четыре этапа:

- 1) Выявление главной мысли (тезиса) исследуемого текста.
- 2) Интерпретация вербального компонента текста.
- 3) Интерпретация невербального компонента текста.
- 4) Выявление функционально-смысловой роли невербального компонента текста.

Примеры применения описываемого метода при анализе поликодовых текстов, на наш взгляд, демонстрируют его эффективность в решении такой экспертной задачи, как выявление в содержании представленных материалов выраженного различ-

ными средствами побуждения к осуществлению экстремистской деятельности.

Все использованные для анализа материалы взяты из социальной сети Интернет «ВКонтакте», материалы находятся в свободном доступе, а значит, являются объектом общественной коммуникации и носят публичный характер.

Обращаем особое внимание на то, что материал статьи не является призывом к экстремистской деятельности. Материал приводится исключительно в качестве демонстрации примеров существующих публикаций экстремистского содержания, который может быть подвергнут лингвистической экспертизе.

Публикация № 1 представлена поликодовым текстом, который был опубликован в группе «NS-идея» социальной сети «ВКонтакте». Изображение представляет собой демотиватор: черная рамка, внутри которой на красном полотнище с белым кругом в центре изображена часть черной правосторонней наклонной свастики. Внизу демотиватора содержится надпись: «Солнышко всходит».

Структура текста: невербальный компонент — изображение части флага нацистской Германии, вербальный компонент — это текст следующего содержания: «Солнышко всходит».

В результате интерпретации поликодового текста, осуществленной на основе предлагаемого нами алгоритма применения метода выявления экземплификации намеком, получен следующий результат:

1) Главная мысль (тезис) текста: восхождение (расцвет) нацизма — это хорошо, так как нацизм — это свет, радость, освобождение от тьмы.

2) Средствами вербальной части исследуемого текста решается задача реализации позитивной оценки объекта, изображенного в невербальной части. Для этого используется номинация «солнышко» в ласкательно-уменьшительной форме, а также положительная коннотация данной лексемы, связанная с тем, что солнце является источником жизни на планете. Глагол «всходит», связанный с представлением об уходе тьмы, торжестве света и солнечного тепла, также в данном контексте имеет положительную коннотацию.

3) Невербальный компонент, на наш взгляд, отражает образ «возрождения», «расцвета нацизма». Цветовое сочетание красного и белого, а также изображение фашистской свастики позволяет предположить, что на мы имеем дело с нацистским флагом. Белый круг, на фоне которого изображена свастика, экземплифицирует восходящее солнце (источник жизни).

4) Вербальный компонент («Солнышко всходит») сам по себе не содержит признаков экстремизма, однако невербальный компонент текста, реализуя функцию экзemplификации на-меком, направляет восприятие реципиентов к тезису текста. Вербальный текст, воспринимаемый на основе описанного выше изображения, приобретает аксиологическую значимость — идеология нацизма преподносится как ценность.

Таким образом, выявленная в результате анализа текста позитивная оценочность идей национализма может быть признана одной из форм пропаганды данной идеологии.

Публикация № 2 также была размещена в группе «NS-идея». Публикация представляет собой коллаж из нескольких изображений с надписями. Первое изображение (слева): фотография неряшливого, нищего, неприятного человека в черно-белых оттенках. Ниже представлена надпись: «Советский человек». Второе изображение (справа): фотография приятного, опрятного, чисто одетого молодого человека в ярких тонах. Ниже надпись: «Национал-социалист». Под фотографиями надпись большими буквами: «С кем ты?»

Текст публикации состоит из трех частей: 1) невербальный компонент — это фотография человека как будто бы в военной форме, вербальный компонент — подпись под фотографией: «Советский человек»; 2) невербальный компонент — фотография человека в военной форме времен Второй мировой войны с атрибутами, указывающими на принадлежность человека к германской армии, вербальный компонент — подпись под фотографией: «Национал-социалист»; 3) невербальный компонент — рамка серого цвета, вербальный — вопросительное предложение на сером фоне: «С кем ты?»

Анализ данного поликодового текста, осуществленный на основе предлагаемого алгоритма, позволил прийти к следующим выводам:

1) Главная мысль (тезис) исследуемого текста: выбирай сам: быть приятным, состоятельным, достойным национал-социалистом или бедным, убогим, нищим советским человеком.

2) Вербальная составляющая анализируемого текста представляет собой подписи под изображениями, выполняющие функцию противопоставления. Фотография слева содержит подпись «Советский человек», фотография справа подписана: «Национал-социалист», ниже расположено вопросительное предложение: «С кем ты?». Выбор, который предлагается реципиенту, может быть интерпретирован следующим образом: «Посмотри

и выбери, кем тебе быть: советским человеком или национал-социалистом». В основе предлагаемых вариантов, несомненно, лежат идеологические различия между идеологией социализма и коммунизма (советский строй) и идеологией национал-социализма (фашистский строй). Следует отметить, что все три вербальных компонента не содержат признаков призыва, негативации или позитивной оценочности упомянутых явлений, в целом они выполняют функцию констатации.

3) Невербальный компонент состоит из двух фотографий, подобранных по принципу контрастности. Фотография «советского человека» на основе всех ее компонентов (одежда, прическа, выражение лица, взгляд и др.) формирует негативную оценку в восприятии реципиента, а фотография «национал-социалиста» — позитивную в связи с созданным образом умного, красивого, уверенного, опрятно одетого человека.

4) Этот объект исследования представляет собой типичный пример экзemplификации. Вербальные компоненты исследуемого текста сами по себе не содержат лексем, способствующих процедуре негативации понятия «советский человек», но эту функцию на основе экзemplификации реализуют невербальные компоненты. Условная модель, возникающая в процедуре восприятия реципиента, на наш взгляд, такова: национал-социализм — «хорошо», а идеалы советского человека — «плохо». Формирование положительного образа «национал-социалиста» на основе контрастивной оценочности может расцениваться как скрытая форма пропаганды нацизма.

Публикация № 3 содержит изображение разрушающейся Спасской башни Кремля на фоне желтого от дыма неба. В правом верхнем углу надпись красными буквами: «Руси Москва не нужна!». Внизу надпись желтыми буквами: «Русский бей москаля» (пунктуация и орфография сохранены).

Выявление функционально-смысловой роли невербального компонента данного текста показало следующее:

1) Главная мысль (тезис) текста: русские должны уничтожить москвичей.

2) Вербальный компонент представлен двумя фразами: «Руси Москва не нужна!» и «Русский бей москаля». Толковый словарь Д. Н. Ушакова дает следующее определение к слову «москаль» — «шовинистическое прозвище, применяемое жителями Украины и Белоруссии к русским, представителям Московского государства, а также к солдатам» [11]. Слово содержит негативную коннотацию. В тексте

присутствует также прямой призыв к противоправным действиям в отношении москвичей («Русский бей москаля»), так как глагол «бей» употреблен в повелительном наклонении.

3) Невербальный компонент содержит изображение разрушающейся Спасской башни Московского кремля, являющейся в определенной мере символом централизации власти в России, ее пространственно-материальным воплощением. Данная экземплификация, на наш взгляд, направлена на формирование мнения реципиентов о необходимости разрушения, уничтожения этого «чужеродного» и «вредоносного» для русских оплота власть имущих.

4) В контексте изображенной разрушающейся Спасской башни употребление слова «москаль» интерпретируется как пренебрежительное прозвище жителя Москвы и противопоставляется слову «русский» (русским Москва не нужна = русским москвичи не нужны). Разрушение башни подкрепляет призыв к насильственным действиям по отношению к жителям Москвы, а также к правительству Российской Федерации, так как Спасская башня — знаковая часть архитектурного ансамбля Кремля. Таким образом, можно утверждать, что данный текст обладает признаками экстремизма, так как содержит интенцию возбуждения социальной розни.

Публикация № 4, размещенная в группе «NS-идея», представляет собой изображение космического пространства в ярких красках, на фоне которого содержится надпись: «С каждым лайком умирает хач».

1) Главная мысль (тезис) данного поликодового текста: смерть человека кавказской национальности — это хорошо.

2) Вербальный компонент представлен фразой «С каждым лайком умирает хач». Лайк — это отклик читателей, который они оставляют под публикацией в виде сердца («Мне нравится»), выражая свое согласие или одобрение. Хач, согласно словарю современной лексики, жаргона и сленга, — лицо кавказской национальности (пренебр.). Слово «хач» используется в качестве этнической клички оскорбительного характера. Интенция автора публикации, на наш взгляд, такова: каждый раз, когда вы ставите лайк, вы голосуете за смерть еще одного человека кавказской национальности.

3) В качестве невербального компонента в тексте представлен фон в виде космического пространства. Данное изображение — интерпретация популярного и узнаваемого в интернет-коммуника-

ции типа креолизованного текста. Этот тип текста представляет собой устойчивый фон, изображающий космическое пространство, текст которого меняется в зависимости от того, какой смысл хочет в него вложить адресант. Обычно тексты строятся по следующей модели: «что-то — это просто космос». Например: «детка — ты просто космос», «попить воды в жару — просто космос» и т. п. Выражение «просто космос» носит положительную коннотацию, характеризует объект как нечто прекрасное. Несмотря на то, что в данной картинке отсутствует формула «просто космос», в сознании опытного пользователя Интернета возникает именно эта ассоциация. Таким образом, использование изображения космоса, довольно частотное в последнее время в интернет-общении, связано с передачей следующего смысла: «космическое, то есть “самое-самое” — высшая форма переживания какой-либо эмоции, в том числе интеллектуальной».

4) Вербальный компонент «С каждым лайком умирает хач» в совокупности с невербальным (фоном в виде космоса) воспринимается как нечто хорошее, позитивное, то есть смерть человека кавказской национальности воспринимается как действие, достойное восхищения. Данный поликодовый текст содержит позитивную оценку насильственных действий с представителями отдельных национальностей, что является признаком экстремистской направленности исследуемого текста.

Публикация № 5, размещенная в сообществе Das Dritte Reich / «Третий Рейх», включает изображение персонажа аниме (японская анимация). Персонаж одет в форму СС, на левой руке повязка с нацистским флагом. Персонаж держит в правой руке оружие, направленное на неизвестного персонажа. На фоне изображения содержится надпись Gute Nacht. К изображению прилагается запись: «Доброй ночи, мои дорогие камарден и паратайгеноссен.) Желаю вам увидеть во сне вашу победу над всеми своими врагами! Да прибудет с вами сила и слава Рейха!»

1) Главная мысль (тезис) текста: «Пусть тебе, враг Рейха, спокойно спится после смерти».

2) Вербальный компонент представлен надписью непосредственно на изображении Gute Nacht, что переводится на русский как «спокойной (хорошей, доброй) ночи», кроме того, изображение снабжено комментарием автора публикации: «Доброй ночи, мои дорогие камарден и паратайгеноссен. Желаю вам увидеть во сне, вашу победу над всеми своими врагами! Да прибудет с вами

сила и слава Рейха!» «Камарден» переводится как «друзья», «паратайгеноссен» — «лидеры», «товарищи по партии». В тексте реализуется следующая смысловая цепочка: «ночь тогда “спокойная и добрая”, когда мы видим (пока только во сне) желанную победу над врагами Рейха, потому что эта победа означает абсолютное торжество идеи национализма».

3) Невербальный компонент представлен изображением персонажа аниме в привычной форме СС с характерной символикой и оружием. Персонаж направляет оружие на неизвестное лицо, на предполагаемого «врага». В данном компоненте текста осуществляется экзemplификация намеком на следующие смыслы: «желанная победа над врагами Рейха, означающая абсолютное торжество идеи национализма, возможна только в результате физического уничтожения врагов Рейха, под которыми, вероятно, подразумеваются все противники националистических идей».

4) Подпись и комментарий, содержащий пожелание спокойной ночи, воспринимаемые автономно от изображения, не содержат, казалось бы, никаких скрытых смыслов. Однако изображение убийства неизвестного субъекта, сопровож-

даемого подписью Gute Nacht, может выполнять функцию позитивной оценки убийства в связи с использованием лексемы «хорошая, добрая, спокойная», в результате чего в сознании реципиента формируется аксиологическая значимость убийства врагов Рейха, что можно оценивать как имплицитно выраженный призыв к насильственным действиям.

Целью настоящего сообщения было выявление продуктивности метода экзemplификации, реализуемого на основе предлагаемого авторами алгоритма. Апробация алгоритма выявления экстремистского содержания анализируемых текстов методом экзemplификации показала, что на каждом алгоритмическом этапе анализа имелась возможность выявления объективных характеристик компонентов поликодовых текстов и формирования непротиворечивых выводов. Таким образом, анализ поликодовых текстов, имеющих различную структуру с точки зрения объема, пространственной и графической соотношенности, а также различный уровень взаимодействия вербального и невербального компонентов, показал, на наш взгляд, эффективность и универсальность описываемого в статье метода и алгоритма его применения.

Список литературы

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Academia, 2003. 128 с.
2. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
3. Баранов А. Н. Метаязыки описания невербальной составляющей комбинированных текстов для целей лингвистической экспертизы // Коммуникативные исследования. 2018. № 3 (17). С. 9—36.
4. Бернацкая А. А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: Специализированный вестник. 2000. Вып. 3 (11). С. 104—110.
5. Ворошилова М. Б. Креолизованный текст: аспекты изучения. Екатеринбург. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreolizovannyu-tekst-aspekty-izucheniya-1/viewer> (дата обращения 10.05.2021).
6. Гудмен Н. Способы создания миров. М.: Идея-пресс: Практикс, 2001. 376 с.
7. Ейгер Г. В., Юхт В. Л. К построению типологии текстов // Лингвистика текста: материалы науч. конф. при МГПИИЯ им. М. Тараса. Ч. I. М., 1974. С. 103—109.
8. Кожевникова Е. А., Осадчий М. А. Креолизованный текст как объект судебно-лингвистической экспертизы // Вестник КемГУКИ. 2021. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17717466_33006417.pdf (дата обращения 30.04.2021).
9. Рубцова Е. В. Художественное произведение как язык: о понятии экзemplификации // Коммуникационные тренды множественной модерности. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/41340/1/iuro-2016-155-09.pdf> (дата обращения 02.05.2021).
10. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990. 240 с.
11. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov?page=2&letter=%D0%B0> (дата обращения 12.04.2021).

12. Чаплыгина Ю. С. Юмористические креолизованные тексты: структура, семантика, прагматика (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2002. 222 с.

Сведения об авторах

Хохловская Ольга Геннадьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. khokh-olga@yandex.ru

Грибкова Кристина Евгеньевна — магистрантка историко-филологического факультета по направлению «Современное языкознание: экспертно-аналитический аспект» Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. kristina.gribkova.97@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 7 (453). *Philology Sciences. Iss. 125. Pp. 151—158.*

FUNCTIONAL-STRUCTURAL FEATURES OF CREOLIZED (POLYCODE) TEXTS AS A MEANS OF EXEMPLIFICATION OF EXTREMIST CONTENT

O. G. Khokhlovskaya

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. khokh-olga@yandex.ru

K. E. Gribkova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. kristina.gribkova.97@mail.ru

The article deals with the problem of linguistic research of polycoded texts, which is connected with the phenomenon of exemplification. The functional and structural peculiarities of the creolized (polycoded) texts, which are the means of exemplification of the content of the studied material, are the subject of the research. There is the offer of algorithm of application of the method of identifying exemplification by hint, carried out through the non-verbal component of the polycoded text. The effectiveness of the described method and proposed algorithm of its implementation in solving the problems of revealing signs of extremism is substantiated in the material of Internet communication texts. It is assumed that the application of this method in the process of expert research contributes to more accurate interpretation of the content of texts with extremist features.

Keywords: *creolized text, polycode text, hint exemplification, extremism, linguistic expertology.*

References

1. Anisimova E. E. (2003) *Lingvistika teksta i mezhkul'turnaja komunikacija (na materiale kreolizovannyh tekstov)* [Text linguistics and cross-cultural communication (based on creolized texts)]. Moscow, Academia. 128 p. [in Russ.].
2. Baranov A. N. (2007) *Lingvisticheskaja jekspertiza teksta: teorija i praktika* [Linguistic expertise of the text: theory and practice]. Moscow, Flinta, Nauka. 592 p. [in Russ.].
3. Baranov A. N. (2018) *Kommunikativnye issledovanija*, no. 3 (17), pp. 9—36 [in Russ.].
4. Bernackaja A. A. (2000) *Rechevoe obshhenie*, vol. 3 (11), pp. 104—110 [in Russ.].
5. Voroshilova M. B. (2006) *Kreolizovannyj tekst: aspekty izuchenija* [Creolized text: aspects of learning]. Ekaterinburg. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kreolizovannyj-tekst-aspekty-izucheniya-1/viewer>, accessed 10.05.2021 [in Russ.].
6. Gudmen N. (2001) *Sposoby sozdaniya mirov* [Ways to create worlds]. Moscow, Ideja-press, Praksis. 376 p. [in Russ.].
7. Ejger G. V., Juht V. L. (1974) *K postroeniju tipologii tekstov* [To build a typology of texts]. *Lingvistika teksta* [Linguistics of the text]. Ch. I. Moscow. Pp. 103—109 [in Russ.].

8. Kozhevnikova E. A., Osadchij M. A. (2021) *Vestnik KemGUKI*. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17717466_33006417.pdf, accessed 30.04.2021 [in Russ.].
9. Rubcova E. V. (2016) *Hudozhestvennoe proizvedenie kak jazyk: o ponjatii jekzemplifikacii* [A work of art as a language: on the concept of exemplification]. *Kommunikacionnye trendy mnozhestvennoj modernosti*. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/41340/1/iuro-2016-155-09.pdf>, accessed 02.05.2021 [in Russ.].
10. Sorokin Ju. A., Tarasov E. F. (1990) *Kreolizovannye teksty i ih kommunikativnaja funkcija* [Creolized texts and their communicative function]. *Optimizacija rechevogo vozdejstvija* [Speech speech optimization]. Moscow, Nauka. 240 p. [in Russ.].
11. Ushakov D. N. (ed.) (1940) *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov?page=2&letter=%D0%B0>, accessed 12.04.2021 [in Russ.].
12. Chaplygina Ju. S. (2002) *Jumoristicheskie kreolizovannye teksty: struktura, semantika, pragmatika (na materiale anglijskogo jazyka)* [Humorous creolized texts: structure, semantics, pragmatics (based on the material of the English language)]. Samara. 222 p. [in Russ.].

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ВЕЖЛИВОСТИ КАК РЕГУЛЯТОР ВЕРБАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

А. Ф. Шамахмудова

Самаркандский государственный институт иностранных языков, Самарканд, Узбекистан

Речь идет о вежливости, имеющей большую значимость в межличностной коммуникации. Вежливость охарактеризована с точки зрения прагмалингвистики, приводятся примеры, демонстрирующие наличие и отсутствие вежливости в испаноязычном дискурсе. Автором представлены предложения, каким образом можно научить учащихся стратегиям вежливости на занятиях по испанскому языку как иностранному.

Ключевые слова: прагмалингвистика, категории вежливости, речевые акты, вербальная и невербальная коммуникация, коммуникативные функции.

За долгие годы прагматический подход обосновался в сфере методологии преподавания вторых языков. Предполагается, что в рамках такого подхода интерес возникает к реальному использованию языка, поэтому формальная и грамматическая система языка не может существовать отдельно от контекстов использования, индивидуальной и социальной идентичности собеседников, их намерений и мировоззрения. Только таким образом нам удастся общаться эффективно и адекватно с использованием характеристик коммуникативного события. Консенсусное речевое взаимодействие обуславливается комплексом мотивационно-психологических, вербально-когнитивных, а также прагмалингвистических факторов [1].

Очевидно, с этой перспективы, различные социальные и духовные факторы вовлечены в добровольное общение и совокупно связаны с выражением вежливости. Успех коммуникации часто зависит именно от вежливости и от того, насколько собеседниками принимается во внимание социальный имидж другого. Соответственно, мы склоняемся к теоретическому подходу, в рамках которого учитываются следующие основные черты:

а) признание вербальной вежливости в качестве основного прагматического принципа, ориентированного на сохранение социального равновесия;

б) определение социальных и духовных факторов, вовлеченных в различные стратегии вежливости;

в) связь вербальной вежливости со способностью выражения и интерпретации коммуникативных функций и развития спонтанных бесед;

г) принятие межкультурной перспективы, позволяющей отражать культурное разнообразие при понимании вежливости;

д) стимулирование систематического и прогрессивного применения вежливости в сфере преподавания испанского языка в качестве иностранного, что позволило бы справиться с такими типичными недостатками, как отсутствие взаимоотношений, недостаточность информации, и т. д.

Хорошо известно, что способ обращения к человеку зависит не только от наших коммуникативных намерений, но и от других факторов, таких как степень доверия, различия в возрасте, иерархия и др. Другими словами, между говорящим и слушателем существуют социальные отношения, которые организуются вокруг двух основных осей [11. Р. 87]: горизонтальная ось, определяемая уровнем предварительных знаний, доверия и близости, и позволяющая выстраивать отношения в плане равенства, и вертикальная ось, устанавливающая различия в иерархии, основанные на возрасте, статусе, приобретенных знаниях и т. д.

Для того чтобы объяснить, каким образом происходят социальные взаимоотношения в коммуникативных актах, уместно будет раскрыть два других основополагающих термина.

Первый из них — это образ. Э. Гоффман представляет коммуникативную деятельность как театральную пьесу, в которой участники играют роль, определяемую по мере того, как развивается действие [8. Р. 91]. Образ — это не то, чем мы на самом деле являемся, а то, как мы себя позиционируем, и то, что мы стремимся продемонстрировать остальным. В этом плане развивается ряд

ритуалов, которые пытаются не навредить образу участников или же восстановить его и компенсировать, если коммуникация прошла в негативном ключе.

Другим ключевым концептом является территория. Это понятие связано с распределением территории, но оно легко «заряжается» психологическим и символическим значением. То есть это включает в себя аспекты, которые социальный объект считает сугубо личными, а если их затронуть, то может возникнуть конфликт. Есть некоторые темы, которые мы считаем очень личными и предпочитаем не обсуждать, поскольку это будет предполагать вмешательство в наши сокровенные чувства, внутренний мир.

Эти два понятия стали ключевыми в теоретическом описании вербальной вежливости, имевшем большой резонанс в последние десятилетия, в работе П. Брауна и С. Левинсона [2. Р. 157]. По мнению этих авторов, каждый член общества имеет свой публичный образ, который он сам себе создает. Этот образ формируется совокупностью желаний, имеющихся у всех, и представляет собой две взаимодополняющие стороны:

— негативное лицо: желание свободы действий, быть свободным от принуждений, контролировать свою территорию;

— позитивное лицо: желание быть оцененным и принятым остальными, чтобы другие люди разделяли его желания.

Что касается вербальной коммуникации, утверждается, что существуют речевые акты, характеризующиеся именно угрозой публичного образа участников в какой-либо из его сторон. Таким образом, встречаются:

— акты, угрожающие негативному образу тех, кто их осуществляет: обещания, соглашения, так как они ограничивают свободу поступков человека;

— акты, угрожающие позитивному образу тех, кто их осуществляет: признание, самокритика, поскольку они являются самоуничижительными и подвергают опасности социальный образ человека;

— акты, угрожающие негативному образу другого: побудительные или директивные акты, так как они вторгаются на территорию другого человека и ограничивают свободу его поступков;

— акты, угрожающие позитивному образу другого: оскорбления, насмешки, упреки, опровержения, поскольку они воздействуют на желание человека быть оцененным и признанным другими.

Потенциальная угроза речевого акта формируется из следующих переменных величин [Ibid. Р. 76]: социальное расстояние между собеседниками (горизонтальная ось), относительная власть между ними (вертикальная ось) и уровень принуждения в речевом акте, то есть затрата/выгода, которую его реализация приносит собеседникам. Увеличение какого-либо вышперечисленного аспекта должно повлечь за собой большее выражение вежливости. К примеру, в плане последней переменной величины попросить кого-то передать солонку и попросить одолжить большое количество денег — это не одно и то же.

Вежливость участвует в этом как корректирующая мера для поддержания социального равновесия и избегания конфликта. В зависимости от благоприятного публичного образа речь идет о позитивной вежливости, ориентированной на сохранение позитивного образа собеседника (интерес к его словам, проявление эмпатии, доверия), и негативной вежливости, поддерживающей его негативный образ и старающейся уклониться: человек стремится не навязывать ничего, не оспаривать желания другого, то есть смягчить ситуацию и не вторгаться на территорию собеседника.

Самое интересное заключается в том, что здесь устанавливается ряд стратегий, которые могут выражаться вербально в различных формах. Каждая стратегия подразумевает различные способы восприятия социальных отношений с собеседником. Предлагаются пять типов, упорядоченных от меньшего риска угрозы к большему:

1. Открытые и прямые стратегии, не принимающие во внимание публичный образ слушателя (в ситуациях фамильярности, явно выраженной иерархии, исключительной срочности): *Ponte a fregar inmediatamente los platos.*

2. Открытые стратегии, ориентированные на позитивный образ: *Anda, cariño, porfa, ¿friegas tú los platos y yo recojo la cocina?*

3. Открытые стратегии, ориентированные на негативный образ: *Juan, sino estás ocupado, ¿podrías fregar los platos? es que no hay ninguno limpio.*

4. «Замаскированные» стратегии: здесь подразумевается косвенное использование языка. Предлагается какой-либо тип намека, позволяющий собеседнику сделать вывод об истинном намерении говорящего: *El fregadero está lleno de cacharros y ya no hay platos para la cena.*

5. Избегание реализации акта угрозы.

Работа Брауна и Левинсона была одной из самых влиятельных, и тем не менее она часто подвергалась

критике. Особенно ее упрекали в этноцентризме, в том, что их модель отражает вежливость, преобладающую в западной культуре англосаксонского типа. Однако эта критика не вполне оправданна, поскольку Браун и Левинсон обращаются к соответствующим данным неевропейских языков и культур (малгаче, тамил, целтал и др.), а также дают понять, что универсальными являются только общие принципы модели, тогда как их применение варьируется в различных культурах [Ibid. P. 283]. Таким образом, понятие публичного образа универсально, равно как и необходимость сохранить его в отношениях с остальными, но все же конкретные факторы, определяющие его как желаемый образ, варьируются в зависимости от культуры.

Более оправданным является упрек в том, что они представили очень пессимистичное и даже несколько параноидальное видение социальных отношений. Получается, что нельзя сделать ни шагу без угрозы своему и чужому публичному образу. Эти авторы придают слишком большую значимость негативной вежливости. В рамках такой установки К. Кербрат-Оречони [11. P. 44] подчеркивает, что наряду с актами угрозы существуют и другие акты, преследующие противоположные цели: повысить значимость публичного облика собеседника. Они вежливые по сути и укрепляют социальные отношения: комплимент, похвала, благодарность, выражение добрых пожеланий, поздравление и др.

Описав основные концепты прагматического подхода к вербальной вежливости, мы представим далее некоторые методологические и дидактические установки, которые могут быть полезны на уроке испанского языка в качестве иностранного. Мы считаем, что материалы, используемые для демонстрации определенных целей языка, могут применяться, чтобы побудить ученика поразмыслить о значимости вербальной вежливости. В синтетической, индуктивной и юмористической форме, без углубления в теорию можно объяснить такие концепты, как социальный образ, территория, контекстуальное приспособление и др. Иногда, не понимая важности социальных ограничений, можно ответить на вопрос искренне и ясно, но неподобающе. В некоторых случаях происходит столкновение норм принципа сотрудничества [9. P. 45], согласно которому следует передавать четкую и ясную информацию, и норм принципа вежливости, когда стараются сохранить хорошие социальные отношения.

С другой стороны, такие ситуации позволят нам продемонстрировать противоположную ситуацию:

как эта ложь «во благо» помогает сохранить социальную связь, несмотря на то что это противоречит принципу беседы, который требует от нас искренности:

«Дело в том, что ложь с благими намерениями выступает в качестве необходимой социальной “смазки”, позволяющей всем “подшипникам” отношений функционировать должным образом. Ненавижу тех людей, которые идут по жизни с искренностью, щеголяют своей необузданной правдивостью без обиняков, а на самом деле они просто грубияны, потому что обычно бывают искренними только для неприятных комментариев» [15. P. 34].

Очевидно, что практически неизбежно вводить понятие «вежливость», не охватив определенные грамматические темы (личные местоимения, повелительное наклонение, условное наклонение, и т. д.). Вежливость действительно связана с некими грамматическими категориями и влияет на большую часть уровней языка. Тем не менее на старших курсах было бы полезно рассматривать вежливость более масштабно и глобально, чтобы с помощью простых и ясных примеров способствовать размышлению учащихся о том, что представляет собой вербальная вежливость, и о таких фундаментальных вопросах, как следующие:

— в любом коммуникативном событии перед нами предстают две альтернативы — быть вежливыми или быть невежливыми;

— вежливость не следует путать с формальным языком или любезностью;

— мы можем быть вежливыми по-разному, в зависимости от типа создаваемого нами публичного образа;

— по большей части существуют две основные стратегии: одна ориентирована на сближение, то есть эмпатия (позитивная вежливость), а другая — на сохранение дистанции, невмешательство в пространство другого (негативная вежливость).

Что касается вербального выражения вежливости, здесь речь идет не о том, чтобы предложить более или менее широкий репертуар вежливых формул. Уместнее было бы приблизить ученика к ряду более общих стратегий, которые не являются исключительно присущими вежливости, но имеют с ней много общего: имеются в виду вербальные операции смягчения и интенсификации [5. P. 117]. Первая представляет собой «стратегическую лингвистическую операцию минимизации высказанной точки зрения» [Ibid. P. 230]. Речь идет о том, чтобы смягчить, лишить иллюкутивной силы, скрыть истинное намерение, чтобы избежать возможной

ответственности. Поэтому смягчение типично для смягчающей или негативной вежливости. В качестве компенсации в некоторых контекстах больше подходит противоположное явление: интенсификация. Здесь говорящий придает больше силы своим действиям, мыслям, проявляет себя более прямо и темпераментно. Что касается вежливости, здесь действует оценивающая или позитивная вежливость, типичная для близких отношений, доверия и отсутствия угрозы. Обе указанные операции вербально выражаются по-разному (лексика, морфология, стереотипные словосочетания и формулы, фонетика, паралингвистика и т. д.), и следует разработать упражнения, где учащиеся, опираясь на конкретные контексты, будут использовать различные приемы, чтобы сделать выбор в пользу того или иного типа вежливости:

— La paella te ha quedado estupenda / La paella te ha quedado BUENA, BUENA, ¡REQUETEBUENA! (+усиление, +вежливость).

— ¡So inútil! ¡más que inútil! Todo el día metiendo la pata (+усиление, –вежливость) / Has cometido un error (нейтрально) / Sólo hay un pequeño error sin importancia (+смягчение, +вежливость).

При другом положении дел мы думаем, что знакомство со стратегиями вежливости следует осуществлять с перспективы, в которой принимаются во внимание основные механизмы функционирования спонтанной беседы. Здесь предполагается рассмотрение таких вопросов:

Беседа в порядке очередности: беседа развивается посредством необусловленного чередования очереди. Обычно со сменой очереди не бывает проблем. Существуют так называемые «места соответствующего перехода», которые с помощью вербальных знаков или жестов указывают на возможность начала новой очереди. Следует признать, что этот механизм чередования обычно не рассматривается в учебниках, возможно, потому что он воспринимается как нечто спонтанное и легкое для усвоения, хотя на самом деле предполагает владение широким разнообразием дискурсивных признаков, а также определенных социокультурных норм взаимодействия. Если их не знать, то это может привести к проблемам, так же, как у этой японской девушки:

— Когда Сузуки приехала в Испанию, она ждала очереди, чтобы говорить, и долго ей не удавалось вставить слово в общую беседу. Однажды подружки ей сказали: «Почему ты никогда не разговариваешь?» Она ответила: «Потому что вы мне никогда не даете». И тогда ей объяснили, что здесь очередь говорить не уступают, а нужно ее «завоевывать»,

«расталкивая других». Она засмеялась и сказала: «Когда я приехала сюда, группы разговаривающих девушек мне казались похожими на петушинные бои» [15. Р. 95].

Ясно, что Сузуки не распознавала границы, указывающие на возможность смены очереди, таким образом, ее поведение, с испанской точки зрения, было прагматически неадекватным. Данный анекдот нам демонстрирует также другой важный факт: иногда в чередовании очереди бывают накладки, прерывания, моментальные присвоения. Мотивы ее появления могут быть разными. Однако мы сейчас хотим подчеркнуть, что не всегда смена очереди предполагает разрыв, и не всегда перебивают друг друга [5. Р. 74; 6. Р. 39]. Напротив, иногда это рассматривается как признак сотрудничества, содействия, интереса и внимания. Поэтому, на наш взгляд, следует отказаться от стереотипов, очень распространенных среди иностранных студентов, как, например, аспект, приведенный А. Бриз: «В Испании, прежде чем человек закончит фразу, другой уже начинает говорить. Часто перебивают речь другого, и это у них нормально, но мне это кажется невоспитанностью» [5. Р. 10]. Очевидно, все это не имеет никакого отношения к плохому воспитанию, а просто это различные способы устного общения. Испанцы в спонтанных беседах открыто склоняются к позитивной вежливости, предполагающей интенсивное и прямое вовлечение, способствующее этому типу прерываний и накладок фатической и кооперативной функций.

Обмен — это структурная единица беседы, состоящая из двух последовательных очередей, производимых двумя говорящими. Очень важен тип кооперативного обмена «смежная пара». Смежные пары, типичные для беседы, представляют собой вопрос/ответ, приглашение / принятие — отказ, предложение / принятие — отказ. Особым механизмом в функционировании смежных пар является понятие приоритета или предпочтительности [13. Р. 294], базирующееся на отражении, которое вторая часть смежной пары может иметь в социальном образе собеседников. Таким образом, существуют вторые приоритетные части, благоприятствующие социальным отношениям (например, принятие приглашения), и вторые неприоритетные части, которые могут подвергнуть риску данные отношения (например, отказ от приглашения). Тем самым доказывается, что понятие приоритета тесно связано с выражением вербальной вежливости. Все это имеет структурное и формальное отражение, поскольку вторые предпочтительные части не мар-

кированы, то есть содержат простые и прямые ответы, тогда как непредпочтительные имеют структурную маркированность с помощью появления задержек, недомолвок, оправданий, объяснений и др. [12. С. 295]. Важность этих факторов в среде обучения вторым языкам является решающей, поскольку приоритетность или неприоритетность варьируются в зависимости от культуры. Таким образом, следует научить наших учеников вторым приоритетным частям самых распространенных смежных пар. Кроме того, если ученикам придется произвести вторую неприоритетную часть, они должны знать, что обязательно следует использовать стратегии смягчения, которые сгладят потенциальный конфликт при использовании неприоритетной очереди. Результат будет лингвистически более сложным и разработанным:

— А: Luis, pasa mañana por casa, te quedas a comer y hablamos más tranquilamente.

— В: La verdad, me encantaría, pero me viene mal. He quedado ya con Sara para ir a comprar un nuevo ordenador. Si quieres, nos vemos la próxima semana.

Обычно, когда планируется изучение речевых актов, предлагаются примеры, состоящие из одного высказывания, или максимум обмен двумя высказываниями (типичная смежная пара). Для исходной точки это может быть вполне пригодным, но, если преподаватель хочет, чтобы ученики действовали менее грубо и более внимательно к социальному образу собеседника, ему следует ознакомить их с более сложными стратегиями взаимодействия. Результаты такого подхода могут быть разными. В первую очередь поскольку мы являемся носителями определенных языка и культуры, мы привыкли к определенным нормам поведения, сформированным обусловленной последовательностью действий, и мы ждем от всех остальных уважения к этим нормам. Если же это не так, то результат бывает прагматически аномальным и даже явно невежливым. К примеру, в испанской культуре [14. Р. 7] при выражении похвалы обычно используются следующий сценарий: А хвалит Б, Б лишает значимости похвалу, А настаивает, Б благодарит за похвалу и делает какой-то комментарий; а когда что-то предлагают в формальном контексте, обычно действуют так: А предлагает что-то, Б не принимает предложение, А настаивает, Б наконец принимает. Однако эти нормы поведения меняются в других культурных контекстах, и их незнание может повлиять на социальный образ собеседников.

Если отойти от этих наиболее стереотипных ситуаций, следует уяснить, что различные речевые

акты обычно представляют собой сложную структуру, состоящую из нескольких частей [7. Р. 189]. В примере: Juan, ahora que estás de vacaciones y tienes tiempo, ¿por qué no te animas a sacar el carnet de conducir? Te vendría muy bien de cara a encontrar un trabajo en el futuro — мы можем выделить ядро (минимальное содержание, которое может быть выражено в речевом акте, в этом случае — вопросительное предложение), обращение (призыв, чтобы привлечь внимание собеседника) и различные вспомогательные части, которые смягчают воздействие речевого акта (объяснения и оправдания). Поэтому необходимо ориентироваться в перспективе последовательностей, дискурса, как монологического, так и диалогического, и способствовать появлению макроактов или макрофункций, то есть последовательностей прагматически взаимосвязанных высказываний, отвечающих общей стратегии. В макроакте можно различить ядро или центральный акт и ряд факультативных актов, которые служат поддержкой для первого и обычно отвечают различным стратегиям вежливости. Появление таких актов поддержки оказывается необходимым, когда наши коммуникативные цели вступают в конфликт с целями собеседника и могут повлиять на его социальный образ: Perdona, ya sé que no se pueden sacar los libros más de tres días, y que las normas son las normas, pero necesitaría algo más de tiempo para terminar un trabajo sin el que no puedo aprobar la asignatura. De verdad, me haría un auténtico favor.

Обычно во время введения определенной коммуникативной функции в аудитории, это ограничивается более условными формулами и общим употреблением. Однако по крайней мере учащимся с высоким уровнем знания языка, следует разъяснить, что существует множество различных альтернатив выражения одного и того же речевого акта, и они соответствуют разнообразным контекстам и стратегиям вежливости.

Способ лингвистической демонстрации речевого акта зависит не только от намерения говорящего, но и от взаимоотношений между собеседниками (уровень доверия, иерархия и др.) и воздействия, которое выполнение речевого акта может оказать на эти отношения [Ibid. Р. 191]. Такие эффекты можно измерить с помощью шкалы затраты/выгоды [12. Р. 109], позволяющей нам различать две крупные категории речевых актов:

— Вежливые: благоприятствующие собеседнику и предполагающие затрату или усилие для говорящего. Они способствуют укреплению социальных

отношений: поздравление, приветствие, благодарность, извинение, приглашение, обещание...

— Невежливые: предполагают какую-то затрату для слушателя и, напротив, определенную выгоду для говорящего. Парадигматическим примером являются побудительные акты, не допускающие возражений: просьбы, мольбы, приказания...

Лингвистическое воздействие этих речевых актов играет большую роль, и ученик должен уметь их хорошо различать. Действительно, типичные вежливые акты склонны выражаться напрямую, без стратегий компенсации. Кроме того, в них возможность интенсификации и выразительных усилий воспринимается хорошо. Напротив, типичные невежливые акты требуют употребления различных стратегий, направленных на компенсацию своей невежливости, если адресант стремится сохранить некое социальное равновесие. В этом плане приемы смягчения бывают очень полезными.

В качестве примера последних можно привести побудительные речевые акты, не требующие возражений. С их помощью говорящий хочет, чтобы слушатель осуществил определенное действие для выгоды первого. Это происходит в случае просьб. К примеру, мы хотим, чтобы наш собеседник закрыл дверь комнаты, в которой мы находимся. Для выражения этого намерения мы сталкиваемся с множеством альтернатив. Мы можем прибегнуть к прямой формуле, содержащей глагол в повелительном наклонении: *Cierra la puerta*, которую можно смягчить с помощью маркера *por favor*: *Por favor, Juan, cierra la puerta*, или же усилить ее посредством междометий: *Cierra la puerta, ¡soño!* Также можно употребить глаголы реализации, обозначающие осуществляемый речевой акт: *Te ruego que cierres la puerta* (без модификации), *Le debo pedir que cierre la puerta* (с модификацией). Они также очень рентабельны, как формулы выражения негативной вежливости, это так называемые условные косвенные акты: *¿Puedes cerrar la puerta?*, *¿Quieres cerrar la puerta?* Введение условного наклонения как результата выражаемого метафорического дистанцирования добавляет еще больше вежливости: *¿Podrías cerrar la puerta?* *¿Querrías cerrar la puerta?* Не нужно упоминать способности или желание слушателя, чтобы вопросительное предложение функционировало как просьба: *¿Cierres la puerta?* Эта формула воспринимается как вежливая, без всяких излишеств. С другой стороны, псевдоинклюзивное упоминание первого лица [10. P. 184] может также послужить для выражения взаимной вежливости: *¿Cerramos la puerta?*

Наконец, существует множество альтернативных выражений, которые можно охарактеризовать как эксплицитные, поскольку точный смысл просьбы дедуктивно определяется только в очень специфических контекстах. Уровень вежливости также отличается: *¡Eh! ¡La puerta!*, *Te has dejado la puerta abierta, ¿Has cerrado la puerta? Hace frío aquí, ¿no? ¡Qué hace frío, eh!*, *Se va a escapar el gato...*

С дидактической точки зрения, ясно, что учащемуся, конечно, не нужно запоминать длинные списки различных альтернативных приемов для выражения одной и той же коммуникативной функции. В любой момент следует принимать во внимание контексты использования, в которые вписываются эти лингвистические процедуры, и различные сопряженные уровни вежливости. Обучение должно быть полностью контекстуализированным, поскольку в противном случае имеется опасность того, что ученик будет использовать определенный тип высказывания в неподходящем контексте. Важность контекстуализации заключается в том, что даже самые условные формулы выражения вежливости (*¿Puedes cerrar la puerta?*, *¿Te importaría cerrar la puerta?*) с подходящей интонацией могут добавить контекстуальные оттенки невежливости, выражения раздражения, нетерпения, иронии... Поэтому очень важно уяснить различия между кодифицированной и интерпретированной вежливостью [5. P. 187].

Выражение речевых актов имеет другую перспективу: один и тот же лингвистический показатель может быть связан с различными коммуникативными функциями. Поэтому следует избегать его идентификации с конкретным речевым актом. В качестве примера можно привести повелительное наклонение. В базовых грамматических описаниях оно обычно идентифицируется с выражением приказания, и его склонны рассматривать как невежливый прием. Однако в реальности все намного сложнее. С помощью повелительного наклонения можно выразить изначально вежливые акты и приглашения (*Sírvete un poco más de sopa, está muy buena*), добрые пожелания (*Pasad lo bien, Mejóra te*), предоставление разрешения (— *¿Puedo entrar?* — *Entre, entre*). В некоторых случаях оно приобретает оттенок условности (*Sigue mis consejos y no te arrepentirás. Suspende y te acordarás de quién soy yo*). В рамках побуждения повелительное наклонение используется для выражения мольбы, просьб, приказаний, советов, предложений и т. д. Поэтому следует разъяснить ученикам, что повелительное наклонение не является вежливым или

невежливым само по себе. Даже в речевых актах, не допускающих возражений (с некоторыми затратами для слушателя), использование повелительного наклонения не всегда является невежливым [10. С. 166]: в контекстах фамильярности (Carriño, *tráe me la camisa que está enlapercha*); повседневных обменах четко определенными высказываниями (Camarero, *róngame un café con leche*); или когда просят о каких-то действиях, не предполагающих больших усилий. Таким образом, перед этим богатством и разнообразием употребления повелительного наклонения объяснения в учебниках в основном очень сдержанны и практически не принимают во внимание различные контексты его использования.

Мы хотели бы закончить свои размышления, сделав упор на необходимости включения в изучение вежливости межкультурной перспективы. Для этого воспользуемся рассказом студентки из США, где она делится своими впечатлениями о пребывании в Испании в течение всего курса.

Первое ее впечатление касается устного общения испанцев: «У членов семьи обычно есть свое конкретное мнение на разные темы, а споры и диспуты — обычное явление. Часто мне кажется, что все родичи раздражены, потому что постоянно разговаривают на повышенных тонах, но это не рассматривается как признак неуважения или невежливости...»

Очевидно, что эта девушка осознала, что способ общения в испанской семье отличается от ее страны в плане паралингвистических средств (тон, ритм, интенсивность) как способ выражения мнений. Она подчеркивает, что в Испании существует толерантность к выражению мнений, даже когда они отличаются от собственных, что способствует живости беседы и стимулирует обмен мнениями [4. Р. 169]. Напротив, в других культурных сферах, как например, в Швеции, преобладает стремление к сплоченности, чтобы избежать конфликтов и согласиться с собеседником [Ibid. Р. 172].

Другое впечатление относится к способу выражения речевых актов в качестве советов, рекомендаций и др. Если в ее стране было бы нормальным использование более косвенных и смягчающих приемов, то здесь, в Испании, женщина, у которой она была в гостях, использовала повелительное наклонение на повышенных, на ее взгляд, тонах. «Если вы учитесь в Леоне и живете в испанской семье, я уверяю, что не нужно бояться и думать, что ваша “испанская мама” вас ненавидит. Она будет говорить очень громко, часто

командовать: “Оденься тепло!”, “Ешь!”, “Никогда больше так не одевайся!”, но это манера давать советы и стараться помочь тебе, это не что-то неприятное». Конечно, в семейном контексте, когда речь идет о действиях, благоприятствующих слушателю, повелительное наклонение не может рассматриваться с испанской перспективы как признак невежливости, хотя первое впечатление студентки было иным.

Определенно благодаря долгому процессу пребывания в языковой среде этой девушке удалось осознать, что некоторые моменты, с точки зрения культурных норм в ее стране, которые могут рассматриваться как пример конфликта, раздражения, агрессивности или невежливости, с испанской перспективы вполне нормальны. Если бы эта девушка продолжила придерживаться норм поведения своей культуры, она совершила бы ошибку прагматической деятельности и ее мнение об испанцах было бы наполнено предрассудками. Поэтому обучение иностранному языку должно быть направлено на то, чтобы учащиеся осознавали эти различия и во время использования нового языка обратили внимание на нормы поведения соответствующей культуры.

Таким образом, нам представляется ясным, что хотя понятие вежливости является универсальным, все же имеются различия в способе ее восприятия (в зависимости от преобладающего типа социального образа) и в вербальных стратегиях, используемых для ее выражения. Если не придавать значения этому аспекту в преподавании иностранного языка, то это может вызвать прагматические ошибки прагмалингвистического типа, то есть связанные с использованием вербальных формул для выражения определенного речевого акта, или социопрагматического типа, а именно относящиеся к способу восприятия социальных отношений между собеседниками и адекватного поведения [3. Р. 165].

Мы настаиваем на том, что в обучении языку следует обращать внимание на эти различия и возможные прагматические ошибки, особенно когда присутствует риск культурного недопонимания или оценивания иных, непривычных факторов с помощью предрассудков. Для этого следует предложить ученику ясную, прагматическую, подробную информацию с деталями контекстов использования самых важных речевых актов и средств выражения, наиболее подходящих к этим контекстам.

Список литературы

1. Шелестюк Е. В. Психолингвистические факторы консенсусного речевого взаимодействия // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 26 (355). Филология. Искусствоведение. Вып. 93. С. 133—143.
2. Brown R. Levinson S. Universals in Language Usage: Politeness Phenomena // Questions and Politeness: Strategies in Social Interaction. L.: Cambridge Univ. Press. 1987. P. 56—289.
3. Blum-Kulka S. Playing it safe: The role of conventionality in indirectness. In: Blum-Kulka, House y Kasper (comps.), Cross-cultural pragmatics: Requests and apologies. Norwood, NJ: Ablex, 2000. P. 155—177.
4. Bravo Diana: “¿Imagen “positiva” vs. Imagen “negativa”?”: pragmática socio-cultural y componentes de face” // Oralia. 1999. N 2. P. 155—184.
5. Briz G. A. La estrategia atenuadora en la conversación cotidiana española // La perspectiva no etnocentrista de la cortesía: identidad sociocultural de las comunidades hispanohablantes / D. Bravo (ed.). Actas del 1er Coloquio del Programa EDICE, 2003. URL: www.edice.org.
6. Cestero M. A. M. Conversación y enseñanza de lenguas extranjeras. Madrid: Arco Libros, 2005. 248 p.
7. Escandell V., María V. Aportaciones de la pragmática // Vademécum para la formación de profesores. Enseñar español como segunda lengua (L2) / lengua extranjera (LE) / L. J. Sánchez, G. I. Santos (eds.). Madrid: SGEL, 2004. 345 p.
8. Goffman Erving: Interaction ritual: Essays on face-to-face behavior. Nueva York: Garden City, 1967.
9. Grice Herbert Paul: “Logic and conversation” // Syntax and semantics 3. Speech acts / P. Colé y J. L. Morgan (eds.). Nueva York: Academic Press. P. 41—58.
10. Haverkate H. La cortesía verbal. Estudio pragmatolingüístico. Madrid: Gredos, 1994. 245 p.
11. Kerbrat-Orecchioni C. Les interactions verbales. Vol II. París: Armand Colin, 1992. 145 p.
12. Leech G. Principles of pragmatics. NY.: Longman, 1983. 250 p.
13. Levinson, Stephen C. Pragmática. Barcelona: Teide, 1989.
14. Miquel Lourdes. Lengua y cultura desde la perspectiva pragmática: algunos ejemplos aplicados al español // Frecuencia. L., 1997. P. 3—14.
15. Portoles José. Pragmática para hispanistas. Madrid: Síntesis, 2004. 107 p.
16. Tuson Amparo. Análisis de la conversación. Barcelona: Ariel, 1997. 97 p.

Сведения об авторе

Шамахмудова Азиза Фуркатовна — завкафедрой испанского и итальянского языков Самаркандского государственного института иностранных языков, Самарканд, Узбекистан. firuzahalimova@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.
2021. No. 7 (453). Philology Sciences. Iss. 125. Pp. 159—167.

LINGUISTIC POLITENESS STRATEGY AS A REGULATOR OF VERBAL INTERACTION

A. F. Shamahmudova

Samarkand State institute of foreign languages, Samarkand, Uzbekistan. firuzahalimova@mail.ru

This article deals with politeness theory which in our view is of a great importance in interpersonal communication. Politeness is characterized from the pragmatolinguistic point of view, examples are given, demonstrating the presence and lack of politeness in the Spanish-language discourse. The author's suggestions are presented on how students can be taught politeness strategies in the Spanish language as a foreign language class. The requirement in correlating categories of civility with grammatical categories and context is justified. Such a technique will allow foreign students to learn the rules of language behavior among the Spanish-speaking population. We believe that the materials used to demonstrate certain goals of the language can be used to encourage the students to reflect on the importance of verbal politeness. Concepts such as social

image, territory, contextual adaptation, etc. can be explained in a synthetic, inductive, and humorous form, without delving into theory.

Keywords: *pragmalinguistics, politeness theory, speech acts, verbal strategy, verbal and non-verbal communication, communicative functions, positive and negative image.*

References

1. Shelestyuk E. V. (2014) Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 26 (355), pp. 133—143 [in Russ.].
2. Brown R. Levinson S. (1987) Questions and Politeness: Strategies in Social Interaction. Cambridge Univ. Press. Pp. 56—289.
3. Blum-Kulka S. (2000) Cross-cultural pragmatics: Requests and apologies. Norwood, NJ, Ablex. Pp. 155—177.
4. Bravo Diana. (1999) *Pragmática socio-cultural y componentes de face, en Oralia*, no. 2, pp. 155—184 [in Span.].
5. Briz G. A. (2003) Actas del 1er Coloquio del Programa EDICE. Available at: www.edice.org [in Span.].
6. Cestero M. A. M. (2005) Conversación y enseñanza de lenguas extranjeras. Madrid: Arco Libros. 248 p. [in Span.].
7. Escandell V., María V. (2004) Enseñar español como segunda lengua (L2) / lengua extranjera (LE). Madrid, SGEL. 345 p. [in Span.].
8. Goffman Erving. (1967) Interaction ritual: Essays on face-to-face behavior. New York, Garden City].
9. Grice Herbert Paul. Speech acts, P. Colé y J. L. Morgan (eds.). Nueva York, Academic Press. Pp. 41—58 [in Span.].
10. Haverkate H. (1994) La cortesía verbal. Estudio pragmalingüístico [Verbal courtesy. Pragmalinguistic study]. Madrid, Gredos. 245 p. [in Span.].
11. Kerbrat-Orecchioni C. (1992) Les interactions verbales [Verbal interactions]. Vol II. París, Armand Colin, 145 p. [in French].
12. Leech G. (1983) Principles of pragmatics. NY., Longman. 250 p.
13. Levinson, Stephen C. (1989) Pragmática. Barcelona, Teide.
14. Miquel Lourdes (1997) *Frecuencia. L.*, pp. 3—14 [in Span.].
15. Portoles J. (2004) Pragmática para hispanistas [Pragmatic for spanishes]. Madrid, Síntesis. 107 p. [in Span.].
16. Tuson Amparo (1997) Análisis de la conversación [Conversation analysis]. Barcelona, Ariel. 97 p. [in Span.].

ИМПЛИЦИТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ТЕКСТА И ПРОБЛЕМА ЕГО ПЕРЕВОДА (НА МАТЕРИАЛЕ ТРИЛОГИИ «ВСЕЛЕННАЯ ЭЛДЕРЛИНГОВ» Р. ХОББ)

Е. В. Шелестюк¹, И. П. Киль²

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

² Челябинский государственный университет, Костанайский филиал, Костанай, Казахстан

Обсуждаются проблемы имплицитности текстов жанра фэнтези и перевода имплицитных смыслов в этих текстах. Нас интересуют языковой и речевой уровни анализа имплицитного содержания оригинала и перевода, мы изучаем отдельные, хотя и ключевые символические единицы текста. Непосредственно в данной статье исследуются импликации «говорящих имен», имен символических абстрактных понятий, поэтических вставок и общесмысловых высказываний. Такой подход оправдан в связи со стремлением текстов фэнтези, носящих притчевый, аллегорико-символический, мифологический характер, к «свертке смыслов» и обусловленной ею символизации. Многие языковые и речевые единицы жанра фэнтези отвечают признакам символа: многоярусность, многосмысленность, архетипичность, метафоричность/метонимичность, стереотипность культурных значений, анагогичность как связь с высшими смыслами, эзотеричность и т. д. Наряду с имплицитным смыслом указанных единиц в оригинале изучаются принципы перевода импликаций, оцениваются конкретные переводы в сравнении с оригиналами.

Ключевые слова: *имплицитность, импликатура, имплицитный смысл, свертка смысла, символизация, моделирование образа мира.*

Проблема имплицитности актуальна для различных наук — психолингвистики, философии, логики, психологии и, безусловно, языкознания. Объектом нашего исследования является имплицитное содержание текста жанра фэнтези. Материал составили художественные произведения: две части фантазийной трилогии «Вселенная Элдерлингов» — «Сага о Видящих» и «Сага о Шуте и Убийце» американской писательницы Робин Хобб, а также переводы этих произведений Марией Юнгер, В. А. Гольдичем, И. А. Оганесовой, Марией Семеновой.

Стоит отметить, что произведения такого рода — распространенное чтение подростков и юношества, интересом к ним со стороны молодого поколения и выражаемым ими идеям обусловлен выбор нами материала исследования. В произведениях этого жанра можно встретить элементы фантастики, эпоса, сказаний и мифов, многочисленные аллюзии. Картина мира жанра фэнтези отражает вымышленную, несуществующую реальность, включающую фантастические, сказочные, чудесные, мифологические компоненты. На правилах вымышленного мира основаны и действия героев [4].

Что касается предмета исследования, то в данной статье мы ограничимся языковым (преимущественно лексико-фразеологическим) и речевым уровнями анализа имплицитного содержания ори-

гинала и перевода, то есть изучением отдельных, хотя и ключевых в связи с их символическим характером, единиц текста. Тем не менее этот анализ предполагает моделирование образа (картины) мира автора, его пресуппозиций и парадигматического контекста (по Ц. Тодорову), учет текстовых импликаций и инференций из текста, а также выведение отдельных имплицитных смыслов, импликатур, подтекстов, неявных содержательно-смысловых конструкторов текста. Существенно, что мы сравниваем смыслы соответствующих единиц в оригинале и переводе.

Цель исследования — проанализировать скрытые смыслы и имплицитные элементы содержания текста жанра фэнтези, апробируя такие методы, как моделирование авторского замысла, вычленение символических смыслов и импликатур, а также сравнить соответствующие имплицитные единицы в оригинале и переводе на предмет совпадения и различия.

Методологическую базу исследования имплицитности составляют работы, авторами которых являются И. В. Арнольд, В. В. Виноградов, Г. Г. Молчанова, К. А. Долинин, Л. А. Исаева, Г. В. Колшанский, А. А. Леонтьев, Л. А. Нефедова, М. В. Никитин, Л. В. Щерба и др. С нашей точки зрения, наиболее системную методологию изуче-

ния имплицитности предоставляет лингвистика текста в части когнитивного моделирования образа мира и замысла автора [10], а также в части вычленения текстовых импликатур [12; 14]. Основными методами исследования имплицитности являются герменевтико-семиотический анализ имплицитных смыслов единиц (от уровня фонем/графем до сложного синтаксического целого) через изучение синтагматического и парадигматического контекстов их реализации [20]; моделирование авторского образа мира; анализ пресуппозиций, импликаций, инференций из единиц текста, а также в ряде случаев более общих импликатур. Теоретическую основу сопоставления реализации имплицитного смысла в оригинале и его переводе на другой язык составляют работы А. В. Кашичкина, А. В. Невинной.

Гипотеза заключается в том, что внимательное изучение композиционной структуры произведения позволяет уяснить авторский образ мира, понять и правильно перевести имплицитные смыслы произведения. Иначе говоря, детальное изучение структуры текста помогает воссоздавать, моделировать авторские смыслы на микро- и макроструктурном уровнях художественного текста, осуществлять восприятие имплицитного содержания и его перевод более эффективно.

Теоретические аспекты имплицитности

Суть имплицитности состоит в том, что центральное место занимает подразумеваемое, а не представляемое явно в высказываниях и текстах. Имплицитность — это информация, для понимания которой требуются усилия реципиента, несводимые к сопоставлению лингвистических единиц и их значений (то есть к «распознаванию» явного смысла в тексте), но соответствующие «чтению между строк».

Исследование имплицитности осложняется тем, что имплицитные компоненты смыслового содержания в тексте до сих пор полностью не изучены и, главное, четко не классифицированы, причем в гуманитарных науках велик терминологический и концептуальный разнобой в описании имплицитного смысла [17]. В лингвистике имплицитность традиционно описывается такими терминами, как «подтекст» (затекст, интертекст, многоуровневый контекст), в логике — «пресуппозиции», «импликации», «инференции», в литературе — «скрытые смыслы», «символы», «аллегории», «идеи» и пр. [18].

А. В. Бондарко относит к имплицитным «семантические элементы, явно не выраженные в тексте, но при этом с легкостью определяемые с по-

мощью скрытно выраженных средств» [3. С. 25]. Другие лингвисты считают, что случаев невыраженного смысла в тексте не бывает. Например, Е. И. Шендельс полагает, что может быть «неярко выраженное значение смысла» [19. С. 34].

Существование имплицитности обусловлено принципом использования ограниченного количества языковых средств для выражения смысла, благодаря чему средства выражения неявного смысла в языковых и коммуникативно-речевых системах весьма богаты. В. В. Мартынов утверждает, что носители языка прибегают к сокращению высказываний, так как взаимопонимание нередко обеспечивается единством модели мира [11]. Имплицитность рассматривается как экономный способ отображения внеязыкового содержания, при котором в итоге прочной ассоциативной связи элементов ситуации название только одного из элементов является достаточным для того, чтобы представить всю ситуацию (В. Л. Медынская, [Цит. по: 12]).

Согласно Л. А. Нефедовой, восприятие имплицитного содержания можно представить как «поиск и обнаружение фреймов, идентифицируемых как сходные в силу того, что их терминалы присоединяют объекты одних и тех же видов. Терминалы фреймов в обычном своем состоянии заполнены так называемыми «заданиями отсутствия», то есть сведениями, которые необязательно должны быть представлены эксплицитно в какой-либо конкретной ситуации. Неверная подмена фреймов ведет к непониманию или неадекватной интерпретации языкового материала» [16].

В связных законченных текстах наиболее крупными, развернутыми компонентами (макрокомпонентами) скрытого смысла стоит признать текстовые импликатуры — отдельные топосы (общие тезисы), идеи, выводимые из текста в качестве выводов или складывающиеся из более мелких компонентов, например символических образов, деталей, прецедентных единиц, говорящих имен и прочего, объединенных тематически или референциально.

Согласно концепции А. В. Кашичкина, в понятие «имплицитная информация» входят пресуппозиция (фоновые знания), конкретно-контекстуальный смысл и импликатура [9]. Под пресуппозицией понимается фоновый семантический компонент, предварительно необходимый для выведения смысла текста. Конкретно-контекстуальный смысл связан с результатом интерпретации языкового содержания в конкретной ситуации общения. Импликатура,

в широком, а не только текстовом смысле слова, — вывод информативного содержания, информационного комплекса, отличающегося от языкового содержания или конкретно-контекстуального смысла. Под имплицативностью понимается теоретически возможное количество имплицатур, которые способен извлечь реципиент.

В лингвистике под импликацией понимаются как сам процесс вывода имплицатуры, так и конкретная единица подразумеваемого смысла. Вместе с тем к импликации в широком смысле допустимо отнесение любой лакуны информации. При этом импликация может быть намеренной или случайной, возникать на связях, которые являются узуральными или окказиональными, появляющимися только в определенной ситуации [8]. В последнем случае импликация становится результатом «игры означающих».

Причины имплицитности можно усмотреть, во-первых, в лингвистических особенностях языка. Например, английский язык изначально обладает значительной степенью имплицитности. Это можно наблюдать как в лексике, так и в синтаксисе: свойственная этому языку полисемия, нередко приводящая к амбивалентности, семантико-синтаксические стяжения (компрессия и эллиптичность), сочетания с перекомпонованными логическими звеньями, затрудняющие логические операции по их декодированию. Во-вторых, имплицитность происходит из размытости, неочевидности, проявляющейся в разнице восприятия и концептуализации информации, которые допускают значительные индивидуальные и межкультурные отличия. В-третьих, импликация появляется в виде дополнительного подразумеваемого смысла, который выходит из соотношения речевых единиц текста, сигнифициции, «игры означающих». В-четвертых, импликация может реализоваться как дополнительное смысловое или эмоциональное содержание за счет нелинейных связей между единицами текста и паралингвистических средств, например графем, креолизации и т. д.

Имплицитный смысл выводится как из эксплицитно выраженного содержания, так и из определенного объема знаний об окружающем мире. Логический механизм имплицитного смысла становится явным для коммуникантов на основании реализующихся в контекстах причинно-следственных связей. Понять смысл многих высказываний представляется возможным только в той или иной коммуникативной ситуации высказывания, они не могут быть представлены вне нее.

Высказывания — это фразы, которые встроены в комплекс коммуникативного акта.

Многое зависит и от фоновых знаний (пресуппозиций) коммуникантов. Имплицитный смысл информации может быть выявлен и осознан реципиентом при помощи его собственных знаний, но немалую роль в этом играет и опыт, а также развитость интеллекта, умение угадывать и понимать скрытый смысл, делать выводы из информационных пропусков или замысловато выраженной информации.

Остановимся на лингвистических уровнях имплицитности. И. В. Арнольд выделяет виды имплицитности на разных уровнях языка: слова, словосочетания, предложения, сложного синтаксического целого, текста [1]. Мы расширяем уровневую классификацию имплицитности, считаем, что ее логично определять на языковом, речевом и текстовом уровнях. В число языковых способов ее выражения входят аттенциональные (привлекающие внимание) средства на разных уровнях языка¹. На речевом, коммуникативно-прагматическом уровне имплицитная информация выводится на уровне высказываний и сложных синтаксических целых, это подтекст, включая пресуппозиции как фоновые знания, импликации как явно не выраженные побочные (дополнительные) смыслы компонентов высказываний и инференции как невыраженные прямые выводы из высказываний в целом. На уровне же текста имплицитная информация проявляется в текстовых имплицатурах как тематико-идейных макросмыслах, которые можно моделировать как тезисы-силлогизмы, в которых антецедент соответствует эксплицитной, а консеквент — имплицитной информации.

В концепции Г. Г. Молчановой, в создании имплицатур на уровне текста участвуют все типы системных отношений: синтагматический, прагматический, парадигматический, деривационный. При этом эксплицитный антецедент должен сочетаться с условиями аберрации «постулатов речевого

¹ Такие как фонеморфологические средства (звуковой символизм, уменьшительные суффиксы и т. д.), морфемы и слова с выраженной образностью, эмотивностью в денотате и ингерентными коннотациями (эмотивными, оценочными, экспрессивными, стилистическими), эвфемизмы, парафразы, неологизмы и архаизмы, тропы и фигуры речи, фразеологические обороты и идиомы, имена символов, говорящие имена собственные, аллюзии и прецедентные единицы, элементы языковой игры (каламбуры, оксимороны и пр.), стилистические и формально-композиционные приемы (например, «поток сознания»).

сотрудничества» П. Грайса: количества, качества, манеры и отношения [14].

Нарушение синтагматических системных отношений в линейной цепи текста приводит к нарушению постулата количества. При избыточности, разного рода повторах: фонетических (рифма, ритм, аллитерация), семантико-синтаксических (анафора, эпифора, рамка; параллелизм, хиазм), либо близких к повтору (градация, батос) — происходит усиление какого-либо признака в речевой цепи, побуждающее к многоуровневости его восприятия и к когнитивному поиску имплицитной информации. При недостаточности (эллипсисе, апозиопезисе, недосказанности, семантико-смысловых пропусках и т. п.) происходит когнитивный сбой, «смысловая дизъюнкция», также побуждающая к появлению эффекта имплицитности и постижению скрытого смысла.

Нарушение кооперативного постулата качества приводит к появлению в тексте имплицитов, связанных с парадигматическими отношениями, с осью выбора (по Р. Якобсону): метафора, гипербола, мейозис, а также энантиосемия, паронимическая аттракция, каламбур и др. Даже если говорящий старается выразиться объективно, выбор слов, осуществленный в его высказывании, «конструирование» содержания сообщения, средства передачи этого содержания интенциональны. Ось выбора способна существенно повлиять на качество сообщаемого, не отступив от объективности, но по-другому организовав реальность, что создает предпосылки для появления имплицитности.

Нарушение постулата манеры («говори последовательно, коротко, ясно») проявляется в художественном тексте на двух осях: на оси последовательности (синтагматики) — в плане нарушения сукцессивности следования логических блоков, что приводит к возникновению таких имплицитов, как ретроспекция, проспекция, произвольная аранжировка смысловых блоков, импликация предшествования в начале повествования, открытая концовка и т. д.; на оси выбора (парадигматики) — в намеренном нарушении категории прозрачности со стороны говорящего, приводящем либо к возникновению намеренной амбигуитивности, неоднозначности, либо к появлению имплицитов, требующих от коммуниканта определенного фонового знания, лингвогносеологической компетенции для декодирования — аллюзий, цитат, сентенций, деконпозиций фразеологических единиц, каламбуров и других средств создания разных видов юмора.

Постулат отношения («не отклоняйся от темы») в произведении может нарушаться на оси «автор —

рассказчик» или «автор — персонаж». Нарушение категории дистантности между автором и персонажем может проявляться: в сближении — несобственно-прямая речь, внутренний монолог, поток сознания и т. п.; отдалении (дистанционировании) — нарушение фокуса эмпатии, ирония, пародия и т. п. Нередким является и нарушение постулата отношений между автором и читателем/переводчиком при отсутствии у адресата логико-гносеологической компетенции или нужных пре-суппозиций, это нарушение оказывает мистифицирующее воздействие и вызывает амбивалентные импликации.

Как упомянуто выше, в данном исследовании нас интересуют компоненты преимущественно языкового, особенно лексико-фразеологического, и речевого уровней текста. Такой подход оправдан специфическим стремлением избранных нами текстов фэнтези, носящих притчевый, аллегорико-символический, мифологический характер, к «свертке смыслов» и обусловленной ею символизации [13]. Единицы, в той или иной степени отвечающие признакам символа (многоярусность, многосмысленность (плюрисигнация), архетипичность, метафоричность/метонимичность, стереотипность культурных значений, анагогичность как связь с высшими смыслами, эзотеричность и т. д.), включают имена объектов-концептов, антропонимы, топонимы, абстрактные имена-концепты, афоризмы, пословицы, клише, прецедентные имена, лозунги, эпиграфы, стихотворные и прозаические вставки и пр.

Проясним особенности перевода имплицитной информации. Для ее адекватного перевода переводчик как минимум должен иметь близкие к совершенству языковые и культурологические знания, умения и навыки. Кроме того, у него, безусловно, должна быть хорошо развита смысловая догадка и критическая самооценка, потому что, осуществляя свою деятельность, он посвящает в переводимое произведение огромное количество людей.

Имплицитность имеет смысловую недосказанность, вычленение определенного смысла в тексте можно осуществить при помощи воображения и смысловой догадки. Для того чтобы произвести перевод с одного языка на другой, в частности с английского на русский язык, в предложении или сложном синтаксическом целом, содержащем имплицитность, необходимо увидеть и проследить языковое явление, затем выявить информацию о реальных действиях, которые присутствуют

в исследуемом предложении, обладать фоновыми знаниями, ознакомиться с необходимой литературой [15].

Вплоть до настоящего времени в отношении передачи имплицитности текста при переводе преобладала дескриптивная, а не нормативная концепция, предполагающая достаточно свободный подход. Согласно ему, передачу имплицитной информации можно осуществлять по двум основным стратегиям: с сохранением имплицитности и переводом скрытой информации в явно выраженную. В первом случае передача импликаций достигается при помощи: 1) воспроизведения языкового материала оригинала; 2) модификации языкового содержания исходного текста. Во втором случае для экспликации имплицитной информации переводчик прибегает: к 1) конкретизации значений; 2) перефразированию с добавлением лексики. Задача переводчика заключается в создании текста, удобного для прочтения, с сохранением своеобразия подлинника [6; 9].

Анализ имплицитности на материале «Вселенной Элдерлингов» Робин Хобб

1. Имплицитность говорящих имен

Рассмотрим пример перевода скрытого смысла говорящих имен в «Саге о Видящих» Робин Хобб. Иногда особенности языка, на который осуществляется перевод произведения, очень затрудняют задачу переводчика. Поскольку имена собственные могут быть «говорящими» и в них может присутствовать имплицитный смысл, задача усложняется вдвойне. Кроме того, зачастую имена собственные имеют глубинный культурный смысл.

В «Саге о Видящих» присутствует большое количество говорящих имен, несущих символический смысл. Судьбы и характеры главных и второстепенных героев в этом произведении изначально как бы определяются именами. При этом макроконтент произведения обнаруживает определенную парадоксальность или даже иронию в отношении героев: имя каждого определяет какую-то часть его судьбы, но тем не менее его конкретные поступки могут противоречить предопределенности. Отталкиваясь от говорящих имен, читатель видит, что каждый герой несет в себе что-то изначально заложенное, наделяющее его особенностями на фоне других; к примеру, Тэйкер — это тот, кто завоевывает. Однако в процессе развертывания сюжета герои проявляют и другие, в том числе противоположные, черты характера. Тэйкер

проигрывает, принц Чивэл, случается, совершает нерыцарские поступки, а леди Пейшенс проявляет нетерпение.

Большинство говорящих имен оригинала сохраняют английскую форму, переводятся с помощью транскрипции/транслитерации, иногда с видоизменениями (Чивэл), что ставит перед переводчиками задачу передачи их имплицитного смысла. В. А. Разумовская полагает, что декодировать скрытый смысл говорящих имен помогает переводческий комментарий, однако его присутствие в больших количествах представляет определенную проблему в художественном тексте, так как он может урезать удовольствие от чтения. Переводчик Мария Юнгер, встретившись с данной проблемой, прибегает к приему экспликации значений, которая достигается введением глоссария в конце книги. В глоссарии, помимо имен, приводятся «клички» героев и их краткое описание. Русскоязычный читатель, обращаясь к глоссарию в конце книги, может понять скрытый смысл.

Оригинал	Перевод
Take his name was, quite simply, and perhaps with that naming began the tradition that daughters and sons of his lineage would be given names that would shape their lives and beings	Тэйкер Завоеватель — таково было его имя. Возможно, именно от него пошла традиция, согласно которой сыновья и дочери его рода получали вместе с именами судьбы и характеры

Прием добавления клички эксплицирует и подчеркивает смысл говорящего имени. Также во избежание потери смысла время от времени делается контекстуальное пояснение говорящих имен, что приводит к отступлению от принципа полной структурной эквивалентности текстов.

Оригинал	Перевод
Lady Patience, she who was queen-in-waiting to Chivalry's king-in-waiting, came originally of inland stock	Леди Пейшенс Терпеливая, королева при наследном принце Чивэле Рыцарственном, была родом из семейства, происходящего из Внутренних герцогств. Пейшенс обнаруживает не только терпение, но и настойчивость

Имплицирование смысла имен, пояснения и добавления доносят до читателя мысль о том, что имена и предопределенность, связанная с ними, важны, но далеко не всегда они определяют истинный путь человека. И мы это понимаем, когда Леди Терпение срывается, когда Принц Истина

говорит противоречивые вещи. На этапе понимания имен в контексте всего произведения читатель должен уяснить эту импликацию, глобальный скрытый смысл: мы сами творим свою судьбу, неважно, как кто-либо назван и каково его предназначение, в зависимости от его действий его судьба может развиваться абсолютно по-другому.

2. Имплицитность магических терминов

Перейдем к анализу импликаций из магических терминов оригинала и перевода произведения. В романе всячески порицается магическое умение под названием Wit и превозносится умение, которое называется Skill. Некоторые переводчики используют при переводе этих абстрактных понятий транскрипцию/транслитерацию — «Уит», «Скилл» — с контекстуальным пояснением. Такой способ перевода, очевидно, не способствует передаче их имплицитного смысла в полном объеме и насыщает текст отвлекающими внимание варваризмами, но он в настоящее время считается правильным. С другой стороны, в ранних переводах использованы термины «Дар» и «Сила», которые являются продуктом контекстуальной замены. Будучи более приемлемыми с точки зрения гармонизации перевода, эти термины вызывают сомнение с точки зрения импликаций.

Оригинал	Перевод
Folklore tells of an even older magic, much despised now, known as the <i>Wit</i>	В фольклоре упоминается еще более древняя магия, ныне повсеместно презираемая. Она известна нам под названием <i>Дар</i>

В оригинале способность Wit (букв. ум, остроумие) подразумевает презираемую народом того края природную, «животную» интуицию, точнее, телепатическое понимание живой природы. Эта способность изначально не имела негативной окраски, но приобрела ее со временем. При переводе были произведены трансформации генерализации и контекстуальной замены. Получившийся в результате термин «Дар» не подходит по эмоциональной оценке способности, описываемой в произведении. На наш взгляд, здесь уместнее было бы использовать более коннотативно нейтральный термин, например «Интуиция» или «Единение», — последний термин получен в результате трансформации метонимического переноса (смыслового развития). Единение определяется как тесная связь, сплоченность и един-

ство, здесь же оно означает интуитивное единение с природой. То, что варианты «Единение» или «Интуиция» соответствуют замыслу автора, подтверждается фактологией книги «Миссия Шута» из «Вселенной Элдерлингов».

Перейдем к импликациям и переводу следующего вида магии — Skill:

Оригинал	Перевод
For instance, the ability for the magics known as the Skill is tied closely to blood relationship to the royal Farseer lin. One trained in the <i>Skill</i> is able to reach out to another's mind, no matter how distant, and know what he is thinking	Например, способность к магии, называемой Силой, чаще всего встречается у представителей королевской династии Видящих. Тот, кто умеет управлять <i>Силой</i> , способен услышать мысли другого человека, как бы далеко друг от друга они ни находились

Skill (букв. мастерство, искусность, искусство; сноровка; опыт, умение, навык) в произведении означает «способность человека, относящегося к древнему роду, своим разумом достигать разум других всевозможных человекоподобных существ и самого человека, читать их мысли, получать информацию их органов чувств, а также управлять поступками этих людей, внушая им на подсознательном уровне определенные действия». Вариант перевода «Сила» подобран с помощью метонимического переноса, он нейтрален и, что любопытно, фонетически созвучен слову Skill. В его пользу говорит также то, что упоминание о силе можно встретить достаточно часто в жанрах фэнтези, мифах, героических эпохах и т. п. Но, поскольку данное слово означает не интеллектуально-волевые характеристики, а физическую развитость и могущество, импликации могут увести читателя далеко от правильного понимания. Поэтому, мы полагаем, наиболее адекватным был бы эквивалентный словарный перевод, причем из всех вариантов предпочтителен вариант «Навык», показывающий, что человек достигает способности своим умом, работой над собой.

Также в произведении присутствуют производные от представленных видов магии, ниже мы предлагаем варианты перевода:

- 1) witted — наделенный Интуицией;
- 2) wit-bond — интуитивная связь;
- 3) wit-gifted — одаренный Интуицией;
- 4) skilled — обладающий Навыком;

- 5) to skill — применять Навык;
 6) skillmaster — мастер Навыка;
 7) skilluser — пользователь Навыка.

Разберем номинацию Hedge magics, в переводе «магия Ограждения»:

Оригинал	Перевод
There are the <i>Hedge magics</i> , though I have never been able to determine the source of this name. These are magics both verified and suspect, including palm reading, water gazing, the interpretation of crystal reflections, and a host of other magics that attempt to predict the future	Существует несколько разновидностей <i>магии Ограждения</i> , хотя мне никогда не удавалось понять, каким образом данное название появилось. Действительность подобного волшебства часто ставится под сомнение, но имеет за собой и подтверждения. Это и чтение по ладони, и гадание по воде, по отражениям хрустала, и множество других мистических техник, имеющих целью заглядывать в будущее

Словарное значение Hedge подразумевает, что данная магия ограждает от чего-то, однако в книге ее описание предполагает более широкий смысл: предсказание будущего, совет, колдовство на удачу и пр. Вариантом, передающим указанные смежные умения и не акцентирующим смысла, уводящего от логики повествования, будет «Ворожба». Трансформации, используемые в таком переводе, — генерализация и смысловое развитие.

3. ИмPLICITный смысл поэтических вставок и общесмысловых высказываний

Одним из наиболее сложных элементов при переводе имплицитной информации в произведениях жанра фэнтези является поэзия, ибо поэтические вставки в них чаще всего иносказательны. Кроме того, при переводе поэзии следует соблюдать не только содержательную, но и формальную эквивалентность, в тексте перевода должны присутствовать ритм и рифма. Это осложняет процесс перевода, и могут возникнуть ошибки или потеря информации. В «Саге о Видящих» также встречается поэзия. Разберем отрывок:

Оригинал	Переводы
...In that last dance of chances	...Последний танец — танец надежды...
We shall know each other's minds.	Истает, порвется нить. Узнать друг друга
We shall part with our regrets	— и все потерять, И жить... и не жить...
When the tie no longer binds	не жить. В. А. Гольдич, И. А. Оганесова

Четверостишие является частью стихотворения, завершающего повествование. Вкратце его смысл можно сформулировать так: во время последней встречи герои познают мысли друг друга и расстанутся без сожалений, когда их уже не связывают никакие узы. В переводе используются перестановки, добавления, многочисленные случаи смыслового развития, иногда не выражающие импликации оригинала.

Dance of chances (танец случайностей, рискованный танец) также подразумевает магию, этот смысл имплицитно фактологическим контекстом произведения, но в переводе — «танец надежды» — он утрачивается. Далее в переводном варианте фраза «когда узы нас более не связывают» переводится как «истает, порвется нить». Эта строка несет в себе более слабую экспрессивность по сравнению с оригиналом. В оригинале подводка к мысли о том, что связь между героями потеряна, по создаваемому впечатлению выглядит сильнее, предположительно из-за того, что слово bond (связь, узы) является чем-то более очевидным и крепким по сравнению с нитью. К тому же в переводе соответствующая строка поставлена не в конце, где автор подводит итог и завершает повествование, а второй, что нарушает композицию стихотворения. Последней фразой в переводе является изречение о жизни как полужизни-полу-смерти, что, собственно, не закладывалось в стихотворение. На наш взгляд, здесь прием смыслового развития был применен переводчиками неуместно. Нарушилась структура повествования, в результате смысл перестал соответствовать авторскому замыслу.

Итак, при переводе произведений, имеющих имплицитный смысл, особенно поэзии, где наряду с содержанием форма играет большую роль, очень важно определить структуру и композицию произведения, с помощью которых передается скрытый смысл, иначе может быть полная потеря информации, заложенной автором.

Довольно частое явление в художественных произведениях жанра фэнтези — общесмысловые высказывания, умозаключения или сентенции, принадлежащие персонажам или повествователю, которые обладают большой информационной насыщенностью. Одни из них являются двигателями сюжета, другие отражают философию героев и через них — автора, третьи являются отражением культурных аллюзий. Особенно примечательны с имплицитной стороны изречения, которые используются как цитаты, эпиграфы и т. п.

Безусловно, в этих изречениях может присутствовать имплицитная информация, особенно в художественных произведениях. Проанализируем следующий пример:

Оригинал	Перевод
Look forward, not back. Correct your course and go on. You cannot undo yesterday's journey. (Mad Ship, 1998, Robin Hobb)	Смотри вперед по курсу, а не за корму! Перелож руль — и полный вперед! Все равно вчерашней волны не вернешь! (М. Семенова, 2017)

Оригинал выстраивает глубокую символическую цепочку: «Смотри вперед, а не назад. Скорректируй курс и продолжай путь. Все равно вчерашнее плавание нельзя изменить (= Думай о будущем, а не о прошлом. Пересмотри свои цели и продолжай жить. Прошлые события, прошлую жизнь не исправить). Представленный перевод, несмотря на выразительность и обеспечение гармоничного ритмического рисунка, не лишен недостатка, который мы усматриваем в чрезмерной конкретизации. Этот прием, вероятно, соответствует идиостилю переводчика, однако он ослабляет четкие акценты, подводящие к импликациям, которые имеются в оригинале. В переводе информация конкретизируется, становится более образной, но поверхностной по смыслу. В первом высказывании вводится метафора с дескрипторами «по курсу», «не за корму», которые косвенно актуализируют значение судьбы, но делают это слабо, перенося внимание на образность и убирая абстрактность. Второе высказывание — «Перелож руль — и полный вперед» — привносит дополнительный смысл и вновь акцентирует эксплицитные образы. Кроме того, разговорное «перелож руль» в отличие от более нейтрального *correct your course* в большей степени имплицитно замешательство героя. Последняя часть, кульминационная («вчерашней волны не вернешь!») возвращает имплицитный смысл за счет эпитета «вчерашней» и предиката «не вернешь», однако заменяет прямую метафору жизни и судьбы — *journey* — более слабым образом волны.

Итак, между оригиналом и переводом имеется разница в степени абстракции и символической глубины, а также в экспрессивности и детальности образности. В переводном фрагменте внимание реципиента концентрируется на декодировании образно-фактологических деталей, и импликация осознается намного слабее, чем в оригинале. Впрочем, так или иначе читатель приходит к пониманию имплицитного смысла.

Психолингвистика имплицитности и перевод

Интерес представляет сам механизм передачи имплицитной информации, а также процесс ее вычленения. Как во многих произведениях фэнтези, во «Вселенной Элдерлингов» имплицитность появляется в результате иносказания, усиленного эффектом обманутого ожидания. Так, изначально читатель догадывается о значении имени, затем герой своими поступками демонстрирует противоположные этому значению вещи, и читатель начинает задумываться, что не все так просто, не все то, чем кажется. Вообще иносказание как способ передачи информации весьма полезно, им можно передавать будущим поколениям визионерскую информацию, не подходящую для времени актуального написания произведения, или же информацию, которая запрещена в рамках политической или культурной цензуры. В жанре фэнтези иносказание, нередко усиленное парадоксальностью обманутого ожидания, порождает мистифицирующий эффект, завораживает и вызывает острый интерес. Оно намекает на существование некоего герметичного знания и приглашает читателя найти к нему ключ.

Однако иносказание не означает, что в интерпретации соответствующих высказываний и их переводе допустима большая свобода. Чаще всего оно имеет направленный характер, кодируя имплицитный смысл. Одновременно в текстах такого рода алгоритмизируется воздействие на читателя, направляется декодирование им смысла. Поэтому свобода переводчика в обращении с такого рода текстами должна быть умеренной.

Немаловажно отметить, что реципиент получает имплицитную информацию через призму своей культуры, мировоззренческих парадигм, стереотипов. Поскольку имплицитная информация является неявной, но неотъемлемой частью структуры произведения, перед переводчиком стоит масштабная задача анализа и переработки информации оригинала и обеспечения ее доступности для адресата. При этом скрытая информация иногда бывает настолько зашифрована, что переводчик, даже распознав ее, может лишь догадываться о ее истинном значении. В свою очередь его перевод может вводить в заблуждение. А стоит учесть, что любое использование языка предполагает воздействие на восприятие мира и способ его структурирования [2]. И это снова подводит нас к необходимости по возможности придерживаться структуры и содержания оригинала.

Из сказанного следуют определенные выводы:

1) Сам язык и текст, созданный на нем, воздействуют на способ структурирования информации читателем.

2) За счет того, что системы языка могут порой кардинально различаться, в языке существует проблема непереводимости. Кодирование и декодирование информации зависит от особенностей языка, и, хотя элементы произведений можно воссоздать на другом языке, они могут нести в себе информацию, которая будет иметь отличия. Также может возникнуть ситуация, при которой некоторые структуры невозможно воссоздать.

3) ИмPLICITная информация представляет собой структуру, не имеющую самостоятельных средств выражения, тем не менее она достигает адресата при помощи определенного воздействия, оказываемого эксплицитными средствами. Для того чтобы передать имPLICITную информацию, переводчику нужно прежде всего воссоздать способ воздействия, его структуру и этапность. Нужно избрать способ воздействия на языке перевода, который активизирует аналогичную когнитивную деятельность реципиента, задействует соответствующие знания о мире, заставит сопоставлять их с текстовой информацией и приведет к осознанию имPLICATION.

Для проверки эффективности передачи имPLICITной информации в переводах фэнтези мы провели небольшой интерпретационный эксперимент. Четырнадцать респондентам был предъявлен перевод фрагментов с более или менее точным воссозданием структуры оригинала. Затем с отсрочкой тем же респондентам были предложены переводы с отступлениями от оригинала и множественными трансформациями. Вопрос после каждого фрагмента звучал так: «Что вы поняли из прочитанного?» Полученные интерпретации сопоставлялись с имPLICITными смыслами оригиналов и таким образом выявлялась степень понимания их респондентами.

Первый фрагмент касался выше проанализированной аллегорической сентенции: *Look forward, not back. Correct your course and go on. You cannot undo yesterday's journey.* Группе респондентов был предложен более точный вариант ее перевода, в котором выбраны средства передачи имPLICITной информации, практически эквивалентные средствам в оригинале: «Смотри вперед, а не назад. Скорректируй курс и продолжай путь. Все равно вчерашнее плавание не изменить». Затем респондентам предложили ту же сентенцию в переводе Марии Семенович: «Смотри вперед по курсу, а не за корму! Переложи

руль — и полный вперед! Все равно вчерашней волны не вернешь!» В первом случае 13 человек из 14 выразили смысл, аналогичный оригиналу. Во втором случае мнения разделились. Два человека интерпретировали смысл согласно задумке оригинала. Шесть человек восприняли перевод буквально, полагая, что первые две фразы говорят об управлении кораблем, а последняя — что вчерашний день уже не вернуть. Оставшиеся интерпретировали фрагмент далеко от оригинала, в том числе акцентируя погодные условия во время плавания.

Второй фрагмент был взят не из «Вселенной Элдерлингов», но из «Властелина колец» Дж. Толкиена, а именно сочиненное для Арагорна Бильбо Бэггинсом стихотворение: *All that is gold does not glitter, / Not all those who wander are lost; / The old that is strong does not wither, / Deep roots are not reached by the frost. / From the ashes a fire shall be woken, / A light from the shadow shall spring; / Renewed shall be blade that was broken, / The crownless again shall be king* (J. Tolkien, 1954). Респондентам были даны для интерпретации гармоничный по форме, но свободный и содержащий дополнительные имPLICATION перевод Андрея Кистяковского и более точный по смыслу, следующий композиционной структуре оригинала перевод Аркадия Застырца. В первом случае лишь один респондент выявил скрытый смысл адекватно и относительно полно, во втором случае — 12 респондентов.

Таким образом, варианты переводов, которые не соблюдают структуру и последовательность воздействия оригинала на читателя, не направляют декодирование этим читателем имPLICITного смысла оригинала. Эксперимент показал, что такие переводы могут вызывать непонимание не только скрытого, но даже и явного смысла. Важно учитывать, что достичь стопроцентной передачи информации достаточно сложно, поэтому следует стараться следовать замыслу и стратегиям автора.

Заключение

Нами была выдвинута гипотеза, что, если воссоздавать авторскую модель воздействия на читателей и следовать композиции и структуре произведения, то процесс донесения имPLICITного содержания до читателей будет осуществляться более эффективно. В результате практического исследования данная гипотеза была в основном подтверждена. Структурно-содержательное соответствие перевода оригиналу — минимальное условие и действенный прием для обеспечения

передачи импликаций, несоблюдение которого чревато утратой имплицитного смысла, а в некоторых случаях и эксплицитного. В этой связи оптимальной процедурой при переводе, вероятно, будет соблюдение в переводе тематической сетки (поля) оригинала, а также возможный обсчет соответствий оригинала и перевода по набору, комбинаторике и размещению, вкупе с определением композиционной привязки тематических линий [5].

Отметим, что при переводе имен собственных вполне приемлема транскрипция/транслитерация, а передача имплицитной информации эффективно осуществляется при помощи приведения русского эквивалента (в виде «клички») и экспликации (в виде пояснения в глоссарии). Имена абстрактных понятий (в нашем случае означающих магические способности) могут быть переведены с по-

мощью транскрипции/транслитерации с экспликацией, но с точки зрения имплицитного смысла предпочтительнее переводить их словарным эквивалентом либо с применением генерализации, смыслового развития. Перевод поэтических вставок и общесмысловых высказываний наиболее сложен, в нем, как правило, используются перестановки, добавления, трансформации смыслового развития, конкретизации и генерализации. Многочисленные трансформации в поэтических и общесмысловых фрагментах нередко искажают импликации оригинала. Особенно осторожно следует использовать смысловое развитие и добавления, которые встречаются в переводе поэзии и общесмысловых высказываний достаточно часто. Смысл фрагмента может быть искажен; более того, новые элементы могут разрушить саму концепцию произведения.

Литература

1. Арнольд И. В. Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения // Вопросы языкознания. 1982. № 4. С. 83—92.
2. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти / пер. с нем. Е. Г. Казакевич // Язык и моделирование социального взаимодействия: сб. ст. М.: Прогресс, 1987. С. 131—169.
3. Бондарко А. В. Эксплицитность/имплицитность в общей системе категоризации семантики // Эксплицитность/имплицитность выражения смыслов. Калининград; Светлогорск, 2006. С. 23—34.
4. Борисенко Т. В., Губайдуллина М. С. Фантазийная картина мира в произведениях жанра фэнтези // Вестник Челябинского государственного университета. 2019. № 1 (423). Филологические науки. Вып. 115. С. 37—42.
5. Бородина Н. В., Бортников В. И., Шишкина Е. Н. Тематическая сетка как инструмент определения эквивалентности перевода оригиналу // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 1 (447). Филологические науки. Вып. 123. С. 14—25.
6. Васильева В. А. Специфика перевода имплицитной информации на примере художественного текста // Гуманитарные научные исследования. 2016. № 1. С. 53—55.
7. Демьянков В. З. О техниках понимания имплицитной речи // Семантико-дискурсивные исследования языка: эксплицитность/имплицитность выражения смыслов. Калининград: Изд-во Рос. гос. ун-та им. И. Канта; Светлогорск, 2006. С. 34—52.
8. Долинин К. А. Имплицитное содержание высказывания // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 37—47.
9. Кашичкин А. В. Имплицитность в контексте перевода: дис. канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2003. 153 с.
10. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997. 287 с.
11. Мартынов В. В. Основы семантического кодирования. Опыт представления и преобразования знаний. Минск: Изд-во Европ. гуманитар. ун-та, М., 2001. 140 с.
12. Молчанова Г. Г. Семантика художественного текста (имплицитивные аспекты коммуникации). Ташкент: Фан, 1988. 163 с.
13. Молчанова Г. Г. Вербальный символ и маркетинговые коммуникативные стратегии текста // Вестник Московского университета. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 3. С. 9—26.
14. Молчанова Г. Г. Текст как двухмерная эксплицитно-имплицитная структура // Семантика и типология разносистемных языков. Ташкент: ТашГУ, 1986. С. 120—127.

15. Невинная А. Д. ИмPLICITность и ее виды. Екатеринбург: ИДОПП УрФУ, 2005. 12 с.
16. Нефедова Л. А. Когнитивные особенности представления имPLICITности в художественном тексте // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 24 (315). Филология. Искусствоведение. Вып. 82. С. 31—34.
17. Оганезова Т. С. Проблема отграничения имPLICITности от смежных понятий и явлений // Гуманитарные исследования. 2011. № 2 (38). С. 75—84.
18. Шелестюк Е. В. Семиотика: учеб. пособие. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2006. 147 с.
19. Шендельс Е. И. ИмPLICITность в грамматике // Вопросы романо-германской филологии: Синтаксическая семантика: сб. науч. тр. Моск. гос. пед. ин-та им. М. Тореза. М., 1977. Вып. 112.
20. Todorov Tz. Theories of the symbol. Ithaca (N.Y.), 1982.

Сведения об авторах

Шелестюк Елена Владимировна — доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Челябинского государственного университета, Челябинск, Россия. shelestiuk@yandex.ru

Киль Иван Павлович — студент специальности «Перевод и переводоведение» Костанайского филиала Челябинского государственного университета, Костанай, Казахстан. zaranak.zigloz@gmail.com

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 7 (453). *Philology Sciences. Iss. 125. Pp. 168—179.*

THE IMPLICIT CONTENT OF THE TEXT AND THE PROBLEM OF ITS INTERPRETATION (CASE STUDY OF ROBIN HOBB'S TRILOGY "REALM OF THE ELDERLINGS")

E. V. Svelestyuk

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

I. P. Kiel

Chelyabinsk State University, Kostanay Branch, Kostanay, Kazakhstan

The article discusses the problems of the implicit meaning of the fantasy-genre imaginative texts and the translation of implicit meanings in these texts. We are interested in the language and speech levels of the analysis of the implicit content of the original and translation, we study individual, although key symbolic units of the text. Particularly this article examines the implications of “speaking names”, symbolic abstract concepts, poetic insertions and general impersonal statements. Such an approach is justified due to the tendency of fantasy texts, which are parabolic, allegorical-symbolic, mythological in character, to contract verbiage and produce symbols. Many language and speech units of fantasy genre bear distinct signs of symbol: they are multi-tiered, multi-dimensional, archetypal, metaphoric/metonymic, reminiscent of cultural stereotypes and values, anagogical, esoteric, etc. Along with the implicit meaning of the above-mentioned units in the original, the principles of implicit meanings translation are studied, specific interpretations are evaluated for their implicit meanings in comparison with the originals.

Keywords: *implicitness, implicit, implicit meaning, convolution of meaning, symbolization, world image modeling.*

References

1. Arnold I. V. (1982) *Voprosy yazykoznanija*, no. 4, pp. 83—92 [in Russ.].
2. Blakar R. M. (1987) *Yazyk i modelirovaniye sotsial'nogo vzaimodeystviya* [Language and modeling of social interaction]. Moscow, Progress. Pp. 131—169 [in Russ.].
3. Bondarko A. V. (2006) *Eksplitsitnost'/implitsitnost' vyrazheniya smyslov* [Explicit/implicit expression of meanings]. Kaliningrad, Svetlogorsk. Pp. 23—34 [in Russ.].

4. Borisenko T. V., Gubaydullina M. S. (2019) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (423), pp. 37—42 [in Russ.].
5. Borodina N. V., Bortnikov V. I., Shishkina E. N. (2021) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (447), pp. 14—25. [in Russ.].
6. Vasil'yeva V. A. (2016) *Gumanitarnyye nauchnyye issledovaniya*, no. 1, pp. 53—55 [in Russ.].
7. Dem'yankov V. Z. (2006) *Semantiko-diskursivnyye issledovaniya yazyka: eksplitsitnost'/implitsitnost' vyrazheniya smyslov* [Semantic-discursive studies of the language: the explicitness/implicitness of the expression of meanings]. Kaliningrad, RSUH; Svetlogorsk. Pp. 34—52 [in Russ.].
8. Dolinin K. A. (1983) *Voprosy yazykoznaniiya*, no. 6, pp. 37—47 [in Russ.].
9. Kashichkin A. V. (2003) *Implitsitnost' v kontekste perevoda* [Implications in the context of translation. Thesis]. Moscow. 153 p. [in Russ.].
10. Leont'yev A. A. (1997) *Osnovy psikholingvistiki* [Basics of psycholinguistics]. Moscow, Smysl. 287 p. [in Russ.].
11. Martynov V. V. (2001) *Osnovy semanticheskogo kodirovaniya. Opyt predstavleniya i preobrazovaniya znaniy* [Basics of semantic coding. Experience and conversion of knowledge]. Minsk, European University of Humanities; Moscow. 140 p. [in Russ.].
12. Molchanova G. G. (1988) *Semantika khudozhestvennogo teksta (implikativnyye aspekty kommunikatsii)* [Semantics of artistic text (implicative aspects of communication)]. Tashkent, Fan. 163 p. [in Russ.].
13. Molchanova G. G. (2012) *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, no. 3, pp. 9—26 [in Russ.].
14. Molchanova G. G. (1986) *Semantika i tipologiya raznosistemnykh yazykov* [Semantics and typology of different-system languages]. Tashkent, TashGU. Pp. 120—127 [in Russ.].
15. Nevinnaya A. D. (2005) *Implitsitnost' i yeye vidy* [Implicitness and its types]. Yekaterinburg, IDOPP UrFU. 12 p. [in Russ.].
16. Nefedova L. A. (2013) *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedeniye*, no. 24 (315), pp. 31—34 [in Russ.].
17. Oganezova T. S. (2011) *Gumanitarnyye issledovaniya*, no. 2 (38), pp. 75—84.
18. Shelestyuk Ye. V. (2006) *Semiotika* [Semiotics]. Chelyabinsk. 147 p. [in Russ.].
19. Shendels E. I. (1977) *Voprosy romano-germanskoy filologii: Sintaksicheskaya semantika* [Questions of Romano-German philology: Syntax semantics: Collection of scientific papers. Iss. 112]. Moscow [in Russ.].
20. Todorov Tz. (1982) *Theories of the symbol*. Ithaca. [N.Y.].

СЕМАНТИКА ОНОМАТОПОВ ДЫХАНИЯ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

О. В. Шестакова

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь, Россия

Проведен семантический, фоносемантический и количественный анализ онома톱ов дыхания на материале немецкого и русского языков. На основе идеографического описания онома톱ов дыхания зафиксировано 35 тематических групп в трех семантических полях: природа (3), человек (23), априорные свойства бытия (9). Выявлены универсальные и специфические семантические переходы онома톱ов дыхания в немецком языке: *atmen* > *schimpfen*, *Naufen*; в русском языке: дыхание > пить, половой акт, обман, тратить деньги, терять, уменьшение.

Ключевые слова: *звукоизобразительность, фоносемантика, артикуляторные ономатопы, ономатопы дыхания, семантика, немецкий язык, русский язык.*

Звукоподражательные слова (ономатопы) могут обозначать самые разные, но определенным образом связанные между собой понятия: *жизнь, разум, любовь* и т. д. [2; 3; 6—8; 13—16; 18; 19; 23; 24]. Ономатопы отражают окружающий мир во всем его многообразии [13].

Наукометрические данные (на 10.02.2021) показывают, что в России и за рубежом наблюдается устойчивый интерес к данной проблематике: Количество публикаций по запросу *onomatopoeia/onomatopoeia* в поисковой платформе Google Scholar в 2020 г. составляет 473, 2019 г. — 528, 2018 г. — 560, 2017 г. — 580, 2016 г. — 480.

Однако сопоставительных исследований онома톱ов дыхания в немецком и русском языках в настоящее время нами не обнаружено. Новизна работы заключается в идеографическом описании онома톱ов дыхания и установлении регулярных семантических переходов, которые подтверждают устойчивую модель семантического развития онома톱ов. Звукоподражательные слова обладают свойствами некогда «единых синкретических, первоначально нерасчлененных комплексов» [6. С. 69], в процессе развития которых произошли многие лексические единицы в различных индоевропейских языках. Семантическое развитие немецких и русских онома톱ов дыхания доказывает синкретизм древнего мышления.

Под семантическим переходом понимается наличие некоей концептуальной смежности двух языковых значений — А и В, проявляющейся в том, что эти два значения совмещаются в пределах одного слова в широком смысле [5]. Изучение семантических переходов данных лексических единиц в се-

мантических и фоносемантических корреляциях позволяет выявить универсальные и специфические особенности языковых картин мира в немецком и русском языках. Исследование в данной научной парадигме, во-первых, может способствовать развитию типологических исследований и установлению универсального характера иконических слов как таковых. Во-вторых, установление регулярных семантических переходов онома톱ов дыхания позволяет выявить общие закономерности когнитивной деятельности человека. Системное представление лексики может способствовать усилению мотивации при обучении иностранному языку, а также эффективному усвоению и расширению словарного запаса.

Звукоподражательное слово (ономатоп) представляет собой имитацию фонемными средствами звуковой стороны объекта, явления или действия [2]: нем. *hatschi*, рус. *ачхи* — «звук чихания»; нем. *bum*, рус. *бам* — «звук удара».

В своих исследованиях мы опираемся на трехчленную классификацию онома톱ов: акустические и артикуляторные ономатопы [2], ономатопы говорения [15]. Артикуляторная ономатопия (звучания человеческого тела) в звукоизобразительной системе немецкого и русского языков составляет соответственно 7,6 и 7,9%, акустические ономатопы (звучания окружающего мира) — 81 и 82,9%, ономатопы говорения — 11,4 и 9,2% [13]. Таким образом, для звуковой картины мира немецкого и русского языков самые значимые — звучания окружающего мира. Однако жизнь тела, безусловно, является семиотически значимой и в немецкой, и в русской культуре.

В данной статье объектом исследования являются ономатопоны дыхания и производные от них лексико-семантические единицы в немецком и русском языках. Единицы, обозначающие дыхание, мотивированы в немецком и русском языках преимущественно артикуляторными ономатопами: нем. *blasen, pusten*; рус. *дышать, дуть*.

В ходе исследования применялись следующие методы: метод сплошной выборки, этимологический фоносемантический анализ, сопоставительный, количественный анализ, описательный метод.

В артикуляторной ономапопее немецкого и русского языков *дыхание* занимает значительное место: 12,6 и 16% [13]. Отметим, что в число исследуемых единиц включены не только «явные» звукоподражания: ср. нем. *hauchen* «дуть (тихо дышать)»; *keuchen* «тяжело дышать»; рус. *фукать, хукать, хухать, двохать*, но также слова, которые утратили семантическую связь с денотатом, звукоизобразительность которых устанавливается путем этимологического фоносемантического анализа на основе этимологических [7; 10—12], толковых [20; 22] и фоносемантических словарей [16]: *böse* «сердитый» < ие. *bu-/ *beu-/ *bhe-/ *be «дуть, надувать, пухнуть»; нем. *Tier* < герм. *deuza- < ие. *dhe so — «животное, имеющее душу, дышащее» [7. С. 141]; рус. *воздух* < ст.-сл. яз. *въздъхнути*, буквально «то, чем дышат» [11]; *хорек* > праслав. *dъxorь «хорек», первонач. *вонючка* > *дух, дохнуть* [10].

Звукоизобразительные слова различных языков сопоставимы друг с другом на уровне фонотипа, то есть типа фонемы в зависимости от ее акустико-артикуляторных характеристик (смычный, щелевой, взрывной, звонкий, сонорный и пр.) [2].

• **Дуновение (ртом):** нем. *ha, ho, hu, atmen, blasen, hauchen, pusten*; рус. *фук, хуу, нфу, нфф, фукать, дуть*. Глухой/звонкий взрывной указывает на смычный характер кинемы и участие губ; фрикативные — на спираторность; лабиальный — на участие губ.

• **Вдох/выдох:** нем. *ach, hu, puh, hauchen, seufzen*; рус. *дышать, пыхтеть, хьюкать, пышкать, дыхать, хухать ах, уфф, нф, ф-ф-ф*. Основным компонентом является глухой фрикативный, который отражает спираторность и щелевой характер кинемы.

• **Дыхание с присвистом:** нем. *ausschnaufen, schniefen_schnüpfeln, schnauben, puh, pusten, japsen, keuchen, hecheln*; рус. *фук, фить, хьюкать, быхать, сопеть, двохать, двошеть, хукать*.

Основной компонент — глухой фрикативный или взрывной.

• **Удушье:** нем. *urggh; würgen* «душить», в рус. не представлен. Заднеязычный смычный отражает заднеязычную смычку и горловой характер кинемы; вибрант — на перенапряжение горловой полости.

Таким образом, в лексеме *дыхание* в немецком и русском языках преобладают фрикативные звуки, которые указывают на движение воздуха. Немецкие глаголы *atmen, blasen* и русский глагол *дуть* содержат взрывной, а также лабиальный звуки, которые указывают на участие губ в процессе дыхания.

Семантический потенциал ономапов дыхания в немецком и русском языках представлен в лексико-семантической типологии на основе идеографических словарей: разбивка на семантические поля «a priori», «природа», «человек» [21], разбивка на тематические группы [1].

Природа

1. Природные явления: нем. *pusten, blasen, hauchen*; рус. *дуть, дышать*.

Ср. нем. *Zurzeit bläst uns der Wind nur so um die Ohren; Jetzt pustet einmal der Wind, und alles liegt wieder voll* (DWDS); рус. *Если ветер дуем с севера — будет день ясный*.

Семантический переход: «дыхание > ветер». Связь сем *дышать, дуть* и *ветер* носит регулярный характер в немецком и русском языках.

Другие природные явления также мотивированы ономатопами дыхания: нем. *Dunst* «дымка, туман»; *Dampf* «пар»; рус. *воздух, дым, дымка, туман*. Нем. *Dunst, Dampf* происходят от ие. *dhem(ə)- 'blasen, dampfen' «дуть, дымиться» [20], нем. *Duft* «запах, испарения» > *dhe ə- «дымиться, куриться» [7. С. 152]; ср. рус. *дым, дымка, туман*.

Семантический переход: «дыхание > природное явление».

2. Растения: нем. *Pustelblume*; рус. *одуванчик*. В немецком языке название растения принадлежит разговорной речи, в русском языке — нейтральной лексике.

Ср. нем. *Der Mensch ist wie eine Pustelblume am Rain... Bei jedem Windstoß fliegt ein Teil davon* (E. Strittmatter); рус. *Сидим и смотрим на этот пуховый одуванчик в траве между нами* (С. В. Соловьев).

Семантический переход: «дыхание > растение».

3. Животные: нем. *Tier* «животное»; *Biest* «тварь, скотина»; *Itis* «хорек»; рус. *хорек*.

Нем. *Tier*, а. *deer* «олень», шв. *djur* < герм. *deuza- < ие. *dhe so- «животное, имеющее душу, дышащее» < ие. *dhe- «дымить, дуть, дышать».

Семантическое развитие: *дышать* > *то, что дышит, живое существо* > *животное, зверь* > *олень* (сужение значения в английском языке) [7. С. 141].

Нем. *Biest* «тварь, скотина» < лат. *bestia* «зверь, животное», ср. лит. *dvasià* «дух», готск. *dius* «зверь»; рус. *дух, бестия* «животное», букв. «дышащее» [8].

Праслав. **dьxorь* «хорек», первонач. «вонючка», связано с *дух,дохнуть* [10]. В основе номинации нем. *Illis*, так же как и в русском языке, является резкий, терпкий запах животного. Семантическое развитие: *Illis* < ие. **цiis-* 'Gestank' «запах» [20], нем. *stinken* < герм. **fist-/fis-* «испускать воздух» < ие. **speis-* «дуть, сопеть».

Семантический переход: «дыхание > животное».

Априорные свойства бытия

1. Отрицание: нем. *abblasen* «давать отбой, отменять (*бой, выступление, мероприятие*)»; *Pustekuchen* фам. «как бы не так»; ср. рус. *нет уж, дудки!*

Ср. нем. *Nicht ausgeschlossen ist auch, dass die Briten den Brexit sogar noch ganz abblasen; ich habe gedacht, es klappt, aber Pustekuchen!* (DWDS); рус. *Нет уж, дудки!*

Данные языковые единицы в немецком и русском языках имеют разговорную окраску. Следует отметить, что немецкий глагол *abblasen* в значении *отменять* активно используется в газетно-публицистической речи.

Семантический переход: «дуть > отрицание».

2. Скорость: нем. *wie fortgeblasen* «как ветром сдуло»; *anschmaufen* «подходить пыхтя»; рус. *дуть* «быстро бежать, мчаться; как [будто / словно / точно] ветром сдуло [сдунуло].

Ср. нем. *Sobald man die Arbeit zu verteilen begann, war er wie fortgeblasen. Die Frau hatte jahrzehntelang körperliche Beschwerden, die wie weggeblasen sind, seit sie über ihre Erlebnisse redet; Völlig abgehetzt schnnaupte er an* (Duden); рус. *И точно: пройдет годик-другой, глядь, — все как ветром сдуло!* (Садовской).

Семантический переход: «дуть > скорость».

3. Интенсивность: нем. *hauchzart* «нежнейший; тончайший»; *hauchdünn* «очень тонкий, тончайший»; ср. рус. *легкий, как дыхание*.

Ср. нем. *Uns ist es wichtig, dass Sie sich bei allen Behandlungen wohl fühlen und auch nachher mit dem Ergebnis Ihrer hauchzarten Haut zufrieden sind* (Reklame Kosmetik Münster); Eine der berühmtesten Chocolate-Spezialitäten: *Hauchdünne Täfelchen aus feiner Edelbitter-Chocolate* (Schokolade Lindt).

Интенсивность в русском языках часто выражается ономотопом *дуть*: 1) «делать что-л. с силой, с азартом, увлечением»: ср. рус. *дуть «Онегина» наизусть* (читать); 2) «пить в большом количестве»: ср. рус. *дуть водку*; 3) «сильно бить, колотить»: ср. рус. *вздуть кого-л.*

Семантический переход «дуть > интенсивность».

4. Множественность: нем. *Blase* фам. «шатия-братия, компашка, орава».

Ср. нем. *Die ganze Blase hat sich versammelt und ging dann ins Gasthaus.*

Семантический переход в немецком языке: «дуть > совокупность».

5. Увеличение: нем. *aufblasen* «надуть щеки», «накачать мяч, шину»; рус. *надуть щеки, вздуть* «непомерно увеличить (цену и т. д.)».

Ср. нем. *Abel blies seine Backen auf und taumelte einmal nach rechts und einmal nach links* (DWDS); рус. *Компания «Юнань» смогла снова вздуть цены, и пайщики положили в карман 160 тысяч юаней прибыли* (Г. Боровик).

Семантический переход: «дыхание > увеличение».

6. Уменьшение: рус. *выдохнуться* «потерять запах, крепость, вкус», «утратить силу, энергию, желание», «иссякнуть, истощиться».

Ср. рус. *Кофе грозил выдохнуться, хоть гадание на гуще и предрекало счастливую встречу* (М. Каминарская).

Семантический переход в русском языке: «дыхание > уменьшение».

7. Округлость, выпуклость: нем. *Beule* «шишка», *Bolle* «желвак, шишка», *Bohle* «толстая доска», *Bausch* «выпуклость», «рулон (бумаги, сукна)», *Bauch* «живот», *Pausbacke* фам. «круглые, красные щеки»; ср. рус. *подушка, пузо, бутуз, пухлый, пышка*.

Ср. нем. *Die Beule am Kopf hast du doch gesehen* «,antwortete Brenten (W. Bredel); рус. *На пузе шёлк, в животе щёлк*.

Семантический переход: «дуть > округлость, выпуклость».

8. Полость, пустота: нем. *Beutel* «мешок, кошелек», швейц.-нем. *Bücki* «бочка, кадка», *Butte* ю.-нем. «деревянный сосуд», *Bütte* «кадка, чан»; ср. рус. *бочка, пузырь*.

Ср. нем. *Du kriegst nicht mal einen Beutel Milch, denn es gibt keinen Laden mehr* (DWDS); рус. *Ну, взяли! Вскатим — бочка вина на всех!* (В. Быков).

Семантический переход: «дуть > полость, пустота».

9. Сверхъестественное: нем. *Butz* «домовой, гном», *Butzemann* «нечистый, леший» < *buh/puh*

«звук дыхания» [18]; рус. *дух, душа*. *Butz* < *buh/puh* «звук дыхания».

Ср. нем. *Damals hießen die Naturdämonen noch nicht Prionus und Seperatorius, sondern Butzemann und Pffingstlümmler* (DWDS); рус. *Я сегодня святым духом съят, — похоже на истину, добавил он* (А. Шмелев).

Семантический переход: «дыхание > сверхъестественное».

Человек

1. Органы, части тела, физиологические процессы: нем. *Blase* «пузырь»; *Bläschenatmen* везикулярное дыхание; *Blasrohr* разг. «задний проход»; *Schnabel* разг. «рот»; *Beule* «шишка», *Bolle* «желвак, шишка», *Vauch* «живот», ср. рус. *сопатка* «нос»; *пузырь*; *дыхалка* «дыхательные пути, легкие»; *дых* «подложечная впадина»; *дыхло* жарг. «легкие, рот, ноздри»; *поддувало* «рот, отверстие, хайло», жарг. «зад, ягодицы, анальное отверстие»; *пузо*. Данная лексика в русском языке имеет преимущественно разговорную окраску, в немецком языке также зафиксирована нейтральная и специальная лексика: *Bläschenflechte* «герпес».

Ср. нем. *Nun mußte ich mir die Schuhe ausziehen, und ich hatte eine große Blase am linken Fuß* (DWDS); рус. *Операция несложная, рядовая — вырежут желчный пузырь, и никаких проблем не будет* (А. Тартак).

Семантический переход: «дыхание > органы, части тела».

2. Пить: рус. *дуть* «пить в большом количестве». Ономапов дыхания актуализируют интенсивность действия.

Ср. рус. *Нечего дуть воду целый день!*

Семантический переход в русском языке «дыхание > пить».

3. Усталость: нем. *die Puste verlieren / ganz außer Puste sein / aus der Puste kommen* «запыхаться, задышаться (от ходьбы, бега), выдохнуться». рус. *дохлый, выдохнуться* «утратить силу», *сдуться, дохляк*. Артикуляторные ономаповы обозначают физическое состояние. Семантический переход: «дыхание > физическая слабость».

Ср. нем. *Als wir auf dem Berg angelangt waren, war ich ganz außer Puste. Bei den vielen Prüfungen ging ihr die Puste aus*; рус. *Уже пора бы немцам выдохнуться, а англичанам собраться с духом и силами* (В. Давыдов).

4. Болезни, нездоровье: нем. *Bläschenrotlauf* «буллезная рожа», *Bläschenflechte* «герпес»; *Pustel* «пустула, гнойник» (*pusten* «(сильно) дуть»);

Keuchhusten «коклюш» (*keuchen* «пыхтеть»); *Schnupfen* «насморк»; рус. *хрипы, ханьгать, дохатъ* «кашлять», *одышка*.

Ср. нем. *Die Hanni hatte seit einiger Zeit viel weniger Pickel, Pusteln und Mitesser im Gesicht als früher* (Sommer); рус. *Окоченела вся, а дома — опять на печь и дохатъ будешь* (Ф. В. Гладков).

Семантический переход: «дыхание > болезни, нездоровье».

5. Процессы мышления, понимания: ср. нем. *Tor* «дурак», *törricht* «безрассудный, глупый»; рус. *дурь, дурак*.

Ср. нем. *Es ist törricht, zu fragen, welche besondere Übung für dieses oder jenes Leiden angebracht sei* (DWDS); рус. *Дурак надутый*.

Семантический переход: «дыхание > процессы мышления, понимания».

6. Высокомерие: нем. *Schnaufer* «высокомерный человек», швейц. «молокосос», *sich aufblasen* «важничать, кичиться» ср. рус. *надутый, надменный*.

Ср. нем. *Blas dich doch nicht so auf!* (DWDS); рус. *Важный. Надутый. Ходит, естественно, дурак дураком. Однако на непросвещенный взгляд незаметно* (В. Володин).

Семантический переход: «дыхание > высокомерие».

7. Ложь: рус. *надувать* «вводить в заблуждение; обманывать».

Ср. рус. *Эти конторы и меня несколько раз пытались надуть* (Э. Лефевр).

Семантический переход в русском языке: «дыхание > обман».

8. Зарождение жизни: нем. *einer Sache (D) Leben einhauchen* «вдохнуть жизнь в какое-либо дело»; рус. *вдохнуть* «пробудить к жизни; оживить».

Ср. нем. *Kurz bevor alle Sicherungen durchknallten, bekommt der kränkelnde Patient neues Leben eingehaucht* (DWDS); рус. *Ему, как никому другому со времен греческих трагиков, удастся вдохнуть жизнь в образы своих мифологических персонажей* (Э. Гамильтон).

Семантический переход: «дыхание > начало».

9. Старение: нем. *bis zum letzten Schnaufer* «до последнего издыхания/вздоха»; рус. *дышать на ладан*.

Ср. нем. *Aber wenn sie hören, daß eine Dampflok irgendwo den letzten Schnaufer tut, möchten sie am liebsten alle den schwarzen Schlips anziehen* (DWDS); рус. *Господин Струве объяснил, что с тех пор, как в России отменили цензуру, издательство дышит на ладан и готово в любой момент закрыться* (Б. Левин).

Семантический переход: «дыхание > старение».

10. Смерть: нем. *j-s Lebenslicht wurde ausgeblasen/pustet* «кто-л. умер/погиб»; *das Leben/die Seele/ den letzten Atem aushauchen* «испустить дух»; *würgen* «душить»; рус. *сдыхать, сдохнуть,дохлый, испустить дух, удушить*. В русском языке эта группа значительно больше, чем в немецком языке.

Ср. нем. *Anders liegen die Dinge, wenn einer unsrer nächsten Verwandten sein Leben ausgehaucht hat* (DWDS). *Nicht diese stumme Kritik würgte mir so atemraubend den Hals zu* (DWDS); рус. *Не хочешь быстро сдохнуть, будешь медленно сдыхать, морда твоя шакаля* (А. Ростовский). *Он сломал запертую изнутри дверь и принялся душить жену отрезом невода* (Е. Некрасова).

Семантический переход: «дыхание > смерть».

11. Речь, общение, коммуникация: нем. *hauchen* «тихо шептать»; *anblasen* «обругать кого-л.»; рус. *выдохнуть* «быстро, не переводя дыхания, произнести»; *отдуваться* «отвечать за кого-, что-л.».

Ср. нем. *Der Sterbende hauchte nur noch Worte von dem Sohne Gottes* (DWDS); рус. *Петров выдохнул приветствие, точнее, спросил сына «Что?»* (А. Б. Сальников).

Семантический переход: «дыхание > говорить».

В немецком языке семантический переход: «дыхание > ругаться».

12. Интимные отношения, любовь, секс: нем. *j-n zum Schnaufen bringen* «распалить/заводить кого-л.», «возбуждать в ком-л. влечение, страсть» (*schnaufen* «пыхтеть»), рус. *неровно дышать* «быть влюбленным в кого-л.»; *воздыхатель* «поклонник»; *вдуть* «совершить половой акт».

Ср. нем. *Brian ist ein Beau, der ein bisschen aussieht wie Ashton Kutchers älterer Bruder [...] und flüchtige Bekanntschaften zum Schnaufen zu bringen ist für ihn durchaus normal*; рус. *А раз так, то пускай вопит себе сколько влезет! — Может, вдуть ей, Никита? — в раздумье спросил его напарник, мысливший, вероятнее всего, в том же ключе* (В. Громов).

Семантический переход: «дыхание > любовь»; в русском языке «дыхание > половой акт».

13. Волнение, переживание: нем. *seufzen* «вздыхать, сожалеть»; рус. *вздыхать* «тосковать, горевать, грустить о ком-либо».

Ср. нем. *Alf seufzt (stöhnt) über so viel Unverständnis*; рус. *И мы прекратили его производство, хотя отдельные артиллеристы продолжали печально вздыхать* (Н. Хрушев).

Семантический переход: «дыхание > волнение».

14. Музыкальные инструменты: нем. *Blasinstrumente* «духовые инструменты», *Pusterohr* «дудочка (детская игрушка)»; рус. *духовые инструменты, дудка*. Онома топы дыхания обозначают способ извлечения звука.

Семантический переход: «дыхание > музыкальный инструмент».

15. Тратить деньги: рус. *профукать* «промотать, растратить».

Рус. *Это удалось очень быстро проесть и профукать на тряпки* (К. Сурикова).

Семантический переход в русском языке: «дыхание > тратить деньги».

16. Трудиться: нем. *würgen* «вкалывать, пахать»; рус. *пыхтеть* «усиленно трудиться над чем-л.»; *отдуваться* «делать что-л. за других; отвечать за кого-, что-л.» Онома топы дыхания обозначают учащенное/затрудненное дыхание при активной физической или иной нагрузке.

Ср. нем. *Er würgte den ganzen Tag* (Duden) рус. *Вот так превратишься в муравьев, а они возьмут и заставят вместе с ними пыхтеть на строительстве...* (В. Медведев).

Семантический переход: «дыхание > работать».

17. Бестолковая, неаккуратная деятельность: рус. *профукать* «промотать, проворонить».

Ср. рус. *Так профукать сцену объяснения в любви на перроне в Бологом!* (М. Б. Бару).

Семантический переход в русском языке: «дыхание > терять».

18. Профессия, виды деятельности, место работы: нем. *Glasbläser, Glasblasen*; рус. *стеклодув, выдувание*.

Семантический переход: «дыхание > деятельность человека».

19. Наука. Онома топы дыхания часто образуют медицинские термины в немецком и русском языках: нем. *Atmungsdynamik, Blase, Pustule*; рус. *динамика дыхания, пузырь, пустула*. Сема дуть, дышать присутствует во многих технических терминах: нем. *Atmen* «пульсация, периодическая деформация», *Atmungsgift* «фумигант», *Atmung des Darmes* «газопроницаемость колбасной оболочки», *Blasenbeton* «ячеистый бетон», *Blasberge* «пустая порода для пневматической закладки», *Blaskern* «стержень, изготовленный на пескодувной машине», *Hauch* «белесоватость, вуаль, матовый налет, помутнение, шум, создаваемый электронными лампами»; рус. *дыхательный пресс* (для сушки шпона), *дутьевая форма, дутьевой режим, наддув* (в доменную печь). От нем. глагола *blasen* «дуть»

зафиксировано 64 термина, тогда как от русского глагола *дуть* — 22.

Регулярный семантический переход: «дыхание > термин».

20. Отдых: нем. *ausschnaufen, verschnaufen, verpusten* «отдышаться, передохнуть»; рус. *отдыхать, отдышаться, передохнуть*.

Ср. нем. *Da muß ich mir mal verpusten*; рус. *Тогда я предлагаю остановиться и передохнуть немного* (В. Постников).

Семантический переход: «дыхание > отдых».

21. Курить: нем. *pusten* берл. «курнуть (закурить)»; рус. *пыхать*.

Ср. нем. *Irgendwann wollten wir endlich zur Vernunft kommen und mit dem Rauchen aufhören. Zum Glück rettete uns besagter Herr mit... Nie würde einem Kätzchen Zigarettenrauch direkt in die Augen pusten!*; рус. *А тогда он шел радостный по улице Горького, пыхал папироской* (Г. Я. Бакланов).

Семантический переход: «дыхание > курить».

22. Пить спиртное: нем. *einen blasen* «опрокинуть рюмочку»; ср. рус. *дуть* «пить в большом количестве».

Ср. нем. *Wie der schwankt, der hat bestimmt einen geblasen*; рус. *Ну, что же: так мы и будем веками дуть эту сивуху? Хватит уж, хватит, мил-человек: хватит ее дуть-то, пора и честь знать* (В. Шукшин). Выражения имеют сниженную разговорную окраску: в русском языке обозначают интенсивность приема спиртного, тогда как в немецком языке — весьма умеренное потребление.

Семантический переход: «дуть > пить спиртное».

23. Одежда: нем. *Hauchstrumpf* «чулок-паутинка»; ср. рус. *фуфайка*.

Ср. нем. *Neben Export zugunsten der sowjetischen Devisenhortung ist der Hauch-Strumpf für die Sowjetfrauen bestimmt*; рус. *Вицин, правда, был в шубе, а на мне только легкая фуфайка* (Ю. Никулин).

Семантический переход: «дыхание > одежда».

24. Средства передвижения: *Schnaufel* «драндулет, старомодная тархтелка» (*schnaufen* «сопеть, пыхтеть, тяжело дышать»); рус. *пыхтелка* «старый авто». Ономасты дыхания указывают на звук, производимый транспортным средством.

Ср. нем. *Opel hat ein Raketenauto aus den zwanziger Jahren hergeschafft, ein hundertjähriges Schnaufel und einen Rallye-Wagen* (Lingvo); рус. *Mercedes E-class 2-литровая пыхтелка*.

Семантический переход: «дыхание > транспортное средство».

25. Функционирование техники: нем. *blasen* 1) «дуть, продувать, подавать дутьё»; 2) «производить пневматическую закладку»; *Blasenhammer; Blasmachine*; рус. *вдувать, подавать воздух, пультыковая камера, пескодувная машина*.

Семантический переход: «дыхание > функционирование техники».

В фоносемантическом и количественном аспектах ономасты дыхания являются весьма многочисленными и разнообразными по составу (четыре типа: дуновение, вздох/выдох, дыхание с присвистом, удушье) в артикуляторной ономастике немецкого и русского языков. Звукоизобразительными доминантами в немецких и русских лексических единицах, обозначающих дыхание, являются фрикативные звуки, которые создают движение воздуха, а также взрывные и лабиальные звуки, указывающие на движение губ в процессе дыхания (ср. нем. *blasen, hauchen, atmen*; рус. *дышать, дуть, фукать*).

Семантический потенциал звукоизобразительной гиперлексемы *дуть/дышать* в немецком и русском языках включает большое количество сфер окружающей действительности. Ономасты дыхания обозначают не только физиологические процессы и природные явления, но и эмоциональные, психические, умственные характеристики человека, а также абстрактные понятия: «пространство», «форма», «время» и др. В семантическом поле «Природа» зафиксированы три тематические группы: «Природные явления», «Растения», «Животные»; в семантическом поле «Человек» — 25 тематических групп: «Органы, части тела, физиологические процессы», «Усталость», «Болезни, нездоровье», «Процессы мышления, понимания», «Высокомерие», «Профессия, виды деятельности, место работы», «Зарождение жизни», «Старение», «Смерть», «Речь, общение, коммуникация», «Интимные отношения, любовь, секс», «Волнение, переживание», «Музыкальные инструменты», «Трудиться», «Наука», «Отдых», «Курить», «Пить спиртное», «Одежда», «Средства передвижения», «Функционирование техники», в русском языке — еще четыре группы: «Пить» (*дуть* «пить в большом количестве»), «Ложь» (*надуть* «обманывать»), «Тратить деньги» (*профукать* «промотать, растратить»), «Бестолковая, неаккуратная деятельность» (*профукать* «промотать»). В семантическом поле «A priori» в немецком и русском языках зафиксировано шесть тематических групп: «Отрицание», «Скорость», «Интенсивность», «Увеличение», «Уменьшение,

«Округлость, выпуклость», «Полость, пустота», «Сверхъестественное», в немецком языке — «Множественность» (*Blase* «компашка»).

В таблице представлен количественный состав семантических полей лексемы *дуть/дышать* в немецком и русском языках:

Семантические поля	Кол-во			
	ед.		%	
	Нем. яз.	Рус. яз.	Нем. яз.	Рус. яз.
<i>A priori</i>	17	15	15	19
Природа	9	8	8	10
Человек	90	57	77	71
	116	80		

По типологии тезауруса Ф. Дорнзайфа, в нашем материале ономаины дыхания сопоставляемых языков представлены семантическими полями *a priori* (нем. яз. — 15%, рус. яз. — 19%), *природа* (нем. яз. — 8%, рус. яз. — 10%), и *человек* (нем. яз. — 77%, рус. яз. — 71%). Подавляющее большинство ономаинов располагаются в семантическом поле *человек*.

По типологии тезауруса О. С. Баранова, самое большое количество ономаинов дыхания в немецком и русском языках зафиксировано в группе «Функционирование техники».

Ономаины дыхания сопоставляемых языков имеют регулярные семантические переходы, образуя достаточно жесткую модель семантического развития. Всего установлен 31 регулярный семантический переход: *дыхание > ветер; природные явления; растения; животные; отрицание; скорость; интенсивность; округлость, выпуклость; полость, пустота; сверхъестественное; органы, части тела, физиологические процессы; усталость; болезни, нездоровье; процессы мышления, понимания; высокомерие; начало; старение; смерть; говорить; любовь, интимные отношения; волнение; музыкальные инструменты; работать; деятельность человека; термин; отдых; курить; пить спиртное; одежда; средства передвижения; функционирование техники*.

В семантике немецких и русских ономаинов дыхания в нашем материале обнаружены незначительные количественные и качественные различия. Так, в немецком языке выявлено два семантических перехода: *дыхание > ругаться (anblasen «обругать кого-л.»), множество (Blase «компашка»)*. В русском языке зафиксировано шесть семантических

переходов: *дыхание > пить (дуть «пить в большом количестве»); половой акт (вдуть «совершить половой акт»); обман (надуть «обмануть»); тратить деньги (профукать «растратить»); терять (профукать «промотать»); уменьшение (выдохнуться «иссякнуть, истощиться»)*. Наличие специфических семантических переходов в немецком и русском языках отражает особенности немецкой и русской культуры. Возможно, некоторые отличия обусловлены недостаточностью исследованного материала.

Важно отметить, что исследуемые единицы принадлежат не только разговорной речи, что характерно для ономаинов в целом. Следует отметить, что в немецком и русском языках существует большое количество технических научных, специальных терминов, образованных от ономаинов дыхания. В немецком языке эта группа почти в 3 раза больше, чем в русском. Технологические процессы и функционирование техники в стеклодувном, металлургическом деле мотивируются в немецком и русском языках ономаинами дыхания, которые обозначают действия, производимые в процессах: *выдуть стекло, дуть песок* и т. д. В горном деле в немецком языке специальных терминов, мотивированных звукоподражаниями, в том числе ономаинами дыхания, больше, чем в русском: ср. нем. *Blasversatz*, рус. пневматическая закладка, нем. *Blasbetrieb*, рус. пневмотранспорт. Подтверждается тенденция, характерная для научной терминологии в русском языке: большое количество иноязычных заимствований. Однако ономаины дыхания в технической терминологии, а именно в сфере металлургии и стеклодувного дела, в русском языке встречаются чаще, чем акустические или другие артикуляторные ономаины. Это обусловлено тем, что обработка металла и стеклодувное ремесло возникли в Древней Руси много веков назад, тогда как в горном деле, родиной которого является Германия, большое количество заимствований из немецкого языка: *бремсберг, шурф, штрек* и др.

Таким образом, ономаины дыхания в немецком и русском языках развивают обширный спектр значений. В ходе фоносемантического, семантического и количественного анализа отмечено больше универсальных черт, чем специфических. Исследование семантической эволюции ономаинов дыхания позволяет прояснить многие вопросы, связанные с когнитивными процессами и характером отражения в языке объективной реальности, особенностями ее категоризации и концептуализации.

Список литературы

1. Баранов О. С. Идеографический словарь русского языка. М., 1995. 820 с. URL: <https://ideographic.academic.ru/> (дата обращения 16.09.2020).
2. Воронин С. В. Основы фоносемантики. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 248 с.
3. Газов-Гинзберг А. М. Символизм прасемитской флексии. О безусловной мотивированности знака. М.: Наука, 1974. 121 с.
4. Дрожащих Н. В. Синергетическая модель иконического пространства языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Барнаул, 2006. 32 с.
5. Зализняк А. А. Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 32—51.
6. Левицкий В. В. Звуковой символизм: мифы и реальность: монография. Черновцы: Рута, 2009. 186 с.
7. Левицкий В. В. Этимологический словарь германских языков: в 2 т. Черновцы: Нова кн., 2010.
8. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов. М.: Владос, 1996. 415 с.
9. Михалев А. Б. От фоносемантического поля к протоконцептуальному пространству языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 1 (38). С. 91—104.
10. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986—1987. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/vasmer/>.
11. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М., 1993.
12. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. М.: Дрофа, 2004. 398 с.
13. Шестакова О. В. Мир сквозь призму ономастопеи. Пермь. 2016. 302 с.
14. Шестакова О. В. Ономастопея как способ выражения семантики концепта «Любовь» // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2018. № 3. С. 87—96.
15. Шляхова С. С. Тень смысла в звуке: Введение в русскую фоносемантику: учеб. пособие. Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2003. 216 с.
16. Шляхова С. С., Шестакова О. В. Немецкая ономастопея: история изучения, проблемы, немецко-русский словарь. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2011. 289 с.
17. Шляхова С. С., Вершинина М. Г. Фоносемантическая звуковая картина мира. Пермь, 2016. 423 с.
18. Auracher J. Sound iconicity of abstract concepts: Place of articulation is implicitly associated with abstract concepts of size and social dominance // PLoS ONE. 2017. № 12 (11). URL: https://www.researchgate.net/publication/320792396_Sound_iconicity_of_abstract_concepts_Place_of_articulation_is_implicitly_associated_with_abstract_concepts_of_size_and_social_dominance (дата обращения 16.09.2020).
19. Catricalà M., Guidi M. A. Onomatopoeias: a new perspective around space, image schemas and phoneme clusters // Cognitive processing. 2015. № 16 (1). P. 175—178. URL: http://www.academia.edu/15275161/Onomatopoeias_a_new_perspective_around_space_image_schemas_and_phoneme_clusters_DOI_10.1007/s10339-015-0693-x_Papers (дата обращения 16.09.2020).
20. Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jh. URL: <http://www.dwds.de/> (дата обращения 16.09.2020).
21. Dornseiff F., Quasthoff U., Wiegand H. E. Der deutsche Wortschatz nach Sach-gruppen. Berlin; New York: de Gruyter, 2004. 933 S.
22. Duden. Deutsches Universal Wörterbuch. URL: <http://www.duden.de> (дата обращения 16.09.2020).
23. Sidhu D. M., Pexman P. M. Five mechanisms of sound symbolic association // Psychonomic Bulletin & Review. 2018. 25 (5). P. 1619—1643. URL: <https://link.springer.com/content/pdf/10.3758%2Fs13423-017-1361-1.pdf> (дата обращения 16.09.2020).
24. Tzeng Ch. Y., Namy L. L. The Specificity of Sound Symbolic Correspondences in Spoken Language // Cognitive Science. 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/311982476_The_Specificity_of_Sound_Symbolic_Correspondences_in_Spoken_Language, (дата обращения 16.09.2020).

Сведения об авторе

Шестакова Ольга Валентиновна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и связей с общественностью Пермского национального исследовательского политехнического университета, Пермь, Россия. shestakova64@mail.ru

Bulletin of Chelyabinsk State University.

2021. No. 7 (453). *Philology Sciences. Iss. 125. Pp. 180—189.*

SEMANTICS OF RESPIRATORY ONOMATOPES IN GERMAN AND RUSSIAN LANGUAGES

O. V. Shestakova

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia. shestakova64@mail.ru

In the paper a semantic, phonosemantic and quantitative analysis of respiration onomatopoes was carried out on the material of the German and Russian languages. By means of epy etymological phonosemantic analysis the iconic origin of “implicit” onomatopoeia is substantiated: Germ. böse “angry”, Rus. хопек. A sound-visual dominant is established. Based on the ideographic description of respiration onomatopoes, 35 thematic groups have been recorded: nature (3), man (23), a priori properties of being (9). Revealed universal (31) and specific semantic transitions of onomatopoes of respiration in German (2) and Russian (6). The study of the semantic development of breathing onomatopoes in the sound-iconicity system of the language confirms the universal nature of the reflection of objective reality in the language.

Keywords: *sound-iconicity, phonosemantics, articulatory onomatopoes, respiration onomatopoes, semantics, German, Russian.*

References

1. Baranov O. S. (1995) *Ideograficheskii slovar' russkogo iazyka* [The ideographic dictionary of the Russian language]. Moscow. 820 p. Available at: <http://dic.academic.ru/> [in Russ.].
2. Voronin S. V. (1982) *Osnovy fonosemantiki* [Fundamentals of phonosemantics]. Leningrad, Leningrad State University. 248 p. [in Russ.].
3. Gazov-Ginzberg A. M. (1974) *Simvolizm prasemitskoi fleksii. O bezuslovnoi motivirovannosti znaka* [Symbolism of prasemitic inflexion. On the unconditional motivation of the sign]. Moscow, Nauka. 122 p. [in Russ.].
4. Drozhashchikh N. V. (2006) *Sinergeticheskaja model' ikonicheskogo prostranstva iazyka* [Synergetic model of the iconic space of language. Abstract of thesis]. Barnaul. 32 p. [in Russ.].
5. Zaliznyak A. A. (2013) *Voprosy yazykoznanija*, no. 2, pp. 32—51 [in Russ.].
6. Levitskii V. V. (2009) *Zvukovoj simvolizm: mify i real'nost'* [Sound symbolism: myths and reality]. Chernovcy, Ruta. 186 p. [in Russ.].
7. Levitskii V. V. (2010) *Etimologicheskii slovar' germanskikh iazykov v 2 t.* [Etymological dictionary of Germanic languages in 2 vol.]. Chernovtsy, Nova kniga [in Russ.].
8. Makovskii M. M. (1996) *Sravnitel'nyi slovar' mifologicheskoi simboliki v indoevropskikh iazykakh: obraz mira i miry obrazov* [Comparative dictionary of mythological symbols in Indo-European languages: the image of the world and the worlds of images]. Moscow, Vlasos. 415 p. [in Russ.].
9. Mihalev A. B. (2014) *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, no. 1 (38), pp. 91—104 [in Russ.].
10. Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Available at: <http://dic.academic.ru/>, accessed 16.09.2020 [in Russ.].
11. Chernykh P. Ia. (1993) *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo iazyka v 2 t.* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language in 2 vol.]. Moscow [in Russ.].
12. Shanskij N. M., Bobrova T. A. (2004) *Shkol'nyj etimologicheskij slovar' russkogo yazyka. Proiskhozhdenie slov* [School etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Drofa. 398 p. [in Russ.].

13. Shestakova O. V. (2016) *Mir skvoz' prizmu onomatopei* [World through the prism of onomatopoeia]. Perm, Perm National Research Polytechnic Univ. 302 p. [in Russ.].
14. Shestakova O. V. (2018) *Vestnik PNIPU. Problemy iazykoznanii i pedagogiki*, no. 3, pp. 87—96 [in Russ.].
15. Shliakhova S. S. (2003) *Ten' smysla v zvuke: vvedenie v russkuiu fonosemantiku* [Shadow of a meaning in sound: introduction to the Russian phonosemantics]. Perm, Perm State Pedagogical Univ. 216 p. [in Russ.].
16. Shliakhova S. S., Shestakova O. V. (2011) *Nemetskaia onomatopeia: istoriia izucheniia, problemy, nemet-sko-russkii slovar'* [German onomatopoeia: history of study, problems, German-Russian dictionary]. Perm, Perm National Research Polytechnic Univ. 289 p. [in Russ.].
17. Shliakhova S. S., Vershinina M. G. (2016) *Fonosemanticheskaia zvukovaia kartina mira* [Phonosemantic sound picture of the world]. Perm. 423 p. [in Russ.].
18. Auracher J. (2017) *PLoS ONE*, 12 (11). Available at: https://www.researchgate.net/publication/320792396_Sound_iconicity_of_abstract_concepts_Place_of_articulation_is_implicitly_associated_with_abstract_concepts_of_size_and_social_dominance, accessed 16.09.2020.
19. Catricalà M., Guidi A. (2015) *Cognitive processing*, no. 16 (1), pp. 175—178. Available at: http://www.academia.edu/15275161/Onomatopoeias_a_new_perspective_around_space_image_schemas_and_phoneme_clusters_DOI_10.1007_s10339-015-0693-x_Papers, accessed 16.09.2020.
20. *Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache des 20. Jh.* [The Digital Dictionary of the German Language of the 20th Century]. Available at: <http://www.dwds.de>, accessed 16.09.2020.
21. Dornseiff F., Quasthoff U., Wiegand H. E. (2004) *Der deutsche Wortschatz nach Sach-gruppen* [The German vocabulary according to subject groups]. Berlin, New York, de Gruyter. 933 p.
22. Duden. *Deutsches Universalwörterbuch* [German universal dictionary]. Available at: <http://www.duden.de>, accessed 16.09.2020.
23. Sidhu D. M., Pexman P. M. (2018) *Psychonomic Bulletin & Review*, no. 25 (5), pp. 1619—1643. Available at: <https://link.springer.com/content/pdf/10.3758%2Fs13423-017-1361-1.pdf>, accessed 16.09.2020.
24. Tzeng Ch. Y., Nygaard L. C., Namy L. L. (2016) *Cognitive Science*. Available at: https://www.researchgate.net/publication/311982476_The_Specificity_of_Sound_Symbolic_Correspondences_in_Spoken_Language, accessed 16.09.2020.